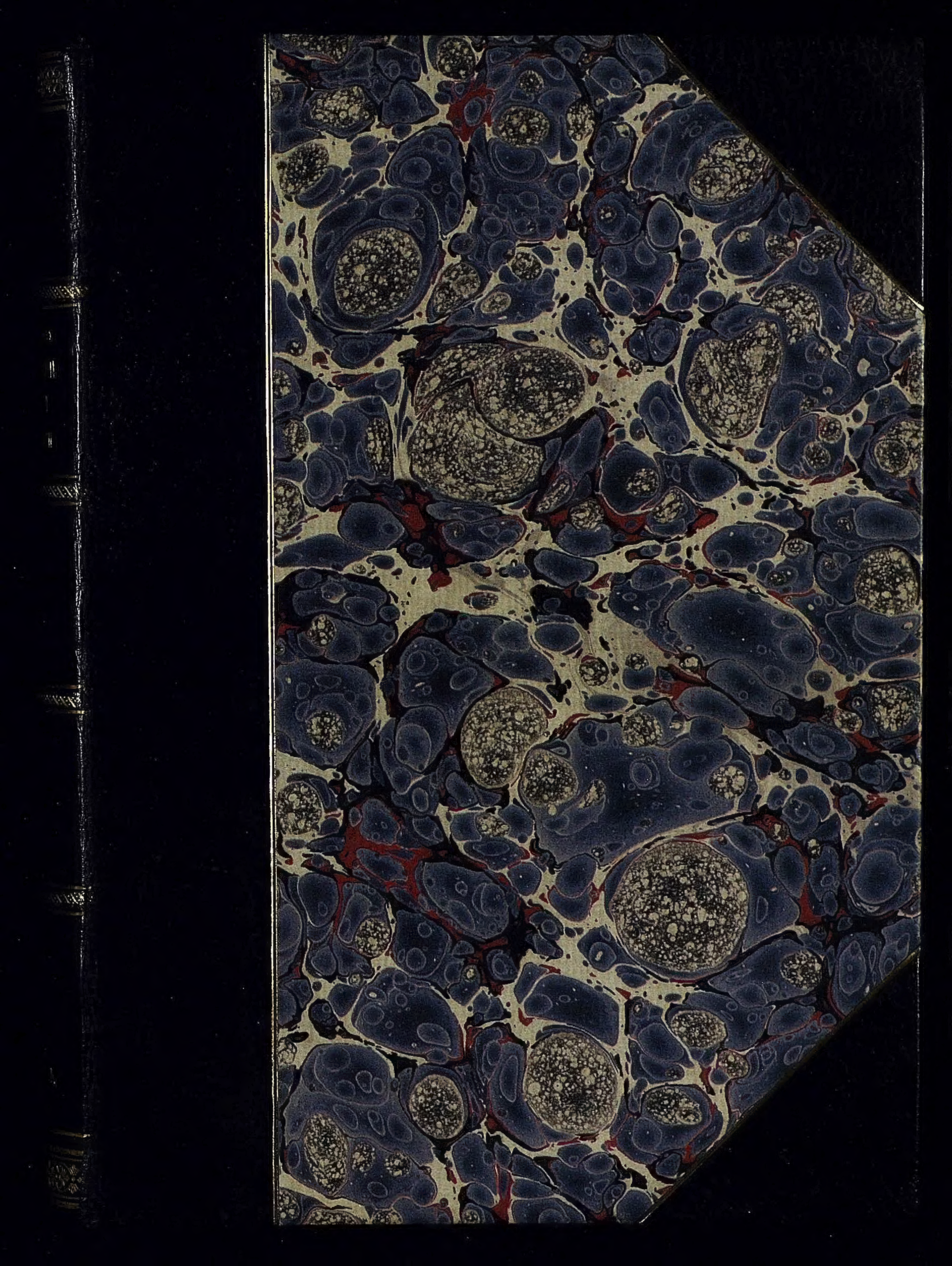
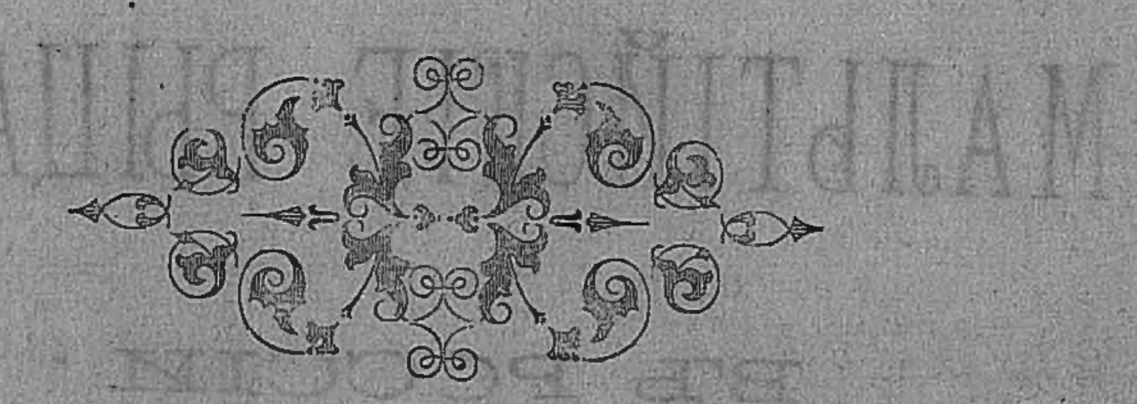

АНТИКВАР
ПЕТРОПОЛЬ
925-04-74
ПЕРЕПЛЕТНАЯ

МАЛЬТІЙСКІЕ РЫЦАРИ
ВЪ РОССІИ

Складъ изданія у Ивана Григорьевича Никифорова. Канонерская улица, домъ № 5, кв. 2-й, въ С.-Петербургѣ.

Славянская Печатня И. В. Вернадскаго, Гороховая, д. № 46.

МАЛЬТІЙСКІЕ РЫЦАРИ
ВЪ РОССІИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ

ИМПЕРАТОРА ПАВЛА ПЕРВАГО.

ЕВГЕНІЯ КАРНОВИЧА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1880.

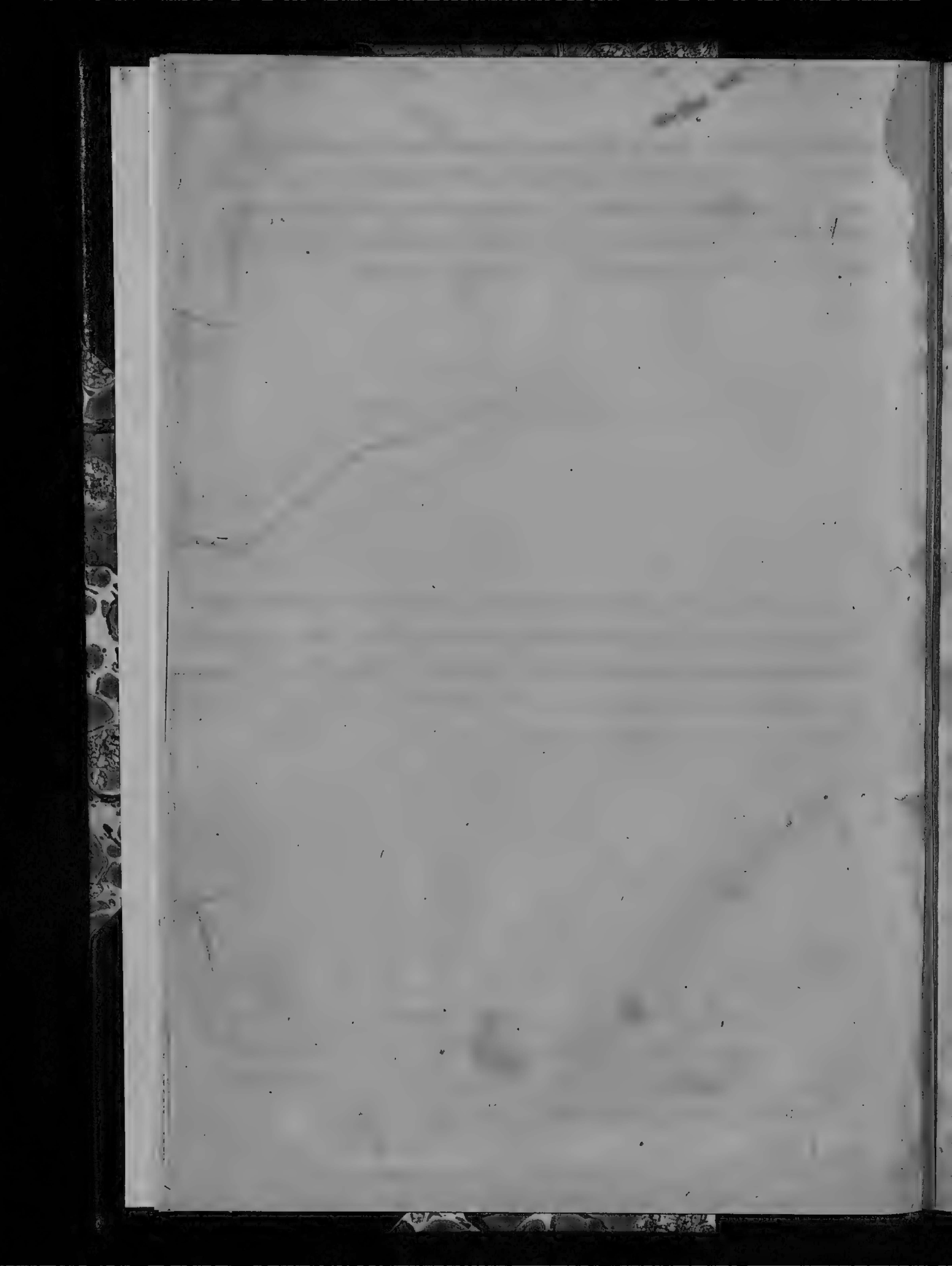
ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Время, къ которому относится настоящій разсказъ, принадлежитъ не только къ замѣчательнымъ, но и къ своеобразнымъ эпохамъ нашей исторіи. При революціонныхъ движеніяхъ, охватившихъ Западъ Европы, Россія, тогда не только поддерживала тамъ прежній политическій порядокъ, но и явилась защитницею римско-католической церкви. Учрежденія, ревностно служившія интересамъ этой церкви—орденъ іезуитскій и орденъ мальтійскій, не только нашли радушный пріемъ въ столицѣ православнаго государства, но и начали вліять въ значительной степени на внѣшнюю политику Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти и на внутренній нашъ порядокъ. Въ то же время іезуиты явились наставниками той среды русскаго юношества, передъ которой преимущественно должно было открыться впослѣдствіи обширное поле государственной дѣятельности. Такое странное положеніе дѣлъ установилось у насъ не постепенно, но совершенно неожиданно, вслѣдствіе личнаго образа дѣйствій императора Павла Петровича. При неумѣлости

окружавшихъ его лицъ направлять государственныя дѣла, при пылкомъ его воображеніи, перемѣнчивомъ характерѣ, религіозномъ настроеніи и готовности къ великодушно-политическимъ порывамъ, главный представитель іезуитизма, патеръ Груберъ, пріобрѣлъ своею ловкостію и смѣлостію такое могущественное вліяніе, передъ которымъ въ изумленіи отступили русскіе вельможи. Мальтійскіе рыцари и французскіе эмигранты явились также дѣятельными участниками въ политическихъ интересахъ Россіи.

Авторъ этого разсказа, желая оставаться вѣрнымъ исторіи, попытался представить эту замѣчательную эпоху отчасти въ повѣтствовательной, отчасти въ драматической формѣ, и позволилъ себѣ вывести только нѣсколькихъ неисторическихъ личностей, которыя, такъ сказать, являясь какъ бы представителями того времени, высказывали бы господствовавшія тогда мнѣнія въ нашемъ обществѣ и толки ходившіе въ народѣ. Для объясненія въ нѣкоторыхъ случаяхъ хода политическихъ дѣлъ, въ разсказъ введенъ авторомъ и романическій элементъ— любовь графа Литта къ Скавронской, но и это обстоятельство исторически совершенно вѣрно. Изображая же такихъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, какими являются императоръ Павелъ, аббатъ Груберъ, митрополитъ Сестренцевичъ, графы: Кутайсовъ, Паленъ и нѣкоторыя другія, г. Карновичъ строго держался историческихъ данныхъ, не допуская при этомъ никакихъ собственныхъ вымысловъ и произвольныхъ прикрасъ. Во внѣшней же обстановкѣ выдержана всевозможная историческая точность, такъ что тотъ, кто прочитаетъ сочиненіе г. Карновича «Мальтійскіе рыцари въ Россіи», ознакомится въ главныхъ чертахъ со всѣмъ, что заключается въ

историческихъ документахъ современныхъ этой эпохѣ, а также и въ запискахъ частныхъ лицъ какъ изъ русскихъ, такъ и изъ иностранцевъ, и познакомится со всѣмъ тѣмъ, чтб, по не отдаленности еще той поры отъ нынѣшняго времени, могло появиться въ нашей печати.

МАЛЬТІЙСКІЕ РЫЦАРИ ВЪ РОССІИ

I.

Въ просторной комнатѣ, предназначенной, какъ можно было заключить по всей ея обстановкѣ, для учебныхъ занятій, сидѣлъ у стола, наклонившись надъ книгою, мальчикъ, лѣтъ тринадцати — четырнадцати. Наружность его не отличалась не только красотою, но даже и миловидностью, и лишь откровенный взглядъ его темно-сѣрыхъ глазъ и добродушная улыбка, проявлявшаяся по временамъ на его губахъ, дѣлали пріятнымъ его дѣтское лицо и ослабляли то выраженіе надменности и задора, какое придавалъ его физіономіи широкій и вздернутый къ верху носъ. На этомъ мальчикѣ были надѣты: суконный, коричневый кафтанчикъ, французскаго покроя, съ полированными стальными пуговицами; такого-же цвѣта короткое исподнее платье, бѣлый казимировый камзолъ и кожаные черные башмаки, съ высокими каблуками и большими стальными пряжками. Его свѣтлорусые волосы, зачесанные вверхъ надъ лбомъ, были распущены по плечамъ. Чистота одежды, бѣлизна камзола, свѣжесть плоеннаго коленкороваго воротничка и такихъ-же манжетъ, выпу-

щенныхъ изъ-подъ рукавовъ, показывали, что за этимъ мальчикомъ былъ тщательный домашній уходъ.

Облокотясь локтями на столъ и подперевъ ладонями щеки, онъ внимательно, хотя и быстро, читалъ въ полголоса лежавшую передъ нимъ объемистую книгу. По временамъ, лицо его замѣтно одушевлялось, глаза начинали блестѣть, и онъ то задумывался надъ книгою, какъ-будто припоминая и соображая что-то, то снова, съ усиленнымъ вниманіемъ, принимался перечитывать только-что прочитанное имъ. Видно было, что содержаніе книги чрезвычайно занимало его. Иногда онъ, съ нервною живостью, дѣлалъ на страницахъ ея отмѣтки ногтемъ, а иногда, отрывая отъ лежавшаго предъ нимъ листа бумаги клочки, клалъ ихъ, какъ памятные знаки, между страницами читаемой имъ книги. Замѣтно, впрочемъ, было, что не только книга сама по себѣ возбуждала его любопытство, но что, вмѣстѣ съ тѣмъ, вниманіе его привлекали къ себѣ и находившіеся въ ней, превосходно гравированные, портреты; на нѣкоторые изъ нихъ онъ засматривался подолгу.

Портреты эти изображали какихъ-то старцевъ и пожилыхъ мужчинъ. Однѣ изъ изображенныхъ на портретахъ особъ были въ рыцарскихъ доспѣхахъ, другія въ широкихъ мантіяхъ, третьи въ одеждахъ, похожихъ, по покрою, на подрясники, съ большими на нихъ осьмиконечными крестами на груди. Оставляя на нѣсколько минутъ чтеніе, мальчикъ торопливо перелистывалъ книгу, чтобы взглянуть поскорѣе на портреты, и тогда передъ глазами его начинали мелькать то суровыя, то добродушныя, то воинственныя, то надменныя, то смиренныя лица. Одни изъ изображенныхъ на портретахъ витязей были съ огромными старческими лысинами, другіе съ взъерошенными вверхъ, коротко остриженными, волосами, третьи съ длинными

кудрями или съ повисшими внизъ долгими прядями волосъ. Были тутъ и бородатые, и безбородые. Короче сказать, коллекція портретовъ представляла чрезвычайное разнообразіе, какъ въ отношеніи физіономій, такъ и въ отношеніи одеждъ. Подъ портретами виднѣлись гербы, увѣнчанные коронами, шлемами и кардинальскими шапками, осѣненные херувимами и знаменами, украшенные военными трофеями и обвитые лавровыми и пальмовыми вѣтвями.

На заглавномъ листѣ этой книги значилось: «Histoire des Chevaliers Hospitaliers de St. Jean de Jerusalem, appellés depuis les Chevaliers de Rhôdes et aujourd'hui les Chevaliers de Malte. Par M-r l'Abbé Vertot d'Auboeuf de l'Academie des Belles-Lettres, MDCCXXVI», т. е. «Исторія гостепріимныхъ рыцарей святого Іоанна Іерусалимскаго, называвшихся потомъ родосскими, а нынѣ мальтійскими рыцарями. Сочиненіе г. аббата Верто д'Обефа, члена академіи изящной словесности».

Книга аббата Верто, въ теченіи долгаго времени, пользовалась среди образованной европейской публики большою извѣстностію и замѣчательнымъ успѣхомъ. Аббатъ, не смотря на преклонность своихъ лѣтъ, на носимое имъ духовное званіе и на принадлежность къ мальтійскому ордену, отрѣшился въ своемъ сочиненіи отъ усвоенныхъ изстари пріемовъ при составленіи книгъ подобнаго рода. Онъ отвергъ всѣ легендарныя сказанія, переходившія, безъ всякой повѣрки, черезъ длинный рядъ вѣковъ отъ одного поколѣнія къ другому и гласившія о непосредственномъ участіи Господа и его святыхъ угодниковъ какъ въ военныхъ подвигахъ, такъ равно и въ обиходныхъ дѣлахъ мальтійскаго рыцарскаго ордена. Сомнительно отзывался аббатъ о чудесахъ, совершенныхъ будто-бы свыше во славу и на пользу этого духовно-воинственнаго учрежденія, и прямо заявлялъ, что

считаетъ произведеніемъ праздной фантазіи такіе несбыточные разсказы, какъ, напримѣръ, разсказъ о томъ, что однажды трое благородныхъ рыцарей, по усерднымъ молитвамъ ихъ, перенесены были, какою-то невидимою силою, въ одну ночь, изъ Египта на ихъ отдаленную родину—въ Пикардію. За подобное, слишкомъ смѣлое, отрицаніе чудесъ, проявлявшихся въ былые вѣка, среди боголюбиваго и благочестиваго рыцарства, добросовѣстный Верто получилъ прозваніе «аббата революцій», а книга его, по распоряженію римской куріи, подпала «sub index», т.-е. была внесена въ списокъ книгъ нечестивыхъ, крайне-опасныхъ для вѣрующихъ, а потому подверглась строгому гоненію со стороны римско-католическихъ церковныхъ властей. Между тѣмъ, эти-то именно преслѣдованія и доставили книгѣ аббата Верто громадную извѣстность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и множество самыхъ усердныхъ читателей.

Очистивъ исторію рыцарства отъ легендъ, не имѣвшихъ очень часто даже простодушной прелести, навѣваемой игрою слишкомъ пылкаго воображенія, но прямо ударявшихъ въ глаза беззастѣнчивостію вымысла — аббатъ Верто, тѣмъ не менѣе, въ несомнѣнно-достовѣрныхъ сказаніяхъ мальтійскаго ордена нашелъ яркія краски для изображенія дѣйствительной жизни этого древняго учрежденія. Картинно и краснорѣчиво, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и правдиво, разсказалъ онъ въ своей книгѣ о судьбѣ рыцарей, подвизавшихся во имя Іоанна Крестителя, съ самыхъ первыхъ дней ихъ появленія въ Іерусалимѣ, когда они, будучи еще монахами, промѣняли монастырь на страннопріимный домъ для безмезднаго служенія тамъ страждущимъ и недугующимъ богомольцамъ. На попеченіе ихъ стали поступать бѣдные и больные пилигримы, приходившіе издалека, со всѣхъ сторонъ, въ Іерусалимъ на поклоненіе гробу Господню. Но

подвиги смиренно-монашествующей братіи не отраничивались только сердоболіемъ, и когда въ обѣтованной землѣ, послѣ нѣкотораго затишья, наступила снова борьба христіанъ съ невѣрными, то монахи-іоанниты стали браться за оружіе и мужественно сражались съ врагами Креста. Такимъ образомъ они успѣли соединить милосердіе съ воинственностію, а ихъ духовный и въ то-же время рыцарскій орденъ вскорѣ снискалъ себѣ повсюду громкую извѣстность и пріобрѣлъ безграничное уваженіе со стороны всего западнаго христіанства.

Число рыцарей іоаннитскаго ордена съ каждымъ годомъ увеличивалось и наличныхъ его членовъ было уже достаточно не только для того, чтобы исполнять первоначальныя обязанности по призрѣнію странниковъ, но и для того, чтобы выставлять на боевое поле значительную вооруженную силу. Кромѣ того, уничтоженіе въ 1312 году королемъ французскимъ, Филиппомъ-Красивымъ, ордена тампліеровъ, или храмовниковъ, имѣвшихъ также сперва мѣстопребываніе въ Іерусалимѣ, а потомъ перебравшихся во Францію, возвысило іоаннитскій орденъ, не встрѣчавшій уже себѣ соперника среди рыцарства. Въ число членовъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго началъ поступать цвѣтъ европейскаго дворянства, и вскорѣ орденъ изъ первоначальной монашеской общины обратился въ самостоятельное государство, успѣвъ завоевать для себя островъ Родосъ. Онъ началъ теперь именовать себя «державнымъ» орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго, и титулъ этотъ признали за нимъ всѣ монархи. Онъ вступалъ въ международные договоры со всѣми государствами, какъ равный съ равными, велъ, отъ своего имени и своими вооруженными силами, войны съ врагами христіанства и, устроивъ на Средиземномъ морѣ значительный флотъ, направилъ свои усилія на истребленіе пиратовъ, имѣвшихъ притоны

на сѣверныхъ берегахъ Африки. Верховный представитель державнаго ордена святого Іоанна Іерусалимскаго, носившій званіе гросмейстера, или великаго магистра, а также «стража Іерусалимскаго гостинаго дома» и «блюстителя рати Христовой», былъ торжественно избираемъ на всю жизнь изъ среды знатныхъ и доблестныхъ рыцарей этого ордена. Въ своемъ высокомъ санѣ онъ признавался—какъ и природные монархи—государемъ, властвующимъ «Божіею милостію», и пользовался почти такою-же обширною властью и такимъ-же высокимъ почетомъ, какіе въ то время присвоены были независѣвшимъ ни отъ кого европейскимъ государямъ. Великіе магистры о принятіи ими надъ орденомъ верховной власти извѣщали, чрезъ нарочныхъ пословъ, европейскихъ государей, которые, при своемъ вступленіи на престолъ, въ свою очередь, оказывали имъ такое-же вниманіе. Рыцари-іоанниты въ отношеніи къ великому магистру считались подданными; они приносили ему присягу въ вѣрности и послушаніи, а въ церковной службѣ имя великаго магистра провозглашалось, какъ имя царствующаго государя. Знаками его власти были: корона, «кинжалъ вѣры» или мечъ и государственная печать съ его изображеніемъ. Въ ознаменованіе-же двойственнаго своего владычества — духовнаго и свѣтскаго, онъ имѣлъ титулъ «Celsitudo eminentissima», т.-е. преимущественнѣйшаго или преосвященнѣйшаго высочества.

Мало-по-малу, прежняя община монаховъ-іоаннитовъ преобразовалась окончательно въ военно-рыцарскій орденъ, сохраняя, однако, въ теченіи многихъ вѣковъ, отпечатокъ своего первоначальнаго монашескаго происхожденія. Члены ордена, какъ и вообще всѣ монашествующіе, приносили обѣтъ послушанія, безбрачія и нищеты. Вступая въ орденъ, они отрекались отъ своего имущества или въ пользу своихъ на-

слѣдниковъ, или—что обыкновенно бывало—въ пользу орденской братіи, и хотя впослѣдствіи они могли пріобрѣтать имѣнія, но не имѣли уже права располагать ими по духовному завѣщанію, и имѣнія эти—послѣ смерти ихъ владѣльцевъ-рыцарей — дѣлались достояніемъ ордена. Іоанниты, на первыхъ порахъ своего существованія, держали себя безупречно. Они жили не только скромно и просто, но даже и убого, употребляя все свое имущество на помощь страждущимъ ближнимъ, на украшеніе храмовъ и на борьбу съ врагами христіанства. Но прежній суровый бытъ монаховъ-рыцарей началъ постепенно измѣняться: собранныя орденомъ имущества и постоянно приливавшія въ его казну богатства поколебали давнія суровыя добродѣтели; а великіе магистры, считаясь владѣтельными особами и подражая имъ, стали жить съ королевскою пышностію: Тяжелые, желѣзные доспѣхи іоаннитовъ прежняго времени были замѣнены у изнѣжившихся ихъ представителей XVIII вѣка модными французскими кафтанами изъ бархата и шелка; на головахъ ихъ, вмѣсто грузныхъ стальныхъ шлемовъ и черныхъ клобуковъ, появились щегольскіе береты съ разноцвѣтными перьями, модные парики съ пудренными локонами и изящныя трехуголки съ плюмажемъ, съ золотыми галунами и брилліантовыми аграфами, а грубые ремни, поддерживавшіе рыцарскую броню, были замѣнены уборами изъ батиста и кружевъ. Обычный свой нарядъ — красные супервесты и черныя мантіи съ нашитыми на нихъ крестами изъ бѣлаго полотна — рыцари-іоанниты надѣвали только въ торжественныхъ случаяхъ, т.-е. такъ рѣдко, что не узнавали другъ друга, собираясь вмѣстѣ въ этомъ заброшенномъ ими стародавнемъ нарядѣ.

Орденъ все болѣе и болѣе отступалъ отъ своихъ древнихъ

учрежденій, и въ прошломъ столѣтіи съ названіемъ рыцаря іоаннитскаго или мальтійскаго ордена неразрывно было связано понятіе о дворянинѣ хорошаго стариннаго рода, съ порядочнымъ наслѣдственнымъ состояніемъ. На іоаннитовъ стали смотрѣть, какъ на людей свѣтскихъ, думавшихъ о веселой жизни, а не какъ на монаховъ-рыцарей, посвятившихъ свою жизнь подвигамъ благотворенія, да труднымъ и опаснымъ походамъ противъ невѣрныхъ и морскихъ разбойниковъ. Несмотря, однако, на все это, орденскій уставъ, хотя и не соблюдаемый строго даже въ существенныхъ его статьяхъ, носилъ еще на себѣ отпечатокъ рыцарства былыхъ временъ.

Къ началу XVIII вѣка рыцарство вездѣ уже отжило свое время. Религіозныя его основы не составляли никакой приманки для людей набожныхъ, которые стали предпочитать монастырское спокойствіе бурной рыцарской дѣятельности, а дворянство, жаждавшее боевой славы, начало искать ее не въ рыцарскихъ орденахъ, а подъ знаменами могущественныхъ государей и подъ предводительствомъ прославившихся полководцевъ. Тѣмъ не менѣе, сказанія о былой жизни рыцарей вообще и преимущественно столь знаменитыхъ, какими считались рыцари мальтійскаго ордена, покрывшіе себя славою военныхъ подвиговъ и на сушѣ, и на морѣ, могли еще впечатлительно дѣйствовать на молодое, слишкомъ пылкое, воображеніе. Рыцари этого ордена были озарены блескомъ воинскихъ доблестей и геройскихъ дѣяній, совершенныхъ ихъ предшественниками; они жили на счетъ былой славы своего ордена, и надобно отдать справедливость ученому аббату Верто, что онъ, какъ нельзя лучше, воспользовался бывшими подъ его руками матеріалами для того, чтобы написать самую увлекательную исторію изъ временъ исчезнувшаго рыцарства.

Проходилъ обычнымъ чередомъ годъ за годомъ послѣ того, какъ бѣлокурый мальчикъ съ такимъ вниманіемъ читалъ книгу аббата, но навѣянныя на него этимъ чтеніемъ впечатлѣнія и думы не изгладились изъ его памяти. Увлеченіе, такъ сильно его охватившее, не оставляло его окончательно и въ ту пору, когда онъ сперва перешелъ въ юношество, а потомъ и въ возмужалые годы. Все, что касалось судьбы полюбившихся ему мальтійскихъ рыцарей, постоянно занимало и живо затрогивало его, и, наконецъ, ему представилась возможность принять въ ней самое дѣятельное участіе послѣ того, какъ въ ночь съ 6 на 7 ноября 1796 года въ лицѣ его явился Павелъ I, императоръ и самодержецъ всероссійскій...

II.

Немного встрѣчается въ исторіи лицъ, стоявшихъ на недосягаемой высотѣ надъ общимъ уровнемъ человѣчества, судьба которыхъ была-бы такъ печальна, какъ судьба императора Павла I: во всю свою жизнь онъ собственно былъ страдальцемъ, мученикомъ своего высокаго жребія. Едва сталъ онъ приходить въ дѣтское сознаніе, какъ все окружающее начало раздражать и волновать его воспріимчивую душу. Все способствовало къ тому, чтобы изъ этой личности, не только мягкой и доброй, но даже и великодушной, вышелъ впослѣдствіи человѣкъ, отличавшійся суровостью, измѣнчивостью и, въ-добавокъ, чрезвычайными странностями и причудами, такъ-что онъ въ различное время былъ какъ-будто совершенно разнымъ чело-

вѣкомъ. Если, однако, вникнуть во всѣ обстоятельства, сопровождавшія дѣтство, юношескіе годы и даже зрѣлый возрастъ великаго князя Павла Петровича, то достаточно объяснится та загадочность характера, какою отличалась эта, во многихъ отношеніяхъ, далеко не дюжинная личность.

Всѣ лица, оставившія послѣ себя записки или замѣтки объ императорѣ Павлѣ, единогласно свидѣтельствуютъ объ его умѣ и благородныхъ порывахъ. Ученый Лагарпъ—этотъ честный республиканецъ, на свидѣтельство котораго можно положиться—между прочимъ, писалъ: «Я съ сожалѣніемъ разстался съ этимъ государемъ, который имѣлъ столь высокія достоинства. Кто-бы мнѣ сказалъ тогда, что онъ лишитъ меня моего скромнаго пенсіона и предоставитъ меня ужасамъ нужды? И, тѣмъ не менѣе, повторяю, что этотъ человѣкъ, котораго строго будетъ судить безпристрастное потомство, былъ великодушенъ и обладалъ источникомъ всѣхъ добродѣтелей».

Императрица Елизавета Петровна была чрезвычайно обрадована рожденіемъ Павла, какъ наслѣдникомъ престола. Она устранила его мать отъ всякой о немъ заботы и взяла его на непосредственное свое попеченіе. Сперва она нѣжила своего двоюроднаго внука, забавлялась и тѣшилась имъ по цѣлымъ днямъ. Но даже и подъ самымъ тщательнымъ надзоромъ императрицы, женщины, не имѣвшей никакого понятія о первыхъ потребностяхъ правильнаго воспитанія, великій князь не могъ находиться въ тѣхъ условіяхъ, которыя благопріятно дѣйствовали-бы на ребенка. Вскорѣ, однако, на долю его выпала еще худшая участь. При непостоянномъ своемъ характерѣ, императрица совершенно охладѣла къ взятому на ея попеченіе малюткѣ и передала его въ безотчетное завѣдываніе дворцовыхъ приживалокъ. О томъ, какъ тогда было мало за нимъ даже

такого ухода, какой имѣется за дѣтьми въ обыкновенныхъ семьяхъ, можно заключить уже изъ того, что будущій наслѣдникъ русскаго престола вывалился однажды изъ люльки и проспалъ на полу цѣлую ночь, никѣмъ не замѣченный. Няньчившія Павла Петровича женщины имѣли на него самое вредное вліяніе. Отъ этихъ приставницъ привились къ нему суевѣріе и предразсудки, а ихъ вздорныя росказни дали ложное направленіе и умственному, и нравственному его развитію, и трудно было ему и впослѣдствіи совершенно освободиться отъ всего, что было навѣяно на него глупыми пѣстунами во время его дѣтства. Ихъ нелѣпыя бредни разстроивали его необыкновенно-пылкое воображеніе; отъ нихъ научился онъ вѣрить въ сны, примѣты и гаданья. Одиночество въ потемкахъ нагоняло на него даже и въ зрѣлые годы ту безсознательную и непреодолимую боязнь, какую испытываютъ дѣти, запуганныя вымыслами о мертвецахъ, привидѣніяхъ и домовыхъ. Впрочемъ, не одни только фантастическіе страхи смущали его: при блескѣ молніи и при ударахъ грома, болѣзненный и слабый ребенокъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, и боязливое его настроеніе иногда доходило до того, что даже скрипъ внезапно отворенной двери, или неожиданный стукъ или шорохъ, приводилъ его въ нервный трепетъ.

Пугая ребенка и мохнатымъ, разгуливающимъ по ночамъ, чертомъ съ хвостомъ, когтями и рогами, и Бабой-Ягой съ костяной ногой, и богоугодившимъ пророкомъ Иліею, разъѣзжавшимъ лѣтомъ по небесамъ въ огненной колесницѣ, мамы и няньки добавляли къ этимъ личностямъ, устрашавшимъ ребенка, и императрицу Елизавету Петровну. Онѣ застращивали ею малютку словно какимъ-то пугаломъ, и Павелъ боялся приблизиться къ ней; онъ не шелъ на ея зовъ и ревѣлъ благимъ матомъ, когда его насильно подводили къ бабушкѣ, желавшей

порою погладить его по головкѣ. Вообще, запугиваніе не одними мертвецами, но живыми людьми, было въ обычаѣ воспитательницъ Павла, и оно породило въ немъ ту одичалость и ту непривычку къ незнакомымъ людямъ, которыя онъ всегда преодолѣвалъ съ большимъ усиліемъ надъ собою, хотя отъ природы былъ скорѣе общителенъ, нежели нелюдимъ.

При императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, не обращавшей никакого вниманія на образованіе своего двоюроднаго внука, обученіе его началось довольно страннымъ способомъ. Первымъ наставникомъ его былъ Ѳедоръ Дмитріевичъ Бехтѣевъ, объ учености и педагогической опытности котораго говорить много не приходится. Въ ту пору грамота считалась дѣломъ куда-какъ труднымъ и замысловатымъ, и потому радѣвшіе о своихъ ученикахъ наставники старались, по возможности, услащать горькій корень ученія примѣнительно къ забавамъ дѣтскаго возраста. Въ свою очередь, Бехтѣевъ надоумился учить Павла Петровича посредствомъ деревяныхъ и оловяныхъ куколокъ, изображавшихъ собою мушкатеровъ, гренадеровъ и разнаго рода представителей воинской силы и боевой славы. Всѣ эти солдатики были помѣчены или буквами русской азбуки, или цифрами. Усѣвшись за учебный столъ, Бехтѣевъ приказывалъ своему ученику ставить солдатиковъ то по-парно, то въ шеренги, то по-взводно, и при такой постановкѣ сперва выучилъ онъ помѣченные на куколкахъ «азъ», «буки», «вѣди» и т. д., а потомъ научился составлять изъ солдатиковъ склады, слоги, слова и цѣлыя реченія. Точно такъ-же примѣнялось строевое расположеніе игрушечныхъ солдатиковъ и къ заучиванію «цифири», а затѣмъ и къ первымъ правиламъ ариѳметики.

Вообще, такое воспитаніе Павла Петровича продолжалось довольно долго. Обстановка его измѣнилась, однако, когда къ

нему былъ приставленъ, въ качествѣ главнаго воспитателя, графъ Никита Ивановичъ Панинъ, одинъ изъ первыхъ вельможъ той поры, человѣкъ, пользовавшійся общею извѣстностью за умъ, образованность, честность и стойкость убѣжденій. Когда разнесся слухъ объ этомъ назначеніи, мамки и няньки, окружавшія великаго князя, начали ахать, охать и хныкать о своемъ «сердешномъ» и, вмѣстѣ съ тѣмъ, принялись стращать малютку Панинымъ. Въ застращиваніи этомъ онѣ до того успѣли, что, при первомъ появленіи своего новаго воспитателя, ребенокъ поблѣднѣлъ, затрясся, растерялся и бросился опрометью изъ комнаты. Не мало стоило Панину труда приручить къ себѣ маленькаго дикаря. Онъ началъ съ того, что немедленно прогналъ изъ покоевъ наслѣдника весь многочисленный, состоявшій при немъ, бабій штатъ, который до такой степени былъ неразлученъ съ великимъ княземъ, что даже постоянно обѣдалъ съ нимъ за однимъ столомъ, причемъ приставницы, изъ нѣжности къ ребенку, закармливали его чрезъ мѣру чѣмъ ни попало.

— Уморитъ онъ нашего голубчика! заголосили сердобольныя мамы и няни:—и покушать-то не дастъ ему въ-волю, и «учебою» затомитъ его, сердешнаго, до смерти...

Новый воспитатель не обращалъ на эти сѣтованія никакого вниманія и съ перваго-же разу, что называется, подтянулъ своего питомца. Теперь избалованный мальчикъ услышалъ строгій и рѣшительный голосъ своего наставника. Панинъ не стѣснялся съ нимъ нисколько, ворчалъ, журилъ его и даже прикрикивалъ на него и отдавалъ ему приказанія съ тою рѣзкостью, какая впослѣдствіи слышалась въ повелѣніяхъ самого императора Павла. Тяготясь надзоромъ Панина, великій князь тужилъ о той свободѣ и о томъ привольѣ, какими

онъ пользовался прежде подъ охраною женщинъ, и со слезами на глазахъ вспоминалъ своихъ прежнихъ снисходительныхъ приставницъ.

Вскорѣ, однако, онъ нашелъ снисходительность, доходившую до неумѣстной слабости, въ помощникѣ Панина, въ молодомъ и хорошо-образованномъ офицерѣ, Семенѣ Андреевичѣ Порошинѣ. Въ системѣ воспитанія великаго князя произошли теперь многія измѣненія. Такъ, прежнія фантастическія затрацивания замѣнились совершенно иными, для осуществленія которыхъ воспитатели употребляли даже не совсѣмъ благовидныя средства—подлогъ и обманъ. Удерживая Павла отъ дурныхъ наклонностей и поступковъ, они говорили ему, что вся Европа наблюдаетъ за нимъ, что во всѣхъ государствахъ знаютъ о каждомъ его поступкѣ, недостойномъ его высокаго сана, такъ-какъ объ этомъ немедленно будетъ напечатано въ иностранныхъ газетахъ. Чтобы увѣрить его въ этомъ, по временамъ, печаталось нарочно нѣсколько экземпляровъ заграничныхъ вѣдомостей, въ которыхъ были помѣщены, въ видѣ сообщеній изъ Петербурга, свѣдѣнія объ образѣ жизни наслѣдника, его занятіяхъ науками, играхъ и шалостяхъ. Эти подложныя газеты давались ему для прочтенія, и ребенокъ, обманываемый такимъ хитрымъ способомъ, къ удовольствію своихъ приставниковъ, изъ чувства самолюбія, старался вести себя, какъ слѣдуетъ благовоспитанному мальчику, на котораго смотритъ вся Европа. Выдумка эта имѣла, однако, и дурное послѣдствіе: когда со временемъ продѣлка воспитателей открылась, то въ умѣ Павла вкоренилась мысль о томъ, до какой степени даже самые честные, повидимому, люди, окружающіе высокихъ особъ, бываютъ способны на хитрости и обманы и, разумѣется, такое убѣжденіе могло

вліять на развитіе той подозрительности, какою отличался императоръ Павелъ, и которая была такъ тяжела и для него самого, и для его окружающихъ.

Умственное образованіе великаго князя, подъ надзоромъ Панина, шло успѣшно. Лучшіе наставники, какъ русскіе, такъ и иностранные, приглашены были преподавать наслѣднику науки по обширной и разнообразной программѣ. Собственно для него была составлена богатая библіотека, наполненная преимущественно роскошными иллюстрированными изданіями. Въ учебной его комнатѣ находились: физическій кабинетъ, а также коллекціи монетъ и минераловъ. Не было забыто и развлеченіе физическимъ трудомъ, такъ-какъ въ его комнатѣ былъ поставленъ токарный станокъ, со всѣми принадлежностями этого ремесла. Верховая ѣзда, фехтованіе и танцы были предметами тщательнаго обученія. Короче сказать, онъ имѣлъ всѣ средства для того, чтобы получить превосходное, по тогдашнему времени, научное образованіе и должно сказать, что заботы Екатерины по этой части не прошли безслѣдно. Павелъ Петровичъ отличался способностями и любознательностію, онъ превосходно говорилъ по-французски, легко объяснялся по-нѣмецки, хорошо зналъ славянскій языкъ, а латинскій до такой степени, что читалъ въ подлинникѣ Горація и могъ вести на этомъ языкѣ отрывочные разговоры. Обученіе Павла Петровича не ограничивалось однимъ только чтеніемъ книгъ, но изъ нихъ онъ дѣлалъ выписки; привычку эту онъ сохранилъ и въ зрѣлые годы, прибавляя къ дѣлаемымъ имъ выпискамъ свои собственныя замѣчанія и разсужденія. Въ числѣ самыхъ любимыхъ его книгъ была «Исторія ордена святого Іоанна Іерусалимскаго или мальтійскаго», написанная аббатомъ Верто. Онъ прочелъ эту книгу нѣсколько разъ, и

не подлежитъ сомнѣнію, что подъ вліяніемъ ея слагались въ немъ тѣ рыцарскія понятія и та прямота, которыя такъ порывисто и такъ странно проявлялись у него даже среди самовластныхъ его распоряженій.

Согласіе между графомъ Панинымъ и его молодымъ помощникомъ продолжалось не долго. Павелъ нисколько не уважалъ мягкосердаго Порошина, забавлялся надъ нимъ, а между тѣмъ потворство воспитателя превосходило всякую мѣру. Вскорѣ Порошинъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, былъ удаленъ отъ великаго князя за слабость. Сохранилось, впрочемъ, извѣстіе, что истинной причиной его удаленія была какая-то невѣжливость, оказанная имъ фрейлинѣ, графинѣ Аннѣ Петровнѣ Шереметевой, на которой думалъ жениться Панинъ. Устраненіе Порошина имѣло невыгодное вліяніе на нравственное развитіе Павла, такъ-какъ ворчливый Панинъ дѣйствовалъ на него только строгостію и заботился только объ умственномъ его образованіи.

Обстановка великаго князя внѣ учебной комнаты не способствовала нисколько тому, чтобы его характеръ могъ принять хорошее и твердое направленіе. Первыя свои впечатлѣнія онъ получилъ среди того ханжества, которымъ отличался дворъ императрицы Елизаветы Петровны въ послѣдніе годы ея жизни, когда истинное религіозное чувство было замѣнено одною только обрядностью. Да и вообще воспоминанія Павла о первыхъ годахъ его жизни не представляли ничего ни отраднаго, ни поучительнаго. Въ кратковременное царствованіе Петра III онъ былъ совершенно забытъ; доходившій потомъ до него гулъ государственнаго переворота, замыселъ Мировича, московскій бунтъ—впечатлительно дѣйствовали на его воспріимчивую душу. Затѣмъ, въ день празднованія его

совершеннолѣтія и его брака съ великою княгинею Натальею Алексѣевною, въ Петербургѣ было получено первое извѣстіе о появленіи самозванца, подъ именемъ Петра III.

Никита Ивановичъ Панинъ, несмотря на многія прекрасныя качества, дѣлалъ при воспитаніи Павла множество ошибокъ. Страстный поклонникъ Фридриха Великаго и приверженецъ всего прусскаго, онъ допускалъ, чтобы все нѣмецкое хвалили предъ наслѣдникомъ въ ущербъ русскому. Онъ позволялъ лицамъ, окружавшимъ Павла, издѣваться надъ Петромъ Великимъ и осмѣивать простоту жизни этого государя. Павлу Петровичу разсказывали разные анекдоты, направленные къ уничиженію русскихъ. Такъ, ему передавали, что когда, однажды, Петръ I прибилъ палкою какого-то заслуженнаго генерала, то послѣдній принялъ посыпавшіеся на него удары съ особымъ благоговѣніемъ, сказавъ: «рука Господня прикоснулась меня!» Самъ Панинъ разсказывалъ великому князю, какъ фельдмаршалъ Шереметевъ отдулъ за кражу батогами какого-то дворянина, который послѣ этого съ благодарностію повторялъ, что съ него словно рукой сняло. При разсказахъ о такихъ расправахъ наслѣднику внушали, что «люди стали недотыки, что теперь дворянина нельзя выбранить, а прежде дули палочьемъ и никто не смѣлъ сказать слова». Внушали ему, что нѣтъ честныхъ людей, что всѣ—воры, а графъ Александръ Сергѣевичъ Строгоновъ изощрялъ свое остроуміе французскаго пошиба на то, чтобы выставлять передъ великимъ княземъ глупость русскаго народа. Между тѣмъ, всѣ разговоры, которые слушалъ Павелъ, не оставались безъ послѣдствій: они входили въ собственныя его воззрѣнія и сужденія и вселяли въ него недовѣріе къ достоинствамъ и способностямъ его будущихъ подданныхъ. Въ свою очередь, Панинъ любилъ «морализировать о непостоянствѣ и

легкомыслiи» и внушалъ Павлу, что «государю куражъ надобенъ».

Независимо отъ этого, все окружавшее Павла Петровича содѣйствовало съ одной стороны, раздраженiю его пылкаго воображенiя, а съ другой—усиленiю тѣхъ недостатковъ, которые впослѣдствiи сдѣлались отличительными чертами его характера.

Наконецъ, особенности положенiя Павла Петровича, какъ наслѣдника престола, и по отношенiямъ какъ къ матери, такъ и къ близкимъ ей лицамъ, вели къ тому, что характеръ его сложился на совершенно своеобразный ладъ, а затѣмъ быстрый переходъ изъ угнетеннаго положенiя къ неограниченному могуществу—когда каждое его слово дѣлалось закономъ—произвелъ въ немъ переворотъ, который не могъ не отразиться на его понятiяхъ и на образѣ его дѣйствiй.

III.

Чѣмъ болѣе мужалъ Павелъ Петровичъ, тѣмъ яснѣе сознавалъ онъ всю затруднительность и щекотливость своего высокаго положенiя. Отчужденный отъ всякаго участiя въ государственныхъ дѣлахъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, онъ былъ, при его кипучей природѣ, обреченъ на совершенную бездѣятельность. Онъ и его супруга, Марiя Ѳедоровна, имѣли великолѣпные апартаменты въ зимнемъ дворцѣ. Здѣсь происходили у нихъ праздничные выходы и торжественные прiемы по всѣмъ правиламъ, усвоеннымъ этикетомъ версальскаго двора. Здѣсь они нерѣдко давали пышные обѣды, вечера и балы. Для

лѣтняго пребыванія имъ былъ отданъ дворецъ на Каменномъ Островѣ. Но отношенія между великимъ княземъ и его матерью становились все болѣе и болѣе натянутыми, и, когда императрица подарила ему Гатчину, онъ перебрался туда на постоянное житье и только изрѣдка, да и то неохотно, являлся въ Петербургъ. Въ Гатчинѣ онъ жилъ, окруженный небольшимъ числомъ приближенныхъ лицъ, и въ то время, когда дворъ императрицы блисталъ великолѣпіемъ и роскошью и безпрестанно оживлялся торжествами и празднествами, наслѣдникъ престола нетолько жилъ уединенно въ своемъ подгородномъ имѣніи, но и нуждался въ денежныхъ средствахъ.

Полюбивъ тихую Гатчину и желая обстроить ее, онъ произвелъ большія затраты. Когда же началъ строить дворецъ въ Павловскѣ, то для покрытія требовавшихся при этомъ издержекъ, вынужденъ былъ входить въ долги, которые чрезвычайно озабочивали его. Кредиторы его, а также и разные подрядчики, подбиваемые недоброжелателями, подавали на него государынѣ жалобы за неплатежъ долговъ. По поводу этихъ жалобъ, ему приходилось выслушивать выговоры, упреки, внушенія и наставленія, такъ какъ императрица всегда съ крайнимъ неудовольствіемъ платила его долги. Однажды, Павелъ Петровичъ былъ до такой степени стѣсненъ кредиторами, что, преодолѣвъ свое самолюбіе, долженъ былъ обратиться съ просьбою о выдачѣ ему денегъ къ князю Потемкину, который, разумѣется, съ полною готовностью поспѣшилъ исполнить его просьбу, но эта-то притворная угодливость еще болѣе раздражила Павла Петровича. Великій князь, щедрый по природѣ, не имѣлъ матеріальныхъ средствъ, чтобы награждать заслуги и преданность окружавшихъ его лицъ, изъ которыхъ почти никто не имѣлъ своего собственнаго состоянія. Поэтому, вмѣсто подарковъ и налич-

ныхъ денегъ, онъ выдавалъ имъ векселя. Когда сроки этимъ векселямъ наступали, то обыкновенно бывало такъ, что для уплаты по нимъ, денегъ у Павла Петровича не было, и это ставило въ самое непріятное положеніе какъ его самого, такъ и того, кому былъ выданъ вексель. Конечно, люди, близко знавшіе великаго князя, могли и цѣнить его добрые порывы, и понимать ту неблагопріятную обстановку, въ какой онъ находился, но большинство лицъ, незнавшихъ сути дѣла, приходило къ заключеніямъ, подрывавшимъ нравственный и денежный кредитъ великаго князя. Выдавалось даже и такое время, что Павелъ Петровичъ не могъ имѣть хорошаго стола. Въ такіе тяжелые для него дни, нѣкто Петръ Хрисанфовичъ Обольяниновъ, служившій прежде въ провіантскомъ штатѣ, а потомъ состоявшій въ гатчинской командѣ великаго князя, приступалъ къ занятіямъ по своей прежней части, продовольствуя великаго князя кушаньями, приготовленными на его, Обольянинова, кухнѣ, подъ надзоромъ его жены, доброй женщины и заботливой хозяйки.

Если Павлу Петровичу нелегко было переносить разнаго рода матеріальныя лишенія, то еще тяжелѣе ему было переносить нравственныя страданія. Обращеніе Павла Петровича внѣ службы съ кѣмъ бы то ни было носило всегда на себѣ отпечатокъ той утонченной вѣжливости, какою вообще отличалось старинно-французское воспитаніе; всѣ свѣтскія приличія были соблюдаемы имъ нетолько съ образцовою строгостью, но и съ крайнею щепетильностью. Ни взглядъ, ни выраженіе лица, ни движеніе, ни голосъ Павла Петровича не выражали въ этомъ случаѣ никогда ничего непріятнаго или обиднаго для того, съ кѣмъ онъ велъ бесѣду. Замѣчательное его остроуміе не было направлено при этомъ къ тому, чтобы кольнуть или уязвить

кого нибудь, но, напротивъ, лишь къ тому, чтобы высказать какую нибудь неожиданную любезность или тонкую похвалу.

Павелъ Петровичъ нерѣдко обижался распоряженіями императрицы. Когда онъ, во время турецкой войны, просилъ у нея позволенія отправиться въ армію Потемкина въ скромномъ званіи волонтера, то Екатерина не дозволила ему этого, подъ предлогомъ скораго разрѣшенія отъ бремени его супруги и выражала опасеніе, что южный климатъ повредитъ его здоровью. Огорченный такими возраженіями, наслѣдникъ престола не безъ раздраженія спросилъ у матери:

— Что скажетъ Европа, видя мое бездѣйствіе въ военное время?

— Она скажетъ, что ты—послушный сынъ, спокойно и равнодушно отвѣчала императрица.

Павелъ Петровичъ понялъ, что послѣ такого отвѣта всѣ его домогательства и просьбы объ отпускѣ въ армію будутъ безполезны и, молча, покорился волѣ матери.

Въ началѣ шведской войны онъ опять просилъ у императрицы дозволить ему отправиться въ армію фельдмаршала графа Мусина-Пушкина. Императрица съ неудовольствіемъ выслушала заявленіе такого желанія, но, такъ какъ прежнихъ благовидныхъ поводовъ къ отказу не было, то она поневолѣ должна была согласиться на просьбу сына.

Дорого, однако, поплатился великій князь за данное ему позволеніе участвовать въ шведской войнѣ. Надобно сказать, что еще и прежде приближенныя къ императрицѣ лица, находившія или выгоду, или только удовольствіе въ несогласіяхъ между матерью и сыномъ, внушали Екатеринѣ, что чрезвычайно неудобно оставлять Павла Петровича владѣтельнымъ герцогомъ шлезвиг-голштинскимъ, такъ какъ, въ качествѣ самостоятель-

наго государя, онъ, достигнувъ зрѣлаго возраста, можетъ завести особыя сношенія съ европейскими дворами. Подъ вліяніемъ этихъ опасеній, Екатерина спѣшила покончить съ королемъ датскимъ дѣло объ отреченіи великаго князя отъ родовыхъ его правъ на герцогства голштинское и шлезвигское въ пользу Даніи. Такая же обидная подозрительность со стороны Екатерины къ Павлу Петровичу выразилась и во время шведской войны. До свѣдѣнія императрицы довели, что принцъ шведскій, Карлъ, ищетъ случая лично познакомиться съ Павломъ Петровичемъ и старается сблизиться съ нимъ. Этого было достаточно для возбужденія въ государынѣ самыхъ сильныхъ, хотя и вовсе неосновательныхъ подозрѣній, и Павелъ Петровичъ, къ крайнему его прискорбію, былъ немедленно отозванъ изъ арміи, дѣйствовавшей противъ шведовъ.

Огорченія его не окончились только этимъ. Послѣ шведской войны, императрица написала комедію, разъигранную въ 1789 году въ эрмитажѣ. Комедія эта носила названіе «Горе-Богатырь». Въ ней былъ выставленъ неразумный сынъ-царевичъ, просящійся у матери-царицы на войну. Мать отпустила его неохотно, а онъ, вмѣсто того, чтобъ удивлять всѣхъ своими храбрыми подвигами, только смѣшилъ непріятеля своимъ неумѣстнымъ и забавнымъ молодечествомъ. Богатырь этотъ прозывался Косометовичъ, потому что отецъ его, любившій играть въ свайку, косо металъ ее, почему его и прозвали Косометомъ. Говорили, что цѣль этой комедіи была осмѣять забавную удаль шведскаго короля Густава III, затѣявшаго неудачную войну съ Россіею, но всѣ частности этого насмѣшливаго произведенія, а между прочимъ намеки на царствующую мать и на неумѣлость отца-царевича заставляли думать, что комедія эта была направлена не на Густава III, а на Павла Петровича, и онъ имѣлъ

достаточно поводовъ принять на свой счетъ тѣ насмѣшки, которыми изобиловало произведенiе его матери.

Вообще, если присмотрѣться къ той обстановкѣ, среди которой вынужденъ былъ жить великiй князь, то окажется, что не было ничего удивительнаго, если онъ направилъ всю свою дѣятельность на строевое обученiе сформированнаго для него изъ морскихъ полковъ немногочисленнаго гатчинскаго гарнизона. Только въ отношенiи этого отряда войска онъ былъ полный хозяинъ, а, имѣя въ своемъ распоряженiи солдатъ, бывшихъ постоянно на мирномъ положенiи, онъ могъ заниматься съ ними лишь фронтовой ихъ выправкой и установленiемъ разныхъ мелочныхъ порядковъ по однообразной гарнизонной службѣ. Въ ту пору прусская армiя во всей Европѣ считалась, какъ считается она и теперь, образцомъ совершенства. Хотя она одерживала блестящiя побѣды собственно подъ предводительствомъ короля Фридриха-Великаго, весьма мало заботившагося о воинской выправкѣ и воинскихъ артикулахъ, тѣмъ не менѣе общiй голосъ военныхъ спецiалистовъ того времени признавалъ, что генiальный полководецъ не имѣлъ бы никогда такихъ успѣховъ на поляхъ битвы, еслибы не располагалъ армiею, тщательно обученною его предшественникомъ. Между тѣмъ, предшественникъ его, Фридрихъ-Вильгельмъ, былъ самый ревностный поборникъ солдатчины въ тѣсномъ значенiи этого слова, и для него потсдамскiй плац-парадъ былъ единственнымъ святилищемъ военной науки. Павелъ Петровичъ раздѣлялъ тогдашнiй взглядъ на великое значенiе фронтовой выучки, разводовъ, караульной службы, вахт-парадовъ и т. д. и потому, для своего гатчинскаго «модельнаго» войска онъ усвоилъ всѣ порядки, существовавшiе въ прусской армiи, и оказывалъ неусыпную, педантическую дѣятельность для водворенiя и развитiя ихъ въ гатчинской командѣ.

Онъ часто ходилъ мимо казармъ, и тогда всѣ должны были выходить оттуда, и бѣда была тому, кто не исполнялъ этого приказанія. Онъ съ балкона дворца смотрѣлъ въ подзорную трубу и присылалъ къ караульному солдату чрезъ адъютанта приказаніе отставить ружье или поправить аммуницію.

Принцесса саксен-кобургская, выдававшая свою дочь за великаго князя Константина Павловича, заѣхала къ своему будущему свату въ Гатчино, и вотъ что она писала по поводу своего посѣщенія этой резиденціи наслѣдника русскаго престола: «Мы были очень любезно приняты въ Гатчинѣ, но здѣсь я очутилась въ атмосферѣ, совсѣмъ не похожей на петербургскую. Вмѣсто непринужденности, царствующей при дворѣ императрицы, здѣсь все связано, формально и безмолвно. Великій князь уменъ и, можетъ быть, пріятенъ, когда захочетъ, но у него много непонятныхъ странностей, а между прочимъ то, что около него все устроено на старинный прусскій ладъ. Какъ только въѣзжаешь въ его владѣнія, тотчасъ появляются трехцвѣтные шлагбаумы съ часовыми, которые окликаютъ проѣзжающихъ на прусскій манеръ, а русскіе, служащіе при немъ, кажутся пруссаками». Слобода въ Гатчинѣ, казармы, конюшни были перенесены въ Россію изъ Пруссіи.

Нельзя, однако, сказать, чтобы мелочныя занятія съ гатчинскимъ гарнизономъ вполнѣ удовлетворяли Павла Петровича. Одновременно съ этими занятіями онъ обдумывалъ разные обширные планы и предположенія, относившіеся къ порядку государственнаго управленія, подготовляя ихъ втихомолку къ тому времени, когда къ нему, по волѣ Провидѣнія, перейдетъ верховная власть. Кромѣ того, онъ много читалъ и дѣлалъ, по прежнему, обширныя выписки изъ прочитываемыхъ имъ книгъ. Будучи нетолько любителемъ, но и отличнымъ знатокомъ со-

временной французской литературы, онъ увлекался господствовавшими въ ней тогда идеями объ обновленіи человѣчества въ политическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, и увлеченіе этими идеями рождало въ немъ сочувствіе къ тѣмъ явнымъ и тайнымъ обществамъ, которыя хотѣли осуществить такую задачу. Вообще эта задача сильно занимала его, и онъ, въ 1782 году, будучи въ Венеціи, говорилъ однажды графинѣ Розенбергъ: «Не знаю буду ли я на престолѣ, но если судьба возведетъ меня на него, то не удивляйтесь тому, что̀ я начну дѣлать. Вы знаете мое сердце, но вы не знаете людей, а я знаю, какъ слѣдуетъ ихъ вести». Получивъ впослѣдствіи верховную власть, Павелъ Петровичъ задумалъ, между прочимъ, преобразовать къ лучшему русское общество введеніемъ въ него совершенно чуждыхъ этому обществу рыцарскихъ элементовъ; онъ надѣялся, что такимъ способомъ ему удастся достигнуть его политическихъ и соціальныхъ цѣлей и съ свойственною ему пылкостію началъ прививать въ Россіи мальтійское рыцарство, полагая, что оно достигнетъ у насъ обширнаго развитія и благотворно повліяетъ на весь нашъ бытъ.

IV.

Лѣтъ за семьдесятъ съ чѣмъ-то до вступленія на престолъ Павла I-го, какъ говоритъ преданіе, въ достовѣрности котораго нѣтъ повода сомнѣваться, какое-то не слишкомъ чиновное лицо, состоявшее въ царской службѣ, проѣзжало по Лифляндіи на почтовыхъ лошадяхъ. При переѣздѣ съ одной станціи на другую, проѣзжій этотъ остался недоволенъ медленною ѣздою и, потому,

въ дополненіе къ грознымъ словеснымъ внушеніямъ, вздумалъ, по существовавшему тогда обычаю, расправиться собственноручно съ везшимъ его ямщикомъ.

— Еслибы ты зналъ, какая въ Петербургѣ у меня родня, то не посмѣлъ бы меня тронуть, проговорилъ по-латышски оскорбленный возница.

Расправлявшійся съ нимъ проѣзжій потребовалъ отъ находившихся на станціи лицъ, чтобы ему было переведено по-русски возраженіе ямщика, показавшееся ему, по смѣлому тону, чрезвычайно дерзкимъ. Требованіе проѣзжаго было исполнено, и тогда онъ приступилъ къ дальнѣйшимъ разспросамъ.

— Что же у тебя за важная такая родня въ Питерѣ, что и тронуть тебя нельзя? издѣваясь, спросилъ проѣзжій.—Небось, братъ, или дядя капраломъ въ гвардіи служитъ?... А?... Такъ, что ли? выкрикивалъ проѣзжій.

— Императрица—родная сестра моя, гордо и самоувѣренно проговорилъ обиженный, и слова его были переданы по-русски проѣзжему, который отъ изумленія вытаращилъ глаза и разинулъ ротъ.

Хотя настоящее происхожденіе императрицы Екатерины I Алексѣевны, никому, даже и самому Петру Великому, не было въ точности извѣстно, но, тѣмъ не менѣе, проѣзжій господинъ былъ чрезвычайно озадаченъ такою неожиданною встрѣчею.

— Вишь, что ты мерзавецъ, выдумалъ! гаркнулъ онъ.—Видно съ ума спятилъ!...

Обиженный, не смутившись нисколько, подтвердилъ свои слова.

— Постой, разбойникъ, я покажу тебѣ, какой ты—братецъ государынѣ!... Будешь ты меня помнить!... грозилъ онъ и, приказавъ связать самозваннаго родственника императрицы, пред-

ставилъ его мѣстному начальству для содержанія подъ крѣпкою стражею.

Вслѣдствіе этого возникло по тайной канцеляріи важное государственное дѣло, о которомъ тотчасъ же было доведено до свѣдѣнія самого государя. Приказано было удостовѣриться, справедливы или ложны показанія человѣка, назвавшагося роднымъ братомъ Екатерины Алексѣевны. Послѣ строгихъ допросовъ, продолжительныхъ розысковъ и тщательныхъ справокъ, выяснилось, что ямщикъ Ѳедоръ былъ дѣйствительно родной братъ Марты, пріемыша маріенбургскаго пастора Глюка, сдѣлавшейся плѣнницею фельдмаршала Шереметева. Оказалось также, что у Ѳедора—а, слѣдовательно, и у Екатерины—были еще: другой родной братъ по имени Карлъ и двѣ сестры; изъ нихъ старшая была замужемъ за крестьяниномъ Симономъ-Генрихомъ, а младшая, Анна, за Михелемъ-Іоахимомъ, тоже крестьяниномъ.

Петръ Великій, чуждый всякой аристократической спѣси, призналъ въ этой убогой крестьянской семьѣ родню императрицы и представилъ Екатеринѣ ея братьевъ въ той простой одеждѣ, въ которой они обыкновенно ходили. Неизвѣстно, думалъ ли Петръ обрадовать Екатерину неожиданною находкою ея родственниковъ, или же онъ хотѣлъ дать ей этимъ наглядный урокъ смиренія. Какъ бы то ни было, но, по своимъ понятіямъ, онъ не находилъ нужнымъ обогащать и возвышать Ѳедора и Карла Самуйловыхъ, ровно ни къ чему не пригодныхъ, потому только, что они были родные братья императрицы. Онъ оставилъ ихъ на житьѣ, по прежнему, въ деревнѣ, приказавъ только, чтобы мѣстная власть имѣла о нихъ постоянное попеченіе, не давала никому въ обиду и чтобы они, соотвѣтственно потребностямъ скромнаго ихъ быта, не имѣли ни въ чемъ нужды. Такимъ образомъ, въ царствованіе Петра

Великаго, братья Екатерины, довольные своей судьбой, оставались въ совершенной безвѣстности.

Вступивъ въ 1725 году на императорскій престолъ, Екатерина I вызвала къ себѣ изъ деревенской глуши своихъ родственниковъ, но они не тотчасъ показались въ Петербургѣ, а жили около столицы на стрѣльнинской мызѣ. Только 5-го апрѣля 1727 года, родные братья государыни, Карлъ и Ѳедоръ, принявшіе фамилію Скавронскихъ, подъ которою въ послѣднее время стала извѣстна ихъ сестра, были возведены въ графское достоинство россійской имперіи и были надѣлены огромными богатствами. Въ гербъ новопожалованныхъ графовъ были внесены три розы, напоминавшія о трехъ сестрахъ Скавронскихъ, жаворонокъ — по польски «skavronek», такъ какъ отъ этого слова произошла ихъ фамилія, и двуглавые русскіе орлы, нетолько свидѣтельствовавшіе, по правиламъ геральдики, объ особомъ благоволеніи государя къ подданному, но и заявлявшіе на этотъ разъ о родствѣ Скавронскихъ съ императорскимъ домомъ. Теперь, передъ бывшими крестьянами, всѣ стали принижаться; вельможи являлись къ нимъ съ поздравленіемъ и заискивали ихъ милостиваго вниманія, а представители знатнѣйшихъ русскихъ фамилій считали для себя нетолько за честь, но и за счастье породниться съ «графами Скавронскими». Не одни, впрочемъ, русскіе добивались этой чести —руки бывшей крестьянки искалъ даже такой богатый и сильный польскій магнатъ, какимъ былъ Петръ Сапѣга.

При возвышеніи Карла и Ѳедора Скавронскихъ не были забыты и мужья сестеръ императрицы: старшей—Симонъ-Генрихъ, названнный Симономъ Леонтьевичемъ Гендриковымъ и младшей — Михель-Іоахимъ, названный Михаиломъ Ефимовичемъ Ефимовскимъ. Въ царствованіе Анны Іоанновны и въ

правленіе великой княгини Анны Леопольдовны, вся родня Екатерины I была забыта, но она вновь поднялась при вступленіи на престолъ императрицы Елизаветы Петровны, при которой, въ 1742 году, Гендриковы и Ефимовскіе получили графское достоинство и обширныя вотчины.

Случайный виновникъ возвышенія Скавронскихъ, Ѳедоръ, умеръ бездѣтнымъ, а у старшаго его брата, Карла, остался сынъ, графъ Мартынъ Карловичъ, родившійся въ 1714 году, слѣдовательно, еще въ бѣдной и низкой долѣ и сдѣлавшійся потомъ однимъ изъ важнѣйшихъ русскихъ вельможъ, такъ какъ при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ онъ былъ генералъ-аншефомъ, оберъ-гофмейстеромъ и андреевскимъ кавалеромъ. Государыня особенно благоволила къ нему: жаловала ему доходныя вотчины и не разъ давала въ подарокъ огромныя суммы денегъ. Кромѣ того, онъ женился на баронессѣ Маріи Николаевнѣ Строгоновой, одной изъ богатѣйшихъ невѣстъ въ тогдашней Россіи. Умеръ онъ въ 1776 году, и все громадное его состояніе досталось его единственному сыну графу Павлу Мартыновичу.

Молодой Скавронскій былъ уже, по рожденію, и богатъ, и знатенъ. Пеленали его андреевскими лентами съ плеча императрицы. Его тщательно воспитывали, согласно требованіямъ того времени, подъ руководствомъ иностранныхъ наставниковъ, и въ блестящемъ этомъ юношѣ, пригодномъ, по выдержкѣ, хотя бы и для версальскаго двора, никто не узналъ бы роднаго внука латыша-крестьянина. Павелъ Мартыновичъ не отличался, впрочемъ, особыми умственными дарованіями и имѣлъ одну сильную, ничѣмъ неудерживаемую страсть къ вокальной и инструментальной музыкѣ. Онъ воображалъ себя необыкновеннымъ пѣвцомъ, отличнымъ музыкантомъ и геніальнымъ ко-

позиторомъ. Страсть эта съ годами развивалась все сильнѣе и сильнѣе и, наконецъ, перешла въ забавное чудачество, чуть не въ помѣшательство. Находя, что въ Россіи недостаточно цѣнятъ его музыкальныя дарованія, молодой Скавронскій рѣшился на долгое время покинуть неблагодарную родину, чтобы пріобрѣсти себѣ, какъ пѣвцу и музыканту, громкую извѣстность за-границею. Съ этою цѣлью, онъ, оставшись двадцати двухъ лѣтъ отъ роду полнымъ и безотчетнымъ распорядителемъ отцовскаго богатства, пустился странствовать по Италіи, классической странѣ гармоніи и мелодіи. Въ Италіи, жажда къ славѣ по музыкальной части усилилась въ немъ еще болѣе. Проводя время то въ Миланѣ, то во Флоренціи, то въ Венеціи, онъ окружалъ себя тамъ пѣвцами, пѣвицами и музыкантами, жившими на счетъ его необыкновенной къ нимъ щедрости. Онъ безпрестанно сочинялъ музыкальныя піесы, неудовлетворявшія, однако, самому невзыскательному вкусу. Тратя большія деньги, онъ ставилъ на сценахъ главныхъ итальянскихъ городовъ оперы своей собственной композиціи, оказывавшіяся, впрочемъ, произведеніями плохаго качества. Несмотря на это, знаменитые пѣвцы и примадонны очень охотно, за большія, конечно, деньги и за дорогіе подарки, разъучивали оперы Скавронскаго и распѣвали написанныя имъ аріи, отъ которыхъ порою даже самые неприхотливые слушатели или хохотали во все горло, или затыкали себѣ уши. Нанятые прислужниками графа усердные хлопальщики заглушали своими аплодисментами и восторженными криками раздававшіеся въ театрахъ свистки, шиканье и хохотъ при представленіи его оперъ и во время его концертовъ. Льстецы и прихлебатели превозносили до небесъ необыкновенный композиторскій талантъ Скавронскаго и тѣмъ самымъ еще болѣе подзадоривали

и подбивали богача-меломана продолжать его артистическія сумасбродства. Лживыя, щедро-расточаемыя ему похвалы, онъ принималъ, какъ дань неподдѣльнаго восторга и удивленія его композиторскому генію, а долетавшіе порою до его слуха свистки, шиканье и насмѣшки, а также и попадавшіеся ему случайно на глаза безпощадные газетные отзывы на счетъ его музыкальныхъ произведеній, онъ объяснялъ слѣпою завистью къ его высокому таланту, въ чемъ разумѣется, поддакивали ему и увивавшіяся около него лица.

Предаваясь все болѣе и болѣе музыкальнымъ наслажденіямъ, Скавронскій довелъ свою къ нимъ страсть до того, что прислуга не смѣла разговаривать съ нимъ иначе, какъ речитативомъ. Выѣздной лакей-итальянецъ, приготовившись по нотамъ, написаннымъ его господиномъ, пріятнымъ сопрано докладывалъ графу, что карета его сіятельства готова. Метръ д'отель графа, изъ французовъ, торжественнымъ напѣвомъ извѣщалъ какъ его самого, такъ и его гостей, что столъ накрытъ. Кучеръ, вывезенный изъ Россіи, освѣдомлялся о приказаніяхъ барина сильнымъ пѣвучимъ басомъ, оканчивая свои отвѣты густою протодьяконскою октавою. На торжественные случаи у графской прислуги имѣлись и аріи, и хоры, такъ что бывавшіе у чудака Скавронскаго обѣды и ужины, казалось, происходили не въ роскошномъ его палаццо, а на оперной сценѣ. Въ добавокъ ко всему этому, и хозяинъ отдавалъ свои приказанія прислугѣ въ музыкальной формѣ, а гости, чтобы угодить ему, вели съ нимъ разговоръ въ видѣ вокальныхъ импровизацій.

Въ числѣ лицъ, неразлучно сопутствовавшихъ молодому Скавронскому въ его музыкально-артистическихъ странствованіяхъ по Италіи, былъ нѣкто Дмитрій Александровичъ Гурь-

евъ, впослѣдствіи министръ финансовъ и графъ, человѣкъ «одворянившагося при Петрѣ Великомъ купецкаго рода». Онъ былъ сметливъ, расторопенъ и пронырливъ и, на счастье свое, не былъ одаренъ ни малѣйшимъ музыкальнымъ чувствомъ. Онъ совершенно спокойно, безъ всякаго раздраженія, могъ переносить и громъ литавръ, и звуки трубъ, и взвизги скрипокъ, и завываніе віолончели, и свистъ флейтъ, и вой волторнъ, и ревъ контрабасовъ, хотя бы все это, по композиціи Скавронскаго, въ высшей степени раздирало уши. То пріятно осклабляясь, то выражая на своемъ лицѣ чувства радости, горя, восторга, безнадежности—смотря по тому, какое ощущеніе въ человѣкѣ домогалась произвести музыка Скавронскаго—Гурьевъ, какъ казалось, съ напряженнымъ вниманіемъ выслушивалъ и длинныя концертныя піесы, и безконечныя оперы неудавшагося маэстро. За то какъ же и любилъ его Скавронскій, неподозрѣвавшій въ немъ ни малѣйшаго притворства и видѣвшій только такого слушателя, который способенъ былъ понимать всѣ красоты превосходной музыки! Привязанности и довѣрію графа къ Гурьеву не было предѣловъ и подлащивавшійся къ Скавронскому, при помощи музыки, его неразлучный спутникъ съ выгодою для себя управлялъ всѣми дѣлами молодого богача, незнавшаго счета деньгамъ.

Пространствовавъ по Италіи среди музыкальныхъ похожденій около пяти лѣтъ, Скавронскій, на двадцать седьмомъ году, возвратился въ Петербургъ. До императрицы Екатерины доходили порою вѣсти объ его артистическихъ и композиторскихъ чудачествахъ за границей, но она не видѣла въ нихъ ничего предосудительнаго и даже отчасти была довольна тѣмъ, что Скавронскій, во время своего пребыванія въ чужихъ краяхъ, не тратилъ денегъ, какъ это дѣлали другіе богатые русскіе баре

того времени, на развратъ, на картежную игру и на разныя грубыя продѣлки, дававшія не очень выгодное понятіе иностранцамъ о нравственномъ и умственномъ развитіи нашихъ соотечественниковъ. Императрица полагала, что нѣсколькихъ ласковыхъ внушеній, шутливыхъ намековъ и легкой насмѣшки будетъ вполнѣ достаточно для того, чтобы отучить Скавронскаго отъ обуявшей его музыкально-артистической маніи.

Когда, въ 1781 году, Скавронскій возвратился въ Петербургъ, то богачъ-меломанъ сталъ считаться тамъ самымъ завиднымъ женихомъ. Маменьки, бабушки и тетушки, наперерывъ одна передъ другою, старались выдать за него своихъ внучекъ, дочерей и племянницъ, но онъ, влюбленный попрежнему въ музыку, не думалъ вовсе ни о какой невѣстѣ. Замыслилъ, однако, посватать его могущественный въ ту пору князь Потемкинъ, и къ услугамъ князя явился расторопный Дмитрій Александровичъ, искавшій случая подслужиться временщику. Потемкинъ въ это время выдавалъ старшую свою племянницу по сестрѣ, Александру Васильевну Энгельгардтъ, за графа Ксаверія Браницкаго, а другой младшей его племянницѣ подъискалъ жениха Гурьевъ. Онъ ловко взялся за дѣло и вскорѣ устроилъ свадьбу этой молодой дѣвушки съ Скавронскимъ, бывшимъ подъ его неотразимымъ вліяніемъ. Скавронскій вдругъ измѣнилъ музыкѣ и страстно влюбился въ красавицу-невѣсту. Онъ былъ до такой степени доволенъ этимъ бракомъ, что за устройство его подарилъ своему свату, «въ знакъ памяти и дружбы», три тысячи душъ крестьянъ.

Женившись на Екатеринѣ Васильевнѣ, Скавронскій вдругъ пристрастился къ дипломатіи. Служебная дорога была передъ нимъ открыта, и онъ, пожалованный дѣйствительнымъ камер-

геромъ, былъ, въ 1785 году, назначенъ русскимъ посланникомъ въ Неаполь, куда и отправился на житье съ своею молоденькою женою.

V.

Несмотря на затрудненія разнаго рода, какія въ концѣ прошедшаго столѣтія представлялись при путешествіяхъ по Европѣ вообще и по Италіи—этой классической странѣ разбойниковъ и бандитовъ — въ особенности, туристы всѣхъ націй, а въ числѣ ихъ и русскіе, очень охотно посѣщали Италію. Слѣдуя старинной поговоркѣ «veder Napoli e poi morir», т. е. «взглянуть на Неаполь, а потомъ и умереть», такъ какъ ничего лучшаго уже не увидишь,—они заѣзжали въ этотъ греческо-итальянскій городъ, чтобы полюбоваться его чудной приморской панорамой и грознымъ Везувіемъ. Открытыя около той поры развалины подземныхъ городовъ Геркуланума и Помпеи, засыпанныхъ лавою, влекли къ Неаполю путешественниковъ, напускавшихъ на себя видъ ученыхъ и знатоковъ древности. Много уже перебывало въ Неаполѣ русскихъ баръ-путешественниковъ, но едва-ли кто изъ нихъ надѣлалъ тамъ столько шуму и говору, какъ ожидавшійся туда русскій посланникъ, графъ Скавронскій. Молва объ его богатствѣ, знатности и щедрости предшествовала ему. Издатели газетъ вовсе еще не знавшіе графа, выхваляли его необыкновенный умъ, замѣчательную ученость и разнородные таланты, а мѣстные поэты, невидавшіе еще его супруги, подготовляли въ честь ея нѣжные сонеты, чувствительные мадригалы и торжественныя оды, сравнивая ее по красотѣ и стройности стана съ первенствовавшими богинями языческаго міра.

Скавронскій пріѣхалъ въ Неаполь, какъ обыкновенно ѣзжали въ ту пору за-границу русскіе богачи, старавшіеся прежде всего поразить иностранцевъ роскошью и причудами. За дорожной его каретой слѣдовалъ длинный поѣздъ съ прислугою, составленною какъ изъ крѣпостныхъ русскихъ, такъ и изъ вольнонаемныхъ разныхъ націй. За нѣсколько дней до пріѣзда въ Неаполь русскаго посланника, пришелъ туда отправленный изъ Петербурга обозъ съ различными принадлежностями домашней обстановки, которыхъ нельзя было достать за-границею. Самый лучшій отель въ городѣ былъ заранѣе нанятъ для посланника за огромныя деньги, безсрочно, до того времени, пока онъ, по пріѣздѣ въ Неаполь, выберетъ для постояннаго своего житья какой-нибудь роскошный палаццо, отдѣлаетъ его еще лучше, чѣмъ онъ былъ прежде, и приспособитъ ко всѣмъ потребностямъ и удобствамъ. Всѣ главныя помѣщенія отеля были уже приготовлены въ ожиданіи прибытія знатнаго и богатаго иностранца, и лишь въ нѣкоторые небольшіе нумера допускались постояльцы, да и то съ условіемъ очистить ихъ немедленно по пріѣздѣ русскаго графа, если онъ того потребуетъ.

Въ числѣ лицъ, проживавшихъ въ отелѣ на такихъ непріятныхъ и неудобныхъ условіяхъ, была г-жа Лебренъ, пользовавшаяся уже въ Европѣ громкою извѣстностію, какъ знаменитая портретистка. Она расположилась въ отелѣ въ скромномъ помѣщеніи, со своими мольбертами, красками, палитрами и кистями, и несовсѣмъ спокойно ожидала той минуты, когда ей придется оставить удобное для нея во всѣхъ отношеніяхъ помѣщеніе и сдѣлать это единственно въ угоду русскому синьору.

Когда Скавронскій пріѣхалъ въ нанятый для него отель, то

ему или дѣйствительно показалось, или только изъ пустой прихоти онъ заявилъ, что приготовленнаго помѣщенія недостаточно для его многочисленной свиты, и потому потребовалъ, чтобы изъ отеля выѣхали всѣ постояльцы. Освѣдомившись же, что въ числѣ ихъ находится г-жа Лебренъ, которую онъ зналъ уже по слуху, онъ отправилъ къ ней мажоръ-дома графини съ покорнѣйшею просьбою, чтобы г-жа Лебренъ не только не выѣзжала изъ отеля, но сдѣлала бы его супругѣ честь личнымъ знакомствомъ. При этомъ, благовоспитанный Скавронскій поручилъ мажоръ-дому извиниться передъ г-жею Лебренъ за графиню, которая, будучи нездорова и уставъ чрезвычайно отъ дороги, лишена была удовольствія сдѣлать первый визитъ г-жѣ Лебренъ. Послѣ такого вниманія и любезнаго приглашенія, повтореннаго вслѣдъ за тѣмъ и самимъ графомъ, умная и образованная художница сдѣлалась постоянною гостьею Скавронскихъ и не могла нахвалиться ихъ радушіемъ и самымъ утонченнымъ вниманіемъ.

Въ запискахъ своихъ, изданныхъ подъ заглавіемъ «Souvenirs», г-жа Лебренъ оставила нѣсколько замѣтокъ о супружеской четѣ, съ которою она, вскорѣ послѣ перваго визита, свела самое близкое знакомство. На свидѣтельство г-жи Лебренъ, отличавшейся такимъ художественнымъ вкусомъ и внимательно присматривавшейся къ каждой чертѣ и къ каждому оттѣнку лица, положиться, конечно, можно, а между тѣмъ, по словамъ г-жи Лебренъ, графиня Скавронская была «прекрасна, какъ ангелъ», и одарена была отъ природы «всѣми прелестями чарующей красоты». Другая дама баронесса Оберкирхъ, въ своихъ «Запискахъ», замѣтила: «Скавронская идеально хороша; ни одна женщина не можетъ быть прекраснѣе ея», а графъ Сегюръ пишетъ, что головка Скавронской могла служить образцомъ для головки амура.

Говоря далѣе о Скавронской, г-жа Лебренъ пишетъ, что она была чрезвычайно добра и снисходительна, но характеръ ея и образъ ея жизни отличались замѣчательными странностями. Она никогда и никуда не выѣзжала безъ самой крайней необходимости, и ея не выманивали изъ палаццо даже очаровательныя прогулки на берегу моря, при томномъ сіяніи мѣсяца. Она отличалась какою-то загадочною лѣнью; всякое движеніе, несмотря на ея молодость и легкость походки, было для нея обременительно. Самымъ большимъ для нея наслажденіемъ было — лежать на мягкомъ канапе, закрывшись, несмотря ни на какую жару, богатой собольей шубкою. Когда около нея не было никого постороннихъ, въ ногахъ у нея садилась привезенная въ Неаполь изъ Россіи старушка-няня и принималась разсказывать ей сказки, разумѣется, повторяя одно и тоже по сотнѣ разъ. Молодая лѣнивица чувствовала отвращеніе къ нарядамъ, и г-жа Лебренъ, такъ много обращавшая на нихъ вниманіе, въ качествѣ портретистки, не безъ удивленія замѣчала, что Скавронская никогда не носила корсета. Между тѣмъ, свекровь ея безпрестанно снабжала ее выписываемыми изъ Парижа дорогими и изящными издѣліями, выходившими изъ мастерской мадемуазель Бертенъ, знаменитой модистки, одѣвавшей первую тогдашнюю щеголиху въ Европѣ, королеву Марію-Антуанетту. Нѣсколько большихъ комнатъ въ отелѣ, занятомъ Скавронскими, было загромождено тюками и ящиками съ нарядами, привезенными изъ Парижа и отличавшимися тою утонченностію вкуса, какая тогда господствовала во Франціи по части дамскихъ модъ. Но молоденькая женщина не только не выражала свойственной ея лѣтамъ торопливости— посмотрѣть поскорѣе на привезенныя ей посылки, но даже вовсе не любопытствовала взглянуть на нихъ, и потому задѣланные

тюки и ящики съ нарядами оставались невскрытыми. Когда же камер-фрау предлагала ей выбрать и надѣть какую-нибудь щегольскую обновку, которая должна была такъ идти къ ней, то Скавронская какъ будто съ удивленіемъ спрашивала: «зачѣмъ? для кого?» Письма своей свекрови, внушавшія ей, что женѣ русскаго посланника при одномъ изъ самыхъ блестящихъ дворовъ въ Европѣ и, притомъ, такой молодой и хорошенькой женщинѣ необходимо одѣваться роскошно, по послѣдней модѣ, она прочитывала съ грустною усмѣшкою и вовсе не думала слѣдовать совѣтамъ и внушеніямъ, даваемымъ ей со стороны этой великосвѣтской барыни.

По всѣму замѣтно было, что красавица Скавронская какъ будто тяготилась окружавшею ее пышностію и своимъ виднымъ положеніемъ въ обществѣ. Постоянно задумчивая, она, казалось, предпочла бы жить нелюдимкой и даже затворницею. Ни на кого и ни на что она не обращала вниманія. На нѣжности и ласки своего мужа, влюбленнаго въ нее до безумія, она отвѣчала холодно и не охотно. Скавронскій же, по характеру и по образу жизни, представлялъ совершенную противоположность женѣ. Онъ любилъ общество и былъ тамъ пріятнымъ и веселымъ собесѣдникомъ; тамъ онъ искалъ для себя развлеченія отъ своей семейной жизни, и, такъ какъ онъ занималъ въ Неаполѣ высокій дипломатическій постъ, то и долженъ былъ жить открыто и роскошно, сообразно своему званію. Вслѣдствіе этого, Скавронскій часто давалъ въ своемъ палаццо и роскошные обѣды, и великолѣпные балы, но эти послѣдніе чрезвычайно рѣдко украшались присутствіемъ прелестной хозяйки, которая не являлась на нихъ подъ предлогомъ внезапной болѣзни. Для лицъ, незнавшихъ близко Скавронскихъ, жизнь графини казалась странной, и отчужденіе ея отъ свѣта

объясняли страшною ревностію ея мужа, который, слѣдуя варварскому обычаю «московитовъ», старался скрывать красавицу-жену отъ постороннихъ взглядовъ. На дѣлѣ, однако, было вовсе не то: Скавронскій нетолько не препятствовалъ ей являться въ свѣтѣ, но, напротивъ, видя ее постоянно печальною и задумчивою, желалъ, чтобы она полюбила свѣтскія развлеченія и блистала въ обществѣ своею чарующею красотою.

Кромѣ великолѣпныхъ нарядовъ, напрасно присылаемыхъ Скавронской, у нея было множество драгоцѣнныхъ уборовъ. Однажды она вздумала показать ихъ г-жѣ Лебренъ, которая, хотя и много уже насмотрѣлась на подобныя вещи, но, тѣмъ не менѣе, была изумлена при видѣ сокровищъ, принадлежавшихъ добровольной отшельницѣ. Скавронская, между прочимъ, показала ей брилліанты необыкновенной величины и самой чистой воды, сказавъ, что они были подарокъ дяди ея, князя Потемкина. Никто, однако, не видалъ на ней этихъ драгоцѣнныхъ камней; она не выставляла ихъ напоказъ даже при происходившихъ при королевскомъ дворѣ торжествахъ и празднествахъ, на которыя являлась неохотно, только вслѣдствіе просьбъ и убѣжденій мужа.

Рожденіе графини Екатерины Васильевны Скавронской въ небогатой и многочисленной семьѣ смоленскихъ помѣщиковъ нѣмецкаго происхожденія, сперва ополячившихся, а потомъ обрусѣвшихъ, вовсе не обѣщало ей блестящей будущности, и только необыкновенное возвышеніе ея роднаго дяди, Григорія Александровича Потемкина, измѣнило предстоявшую ей скромную участь. Сдѣлавшись могущественнымъ вельможею и самымъ довѣреннымъ другомъ императрицы, Потемкинъ не позабылъ своей родни и оказывалъ особенное расположеніе къ дочерямъ своей старшей сестры, Мароы Александровны, бывшей заму-

жемъ за подполковникомъ Василіемъ Александровичемъ Энгельгардтомъ. Дочери ея, простенькія барышни, были въ 1776 году привезены прямо ко двору Екатерины. Въ это время Катѣ шелъ одиннадцатый годъ. Робко и недовѣрчиво смотрѣла деревенская дикарка на новую пышную обстановку и не скоро свыклась съ тѣмъ положеніемъ, въ какомъ такъ неожиданно очутилась. 10-го іюня 1781 года, она была пожалована во фрейлины, а въ ноябрѣ того же года вышла замужъ за Скавронскаго.

Бракъ ея былъ отпразднованъ торжественно. На свадьбу были приглашены только тѣ дамы, которыя были приглашаемы въ эрмитажъ, то-есть составляли самый близкій къ императрицѣ кружокъ. Послѣ свадьбы былъ блестящій балъ въ кавалергардской залѣ и ужинъ въ присутствіи императрицы. Женихъ пріѣхалъ подъ вѣнецъ въ каретѣ, стоившей 10,000 рублей, украшенной снаружи стразами. На другой день послѣ свадьбы, начались пиры въ домѣ Потемкина, нынѣшнемъ аничковскомъ дворцѣ. Много толковъ въ петербургскомъ обществѣ возбудилъ этотъ бракъ, и всѣ они сводились къ тому общему заключенію, что молоденькая фрейлина вышла замужъ поневолѣ, единственно въ угоду своему дядѣ.

Года черезъ три послѣ своего замужства, Скавронская вошла однажды въ уборную Потемкина, жившаго въ зимнемъ дворцѣ подъ комнатами, занимаемыми государынею. Въ уборной на столѣ она увидѣла портретъ императрицы, осыпанный бриліантами. Портретъ этотъ носилъ постоянно Потемкинъ въ петлицѣ своего кафтана. Взявъ въ руки портретъ и стоя передъ зеркаломъ, Скавронская машинально приштилила его къ корсажу своего платья.

— Иди, Катя, наверхъ къ императрицѣ и поблагодари ее! вдругъ крикнулъ лежавшій на диванѣ Потемкинъ.

Она съ изумленіемъ посмотрѣла на дядю и торопливо принялась отшпиливать портретъ государыни.

— Нѣтъ, нѣтъ! не снимай его, а такъ съ нимъ и ступай! громче прежняго крикнулъ Потемкинъ и, лѣниво приподнявшись съ дивана, взялъ лежавшіе передъ нимъ карандашъ и лоскутокъ бумаги, на которомъ написалъ нѣсколько словъ.

— Ступай съ этой записочкой къ государынѣ и поблагодари ее за то, что она пожаловала тебя въ статс-дамы.

Приказаніе это было высказано такъ настойчиво, что растерявшаяся Катя должна была повиноваться. Съ недовольнымъ лицомъ, съ нахмуренными бровями, прочла государыня записку Потемкина, поданную ей смущенною Скавронскою. Несмотря на свое искуство притворяться и казаться любезною, Екатерина не могла на этотъ разъ скрыть своего сильнаго неудовольствія. Преодолѣвъ, однако, его, она написала отвѣтъ Потемкину, увѣдомляя князя, что исполнила его желаніе, сдѣлавъ его двадцатилѣтнюю племянницу статс-дамою.

Въ ту пору, случаи пожалованія этого высокаго званія вообще были чрезвычайно рѣдки, а для такой молодой женщины званіе статс-дамы оказывалось и небывалымъ еще отличіемъ. Всѣ заговорили объ этомъ, завистливо посматривая на новую счастливицу. Начались толки и пересуды, и Скавронская, нетерпѣвшая ни интригъ, ни сплетенъ, была очень рада оставить дворъ императрицы, когда, вскорѣ послѣ этого, мужъ ея получилъ мѣсто посланника въ Неаполѣ.

VI.

Горделиво смотрѣлся въ тихія голубыя воды залива, стоявшій на якорѣ, въ виду Неаполя, военный корветъ «Pellegrino». Поднятый на его кормѣ красный, на подобіе церковной хоругви, съ бѣлымъ крестомъ флагъ показывалъ, что корветъ этотъ принадлежалъ къ составу военно-морскихъ силъ державнаго мальтійскаго ордена. Окончивъ упорную борьбу съ турками, длившуюся слишкомъ три столѣтія, мальтійскіе рыцари продолжали содержать въ Средиземномъ Морѣ довольно-значительный флотъ, съ цѣлью уничтоженія магометанъ-пиратовъ, гнѣздившихся въ Алжирѣ и Тунисѣ и разбойничавшихъ, какъ на этомъ морѣ, такъ и на водахъ греческаго архипелага. Ордену въ ту пору не было уже надобности вести правильную морскую войну съ турками, послѣ истребленія ихъ флота при Чесмѣ графомъ Алексѣемъ Орловымъ, тѣмъ болѣе, что на сѣверномъ прибрежьѣ Чернаго Моря стала возникать грозная для Турціи сила со стороны Россіи. Храня, однако, свои древніе рыцарскіе обѣты—бороться съ врагами св. креста и защищать слабыхъ, іоанниты снаряжали свои военныя суда для крейсерства, чтобы освобождать изъ неволи христіанъ, захваченныхъ въ плѣнъ пиратами, охранять отъ нападеній со стороны этихъ послѣднихъ христіанскихъ торговцевъ и вообще держать въ страхѣ суда, появлявшіяся на водахъ Средиземнаго Моря съ изображеніемъ полумѣсяца на флагѣ.

Давно уже была пора корвету «Pellegrino» поставить паруса и отправиться въ плаваніе, но проходилъ день за днемъ, а командиръ корвета не думалъ вовсе готовиться къ уходу съ неа-

политанскаго рейда. Экипажъ корвета не могъ надивиться такой странной медленности своего начальника, который былъ извѣстенъ, какъ дѣятельный и отважный морякъ, предпочитавшій всегда зыбь моря неподвижности суши. Всѣ замѣчали, что молодой командиръ вдругъ измѣнился, что онъ сталъ теперь совсѣмъ не такимъ, какимъ былъ прежде. Бывало, онъ нетерпѣливо ожидалъ той минуты, когда подуетъ попутный вѣтеръ и быстро, на всѣхъ парусахъ, помчитъ въ море его ходкое судно. Теперь, уже нѣсколько разъ поднимался самый благопріятный вѣтеръ, а между тѣмъ, командиръ корвета, скрестивъ на груди руки, стоялъ неподвижно на палубѣ и задумчиво смотрѣлъ въ безпредѣльную даль моря, какъ будто не рѣшаясь разстаться съ приманившимъ его берегомъ. Напрасно шкиперъ заговаривалъ съ нимъ объ удобствахъ плаванія при наступившей погодѣ и даже почтительно докладывалъ о необходимости прекратить поскорѣе такую продолжительную стоянку, напоминая, что корветъ «Pellegrino» посланъ, по повелѣнію великаго магистра, не для того, чтобы стоять гдѣ нибудь праздно на якорѣ, а для того, чтобы безостановочно крейсировать въ открытомъ морѣ. Съ разсѣяннымъ видомъ слушалъ командиръ и доклады, и разсужденія своего подчиненнаго, да и вообще не обращалъ никакого вниманія на говоръ моряковъ-сослуживцевъ, роптавшихъ на бездѣятельность и на безполезную трату времени. Не отвѣчая ни полслова на дѣлаемыя ему представленія, онъ приказывалъ подавать себѣ шлюпку и съѣзжалъ на берегъ. Нашлись, однако, любопытные изъ числа лицъ, составлявшихъ экипажъ корвета. Они постарались высмотрѣть, куда отправляется ихъ начальникъ по пріѣздѣ на берегъ. Оказалось, что каждый разъ онъ не ходилъ никуда, кромѣ палаццо, въ которомъ жилъ русскій посланникъ, графъ Скавронскій. Заговорили объ

этомъ на корветѣ, но, такъ какъ около той поры Россія старалась пріобрѣсти для своихъ военныхъ кораблей постоянную стоянку въ Средиземнемъ Морѣ и такъ какъ петербургскій кабинетъ велъ передъ этимъ переговоры съ мадридскимъ кабинетомъ объ уступкѣ съ означенною цѣлью Россіи острова Минорки, то частыя посѣщенія русскаго посланника командиромъ мальтійскаго корвета объясняли или какимъ-либо участіемъ въ этихъ переговорахъ, или особымъ, даннымъ отъ великаго магистра порученіемъ относительно этого дѣла, и находили вѣроятнымъ, что русскіе намѣрены выговорить право стоянки для своихъ военныхъ судовъ въ одной изъ гаваней острова Мальты.

Дѣйствительно, молодой командиръ корвета, Джуліо Литта, во время своихъ ежедневныхъ побывокъ въ Неаполѣ, не показывался нигдѣ, кромѣ какъ у Скавронскихъ, но онъ ходилъ туда не для какихъ нибудь дипломатическихъ переговоровъ, но совсѣмъ по другому дѣлу. Красавица Скавронская влекла его къ себѣ и заставляла моряка-рыцаря забывать любимую имъ стихію. Познакомившись съ Скавронскимъ, какъ съ оффиціальнымъ лицомъ, и представленный его женѣ, Литта былъ очарованъ ея «ангельскою красотою». Подъ этимъ впечатлѣніемъ онъ забылъ о своихъ священныхъ рыцарскихъ обѣтахъ: о службѣ державному ордену, о крейсерствѣ для преслѣдованія пиратовъ; забылъ и о корветѣ, бывшемъ подъ его начальствомъ. Онъ не заботился и не думалъ теперь ни о чемъ, найдя въ домѣ Скавронскаго такую пристань, которую ему никогда и ни за что не хотѣлось бы покинуть.

Графъ Джуліо-Райнеро Литта, которому въ это время было лѣтъ двадцать восемь, могъ считаться красавцемъ въ полномъ значеніи этого слова. Онъ былъ очень высокаго роста; строй-

ность стана соединялась у него съ величавостію осанки. Дѣятельность моряка, пріучившая его къ трудамъ и опасностямъ, закалила его цвѣтущее здоровье. Тонкія и правильныя черты итальянскаго типа носили отпечатокъ мужества; большіе черные, то блестящіе, то задумчивые глаза и пріятная улыбка придавали этому молодому человѣку чрезвычайную привлекательность, и, по всей вѣроятности, самый разборчивый художникъ не отказался бы взять его за образецъ красоты. Военный нарядъ мальтійскаго рыцаря или кавалера еще болѣе оттѣнялъ его замѣчательную наружность. Литта носилъ красный кафтанъ французскаго покроя, съ бѣлымъ мальтійскимъ крестомъ на груди, повѣшеннымъ на широкой черной лентѣ. Бѣлое батистовое жабо съ тонкими кружевами и легкая пудра на головѣ рѣзко выдѣляли прекрасныя черты его свѣжаго загорѣлаго лица. Литта чрезвычайно полюбился Скавронскому и, послѣ непродолжительнаго знакомства, сдѣлался постояннымъ гостемъ въ его домѣ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самымъ пріятнымъ собесѣдникомъ его жены, которая увидѣла въ молодомъ командирѣ такую привлекательную личность, какую ей не приводилось встрѣчать прежде.

Бесѣды моряка съ посланницею не отличались, впрочемъ, ни живостію, ни игривостію. Скавронская не имѣла той бойкости и находчивости, которыя придавали особый оттѣнокъ разговору модныхъ дамъ прошлаго столѣтія, кокетничавшихъ съ мужчинами. Литта, хотя и былъ человѣкъ умный и тонкій, но велъ себя слишкомъ сдержанно, не пускаясь въ любезности. Молодой морякъ разсказывалъ графинѣ о далекихъ странствованіяхъ, и она любила подолгу слушать эти разсказы и ни одинъ самый чуткій и самый зоркій наблюдатель не уловилъ бы въ ихъ бесѣдѣ никакого намека на ихъ сердечное, взаимное

другъ къ другу влеченіе. Скавронская, освоившись мало-помалу съ обычнымъ посѣтителемъ, не стѣснялась уже его присутствіемъ въ своей привычкѣ — лежать на канапе, прикрывшись собольею шубкою. Часто, залюбовавшись ею, молча сидѣлъ около нея морякъ-рыцарь, не спуская съ нея глазъ, а она ласково, безъ кокетства посматривала на него. Такая близость знакомства между Скавронской и Литтой согласовалась вполнѣ съ нравами тогдашняго высшаго италіанскаго общества, среди котораго каждая дама необходимо должна была имѣть ухаживавшаго за нею мужчину, такъ называвшагося «cicisbeo» или «cavaliere servente».

День за день откладывалъ командиръ корвета свой уходъ изъ Неаполя, посылая на Мальту донесенія, которыя, по ихъ запутанности и неопредѣленности, ставили тамошнія власти въ тупикъ относительно причинъ промедленія корвета «Pellegrino» на неаполитанскомъ рейдѣ. Крѣпко не хотѣлось Литтѣ отплыть оттуда. Наконецъ, онъ увидѣлъ, что оставаться тамъ долѣе не было никакой возможности. Поэтому, отдавъ экипажу приказаніе приготовиться на завтра въ плаваніе, онъ отправился провести послѣдній вечеръ къ обворожившей его красавицѣ. Литта засталъ ее покоившеюся, по обыкновенію, на канапе.

— Я пришелъ проститься съ вами, синьора, сказалъ онъ опечаленнымъ голосомъ: — завтра рано утромъ мой корветъ уходитъ въ море...

— Куда же вы направляетесь? встрепенувшись, спросила Скавронская.

— Къ берегу Африки; я и то уже слишкомъ долго зажился въ Неаполѣ... Мнѣ давно слѣдовало бы уйти отсюда, грустно проговорилъ морякъ.

— И напрасно не сдѣлали этого, если вамъ было нужно.

Вы проскучали здѣсь, а между тѣмъ, вами будутъ недовольны на Мальтѣ, наставительно сказала Скавронская, стараясь придать своему голосу выраженіе равнодушія.

Литта тяжело вздохнулъ.

— Отчего вы такъ вздыхаете? скорѣе съ добродушной насмѣшкою, нежели съ участіемъ, спросила молодая женщина.— Если вамъ было такъ хорошо здѣсь, то вы можете опять придти сюда и даже поселиться здѣсь навсегда.

Литта не отвѣчалъ ничего и задумчиво смотрѣлъ на свою собесѣдницу.

— Скажите мнѣ, отчего вы не женитесь?.. торопливо спросила она Литту.

— Какъ рыцарь мальтійскаго ордена, я далъ обѣтъ безбрачія, не безъ нѣкоторой торжественности проговорилъ Литта.

— Значитъ, вы—монахъ?.. весело разсмѣявшись, перебила Скавронская.

— Почти что монахъ... прошепталъ Литта.

— Отчего же вамъ вздумалось такъ стѣснить нетолько вашу жизнь, но и ваши сердечныя чувства? Развѣ вы не можете полюбить какую-нибудь дѣвушку и пожелать, чтобы она была вашею женою? Въ силахъ ли вы поручиться, что съ вами никогда не случится этого?..

— Прежде, чѣмъ я далъ мой рыцарскій обѣтъ, заговорилъ Литта:—я долго думалъ и размышлялъ и рѣшился вступить въ орденъ только послѣ того, когда убѣдился, что женщины...

— Что женщины?.. съ живостію возразила Скавронская, приподнимаясь на локоть, и, при этомъ быстромъ движеніи, шубка, сползнувъ съ ея плеча, упала на коверъ.

Литта бросился поднимать шубку, чтобъ накинуть ее на синьору. Въ это время въ длинной анфиладѣ комнатъ по-

слышались рулады, напѣваемыя слабымъ, прерывающимся голосомъ.

— Мой мужъ вернулся, проговорила Скавронская: — онъ подъ впечатлѣніемъ концерта напѣваетъ что-то, и, Боже мой, какъ онъ страшно фальшивитъ!.. Къ нему, должно быть, возвращается его прежняя страсть. Вѣроятно онъ забылъ кроткія внушенія государыни о томъ, что музыка — не дѣло дипломата.

Скавронскій, продолжая напѣвать, вошелъ къ женѣ и, дружески поздоровавшись съ Литтою, нѣжно поцѣловалъ свою Катю. Она пристально взглянула на него и какимъ-то жалкимъ существомъ представился ей ея слабый, хилой мужъ, съ блѣднымъ, исхудалымъ лицомъ; онъ показался ей мертвецомъ, ожидающимъ погребенія. Она быстро вскинула свои глаза на гостя — передъ ней стоялъ красавецъ въ полномъ цвѣтѣ молодыхъ силъ.

Литта сообщилъ Скавронскому, что завтра уходитъ съ рейда въ море, и посланникъ въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ изъявилъ сожалѣніе, что лишается такого пріятнаго для него гостя, и затѣмъ съ жаромъ дилетанта принялся разсказывать о концертѣ, происходившемъ въ присутствіи королевской фамиліи, о расположеніи духа, въ какомъ, повидимому, находился король, о туалетѣ королевы и о встрѣчѣ съ множествомъ своихъ знакомыхъ. Разсѣянно слушала Скавронская разсказы мужа, который, впрочемъ, обращался съ ними преимущественно къ гостю. Хотя и Литту не занимала нисколько свѣтская болтовня хозяина, но онъ дѣлалъ видъ, что слушаетъ графа съ особымъ вниманіемъ. Наконецъ, Скавронскій утомился и призамолкъ, не находя поддержки своему разговору.

— А какія извѣстія получены изъ Франціи? спросила его жена.

— Очень неутѣшительныя, заговорилъ посланникъ:—французы просто сходятъ съ ума и хотятъ ниспровергнуть во всей Европѣ и религію, и престолы. Только общій союзъ всѣхъ государей можетъ обуздать ихъ. Надобно полагать, что революціонное движеніе отзовется и въ Италіи... Положеніе дѣлъ ужасно...

— Какая печальная судьба предстоитъ нашему ордену! сказалъ сильно взволнованный Литта:—онъ, какъ религіозное и аристократическое учрежденіе, идетъ прямо въ разрѣзъ тѣмъ понятіямъ, которыя теперь такъ успѣшно распространяетъ французская революція. Мы слишкомъ слабы, чтобы могли противостоять ея напору. Неужели не найдется въ Европѣ ни одного могущественнаго государства, которое приняло бы насъ подъ свою защиту?..

— Когда надъ вами грянетъ гроза, обратитесь къ Россіи: она настолько сильна, что въ состояніи будетъ защитить васъ, сказала Скавронская.

Литта съ изумленіемъ взглянулъ на нее.

— Обратиться къ Россіи?.. спросилъ онъ:— но развѣ вы синьора, не знаете, что между ею и нашимъ орденомъ существуетъ цѣлая бездна, что бездна эта—различіе религій. Россія — представительница восточной церкви, а мы, мальтійскіе рыцари—поборники католицизма, со всѣми его средневѣковыми преданіями. Притомъ, всѣмъ очень хорошо извѣстно, что императрица Екатерина—отъявленная почитательница французскихъ энциклопедистовъ, которыхъ слѣдуетъ считать главными виновниками всѣхъ нынѣшнихъ смутъ и потрясеній...

— О, что касается этого, замѣтилъ успокоительно посланникъ:—то образъ мыслей государыни не можетъ быть препят-

ствіемъ тому, чтобы Россія оказала помощь вашему ордену, какъ религіозному и аристократическому учрежденію. Со времени безпокойствъ во Франціи, императрица замѣтно измѣнила свои прежніе взгляды, и изъ получаемыхъ мною изъ Россіи свѣдѣній видно, что тамъ теперь началось сильное преслѣдованіе всего, что хоть нѣсколько отзывается революціоннымъ духомъ...

— Я сказала то, что мнѣ вдругъ—я сама не знаю почему—мелькнуло въ головѣ, засмѣявшись и обращаясь къ Литтѣ, заговорила Скавронская: — я, впрочемъ въ политическіе вопросы вовсе не мѣшаюсь: это—по части моего мужа...

Разговоръ между хозяиномъ и гостемъ перешелъ на эти дѣла. Оба они были того мнѣнія, что происходящіе во Франціи безпорядки грозили бурею разразиться надъ всею Европою, если со стороны всѣхъ европейскихъ кабинетовъ не будутъ приняты безотлагательно рѣшительныя мѣры для возстановленія во Франціи законнаго правительства. Хозяйка, полудремля, слушала эти, какъ казалось, скучные для нея разговоры. Наступило время проститься съ нею Литтѣ; онъ почтительно поцѣловалъ ея руку, а она совершенно равнодушно, какъ будто только изъ вѣжливости, пожелала ему благополучнаго плаванія, не промолвивъ ни слова о возвращеніи его въ Неаполь.

На другой день, корветъ несъ Литту къ берегамъ Африки, и онъ безслѣдно исчезъ на долгое время.

Между тѣмъ, здоровье Скавронскаго разстроивалось все болѣе и болѣе: у него открылась чахотка, и 23 ноября 1793 года, онъ умеръ въ Неаполѣ. Его молоденькая вдова, пробывъ послѣ того еще нѣкоторое время за-границею, возвратилась въ Петербургъ, гдѣ была встрѣчена чрезвычайно ласково императрицею Екатериною.

VII.

Вступивъ на престолъ, императоръ Павелъ возстановилъ въ такъ называвшихся тогда «присоединенныхъ отъ Польши областяхъ» существовавшіе тамъ прежде порядки по внутреннему управленію. Въ тоже время, въ Петербургѣ обсуждались и нѣкоторые финансовые вопросы, относившіеся къ этому краю. и въ числѣ ихъ былъ вопросъ объ «острожской ординаціи» доходы съ которой, при волненіяхъ, происходившихъ въ Польшѣ, давно уже не поступали въ казну мальтійскаго ордена. Императоръ, сочувствовавшій ордену, выразилъ желаніе порѣшить это дѣло въ пользу ордена, и, когда узнали объ этомъ на Мальтѣ, то для изъявленія государю благодарности былъ отправленъ съ Мальты въ Петербургъ бальи, графъ Джуліо Литта. Ему же предоставлено было отъ великаго магистра право заключить съ Россіею конвенцію о возстановленіи великаго пріорства въ бывшихъ польскихъ областяхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ делегату отъ ордена, принять это пріорство въ свое вѣдѣніе.

Посолъ великаго магистра былъ встрѣченъ въ Петербургѣ съ большою торжественностію. До церемоніальнаго своего въѣзда, графъ Литта прожилъ въ Гатчинѣ, откуда и выѣхалъ парадно въ столицу. Поѣздъ его состоялъ изъ 36 обыкновенныхъ и 4-хъ придворныхъ каретъ. Въ одной изъ нихъ сидѣлъ бальи съ сенаторомъ княземъ Юсуповымъ и оберъ-церемоніймейстеромъ Валуевымъ.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Литта поспѣшилъ возобновить свое прежнее знакомство съ графинею Скавронскою. Онъ не

видѣлъ ее четыре года, а въ это время вдова-красавица похорошѣла еще болѣе. Литта не нашелъ въ ней никакихъ слѣдовъ прежней лѣни и утомленія. Изъ нелюдимки она сдѣлалась обворожительной свѣтской женщиною, для которой жизнь въ шумномъ обществѣ казалась главною потребностію существованія. Толпа вздыхавшихъ поклонниковъ окружала ее, и какъ не силились злые языки оговорить молоденькую вдовушку, но не могли пріискать никакого повода къ сплетнямъ и пересудамъ на ея счетъ. Она была безупречна, и о ней говорили только, какъ о женщинѣ, сердце которой не было доступно никакому нѣжному чувству.

Выйдя замужъ за Скавронскаго на семнадцатомъ году отъ роду, единственно въ угоду своему дядѣ, князю Таврическому, и не чувствуя ни любви и даже ни малѣйшаго расположенія къ своему жениху, Екатерина Васильевна безропотно покорилась своей участи. Невесело жилось ей съ чудакомъ-супругомъ, и ею постепенно овладѣло то равнодушіе ко всему окружающему, которое обыкновенно является у женщины, недовольной замужствомъ и въ то же время не имѣющей на столько рѣшимости, чтобы порвать или, по крайней мѣрѣ хоть нѣсколько ослабить спутывающія ея супружескія узы. Уединенная и однообразная жизнь, чуждая всякихъ увлеченій, казалась ей лучшимъ средствомъ для того, чтобы избѣгнуть всякихъ искушеній, тревогъ и волненій. Познакомившись въ Неаполѣ съ графомъ Литтою она не могла не видѣть той рѣзкой разницы, какая была между ея мужемъ и молодымъ мальтійскимъ рыцаремъ не въ пользу перваго, но она сдерживала свои сердечные порывы, и Литта не догадывался, что онъ былъ предметомъ любви молодой русской синьоры. Оставшись послѣ смерти мужа на свободѣ, Скавронская почувствовала полную самостоятельность, и преж-

няя затворническая жизнь показалась ей невыносимо-скучною. Развлеченія и удовольствія, пріемы гостей, выѣзды на балы и къ знакомымъ сдѣлались для нея теперь необходимостью. Она какъ будто переродилась, и, по пріѣздѣ въ Петербургъ, Литта нашелъ ее совсѣмъ уже не той, какою зналъ ее въ Неаполѣ.

— Вы, графъ, такъ и остались монахомъ? спросила Скавронская Литту при первой съ нимъ встрѣчѣ, когда онъ пріѣхалъ къ ней съ визитомъ. Несмотря на сдержанность вдовушки, было однако замѣтно, что она очень обрадовалась неожиданному свиданію съ прежнимъ знакомцемъ.

— Вы не ошибаетесь, отвѣчалъ бальи.—Но вы, графиня, кажется—уже не та затворница, какою были прежде?

— Да̀, я измѣнилась и нахожу, что очень хорошо сдѣлала. Прежде я умирала отъ тоски, а теперь убѣдилась, что жизнь не такъ печальна, какъ она представлялась мнѣ въ былое время... А вы пріѣхали къ намъ въ Петербургъ надолго? спросила она, не безъ волненія ожидая отвѣта на этотъ вопросъ.

— Срокъ моего пребыванія въ Петербургѣ будетъ зависѣть отъ хода дѣлъ или, вѣрнѣе сказать, отъ воли императора... Вы были, графиня, настоящей пророчицею: помните, какъ въ послѣднее наше свиданіе вы вдругъ высказали мысль, чтобы нашъ орденъ обратился къ покровительству Россіи. Признаюсь, я съ изумленіемъ услышалъ такое предложеніе; оно тогда казалось мнѣ несбыточнымъ, невѣроятнымъ, а между тѣмъ обстоятельства сложились такъ, что самъ же я въ орденскомъ капитулѣ указалъ на Россію какъ на единственную нашу заступницу. Извините, что я похитилъ у васъ эту мысль. Недаромъ же у всѣхъ народовъ женщины считаются одаренными духомъ прорицанія. Если нашъ славный рыцарскій орденъ получитъ отъ Россіи поддержку—которая несомнѣнно предотвра-

титъ удары, грозящіе ему со стороны Франціи — то этимъ онъ будетъ обязанъ собственно вамъ. Не напрасно, значитъ, рыцарство питало безграничное уваженіе къ женщинамъ: теперь одной изъ нихъ, быть можетъ, придется спасти отъ погибели самый знаменитый рыцарскій орденъ, съ воодушевленіемъ проговорилъ Литта.

— Вы—все такой же горячій приверженецъ вашего ордена, какъ были и прежде? Надобно полагать, что любовь не затронула еще вашего сердца и что данный вами обѣтъ безбрачія нисколько не тяготитъ васъ... А знаете, графъ, что я всякій разъ смѣюсь отъ души, когда вспомню объ этомъ странномъ обѣтѣ... Какой же вы—монахъ?.. И она засмѣялась веселымъ и звонкимъ смѣхомъ.

— Я слишкомъ свято чту мои рыцарскіе обѣты, чтобы когда-нибудь могъ отречься отъ нихъ. Я убѣжденъ, что никакія блага міра не заставятъ меня сойти съ того пути, по которому я пошелъ съ твердою вѣрою въ помощь Бога и въ покровительство его великаго угодника святаго Іоанна Крестителя, проговорилъ съ суровымъ благоговѣніемъ Литта.

— Васъ, я полагаю, никто и не думаетъ совращать съ избраннаго вами пути... Идите, идите по немъ! спокойно-шутливо перебила Скавронская.

— Всю мою жизнь, всѣ мои силы, всѣ мои труды я отдавалъ и буду отдавать на пользу нашего рыцарскаго братства... Я былъ бы измѣнникомъ, я былъ бы недостоинъ моего сана, если бы хоть сколько-нибудь поколебался исполнить мою священную обязанность.

Литта произносилъ эти слова съ постепенно-усилившимся жаромъ, между тѣмъ какъ молодая женщина закусывала розовыя губки, стараясь удержаться отъ смѣха.

— Вы сказали, что женщины одарены духомъ пророчества, такъ я же напророчу вамъ: вы когда-нибудь влюбитесь и женитесь...

— Этого никогда не можетъ быть! твердымъ голосомъ возразилъ Литта.—Святость моихъ рыцарскихъ обѣтовъ не допуститъ меня до этого. Я никогда не забуду присяги, которую я принесъ во имя всемогущаго Бога!.. Притомъ я уже прожилъ годы кипучей юности, выдержалъ не мало искушеній и еще болѣе, убѣдился, что женщины...

— Ахъ, кстати. Помните ли вы, какъ въ послѣдній вечеръ, проведенный вами со мною въ Неаполѣ, вы начали говорить объ этомъ предметѣ... перебила Скавронская, смотря пытливо на своего собесѣдника.

— Я былъ бы самымъ неблагодарнымъ человѣкомъ въ мірѣ, еслибы забылъ хоть одну минуту, которую провелъ съ вами, сказалъ Литта, и въ голосѣ его зазвучала та притворная сентиментальность, какою отличались любезники прошлаго вѣка.

— Стыдно, стыдно монаху говорить такія нѣжности! замѣтила съ веселою строгостію Скавронская, наставительно покачивая своею напудренною головкою.—Доскажите теперь просто, что вы тогда хотѣли сказать.

— Я хотѣлъ сказать, заминаясь началъ Литта, что женщины любятъ властвовать надъ мужчинами и что я никогда не хотѣлъ бы быть рабомъ одной изъ нихъ...

— Вотъ какъ!.. по вашему, значитъ, нужно, чтобы вы, мужчины, властвовали надъ нами? Нѣтъ, господа, прошли тѣ счастливыя для васъ времена, когда вы могли считать себя нашими владыками...

— Я не желаю властвовать надъ женщиною, а потому пред-

почелъ не ставить ее въ зависимость отъ меня, да и самому не быть въ зависимости отъ нея...

— Это очень похвально, но извините меня за мою откровенность, если я скажу вамъ, синьоръ Джуліо, что вы неискренни...

Хотя слова эти были сказаны съ чрезвычайною мягкостью, но бальи замѣтно смутился.

— Какъ рыцарь, продолжала Скавронская:—вы, безъ сомнѣнія, и прямодушны, и откровенны; какъ монахъ, вы, конечно, смиренны, а пожалуй, даже и лицемѣрны; а какъ дипломатъ, пріѣхавшій съ затаенными цѣлями, вы уже навѣрно скрытны и коварны. Вы представляете изъ себя такого ненавистника женщинъ, а между тѣмъ...

— Что вы хотите сказать?.. перебилъ какъ бы встревожившійся Литта.

— Я хочу сказать, что помощь женщинъ будетъ вамъ нужна для успѣшнаго окончанія того дѣла, по которому вы сюда пріѣхали...

— Странный, хотя, сказать по правдѣ, и не новый путь!—насмѣшливо замѣтилъ Литта, пожавъ плечами.—Неужели же и у васъ въ Россіи женщины имѣютъ такое вліяніе на политическія дѣла, что нужно заискивать ихъ посредничества?..

— Доставьте имъ случай хоть чѣмъ-нибудь отблагодарить рыцарство за то уваженіе, какое оно постоянно и всюду оказывало имъ, улыбаясь, сказала Скавронская.

— Но императоръ, какъ слышно, настолько суровъ, на столько недоступенъ, что едва ли участіе женщины можетъ имѣть вліяніе въ томъ важномъ дѣлѣ, по которому я сюда пріѣхалъ. Притомъ, для знаменитаго рыцарскаго ордена, который въ теченіе семи вѣковъ поддерживалъ свое существованіе геройскими подвигами...

— Такой способъ поддержки будетъ неумѣстенъ, неприличенъ... Вы, вѣроятно, это хотите сказать? спросила Скавронская.

Литта слегка и печально кивнулъ головою въ знакъ согласія.

— Въ такомъ случаѣ, откажитесь отъ исполненія той задачи, для которой вы сюда пріѣхали. Съ мужчинами, окружающими императора, дѣло вести слишкомъ трудно. Ростопчина, который вамъ будетъ нуженъ едвали не прежде всѣхъ, вы съ трудомъ увидите; до него нѣтъ доступа иностраннымъ посланникамъ, да притомъ Ростопчинъ не слишкомъ много разговорится съ вами: онъ любитъ отмалчиваться изъ боязни, чтобъ не сказать что-нибудь не кстати... Кутайсовъ не приметъ участія въ дѣлахъ вашего ордена: онъ въ подобныя дѣла не вмѣшивается, они не по его части. Князь Куракинъ?—но онъ слишкомъ любитъ Францію и не станетъ побуждать государя къ раздору съ нею. Затѣмъ, всѣ другія, приближенныя къ императору лица соприкасаются только или съ военными дѣлами, или съ дѣлами по внутреннему управленію государства и не позволяютъ себѣ мѣшаться во внѣшнюю политику. Да и сказать по правдѣ, едвали вы найдете въ нашемъ обществѣ такихъ лицъ, которыя стали бы сочувствовать бѣдственному положенію вашего ордена; у насъ рыцарства никогда не существовало, и о значеніи его едвали кто изъ русскихъ имѣетъ какое-нибудь понятіе. Рыцарствомъ увлекутся развѣ женщины, да и то потому только, что онѣ познакомились съ нимъ изъ французскихъ романовъ...

— Но я буду имѣть возможность объясняться непосредственно съ императоромъ. Онъ чрезвычайно близко принимаетъ къ сердцу настоящее положеніе нашего ордена, и я думаю,

что его благосклоннаго вниманія будетъ вполнѣ достаточно для того, чтобы Россія приняла самое дѣятельное участіе въ нашей судьбѣ.

— Это совершенно вѣрно, но дѣло въ томъ, что всѣ предположенія, высказанныя вами государю, будутъ переданы для разсмотрѣнія или для исполненія кому-нибудь изъ лицъ, пользующихся его довѣренностію, а они могутъ дать подготовленному вами плану такое направленіе, какого вы вовсе не ожидаете, и безъ особаго на нихъ вліянія вы ни въ чемъ не успѣете. Положимъ, что государь поручитъ ваше дѣло князю Безбородкѣ, но кто же не знаетъ, что князь бываетъ въ рукахъ той женщины, которая ему нравится? Кутайсовъ находится нынѣ подъ сильнымъ вліяніемъ одной госпожи, графъ Морковъ — тоже. Наконецъ, при дворѣ есть еще нѣкоторыя особы женскаго пола, которыя сами по себѣ имѣютъ силу. Притомъ, я должна предупредить васъ, что, если вы будете вести переговоры прямо съ государемъ, удостоиваться частыхъ его бесѣдъ и если при этомъ его величество будетъ оказывать вамъ вниманіе и довѣріе, то противъ васъ начнутся происки и интриги, и тогда, при измѣнчивомъ характерѣ государя, вамъ не удастся довести благополучно до конца ваше дѣло.

— И такъ, по вашему мнѣнію, мнѣ необходимо искать при здѣшнемъ дворѣ поддержки со стороны женщинъ?.. спросилъ запинаясь, Литта.

— Да; по крайней мѣрѣ, такъ мнѣ думается.

— Но скажите, которая же изъ нихъ можетъ быть намъ полезна?.. Я спрашиваю объ этомъ только изъ любопытства, поспѣшилъ добавить Литта.

— Болѣе всѣхъ госпожа Шевалье, спокойно отвѣчала Скавронская.

— Госпожа Шевалье?.. Ктожъ она?..

— Актриса здѣшняго французскаго театра, премиленькая особа, находящаяся нынѣ подъ покровительствомъ Кутайсова... Она можетъ сдѣлать многое...

— О, несчастный нашъ орденъ!.. съ отчаяніемъ вскрикнулъ Литта, хватаясь за голову:—неужели намъ суждено дойти до такого позора!..

Онъ хотѣлъ сказать еще что-то, обращаясь къ Скавронской, но вошедшій въ это время лакей доложилъ ей о пріѣздѣ графа Ивана Павловича Кутайсова.

VIII.

Пріѣздъ графа Литты въ Петербургъ возбудилъ много толковъ въ высшемъ столичномъ обществѣ. Наружность его, бросавшаяся въ глаза мужественною красотою и аристократическою представительностію, его званіе и монаха, и рыцаря и самая цѣль его поѣздки заставляли говорить о немъ въ тогдашнихъ петербургскихъ гостиныхъ, гдѣ до тѣхъ поръ о мальтійскихъ рыцаряхъ не было еще и помину и гдѣ мальтійскій орденъ назывался орденомъ святой Мальты или «Ивановскимъ». Даже и до сихъ поръ оффиціальныя свѣдѣнія о сношеніяхъ Россіи съ Мальтою представляются крайне сбивчивыми. Извѣстно только, что сношенія эти завелъ впервые Петръ Великій, отправившій съ своею грамотою къ великому магистру Бориса Петровича Шереметева, который первый изъ русскихъ носилъ знаки мальтійскаго ордена. Въ царствованіе императрицы Елизаветы Петро-

вны, при дворѣ ея, неизвѣстно, впрочемъ, по какому именно поводу, явился весьма скромно посланникъ великаго магистра, маркизъ Сакрамоза, и въ нашихъ архивахъ сохранилось о немъ слѣдующее свѣдѣніе: «ея императорское величество изволила апробовать докладъ канцлера графа Воронцова о выдачѣ маркизу Сакрамозѣ фунта лучшаго ревеня, дабы онъ могъ отвезти сіе въ подарокъ своему грандъ-метру».

Императрица Екатерина II была расположена вообще къ мальтійскому ордену и лично къ его вождю, престарѣлому князю Рогану. Она отправила на Мальту шесть молодыхъ русскихъ для пріобрѣтенія тамъ навыка въ морскомъ дѣлѣ, и, кромѣ того, имѣла политическіе виды на орденъ. Императрица заключила союзъ противъ турокъ съ великимъ магистромъ, но графъ Шуазель, министръ иностранныхъ дѣлъ короля Людовика XV, былъ крайне недоволенъ такимъ сближеніемъ ордена съ Россіею и грозилъ Рогану, что, если союзъ этотъ продолжится, то французское правительство отниметъ у ордена всѣ его имѣнія, находящіяся во Франціи. Въ виду этой угрозы, Роганъ вынужденъ былъ отказаться отъ союза съ Россіею, но тѣмъ не менѣе между нимъ и императрицею Екатериною сохранились самыя пріязненныя отношенія. Вслѣдствіе ихъ, Роганъ переслалъ ей всѣ планы и карты, которые были составлены на Мальтѣ для военной экспедиціи рыцарей на Востокъ, а также сообщилъ ей тѣ секретныя инструкціи, которыя должны были быть даны главному предводителю рыцарей для руководства во время этой экспедиціи. Желая поддерживать постоянныя сношенія съ орденомъ, императрица назначила на Мальту своимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ какого-то итальянскаго маркиза Кабалькабо, но такъ какъ денежныя средства ордена не позволяли ему имѣть при пышномъ дворѣ Екатерины такого пред-

ставителя, который поддерживалъ бы тамъ блескомъ своей обстановки достоинство ордена, то, послѣ смерти маркиза Кабалькабо, императрица, чтобъ не ставить орденъ въ затруднительное положеніе, не назначала уже дипломатическаго представителя въ Лавалетту, столицу великихъ магистровъ.

На третій день послѣ своего церемоніальнаго въѣзда въ Петербургъ, Литта имѣлъ торжественную аудіенцію, на которую онъ и его спутники отправились въ Зимній дворецъ въ парадныхъ придворныхъ экипажахъ, проѣзжая по улицамъ вдоль разставленныхъ по обѣимъ сторонамъ гвардейскихъ полковъ. Такъ какъ, по уставамъ мальтійскаго ордена, владѣтельные государи и члены ихъ семействъ обоего пола могли вступать, несмотря на вѣроисповѣданіе, въ орденъ безъ принятія рыцарскихъ обѣтовъ, получая такъ называемые «кресты благочестія» (di devozione), то Литта везъ съ собою во дворецъ орденскіе знаки для императора, его супруги и ихъ дѣтей.

Облеченный въ порфиру, съ короною на головѣ, государь принялъ Литту, согласно тогдашнему церемоніалу, установленному для торжественныхъ аудіенцій, даваемыхъ иностраннымъ посламъ. На ступеняхъ трона стояли представители высшаго православнаго духовенства, въ числѣ, которыхъ былъ митрополитъ Гавріилъ и архіепископъ Евгеній Булгарисъ. Литту сопровождали: секретарь посольства и три кавалера, которые несли на подушкахъ изъ золотой парчи часть десницы Іоанна Крестителя—мощи, хранившіяся въ Лавалеттѣ, знаки мальтійскаго ордена и кольчугу, приготовленную на Мальтѣ для императора. Вступивъ въ залу и сдѣлавъ императору три глубокіе поклона, Литта, послѣ представленія вѣрительной грамоты, произнесъ предъ императоромъ на французскомъ языкѣ привѣтственную рѣчь, въ которой благодарилъ его величество за ока-

занное имъ расположеніе къ мальтійскому рыцарству, и просилъ Павла Петровича объявить себя покровителемъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. По повелѣнію государя, графъ Ростопчинъ отвѣчалъ на эту рѣчь въ сочувственныхъ, но слишкомъ общихъ выраженіяхъ, заявляя, что его величество готовъ постоянно оказывать свое высокое покровительство знаменитому ордену.

Послѣ этихъ рѣчей, Литта возложилъ на императора поднесенную его величеству отъ имени мальтійскихъ рыцарей кольчугу, а императоръ, взявъ самъ съ подушки древній крестъ великаго магистра Лавалетта съ изображеніемъ на немъ лика палермской богоматери, надѣлъ на шею этотъ крестъ, прикрѣпленный къ старинной золотой цѣпи. Въ такомъ уборѣ, съ накинутою поверхъ императорскою порфирою, Павелъ Петровичъ пришпилилъ на лѣвое плечо императрицѣ, преклонившей передъ нимъ колѣно, бантъ изъ черной ленты съ бѣлымъ финифтянымъ крестомъ. По окончаніи этой церемоніи, исполненной государемъ съ выраженіемъ глубокаго благоговѣнія, подошелъ къ трону, безъ шпаги, наслѣдникъ престола великій князь Александръ Павловичъ и преклонилъ колѣно передъ императоромъ. Государь снялъ съ себя корону и, спустивъ съ плечь порфиру, надѣлъ поданную ему трехугольную шляпу и, обнаживъ свою шпагу, сдѣлалъ ею плашмя три рыцарскіе удара по лѣвому плечу великаго князя, послѣ чего, вручивъ ему его шпагу, возложилъ ему на шею знаки большаго креста и за тѣмъ трижды облобызалъ, какъ новаго брата по ордену.

По окончаніи этой аудіенціи, Литта былъ введенъ въ залу, гдѣ находились великій князь Константинъ Павловичъ и великія княжны, которымъ онъ поднесъ на золотой глазетовой подушкѣ орденскіе кресты. Въ теченіе всего этого дня Павелъ Петро-

вичъ былъ въ отличномъ расположеніи духа и объявилъ, что, независимо отъ великаго пріорства, существовавшаго уже въ областяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, онъ намѣренъ учредить еще особое русское великое пріорство.

Такимъ образомъ, Литтѣ удалось сдѣлать въ Петербургѣ первый успѣшный шагъ въ пользу ордена. Извѣстіе о пріемѣ, оказанномъ ему со стороны русскаго государя, произвело на Мальтѣ неописанный восторгъ, а европейскія газеты заговорили о выраженномъ Павломъ Петровичемъ сочувствіи къ мальтійскому ордену, какъ о важномъ признакѣ въ направленіи русской политики. Люди проницательные предвидѣли, что, при пылкомъ характерѣ императора, способнаго увлекаться до послѣднихъ крайностей, сочувствіе его къ ордену не ограничится однимъ только номинальнымъ покровительствомъ, но что, пожалуй, онъ будетъ готовъ съ оружіемъ въ рукахъ защищать мальтійскій орденъ отъ опасностей, грозившихъ ордену со стороны республиканской Франціи. Между тѣмъ, въ Петербургѣ въ пользу Литты начала составляться большая партія изъ французскихъ эмигрантовъ и русскихъ дамъ, и среди этихъ послѣднихъ самою дѣятельною пособницею Литты была, конечно, графиня Скавронская.

Для переговоровъ съ Литтою о заключеніи конвенціи между великимъ магистромъ и Россіею были назначены государемъ канцлеръ князь Безбородко и вице-канцлеръ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ. Поводомъ-же къ этой конвенціи послужили слѣдующія обстоятельства.

Въ 1609 году одинъ изъ богатѣйшихъ польскихъ магнатовъ на Волыни, князь Янушъ Острожскій—Рюриковичъ по происхожденію—постановилъ, чтобы часть его имѣній, подъ именемъ «острожской ординаціи», переходила безраздѣльно къ старшему

въ родѣ князей Острожскихъ съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ пресѣченія этой фамиліи, упомянутая ординація перешла во владѣніе мальтійскаго ордена. Впослѣдствіи, ординація, по женскому колѣну, перешла къ Сангушкамъ-Любартовичамъ, и послѣдній изъ владѣтелей ординаціи, Янушъ Сангушко, большой руки кутило, не обращая никакого вниманія на завѣщаніе своего предка, и дарилъ, и продавалъ, и закладывалъ имѣнія, входившія въ составъ острожской ординаціи, такъ что, по смерти его, въ 1753 году, мальтійскимъ рыцарямъ не досталось ровно ничего изъ завѣщаннаго имъ княземъ Янушемъ Острожскимъ. Тщетно по поводу этого представители мальтійскаго ордена приносили жалобы и королю, и сейму—ихъ никто не хотѣлъ слушать. Наконецъ, въ 1775 году, сеймъ постановилъ отпускать въ пользу мальтійскаго ордена ежегодно 120,000 злотыхъ изъ государственныхъ доходовъ, между тѣмъ какъ имѣнія, отобранныя въ казну отъ тѣхъ, кому продалъ и раздарилъ ихъ Сангушко, давали въ годъ дохода 300,000 злотыхъ. Но, при происходившихъ въ Рѣчи Посполитой смутахъ и эта назначенная ордену сумма выплачивалась крайне неисправно. Съ переходомъ, въ 1793 году, подъ власть Россіи, Волыни, гдѣ находились имѣнія острожской ординаціи, вопросъ объ удовлетвореніи претензіи ордена былъ поставленъ въ зависимость отъ русскаго правительства, принявшаго на себя уплату извѣстной части долговъ Рѣчи Посполитой. Екатерина II не успѣла покончить это дѣло, а Павелъ Петровичъ пожелалъ рѣшить его въ пользу мальтійскаго ордена, заключивъ съ великимъ магистромъ особую конвенцію.

«Его императорское величество, сказано было въ началѣ конвенціи—съ одной стороны, соизволяя изъявить знаменитому мальтійскому ордену свое благоволеніе, вниманіе и уваженіе и тѣмъ обезпечить и распространить въ областяхъ своихъ заведеніе се-

го ордена, существующее уже въ Польшѣ и особливо въ присоединенныхъ нынѣ къ россійской державѣ областяхъ польскихъ и желая также доставить собственнымъ своимъ подданнымъ, кои могутъ быть приняты въ знаменитый мальтійскій орденъ, всѣ выгоды и почести изъ сего проистекающія; съ другой стороны, державный мальтійскій орденъ и «Его преимущество» гроссмейстеръ, зная всю цѣну благоволенія его императорскаго величества къ нимъ, важность и пользу такого заведенія въ россійской имперіи и желая, съ своей стороны, соотвѣтствовать мудрымъ и благотворительнымъ распоряженіямъ его императорскаго величества всѣми средствами и податливостью, совмѣстными съ установленіями и законами ордена, съ общаго согласія между высокодоговаривающимися сторонами условились объ установленіи сего ордена въ Россіи».

На первый разъ великое пріорство ордена установлялось только для лицъ римско-католическаго исповѣданія и имъ дозволено было учреждать родовыя командорства, «по коимъ бы все римско-католическое дворянство россійской имперіи, даже тѣ, кои по своимъ обстоятельствамъ не могутъ прямо вступить въ обязанности статутовъ, участвовали бы въ отличіяхъ, почестяхъ и преимуществахъ, присвоенныхъ сему знаменитому ордену».

Въ замѣнъ доходовъ, слѣдовавшихъ ордену съ острожской ординаціи, условлено было отпускать изъ государственнаго казначейства 300,000 злотыхъ, считая злотъ не по 15, а по 25 копѣекъ. Въ Россіи должно быть устроено великое пріорство и десять командорствъ, съ присвоенными имъ ежегодными денежными доходами. Высшее наблюденіе за новымъ великимъ пріорствомъ было предоставлено гроссмейстеру мальтійскаго ордена и его полномочному министру, находящемуся при петербургскомъ дворѣ, а всѣ важные вопросы, относящіеся къ рус-

скому пріорству, должны были быть разрѣшаемы на Мальтѣ или гроссмейстеромъ, или орденскимъ капитуломъ. Императоръ, въ ограниченіе правъ ордена, потребовалъ только одного, а именно—чтобы санъ великаго пріора, равно какъ и командорства, отъ него зависящія, не должны быть жалуемы ни подъ какимъ видомъ кому либо иному, кромѣ подданныхъ его величества.

Въ концѣ этой конвенціи, столь выгодной для ордена, сказано было, что «его величество и его преимущество убѣждены въ важности и пользѣ миссіи мальтійскаго ордена, долженствующей имѣть постоянное пребываніе въ Россіи, для облегченія и сохраненія безпосредственныхъ сношеній между обоюдными ихъ областями и для тщательнаго наблюденія всѣхъ подробностей сего новаго заведенія». Представителемъ этой миссіи, къ радости влюбленной Скавронской, былъ назначенъ графъ Литта, страсть котораго къ красавицѣ-вдовушкѣ возбуждала уже толки въ высшемъ петербургскомъ обществѣ. Всѣ находили, что эта пара могла бы быть прекрасной супружеской четой, а между тѣмъ извѣстно было, что бракъ ихъ не могъ состояться, вслѣдствіе рыцарскаго обѣта, даннаго графомъ Литтою, и отъ котораго, какъ казалось, онъ не рѣшится отступить, дѣйствуя съ такимъ усердіемъ въ пользу ордена.

IX.

— Я желалъ побесѣдовать съ вами, господинъ бальи, о дѣлахъ ордена одинъ на одинъ и, притомъ, съ полною откровенностію съ обѣихъ сторонъ, сказалъ по-французски императоръ графу

Литтѣ, вошедшему въ его кабинетъ послѣ обычнаго доклада.— Что сообщите вы мнѣ, какъ лицо уполномоченное отъ ордена?.. добавилъ государь, запирая на ключъ двери кабинета.

— Я долженъ почтительнѣйше доложить вашему императорскому величеству, что положеніе дѣлъ нашего ордена чрезвычайно печально и что помощь, которую окажете державному ордену, вы, государь, составляетъ единственную надежду мальтійскихъ рыцарей, отвѣчалъ съ глубокимъ поклономъ Литта.

— Прошу васъ садиться, проговорилъ привѣтливо Павелъ и вмѣстѣ съ тѣмъ повелительнымъ движеніемъ руки указалъ Литтѣ на стулъ, поставленный у столика, за которымъ государь обыкновенно принималъ доклады своихъ министровъ.—Я довольно хорошо знаю исторію вашего ордена и вполнѣ сочувствую его высокимъ цѣлямъ. Надѣюсь, что я отчасти уже доказалъ это, говорилъ императоръ, садясь у столика напротивъ Литты.

— Въ такомъ благородномъ сердцѣ, какъ ваше, государь, учрежденіе это не можетъ вызывать къ себѣ иного чувства, кромѣ состраданія. Въ теченіи семи вѣковъ боевой славы, нашъ орденъ былъ оплотомъ христіанства противъ завоевательныхъ стремленій невѣрныхъ, но теперь, когда другіе враги христіанства, изъ среды его же самого, расшатали и подорвали всѣ его основы, нашему ордену страшны не поклонники Магомета, сломленные окончательно силою русскаго оружія, но бывшіе поклонники Христа. Все, что зиждется на началахъ христіанскаго ученія, нынѣ разрушается; все, что носитъ на себѣ печать священной старины, подвергается позору и уничтоженію...

— Это правда, насупившись, замѣтилъ императоръ: —и я, съ моей стороны, готовъ употребить всѣ средства, чтобы положить предѣлъ этимъ пагубнымъ потрясеніямъ. Когда я былъ еще наслѣдникомъ престола, то въ запискѣ, поданной мною покойной

государынѣ, моей матери, высказывалъ мысль, что Россіи слѣдуетъ отказаться отъ наступательныхъ войнъ и устроить только оборонительную военную силу. Теперь же, къ прискорбію моему, я вижу, что мысль эта была ошибочная мечта и что Россіи необходимо выходить на бой съ оружіемъ въ рукахъ противъ враговъ общественнаго порядка, нетолько не дожидаясь ихъ нападенія, но даже и безъ прямого вызова съ ихъ стороны, и я, для уничтоженія гибельныхъ революціонныхъ стремленій, воспользуюсь тою властію, которую даровалъ мнѣ Господь, и всѣми тѣми средствами, которыми располагаю, какъ самодержавный русскій императоръ! проговорилъ съ замѣтнымъ воодушевленіемъ Павелъ Петровичъ.

— Благоволите, государь, употребить хоть нѣкоторую долю вашихъ необъятныхъ средствъ на защиту нашего ордена. Вы принесете этимъ огромную пользу и христіанству, и монархіямъ...

— Что касается христіанства, это—такъ; что же касается монархій, то позвольте, достопочтенный господинъ бальи, замѣтить вамъ, что въ этомъ отношеніи вы нѣсколько ошибаетесь; у васъ верховная власть находится не въ рукахъ наслѣдственнаго государя, но лица, избраннаго самими вами; поэтому вы—скорѣе республиканцы, нежели монархисты, шутливо замѣтилъ императоръ.—Правда, впрочемъ, и то, что ваша республика—совершенная противоположность французской; надъ вашимъ орденомъ почіетъ благословеніе Божіе, и да продлится оно нескончаемо во вѣки вѣковъ, добавилъ онъ съ чувствомъ.

— Аминь! торжественно произнесъ Литта.

Государь одобрительно взглянулъ на него.

— Мы, продолжалъ бальи: — собственно члены монашеской общины и потому наслѣдственность верховной власти у насъ не-

возможна. Время, однако, заставляетъ насъ дѣлать уступки въ отмѣну прежнихъ порядковъ, и, вѣроятно, орденъ, отступивъ еще болѣе отъ своего монашескаго устройства, охотно признаетъ надъ собою наслѣдственную власть одной изъ христіанскихъ династій, царствующихъ въ Европѣ.

— А, это—совсѣмъ другое дѣло, съ выраженіемъ удовольствія перебилъ Павелъ Петровичъ. Онъ быстро приподнялся съ креселъ. Литта поспѣшилъ встать со стула, но государь, съ ласковымъ взглядомъ положивъ руку на его плечо, удержалъ его на стулѣ и, смотря прямо ему въ глаза, сказалъ твердымъ голосомъ:

— При такомъ условіи, орденъ непремѣнно найдетъ поддержку въ европейскихъ государяхъ.

Проговоривъ это, Павелъ опустился въ кресло и, подперевъ лобъ рукою, упертою на столъ, глубоко призадумался.

— Но, ваше величество, заговорилъ Литта:—въ настоящее время всѣ европейскіе государи настолько слабы, что ни одинъ изъ нихъ не можетъ оказать ордену дѣйствительной поддержки. Имъ всѣмъ, не исключая даже и самаго могущественнаго изъ нихъ, римско-нѣмецкаго императора, французская революція угрожаетъ такими опасностями, что имъ приходится думать лишь о сохраненіи ихъ собственныхъ священныхъ правъ. Только вы, государь, можете защитить насъ, громко и трогательно произнесъ Литта.

Съ этими словами, онъ вскочилъ со стула и, падая передъ императоромъ на колѣни, какъ погибающій, простиралъ къ нему руки. Павелъ былъ смущенъ и взволнованъ. Онъ показалъ бальи глазами, чтобы онъ всталъ, а самъ, отдуваясь, заходилъ быстрыми шагами по кабинету. Литта, склонивъ голову, стоялъ молча, выжидая, что скажетъ ему императоръ.

— Я объявилъ себя протекторомъ ордена, но затрудняюсь принять орденъ подъ непосредственную мою власть, началъ онъ, продолжая ходить по комнатѣ и какъ будто разсуждая самъ съ собою. — Враги мои заговорятъ, что я сдѣлалъ это съ цѣлью новыхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, пользуясь тѣми смутами, которыя волнуютъ теперь Европу, а это было бы съ моей стороны нечестно; да, нечестно. Такъ или нѣтъ? спросилъ онъ, остановившись вдругъ передъ Литтою.

— Государь! отвѣчалъ почтительно Литта:—держава ваша такъ обширна, что присоединеніе къ ней такого ничтожнаго острова, какъ Мальта—этой голой скалы, воздѣланной вѣковыми усиліями тамошнихъ жителей, не можетъ породить никакихъ толковъ, неблагопріятныхъ для извѣстнаго всему міру прямодушія вашего величества.

— Тѣмъ болѣе я долженъ быть осторожень и поддерживать добрую о себѣ славу, замѣтилъ съ довольнымъ видомъ императоръ.—Враги мои могутъ говорить обо мнѣ что имъ угодно, но никто изъ нихъ не рѣшится сказать, чтобы я поступалъ когда-нибудь коварно и вѣроломно. И во внутренней, и во внѣшней политикѣ я веду дѣла съ полною откровенностію—на чистоту... Вы, итальянцы—ученики Маккіавелли, а я—русскій царь, врагъ всякаго лицемѣрія и двоедушія, какъ у себя дома, такъ и въ моихъ сношеніяхъ съ иностранными кабинетами. Я объявилъ себя покровителемъ мальтійскаго ордена; этимъ я сдѣлалъ первый шагъ и пока не вижу надобности дѣлать второй, т. е. принять подъ свою верховную власть ваше рыцарство. Если бы, при настоящемъ положеніи дѣлъ, я вынужденъ былъ защитить Мальту вооруженною рукою отъ нападенія республиканцевъ и если бы пришлось мнѣ такимъ способомъ пріобрѣсти этотъ островъ,

то я прямо говорю вамъ, что, по праву завоевателя, я не затруднился бы присоединить его къ моимъ владѣніямъ...

— И это принесло бы существенную пользу Россіи, поспѣшилъ добавить Литта. — Ей нужно имѣть свой собственный портъ на Средиземномъ Морѣ, а Мальта представляетъ для этого всѣ удобства: она лежитъ на полпути между Европою и Африкою, съ которой Россія до сихъ поръ не имѣетъ еще никакихъ сношеній. Владѣя же Мальтой, ваше величество имѣли бы въ Средиземномъ морѣ превосходную точку опоры, какъ въ стратегическомъ, такъ и въ торговомъ отношеніи...

— Соображенія ваши, господинъ бальи, вполнѣ вѣрны, отрывисто промолвилъ императоръ.—А какія другія выгоды представлялись бы для Россіи, если бы я принялъ вашъ орденъ подъ непосредственную мою власть?..

— Ваше величество стали бы во главѣ древнѣйшаго дворянства всей Европы—этого самаго надежнаго оплота каждой монархіи—оплота, истребляемаго теперь съ такимъ ожесточеніемъ французскими революціонерами. Вамъ, государь, конечно, извѣстно, что въ составъ нашего ордена входитъ цвѣтъ европейскаго дворянства, что для поступленія въ число рыцарей по праву происхожденія, въ число такъ называемыхъ «cavalieridi giustizia», нужно доказать древность рода...

— Я полагаю, однако, порывисто замѣтилъ императоръ: — что, если бы главою вашего ордена былъ самодержавный государь, то всякія ограничительныя для него условія, по принятію въ орденъ, были бы неумѣстны.

— Статуты наши въ этомъ отношеніи не представляютъ особыхъ затрудненій: они дозволяютъ великому магистру принимать, по собственному его усмотрѣнію, и тѣхъ, кто неудовлетворяетъ генеалогическимъ требованіямъ. Если такое лицо ока-

зало особыя заслуги, то оно можетъ быть принято въ разрядъ такъ называемыхъ «cavalieri di grazia». Полагаю, ваше величество, не безъ нѣкоторой надменности продолжалъ Литта: — что такое право весьма достаточно для монарха, который хотя и можетъ каждаго изъ своихъ подданныхъ сдѣлать дворяниномъ, барономъ, графомъ, княземъ, герцогомъ, но не можетъ сдѣлать древнимъ дворяниномъ, потому что не въ силахъ дать благородныхъ предковъ тому, у кого ихъ нѣтъ. Это выше власти государя...

Гнѣвный огонь вспыхнулъ въ сѣрыхъ глазахъ императора, и видно было, что кровь бросилась ему въ лицо.

— Было бы вамъ извѣстно, господинъ бальи, заговорилъ грознымъ голосомъ Павелъ: — что я не люблю вступать съ кѣмъ бы то ни было въ разговоры о нѣкоторыхъ предметахъ, и при этихъ словахъ онъ сдѣлалъ движеніе рукою, какъ будто устраняя что-то отъ себя.—Я имѣю привычку требовать, чтобы въ иныхъ случаяхъ только выслушивали мое мнѣніе. Выслушайте и вы его: я цѣню только личныя заслуги и не обращаю никакого вниманія на знатность и древность рода. Я кончилъ; теперь вы можете говорить...

— Принимаю смѣлость замѣтить вашему величеству, что орденъ нашъ, и при тѣхъ условіяхъ, о которыхъ я упоминалъ передъ вами, совершенно разнится по своему устройству отъ феодальнаго дворянства. Онъ—военно монашеское учрежденіе, а ваше величество, конечно, изволите знать, что первая обязанность и воина, и монаха—повиновеніе. Мы обязаны во всемъ повиноваться великому магистру, и статуты наши гласятъ, что послушаніе старшимъ выше жертвы Богу. Если бы нашъ орденъ отказался блюсти это, то онъ не могъ бы вовсе существовать. Благоволите, государь, принять во вниманіе еще и то, что

рыцари ордена отличались постоянно покорностію передъ избираемыми ими же самими великими магистрами, и несомнѣнно, что такая покорность дошла бы у нихъ до безграничнаго повиновенія, если бы они въ лицѣ своего вождя увидѣли помазанника Божія. Древность же дворянскаго происхожденія нисколько не помѣшаетъ имъ быть самыми послушными, самыми вѣрными и самыми преданными слугами того, кому они, при благости Божіей, вручатъ верховную надъ собою власть...

Императоръ, закусивъ нижнюю губу, внимательно прислушивался къ словамъ Литты, и его прежде суровое лицо принимало постепенно выраженіе снисходительности.

— Замѣчанія ваши, господинъ бальи, совершенно вѣрны, сказалъ онъ. — Но не удивится-ли вся Европа, когда она увидитъ, что я, иновѣрный государь, глава церкви, которую вы, католики, признаете схизмою, становлюсь верховнымъ повелителемъ ордена, обязаннаго прежде всего повиновеніемъ главѣ католической церкви—святѣйшему папѣ римскому?..

— Не тому, государь, удивится Европа, съ воодушевленіемъ возразилъ Литта:—а тому, что рыцари-католики избрали своимъ вождемъ иновѣрнаго монарха!.. Не будетъ ли такое избраніе свидѣтельствовать передъ цѣлымъ свѣтомъ о томъ могуществѣ, какое находится въ рукахъ этого государя, а также и о томъ безпримѣрномъ великодушіи, какое онъ оказалъ всему христіанству, забывъ несчастный раздоръ между церквами восточной и западной. Ваше величество явили бы собою небывалый еще примѣръ того, какъ должны поступать христіанскіе монархи въ ту пору, когда безвѣріе грозитъ поколебать не ту или другую церковь въ отдѣльности, но вообще все евангельское ученіе. Ваше величество стали бы первымъ поборникомъ всего христіанскаго міра...

— Я поговорю объ этомъ съ вашимъ братомъ; онъ, какъ нунцій его святѣйшества при моемъ дворѣ, разъяснитъ мнѣ нѣкоторыя частности по такому, слишкомъ щекотливому вопросу... Но вотъ еще что: какой исключительный титулъ носитъ вашъ великій магистръ—Altesse éminentissime»? мнѣ извѣстно значеніе этого титула, и я думаю, что, если бы, положимъ я, возложилъ на себя званіе великаго магистра державнаго ордена Іоанна Іерусалимскаго...

Литта съ изумленіемъ и радостію посмотрѣлъ на государя, отъ котораго не скрылось чувство, овладѣвшее бальи.

— Не принимайте моихъ словъ даже за самое отдаленное предположеніе, поспѣшилъ добавить императоръ:—я обращаюсь къ вамъ просто съ вопросомъ: если бы я принялъ званіе великаго магистра, то не слѣдовало ли бы мнѣ присвоить титулъ «Majesté impériale éminentissime» «преимущественнѣйшаго, преосвященнѣйшаго императорскаго величества?» какъ бы про себя добавилъ по-русски Павелъ.

— Это было бы вполнѣ основательно, государь, но орденъ нашъ не смѣетъ льстить себя такою несбыточною надеждою... О, какъ высоко поднялось бы значеніе рыцарства, если бы теперь вождемъ его явился монархъ, подобный вашему величеству, къ стопамъ котораго орденъ положилъ бы всю свою былую славу, въ полной увѣренности, что она воскреснетъ и засіяетъ снова!—торжественно произнесъ Литта. Онъ замолчалъ и поникъ головою.

— Скажите мнѣ, господинъ бальи, заговорилъ императоръ, какъ будто припоминая что-то:—вѣдь и женщины вообще, не говоря о принадлежащихъ къ царствующимъ домамъ, могутъ входить въ составъ вашего ордена? Мнѣ помнится, что я читалъ это у аббата Верто...

— Такъ точно, ваше величество. Орденъ святаго Іоанна Іерусалимскаго, учрежденный первоначально съ благотворительною лишь цѣлію, открылъ въ свою среду доступъ и женщинамъ. Только впослѣдствіи, когда іоанниты обратились въ рыцарскую общину, обычай принимать въ орденъ женщинъ нѣсколько ослабѣлъ, а затѣмъ со временемъ и вовсе уничтожился; но статуты ордена нисколько не препятствуютъ ихъ вступленію въ нашу среду.

— Это необходимо было бы возобновить, съ живостью замѣтилъ императоръ.—Вы, конечно, знаете, что женщины—могущественная сила въ обществѣ, и очень часто онѣ въ состояніи сдѣлать то, чего мы, мужчины, не можемъ, не хотимъ или не умѣемъ сдѣлать... А кстати, вы уже давно знакомы съ графиней Скавронской?

— Я имѣлъ честь познакомиться съ графиней еще въ ту пору, когда покойный мужъ ея былъ посланникомъ въ Неаполѣ. По пріѣздѣ въ С.-Петербургъ, я, разумѣется, возобновилъ это знакомство...

— Гмъ... проговорилъ протяжно императоръ.—Благодарю васъ, господинъ бальи, за вашу бесѣду; я вскорѣ опять увижусь съ вами, а между тѣмъ прикажу князю Куракину переговорить съ вами о дѣлахъ ордена. Я думаю, впрочемъ, что послѣ того, какъ я разослалъ ко всѣмъ европейскимъ дворамъ извѣщеніе о принятіи ордена подъ мое покровительство, никто не посмѣетъ посягнуть на его права и независимость.

Сказавъ это, Павелъ Петровичъ слегка поклонился Литтѣ въ знакъ того, что аудіенція кончилась, и подалъ ему руку, которую бальи поцѣловалъ, преклонивъ колѣно передъ императоромъ.

X.

Среди дамъ, украшавшихъ собою въ исходѣ прошедшаго столѣтія, придворные балы, въ Петербургѣ, была и императрица Марія Θеодоровна. Хотя ко времени воцаренія ея супруга первая молодость государыни уже миновала, но тѣмъ не менѣе ея величественный и стройный станъ, кроткій, какъ будто успокоивающій взглядъ, а также нѣжныя и привлекательныя черты лица и въ эту пору жизни дѣлали ее замѣтною красавицею. Въ добавокъ къ этому, она своею обходительностію съ гостями оживляла балы, даваемые императоромъ Павломъ, отличавшіеся строгою церемоніальною сдержанностію. Государь, считавшійся прежде однимъ изъ лучшихъ танцоровъ въ Петербургѣ, пересталъ уже танцовать и только при открытіи бала дѣлалъ нѣсколько торжественныхъ туровъ польскаго съ тѣми дамами, которымъ онъ хотѣлъ оказать свое особенное вниманіе. Затѣмъ, въ продолженіи всего бала, онъ ходилъ по залѣ въ сопровожденіи дежурнаго флигель-адъютанта, слѣдовавшаго за нимъ въ ногу, шагъ за шагомъ, и ожидавшаго отъ него каждую минуту какого нибудь, иногда весьма суроваго приказанія. Случалось, порою, что императоръ, въ самомъ разгарѣ бала, замѣтивъ какую нибудь неисправность въ форменной одеждѣ кавалера или его неучтивость къ дамѣ, или невниманіе къ высшему лицу, отдавалъ флигель-адъютанту приказаніе отправить тотчасъ провинившагося или на гауптвахту, или въ петропавловскую крѣпость. Иной разъ бальная зала обращалась на нѣкоторое время въ аудіенц-залу: дежурный камергеръ, по прика-

занію государя, вызывалъ на средину залы того изъ присутствующихъ, съ кѣмъ государь желалъ говорить, и вызванный такимъ образомъ вдругъ узнавалъ о какой-нибудь особенной къ нему милости государя или, сверхъ всякаго ожиданія, подвергался строгой опалѣ. Порою, императоръ приказывалъ мужчинамъ-танцорамъ приглашать дамъ и танцовать съ ними вышедшія уже давно изъ моды танцы—гавотъ и менуэты.

Въ первое время своего царствованія, императоръ Павелъ назначалъ придворные балы довольно часто и иногда въ самые короткіе промежутки времени. Случилось однажды такъ, что императрица нѣсколько разъ сряду не являлась на балахъ, и отсутствіе ея объяснялось болѣзнью, хотя и не опасною, но чрезвычайно мучительною: государыня слишкомъ мѣсяцъ страдала невыносимою зубною болью, и всѣ старанія врачей уничтожить или, по крайней мѣрѣ, хотя ослабить ея страданія были безуспѣшны. Ни днемъ, ни ночью не стихали ея мученія, болѣзнь ея безпокоила и раздражала Павла Петровича. Во время одного изъ тѣхъ страшныхъ припадковъ усиленной боли, которые приходилось переносить ей, одна изъ приближенныхъ къ ней дамъ, графиня Мануцци, подала ей написанное по французски письмо за подписью аббата іезуитскаго ордена, Грубера. Въ письмѣ этомъ аббатъ просилъ у императрицы позволенія представиться ей лично, такъ какъ онъ имѣетъ вѣрное средство, чтобъ избавить ея величество отъ испытываемыхъ ею ужасныхъ страданій.

Письмо аббата показалось государынѣ чрезвычайно страннымъ. Она передала его императору, который любилъ все неожиданное и необыкновенное, а потому іезуитъ, заявившій съ такою увѣренностію о самомъ себѣ, какъ о зубномъ врачѣ,

былъ немедленно потребованъ во дворецъ, гдѣ, однако, Павелъ Петровичъ встрѣтилъ его не слишкомъ привѣтливо *).

— Вы беретесь вылечить ея величество?... Не слишкомъ ли много у васъ смѣлости, господинъ аббатъ? сурово спросилъ государь вошедшаго въ его кабинетъ іезуита.

— При помощи Божіей, я надѣюсь прекратить страданія ея величества, отвѣчалъ Груберъ, не смутившись нисколько подъ испытующимъ взглядомъ Павла Петровича.—При этомъ, государь, можетъ, впрочемъ, встрѣтиться одно весьма важное препятствіе, продолжалъ аббатъ:—мнѣ необходимо будетъ остаться на нѣсколько дней при ея величествѣ, чтобъ безпрестанно слѣдить за ходомъ болѣзни и тотчасъ же подавать помощь императрицѣ. Поэтому я вынужденъ просить у васъ, всемилостивѣйшій государь, разрѣшенія помѣститься на нѣсколько дней въ одной изъ комнатъ, ближайшихъ къ кабинету ея величества.

Такое неожиданное условіе, представленное аббатомъ, чрезвычайно поразило Павла Петровича. Онъ призадумался, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и, остановившись предъ Груберомъ, положилъ руку на его плечо.

— Я согласенъ удовлетворить ваше требованіе, господинъ аббатъ, проговорилъ съ нахмуренными бровями императоръ:— но съ тѣмъ, что и я буду наблюдать за вашимъ леченіемъ.

Іезуитъ почтительно поклонился государю, который приказалъ поставить въ кабинетѣ императрицы, около одного канапе, ширмы и тамъ устроилъ для себя временную опочивальню.

Получивъ просимое разрѣшеніе, Груберъ былъ внѣ себя отъ восторга. Теперь для наблюдательнаго и хитраго іезуита, умѣвшаго все подсмотрѣть, подслушать и вывѣдать, пробыть безвы-

---

*) Вся эта глава исторически вѣрна.

ходно въ покояхъ государыни нѣсколько дней и ночей сряду было такимъ событіемъ, о которомъ ни онъ, да и никто изъ его собратій не смѣлъ даже и подумать. Какой удобный случай представлялся ему для ознакомленія со всѣми мелочными условіями обиходной жизни царственной четы и со всѣми ихъ ежедневными привычками, а также для встрѣчи и знакомства съ лицами, приближенными къ ихъ величествамъ! Восторгъ Грубера умѣрялся, впрочемъ, до нѣкоторой степени при мысли объ исходѣ предпринятаго имъ леченія. Онъ зналъ, что разгнѣванный Павелъ Петровичъ шутить не любитъ и что, поэтому, онъ Груберъ, въ случаѣ неудачнаго леченія, какъ наглый и дерзкій обманщикъ, чего добраго, промѣняетъ въ одинъ мигъ царскіе чертоги на петропавловскій равелинъ. Груберъ шелъ теперь напропалую, понимая, что, если онъ и можетъ потерпѣть жестокую неудачу, то можетъ также разсчитывать и на успѣхъ своей отчаянной затѣи. Онъ видѣлъ, что для іезуитскихъ козней въ Россіи была теперь самая вожделѣнная пора, и считалъ непростительнымъ упустить такія благопріятныя обстоятельства, а потому, какъ ревностный служитель ордена, готовъ былъ даже пожертвовать собою на пользу Общества Іисуса.

Груберу, показавшему себя однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ распространителей іезуитизма, было въ эту пору подъ шестьдесятъ лѣтъ. Онъ родился въ Вѣнѣ, воспитывался въ тамошней іезуитской коллегіи и, получивъ тамъ тщательное и разностороннее образованіе, вступилъ въ орденъ въ самомъ раннемъ юношескомъ возрастѣ. Груберъ, при его необыкновенныхъ способностяхъ и многихъ талантахъ, при его гибкомъ и тонкомъ умѣ, при полномъ безсердечіи, а также и при характерѣ, подходившимъ какъ нельзя болѣе къ дѣятельности іезуитовъ, былъ для нихъ чрезвычайно-важнымъ пріобрѣтеніемъ. Аббатъ

былъ историкъ, механикъ, лингвистъ, гидравликъ, математикъ, химикъ, музыкантъ и живописецъ. Казалось, ни одна отрасль человѣческихъ знаній не ускользнула отъ него; ему далось все и, повидимому, далось не поверхностно, не какъ-нибудь, но вполнѣ основательно. Кромѣ того, онъ былъ человѣкъ свѣтскій, превосходный проповѣдникъ и ловкій краснобай. Онъ превосходно говорилъ: по-нѣмецки, по-французски, по-итальянски, по-англійски, по-польски и по-русски и былъ глубокій знатокъ языковъ греческаго, латинскаго и еврейскаго. На церковной каѳедрѣ онъ являлся краснорѣчивымъ проповѣдникомъ, а бесѣдуя въ гостиныхъ, умѣлъ самый туманный богословскій вопросъ изложить въ легкой, увлекательной формѣ.

По уничтоженіи императоромъ Іосифомъ II въ Австріи ордена іезуитовъ, Груберъ, пользуясь покровительствомъ, оказаннымъ іезуитскому ордену императрицею Екатериною II, перебрался въ Бѣлоруссію, въ Полоцкъ и вскорѣ оказался тамъ главнымъ дѣльцомъ въ уцѣлѣвшемъ остаткѣ этого ордена. Полоцкъ былъ, однако, слишкомъ тѣсенъ для кипучей дѣятельности рьянаго іезуита, и завѣтною мечтою Грубера было пробраться въ Петербургъ, чтобы, воспользовавшись тамъ счастливыми обстоятельствами, утвердить вліяніе ордена нетолько въ русскомъ обществѣ, но и при императорскомъ дворѣ.

Издавна іезуиты обдумывали этотъ планъ и пытались осуществить его подъ благовиднымъ предлогомъ, а именно—подъ предлогомъ сношеній съ петербургскою академіею наукъ. Съ своей стороны, Груберъ тоже ухватился за это и явился въ Петербургъ, какъ будто желая только представить академіи нѣкоторыя изобрѣтенія, сдѣланныя имъ по части механики и гидравлики, и ознакомить академиковъ съ своимъ проектомъ объ осушкѣ болотъ и съ изобрѣтенными имъ водяными воздуш-

ными насосами, а также съ ножницами для стрижки тонкаго сукна. По словамъ Грубера, поѣздка его въ Петербургъ, кромѣ этого, не имѣла никакихъ другихъ цѣлей.

Пріѣхавъ въ столицу, Груберъ, подъ предлогомъ отыскиванія покровительства своимъ изобрѣтеніямъ и проектамъ, сталъ являться въ дома русскихъ вельможъ и всюду, куда только онъ ни показывался, успѣвалъ увлечь каждаго своею бесѣдою. Онъ сталъ показываться и во всѣхъ публичныхъ собраніяхъ, стараясь тамъ обратить на себя вниманіе присутствующихъ. Сторонники іезуитизма: бывшіе тогда въ ходу мальтійскіе рыцари и французскіе эмигранты, заговорили о Груберѣ, какъ о необыкновенно-ученомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и благочестивомъ человѣкѣ. Молва о Груберѣ дошла и до императорскаго дворца. Павелъ Петровичъ вспомнилъ тогда, что Груберъ былъ представленъ ему въ Оршѣ, и онъ до нѣкоторой степени былъ уже предрасположенъ въ пользу искательнаго и пронырливаго іезуита еще до полученія императрицею письма Грубера.

Послѣ перваго пріема лекарства, даннаго государынѣ Груберомъ, она почувствовала нѣкоторое облегченіе: прежнія жестокія и невыносимыя страданія сразу ослабѣли. По приглашенію іезуита, Марія Ѳедоровна повторила пріемъ и боль замѣтно начала стихать. Государыня повеселѣла, повеселѣлъ и императоръ, и прежніе грозные взгляды, бросаемые имъ на Грубера, приняли теперь ласковое выраженіе, а на губахъ государя стала являться, при входѣ Грубера, привѣтливая улыбка. Прошло еще нѣсколько дней, и императрица окончательно избавилась отъ изнурявшихъ ее страданій. Павелъ Петровичъ, съ свойственною ему живостію, благодарилъ врача-аббата и хотѣлъ пожаловать ему аннинскій орденъ.

— Я не нахожу словъ, чтобъ выразить вашему императорскому величеству мою безпредѣльную благодарность за тотъ знакъ почета, которымъ вамъ угодно удостоить меня, но, къ прискорбію моему, я никакъ не могу принять жалуемую мнѣ вами награду. Уставы Общества Іисуса, почтительно продолжалъ Груберъ:—не дозволяютъ его членамъ носить какіе либо знаки свѣтскихъ отличій, но обязываютъ ихъ служить государямъ и подданнымъ только «ad majorem Dei gloriam»...

— Только для увеличенія славы Божіей, сказалъ императоръ, переведя по-русски латинскій девизъ іезуитовъ.—Прекрасно!.. Вотъ истинно-безкорыстная цѣль! А между тѣмъ, на такихъ людей клевещутъ и злословятъ ихъ...

— Клевета и злословіе всегда приходятся на долю добродѣтелей, смиренно, съ глубокимъ вздохомъ проговорилъ іезуитъ.— Вашему величеству очень хорошо извѣстно, какое пагубное настроеніе овладѣло теперь всѣми умами, какъ быстро проникаетъ повсюду зловредное ученіе якобинцевъ. Мы, іезуиты—поборники старыхъ порядковъ, стражи христовой церкви и охранители монархическихъ началъ, что же удивительнаго, если въ настоящемъ омутѣ страстей и омерзительныхъ, преступныхъ порывовъ, мы всюду, на каждомъ шагу, встрѣчаемъ только враговъ, которые употребляютъ всѣ средства, чтобы унизить, обезчестить, подавить и уничтожить нашъ орденъ? Я не ошибусь, конечно, если скажу вашему величеству, что уничтоженіе нашего ордена повлекло за собою всѣ ужасы французской революціи. Приверженцамъ ея нужно было очистить дорогу, стереть насъ съ лица земли, чтобы не встрѣчать постояннаго и упорнаго сопротивленія со стороны нашего ордена...

Павелъ Петровичъ внимательно слушалъ рѣчь Грубера, съ блестящимъ краснорѣчіемъ развивавшаго ту мысль, что Обще-

ство Іисуса должно служить главною основою для охраненія спокойствія и поддержанія государственныхъ порядковъ. Патеръ коснулся настоящаго положенія дѣлъ въ Европѣ и при этомъ обнаружилъ глубокое знаніе всѣхъ тайниковъ европейской политики. Поговоривъ нѣсколько времени съ Груберомъ о политическихъ дѣлахъ, государь былъ очарованъ его умною, смѣлою и, повидимому, до-нельзя откровенною бесѣдою и, въ ознаменованіе своего особаго благоволенія, дозволилъ ему являться во всякое время безъ доклада.

Іезуитъ торжествовалъ и, разумѣется, не упустилъ случая воспользоваться даннымъ ему отъ государя позволеніемъ.

Однажды онъ явился въ кабинетъ императора въ то время, когда его величество пилъ шоколадъ.

— Почему это, спросилъ патера Павелъ Петровичъ;—никто не умѣетъ приготовить мнѣ такого вкуснаго шоколада, какой мнѣ подали однажды, во время моего путешествія по Италіи, въ монастырѣ отцовъ іезуитовъ?

— Это потому, что у насъ, іезуитовъ, существуетъ особый способъ приготовленія шоколада, и, если вашему величеству угодно, то я приготовлю его такъ, что онъ будетъ совершенно по вашему вкусу.

Дѣйствительно, приготовленный Груберомъ шоколадъ показался императору такимъ вкуснымъ, какого онъ еще ни разу не пивалъ, и послѣ того, подъ предлогомъ приготовленія шоколада, аббатъ сталъ являться каждое утро къ императору, который, милостиво шутя съ нимъ, называлъ его: «ad majorem Dei gloriam». Вскорѣ аббатъ сдѣлался совершенно-домашнимъ человѣкомъ у государя. Бесѣдуя съ нимъ на единѣ по нѣскольку часовъ, Груберъ внимательно изучалъ всѣ оттѣнки въ характерѣ императора, предупреждалъ его мысли, примѣнялся къ

настроенію его духа, и вскорѣ не только при дворѣ и въ Петербургѣ, но и за-границею, заговорили о той милости и довѣріи, какими аббатъ Груберъ сталъ пользоваться у русскаго императора. Приближенныя къ государю лица начали раболѣпно изгибаться передъ новымъ любимцемъ, и даже неизмѣнно-любимый Павломъ Петровичемъ графъ Кутайсовъ, желая пріобрѣсти мѣстечко Шкловъ, принадлежавшее извѣстному Зоричу, находилъ нужнымъ, для успѣха въ этомъ дѣлѣ, заискивать и словесно, и письменно могущественной протекціи Грубера. Вообще вліяніе ловкаго іезуита страшно росло и заставляло призадумываться многихъ.

Груберъ не довольствовался, однако, этимъ и старался усилить еще болѣе свое вліяніе. Кромѣ французскихъ эмигрантовъ, и трубившихъ, и шептавшихъ во славу патера, дѣятельною его пособницею была графиня Мануцци — молоденькая, хорошенькая и смышленая дамочка, которую императоръ приглашалъ въ свой небольшой домашній кружокъ. Отецъ ея мужа, итальянскій авантюристъ, пріѣхалъ въ Польшу, потомъ сошелся съ княземъ Потемкинымъ, усердно шпіонилъ ему и вскорѣ изъ жалкаго бѣдняка обратился въ богача, владѣвшаго и большими помѣстьями, и милліонными капиталами, и украсившаго себя графскимъ титуломъ. Сынъ его, уже полякъ по рожденію, нашелъ доступъ къ великому князю Павлу Петровичу и, зная непріязнь наслѣдника престола къ Потемкину, открылъ государю о неблаговидныхъ занятіяхъ своего родителя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщилъ ему всѣ тайны, бывшія въ рукахъ стараго Мануцци. Императоръ, въ виду такой преданности, оказывалъ особенное расположеніе къ Станиславу Мануцци, который былъ ревностнымъ сторонникомъ Грубера, а молоденькая графиня, съ своей стороны, какъ будто нечаянно, по легкомыслію, про-

стительному ея полу и возрасту, выбалтывала въ присутствіи государя то, что нужно было Груберу и его партіи. Пособникомъ патера былъ также и руководимый имъ графъ Юлій Литта, который имѣлъ также свободный доступъ къ императору по дѣламъ мальтійскаго ордена, чрезвычайно занимавшимъ въ ту пору Павла Петровича. Приходя собственно по этимъ дѣламъ, Литта заводилъ рѣчь съ государемъ и по вопросамъ какъ внѣшней, такъ и внутренней политики, и вліяніе его стало замѣтно отражаться во многихъ распоряженіяхъ императора.

Впрочемъ, Литта, влюбленный безъ памяти въ Скавронскую, не вдавался во всѣ изгибы іезуитскихъ козней и, сближаясь съ Груберомъ, имѣлъ прежде всего въ виду достиженіе своихъ собственныхъ цѣлей, тогда какъ его наставникъ и руководитель смѣло и твердо шелъ къ тому, чтобы утвердить господство своего братства въ Россіи и присоединить къ этому братству мальтійскій орденъ, большинство членовъ котораго были тайные іезуиты подъ покровомъ рыцарскихъ мантій.

XI.

По Большой Морской улицѣ, бывшей еще въ ту пору, къ которой относится нашъ разсказъ, одною изъ довольно-пустынныхъ мѣстностей Петербурга, частенько пробирался въ сумерки высокій и статный мужчина. Нахлобучивъ на глаза треуголку и закрывая лицо воротникомъ плаща, онъ видно старался, чтобы, не будучи никѣмъ узнаннымъ, шмыгнуть поскорѣе въ калитку небольшаго каменнаго дома и взобраться проворнѣе во второй

этажъ. Тамъ этого таинственнаго посѣтителя, человѣка уже лѣтъ за сорокъ, но еще замѣчательно-красиваго, привѣтливо встрѣчала прехорошенькая дамочка лѣтъ двадцати пяти-шести. Съ живостію, свойственной француженкамъ, она тотчасъ, послѣ дружескаго привѣтствія и нѣсколькихъ поцалуевъ, забрасывала гостя вопросами о самыхъ разнообразныхъ предметахъ и, между прочимъ, о дѣлахъ политическихъ и о случаяхъ, бывшихъ при дворѣ. Хотя гость и несовсѣмъ охотно отвѣчалъ на такіе вопросы, сводя обыкновенно разговоръ на городскія новости и слухи, но молоденькая хозяйка, такъ или иначе, всегда успѣвала вывѣдать отъ него многое: онъ какъ будто невольно проговаривался передъ нею.

Однажды, когда таинственный посѣтитель, впущенный съ лѣстницы горничною, тихонько пробрался къ хозяйкѣ, онъ засталъ ее одѣтою въ красную тюнику съ красными греческими сандаліями на маленькихъ ножкахъ. Въ такомъ нарядѣ она стояла передъ трюмо и съ такимъ увлеченіемъ декламировала наизусть французскіе стихи, что не замѣтила подкравшагося къ ней гостя.

— Ахъ, это ты, милый Жанъ? вскрикнула она, заслышавъ его присутствіе позади себя. — Какъ ты испугалъ меня!.. Она быстро повернулась къ гостю и, взявъ его своею бѣленькой ручкой за подбородокъ, нѣжно поцѣловала его.—Вотъ, видишь, я послѣдовала твоему совѣту и для роли Ифигеніи приготовила весь костюмъ краснаго цвѣта...

— И очень хорошо сдѣлала... Въ настоящее время, это—любимый цвѣтъ императора. Ты знаешь, какъ онъ впечатлителенъ, и если его такъ сильно раздражаетъ все, что хоть сколько-нибудь бываетъ ему непріятно, [то, наоборотъ, ему доставляетъ большое удовольствіе всякая случайность, если она подходитъ

къ настроенію его духа. Государь проникнутъ рыцарскими чувствами, и потому цвѣта имѣютъ для него особое значеніе. Сперва ему нравился зеленый цвѣтъ, этотъ цвѣтъ любила дурняшка Нелидова; потомъ ему сталъ нравиться бланжевый цвѣтъ—любимый цвѣтъ Лопухиной, а теперь нравится красный, потому въ особенности, что это—цвѣтъ мальтійскаго ордена.

— И, быть можетъ, дамы его сердца... Такъ?.. А кстати, что же графъ Литта — этотъ образецъ рыцарства?.. какъ онъ хорошъ собою!.. Удивительно!.. Настоящій красавецъ, но ты, mon vieux turc, еще лучше его. Правда-ли что Литта оставляетъ орденъ для того, чтобы жениться на красавицѣ Скавронской?.. Говорятъ, что она—давнишняя его страсть... разсказывали, что еще въ Неаполѣ онъ влюбился въ нее... Какъ, однако, похвально постоянство, въ наше перемѣнчивое время! Впрочемъ, на то онъ и рыцарь, чтобы хранить до гроба вѣрность въ любви?.. болтала француженка.

При упоминаніи о Литтѣ и о Скавронской, гость какъ будто опомнился и быстро хватился рукою за боковой карманъ своего щегольскаго кафтана.

— Всякій разъ, когда я отправляюсь къ этой милочкѣ, подумалъ онъ:—я бываю точно растерянный!.. Вотъ и сегодня я во дворцѣ только наскоро пробѣжалъ «его» записку, надобно прочесть ее внимательно... Думая это, Жанъ или, собственно, графъ Иванъ Павловичъ Кутайсовъ вынулъ изъ кармана небольшой листокъ бумаги, написанный чрезвычайно четкимъ почеркомъ, и хотѣлъ прочесть написанное.

— Это что у тебя?.. порывисто спросила француженка, заглянувъ изъ-за плеча Кутайсова и протягивая къ запискѣ свою ручку.

— Осторожнѣе... это—записочка государя... почти съ благоговѣніемъ проговорилъ Кутайсовъ.

— О чемъ?..

Кутайсовъ нахмурился; видно было, что пытливость красотки ему не слишкомъ нравилась.

— Государственные секреты... непроницаемыя тайны, которыя не должна знать твоя бѣдная Генріетта, подсмѣиваясь и въ то же время надувъ губки, ворковала француженка.—Впрочемъ, я вовсе не любопытна; я рѣшительно ничего не желаю знать о томъ, что у васъ дѣлается при дворѣ...

Говоря это, она подошла къ гостю и начала ласково трепать его по щекѣ. Въ отвѣтъ на ея ласки, онъ взялъ ее за талью и при этомъ выронилъ изъ рукъ записку, Генріетта, замѣтивъ это, кончикомъ сандаліи подсунула ее подъ кресло, зная, что влюбленный въ нее Кутайсовъ забываетъ обо всемъ въ присутствіи своей Генріетты. Затѣмъ, прекративъ разговоръ о Литтѣ, о Скавронской, о дворѣ и о политикѣ, она принялась разсказывать о томъ, какъ выступитъ въ роли Ифигеніи, и съ одушевленіемъ декламировала лучшія мѣста этой роли, заставляя Кутайсова, отлично знавшаго по-французски, читать реплики по книгѣ.

Кутайсовъ, восхищаясь драматическимъ талантомъ Генріетты, забылъ рѣшительно обо всемъ и заботился лишь о томъ, чтобъ избранница его сердца была какъ нельзя лучше принята публикою при появленіи на сценѣ въ роли Ифигеніи. Впрочемъ, и независимо отъ его заботъ по этой части, Генріетта Шевалье могла смѣло разсчитывать на самый блестящій успѣхъ.

Еще въ царствованіе Екатерины II французскій театръ существовалъ въ Петербургѣ постоянно, и французская труппа нерѣдко, по желанію государыни, играла въ эрмитажѣ. Обыкновенно же французскіе спектакли давались два раза въ недѣлю

во вновь построенномъ у Лѣтняго сада деревянномъ театрѣ, который могъ для того времени считаться образцовымъ зданіемъ своего рода, какъ по расположенію сцены и мѣстъ, такъ и по отдѣлкѣ живописью и разными украшеніями. Впрочемъ, въ царствованіе Екатерины, театръ этотъ во время французскихъ спектаклей былъ довольно пустъ, такъ какъ лучшее петербургское общество почти каждый вечеръ собиралось или при дворѣ, или на балахъ, даваемыхъ въ разныхъ домахъ. Хотя императоръ Павелъ, подъ вліяніемъ событій, вызванныхъ французскою революціею, и оказывалъ непримиримую ненависть ко всему французскому, но театръ въ этомъ случаѣ составлялъ какое-то особое исключеніе. Павелъ Петровичъ вообще чрезвычайно любилъ французскіе спектакли, преимущественно же нравились ему трагедіи Расина. Французскіе актёры нетолько играли у него во дворцѣ, но онъ бывалъ иногда и въ частномъ театрѣ на французскихъ спектакляхъ, восхищаясь въ особенности игрою госпожи Шевалье. Присутствіе императора въ театрѣ привлекало туда всю петербургскую знать. Но и помимо этого, она очень охотно ѣздила на французскіе спектакли, такъ какъ въ ту пору балы и при дворѣ, и въ частныхъ домахъ бывали очень рѣдко: императоръ не слишкомъ жаловалъ увеселенія этого рода. Въ добавокъ къ этому, чрезвычайный наплывъ въ Петербургъ французскихъ эмигрантовъ доставлялъ большой запасъ зрителей театральной залѣ, которая наполнялась множествомъ французовъ, проживавшихъ въ Петербургѣ въ качествѣ учителей, гувернёровъ, секретарей, библіотекарей въ разныхъ домахъ, а также французами и француженками, находившимися въ Петербургѣ по торговымъ и промышленнымъ занятіямъ. Въ ту пору считалось моднымъ обычаемъ, чтобы знатные и богатые люди абонировали ложи на французскіе спектакли на цѣлый театральный

сезонъ. Абонементъ, однако, прекращался въ случаѣ бенефисовъ назначаемыхъ въ пользу лучшихъ актёровъ и актрисъ; или, вѣрнѣе сказать, бенефисъ тогдашнихъ французскихъ артистовъ въ Петербургѣ состоялъ въ постановкѣ какой-нибудь новой замѣчательной пьесы; и затѣмъ сборъ за первое ея представленіе предоставлялся, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ по спектаклю, кому-либо изъ артистовъ и артистокъ, по усмотрѣнію антрепренёра. Этому послѣднему не мало было, впрочемъ, хлопотъ съ актрисами, которыя дѣлились на двѣ партіи: на хорошенькихъ, хотя и безталантныхъ, но съ сильными покровителями, и на нехорошенькихъ, но даровитыхъ, поддерживаемыхъ всею публикою. Госпожа Шевалье не принадлежала собственно ни къ одному изъ этихъ разрядовъ, такъ какъ, будучи чрезвычайно красивой женщиной, она въ то же время отличалась и замѣчательнымъ драматическимъ дарованіемъ. Кромѣ Шевалье, около того времени славились на французской петербургской сценѣ: г-жа Гюсъ, трагическая актриса, г-жа Биллью, игравшая роли первыхъ любовницъ, и субретка Сюзеттъ.

Молоденькая и смазливенькая французская актриса, по пріѣздѣ въ Петербургъ, тотчасъ же находила себѣ богатаго и знатнаго покровителя, а петербургскія дамы, въ свою очередь, влюблялись въ молодыхъ французскихъ актёровъ и въ особенности въ итальянскихъ пѣвцовъ, изъ которыхъ одинъ, Мандини, былъ баловень тогдашнихъ барынь большаго петербургскаго свѣта. Пользуясь ихъ влюбчивостію, онъ, по разсказу г-жи Лебренъ, до того не церемонился съ ними, что ѣздилъ къ нимъ въ гости уже слишкомъ запросто—въ шлафрокѣ.

Покровителемъ при г-жѣ Шевалье состоялъ графъ Кутайсовъ, который, въ силу своего положенія при государѣ, доставилъ мужу ея какую-то должность, по военному вѣдомству, съ чи-

номъ маіора. Импровизованный маіоръ нисколько не стѣснялся тѣмъ, что, вопреки существовавшимъ тогда строгимъ порядкамъ по военному чинопроизводству, пріобрѣлъ свой штабофицерскій рангъ такимъ легкимъ и страннымъ способомъ. Онъ чрезвычайно важничалъ своимъ военнымъ мундиромъ и, пользуясь отношеніями своей супруги къ Кутайсову, доставлялъ, кому было нужно, могущественную протекцію графа за болѣе или менѣе приличное вознагражденіе. Въ свою очередь, щедрый по природѣ, Кутайсовъ, получившій уже отъ императора огромное состояніе, тратилъ не мало денегъ на Генріетту. Онъ, между прочимъ, купилъ ей на Дворцовой набережной большой каменный домъ, куда она и перебралась изъ первоначально занимаемой ею въ Большой Морской скромной квартирки. Въ своемъ собственномъ домѣ маіорша-актриса устроилась на широкую ногу: роскошная мебель и изящная бронза были выписаны для ея новоселья прямо изъ Парижа на огромную сумму. Въ новыхъ великолѣпныхъ чертогахъ Генріетта жила открыто, принимая у себя множество гостей, которые обыкновенно пріѣзжали къ ней на чай, по окончаніи спектакля; и удостоиться такого приглашенія считалось не только за честь, но и за счастье. Въ числѣ самыхъ почетныхъ гостей у госпожи Шевалье, былъ, разумѣется, Кутайсовъ, который не скрывалъ уже съ нѣкотораго времени своей сердечной привязанности къ молоденькой актрисѣ. Онъ являлся въ ея домѣ полнымъ хозяиномъ, тогда какъ законный ея сожитель, маіоръ «де» Шевалье, исполнялъ тамъ только должность дворецкаго. Генріетта представляла графу своихъ гостей, развязно рекомендовала каждаго изъ нихъ, просила за нихъ, и просьбы ея сопровождались всегда желаннымъ успѣхомъ. Эмигранты, мальтійскіе рыцари, явные и тайные іезуиты старательно забира-

лись въ ея гостиную, а одинъ изъ iезуитовъ, патеръ Билли, былъ и ея исповѣдникомъ, и домашнимъ у нея человѣкомъ, исполняя усердно всѣ тѣ порученiя молоденькой маiорши, которыя требовали ловкости и тайны. Между тѣмъ Билли былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ поборниковъ iезуитскаго ордена и преданнѣйшимъ другомъ Грубера, который и узнавалъ чрезъ него многое, что дѣлалось при дворѣ, такъ какъ Кутайсовъ, при всей своей воздержанности на языкъ, иногда, въ припадкахъ сердечной откровенности, совершенно некстати пробалтывался передъ ласкавшейся къ нему Генрiеттой.

За нѣсколько дней до бенефиса г-жи Шевалье, къ дому ея безпрестанно подъѣзжали экипажи съ лицами, желавшими получить билетъ на предстоящiй спектакль непосредственно изъ ея прекрасныхъ ручекъ, а нѣкоторыя «знатныя персоны» посылали къ г-жѣ Шевалье письма, въ которыхъ, согласно тогдашней напыщенности, заявлялось, что персоны эти не переживутъ того дня, когда не увидятъ торжества красоты, грацiи и таланта, что присутствiе ихъ въ спектаклѣ, въ которомъ явится сама богиня Мельпомена, будетъ для нихъ столь «жестокимъ истязанiемъ», что одна мысль объ этомъ приводитъ ихъ въ трепетъ и содраганiе. Въ виду этого, излагалась просьба о врученiи посланному билета, за который и препровождалось триста, шестьсотъ и даже тысяча двѣсти рублей, тогда какъ въ обыкновенные спектакли ложи стоили только отъ двадцати до двадцати пяти рублей. Вообще, бенефисъ былъ обильною жатвою для г-жи Шевалье, такъ какъ никто изъ искавшихъ вниманiя или покровительства графа Кутайсова,—а кто не искалъ тогда и того, и другаго?—не жалѣлъ въ пользу бенефицiантки денегъ, и потому финансовыя дѣла влiятельной актрисы шли самымъ блестящимъ образомъ. Списокъ лицъ, взявшихъ биле-

ты на бенефисъ г-жи Шевалье, съ означеніемъ, кто сколько заплатилъ за билетъ, представлялся Кутайсову, и прямымъ послѣдствіемъ разсмотрѣнія имъ этого списка была большая или меньшая степень вниманія и расположенія его сіятельства, соотвѣтственно со сдѣланными взносами.

Въ бенефисъ г-жи Шевалье театръ былъ полонъ. Все, что только было въ Петербургѣ отборнаго по знатности и богатству, можно было видѣть на этотъ разъ въ театральной залѣ, блиставшей великолѣпными нарядами дамъ, придворными шитыми кафтанами и гвардейскими мундирами. За нѣсколько минутъ до шести часовъ — время, когда въ ту пору начинались спектакли, явился императоръ въ парадномъ мундирѣ преображенскаго полка, въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ, съ голубою лентою черезъ плечо и съ андреевскою звѣздою на груди. При его появленіи, всѣ встали и сѣли только послѣ поданнаго имъ рукою знака. Императоръ сѣлъ въ своей ложѣ, въ кресло, имѣвшее подобіе трона и поставленное на нѣкоторомъ возвышеніи. За креслами сталъ съ обнаженнымъ палашемъ кавалергардъ. Позади императора, на табуретахъ, помѣщались великіе князья Александръ и Константинъ, а за ними, въ нѣкоторомъ отдаленіи, находились, стоя: графъ Кутайсовъ, обер-церемоніймейстеръ Валуевъ и дежурный генерал-адъютантъ Уваровъ.

Среди глубокой тишины, наступившей въ театральной залѣ, оркестръ заигралъ знаменитую въ ту пору увертюру Глюка къ оперѣ «Ифигенія». Когда оркестръ кончилъ, поднялся занавѣсъ, и на сценѣ появилась г-жа Шевалье. Избранный ею красный цвѣтъ наряда пріятно подѣйствовалъ на государя. Съ напряженнымъ вниманіемъ онъ сталъ слѣдить за ходомъ пьесы, которая мѣстами примѣнялась какъ нельзя болѣе къ тог-

дашнему положенію политическихъ дѣлъ въ Европѣ. Раздоры между союзниками, греческими царями, отправлявшимися подъ Трою, готовность верховнаго вождя ихъ, Агамемнона, пожертвовать для успѣха общаго дѣла своею дочерью Ифигеніею, которую онъ долженъ былъ принести въ жертву разгнѣванной Діанѣ, его стараніе водворить согласіе между начавшими враждовать другъ съ другомъ союзниками, производили на Павла Петровича сильное впечатлѣніе. На лицѣ его выражались то гнѣвъ, то удовольствіе, то задумчивость, и онъ, понюхивая по временамъ табакъ, повторялъ шопотомъ тѣ изъ стиховъ Расина, которые, какъ ему казалось, подходили къ образу его дѣйствій и намекали на его отношенія къ союзникамъ, разстроивавшимъ его планы, тогда какъ онъ самъ готовъ былъ жертвовать всѣмъ для возстановленія порядка въ Европѣ, потрясенной французскою революціею. По окончаніи спектакля, государь приказалъ Валуеву поблагодарить госпожу Шевалье за удовольствіе, доставленное его величеству, а, при выходѣ изъ ложи, съ дружелюбно-лукавою усмѣшкою потрепалъ Кутайсова по плечу. Кутайсовъ былъ теперь на верху блаженства, видя торжество своей возлюбленной. Изъ театра всѣ приглашенные отправились въ домъ бенефиціантки, гдѣ ихъ ожидалъ и чай, и роскошный ужинъ. Собравшіеся гости весело пировали у любезной хозяйки. Въ гостиной ея слышались и веселыя, шутливыя рѣчи, и завязывались серьезные разговоры, а между тѣмъ, шнырявшіе среди гостей друзья и сторонники аббата Грубера, тщательно прислушивались ко всему и жадно ловили каждое слово, надѣясь сдѣлать изъ него употребленіе, «ad majorem Dei gloriam».

XII.

Ежедневныя сходки явныхъ и тайныхъ іезуитовъ, проживавшихъ въ Петербургѣ во время царствованія Павла Петровича, происходили въ кондитерской, которую содержалъ, въ Большой Милліонной улицѣ, швейцарецъ Гидль. Сюда собирались во множествѣ и другіе посѣтители, и между ними іезуиты старались пріобрѣтать себѣ сторонниковъ, вступая съ ними въ бесѣду и умѣло направляя ее къ своимъ цѣлямъ. При кондитерской Гидля была особая, находившаяся въ сторонѣ комната, предназначенная исключительно для іезуитовъ, и здѣсь у нихъ происходили нетолько братскія свиданія, но порою являлись сюда и залетныя птички. Чрезвычайныя же засѣданія іезуитовъ назначались въ квартирѣ аббата Грубера; собранія у него никогда не бывали многочисленны, такъ какъ на нихъ приглашались исключительно главные дѣятели братства. Хозяинъ дома, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и предсѣдатель собранія, Груберъ, принималъ всѣ мѣры предосторожности, чтобы ни одно слово, произнесенное здѣсь, не дошло до чужаго уха, а собиравшіеся къ нему іезуиты приходили по одиночкѣ, замѣняя при этомъ постоянно носимые ими испанскіе плащи и круглыя съ большими полями шляпы, обыкновенною верхнею одеждою того времени.

Въ одно изъ такихъ засѣданій, аббатъ, размѣстивъ своихъ гостей около письменнаго стола и сѣвъ у него самъ надъ кипою бумагъ, приготовленныхъ для доклада и справокъ, началъ бесѣду бойкою рѣчью на латинскомъ языкѣ, такъ какъ, при разноплеменномъ составѣ іезуитскаго ордена, языкъ этотъ былъ разговорнымъ языкомъ среди его членовъ.

— Вамъ, достопочтенные братья, сказалъ онъ:—уже извѣстно, что съ давнихъ поръ общество наше старалось о томъ, чтобы привлечь въ свою среду мальтійскихъ рыцарей. Предположеніе это осуществилось нынѣ блестящимъ образомъ, такъ какъ почти всѣ члены ордена святаго Іоанна Іерусалимскаго, замѣчательные по ихъ личнымъ качествамъ, уму, образованію и дѣятельности, а также по богатству и знатности, принадлежатъ уже къ Обществу Іисуса. Кромѣ того, почти всѣ баварскіе братья нашего общества, по упраздненіи нашего ордена въ Германіи, вступили въ орденъ святаго Іоанна Іерусалимскаго. Присутствіе нашихъ собратій въ мальтійскомъ орденѣ остается тайною, и обстоятельство это еще болѣе способствуетъ распространенію и усиленію власти нашего общества, такъ какъ въ мальтійскихъ рыцаряхъ вовсе не подозрѣваютъ нашихъ усердныхъ союзниковъ. По неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, намъ, изгнанникамъ изъ католическихъ странъ, удалось найти нетолько пріютъ, но и могущественное покровительство въ странѣ схизматиковъ — въ Россіи. Страна эта — новая для насъ нива, которую мы, для увеличенія славы Божіей, должны неустанно воздѣлывать, употребляя на это все наше умѣніе, всѣ наши силы, всѣ наши средства. Обстоятельства какъ нельзя болѣе благопріятствуютъ намъ, въ особенности потому, что и наше общество, и древній католическо-рыцарскій орденъ имѣютъ теперь сильнаго защитника въ особѣ русскаго самодержца. Могли ли мы, преданнѣйшіе слуги римской церкви, предвидѣть когда-нибудь такое небывалое и странное положеніе поборнковъ святой церкви?.. И не должны ли мы теперь пользоватьс этимъ положеніемъ во славу Божію?..

Одобрительный шопотъ, въ которомъ слышалось славосло-

віе имени Господня, прошелъ среди собесѣдниковъ, въ отвѣтъ на эти вопросы Грубера.

— Сообщите, братъ Іаковъ, почтенному собранію, продолжалъ аббатъ, обращаясь къ одному изъ патеровъ:—о томъ, какой ходъ имѣлъ въ Римѣ вопросъ о намѣреніи императора Павла принять на себя званіе великаго магистра мальтійскаго ордена.

— Его святѣйшество Пій VI, началъ братъ Іаковъ:— былъ чрезвычайно встревоженъ, узнавъ о такомъ намѣреніи русскаго государя, и никакъ не соглашался, чтобы во главѣ ордена святаго Іоанна Іерусалимскаго, непосредственно подчиненнаго папскому престолу, сталъ государь иновѣрный и, притомъ, нынѣ самый могущественный изъ всѣхъ монарховъ Европы. Съ своей стороны, общество наше черезъ кардинала Консальви старалось осуществить это предположеніе; агенты наши въ Ватиканѣ дѣятельно хлопотали о томъ, чтобъ измѣнить взглядъ его святѣйшества на это дѣло, представляя святому отцу, что покровительство, оказываемое государемъ греческаго закона такому истинно-католическому учрежденію, какъ мальтійскій орденъ, подаетъ надежду на утвержденіе господства католической церкви въ необъятныхъ владѣніяхъ царя...

— Это совершенно вѣрно!.. Возблагодаримъ Господа Бога за милости, оказываемыя имъ нашей святой церкви... подхватилъ съ чувствомъ патеръ Билли, возводя умиленно въ потолокъ свои впалые глаза.

— Я долженъ сказать, заговорилъ опять Груберъ:—что въ этомъ дѣлѣ избраннымъ орудіемъ Божіяго промысла былъ бальи графъ Литта. Онъ, послушный моимъ внушеніямъ, а также пользуясь расположеніемъ и довѣріемъ къ нему императора Павла, успѣлъ нетолько склонить его величество принять подъ

свою защиту мальтійскій орденъ, но и подготовить государя къ тому, чтобы онъ объявилъ себя великимъ магистромъ этого знаменитаго ордена. При настоящихъ обстоятельствахъ, такая готовность императора имѣетъ чрезвычайную важность. Онъ ревниво оберегаетъ свое достоинство, и надобно повести дѣло такъ, чтобъ взятіе Мальты французами онъ, какъ защитникъ ордена, принялъ за оскорбленіе, лично ему нанесенное французскою директоріею. Нужно, чтобъ онъ въ этомъ дѣлѣ пошелъ сколь возможно, далѣе и рѣшился бы силою ружія смирить безбожныхъ республиканцевъ. Тогда возстановится въ Европѣ прежній порядокъ, при которомъ святая наша церковь пользовалась принадлежащими ей божественными и мірскими правами...

— А позвольте спросить, достопочтенный аббатъ, отозвался одинъ изъ патеровъ:—какъ поведемъ мы дѣло о бракѣ графа Литты съ графинею Скавронской? Въ городѣ начинаютъ все громче и громче говорить объ этомъ бракѣ, который отниметъ Литту не только у ордена, но, быть можетъ, и удалитъ его изъ лона святой церкви...

При этомъ вопросѣ нервное движеніе пробѣжало по лицу аббата, а окружавшіе его собесѣдники придвинулись къ нему еще ближе, желая съ особымъ вниманіемъ выслушать его сообщеніе по этому предмету.

— Любовь его преступна!..съ негодованіемъ сказалъ Груберъ. Ослѣпленный безумною страстью, онъ думаетъ только о томъ, чтобы вступить въ бракъ съ схизматичкой, рѣшившись даже отречься отъ рыцарскихъ обѣтовъ. Всѣ усилія мои разстроить косвеннымъ образомъ этотъ союзъ оставались до сихъ поръ тщетны, и я убѣдился, что и впослѣдствіи они не будутъ имѣть ни малѣйшаго успѣха. Выходъ графа Литты изъ мальтійскаго ордена нетолько

разстроитъ дальнѣйшіе наши планы, но и произведетъ самое пагубное впечатлѣніе на всѣхъ старающихся поддержать падающій орденъ... Я сдѣлаю еще одну попытку, попытку—рѣшительную для обращенія этого безумца; я переговорю лично съ нимъ, и если попытка эта не удастся, то остается одно только средство для того, чтобъ удержать Литту въ орденѣ. Средство это, конечно, крайне прискорбно, но вы знаете, возлюбленные о Христѣ братія, что, по коренному правилу, принятому нашимъ обществомъ, цѣль оправдываетъ средства, а потому и позволительно будетъ употребить въ дѣло придуманную мною мѣру. Нельзя не имѣть въ виду, что если Литта оставитъ орденъ, то императоръ Павелъ легко можетъ остыть въ своемъ сочувствіи къ этому учрежденію, и тогда планы наши неминуемо разстроятся. Слѣдовательно, всего нужнѣе, при настоящемъ положеніи дѣлъ удержать графа Литту въ томъ положеніи, какое онъ занимаетъ нынѣ и при дворѣ императора, и среди мальтійскаго рыцарства... Предположенная мною мѣра, продолжалъ таинственно Груберъ, —заключается въ томъ, чтобъ склонить его святѣйшество разрѣшить графу Литтѣ вступить въ бракъ съ Скавронской и, несмотря на это, остаться въ званіи бальи ордена св. Іоанна Іерусалимскаго...

Іезуиты встрепенулись и съ выраженіемъ недоумѣнія взглянули на своего вожака.

— Конечно не легко будетъ убѣдить святаго отца, чтобы онъ согласился на такое небывалое еще отступленіе отъ орденскаго статута, но намъ необходимо достигнуть этого. Правда, графъ Литта, по своему характеру, который не удовлетворяетъ строгимъ требованіемъ со стороны нашего общества, не можетъ быть нашимъ истиннымъ сочленомъ, но намъ этого и не нужно. Вполнѣ достаточно, если онъ будетъ въ нашихъ рукахъ;

мы черезъ него съумѣемъ сдѣлать многое у императора Павла, а бальи, въ свою очередь, несомнѣнно окажется толковымъ и послушнымъ нашимъ ученикомъ...

— Среди русскаго общества, замѣтилъ Билли: — мы дѣйствуемъ теперь довольно успѣшно. Русскіе очень охотно отдаютъ въ нашъ коллегіумъ своихъ сыновей, и въ Петербургѣ, какъ кажется, нѣтъ уже ни одного знатнаго дома, въ которомъ членъ нашего общества не былъ бы или наставникомъ дѣтей, или библіотекаремъ, или секретаремъ, или, наконецъ, постояннымъ гостемъ и другомъ семейства. Сверхъ того, мы исполняемъ здѣсь какъ слѣдуетъ и тайныя наставленія «Monita Secreta», нашего общества, привлекая къ нему нетолько вельможъ и царедворцевъ, но даже мужскую и женскую прислугу въ знатныхъ русскихъ домахъ...

— Да, желанія нашего братства исполнились теперь свыше самыхъ смѣлыхъ ожиданій, самодовольно замѣтилъ Груберъ.— Какъ памятно мнѣ то время, когда мы такъ усиленно старались проникнуть въ столицу русской имперіи и когда всѣ наши къ тому попытки оставались безуспѣшны вслѣдствіе противодѣйствія епископа Сестренцевича. Должно сказать, что настоящимъ нашимъ положеніемъ въ Россіи мы обязаны собственно императрицѣ Екатеринѣ; она не допустила привести въ исполненіе въ своихъ владѣніяхъ папскую буллу объ уничтоженіи нашего ордена и позволила намъ жить въ Полоцкѣ, находя, что мы можемъ быть чрезвычайно полезны въ дѣлѣ воспитанія юношества, внушая ему страхъ Божій и безусловное повиновеніе установленнымъ властямъ. Такимъ образомъ, мы съ перваго разу достигли въ Россіи того, чего съ такимъ трудомъ и такъ долго добивались въ католическихъ государствахъ...

— Покойная государыня, добавилъ іезуитъ Эверанжи:—по-

кровительствовала нашему братству и въ другихъ еще видахъ. Когда до свѣдѣнія ея дошло, что собратъ нашъ Перро до такой степени пріобрѣлъ расположеніе китайскаго богдыхана, что онъ сдѣлалъ его мандариномъ, то императрица намѣревалась вести посредствомъ нашего ордена переговоры съ Китаемъ, надѣясь выговорить значительныя торговыя выгоды для своихъ подданныхъ.

— Воздавая должную дань благодарности императрицѣ за оказанное ею намъ покровительство, нельзя не вспомнить, сказалъ іезуитъ Бжозовскій: —и о томъ расположеніи, какое оказывали нашему братству сильные въ ея пору вельможи: графъ Чернышевъ, управлявшій Бѣлоруссіею, и въ особенности князь Потемкинъ.

— Князя Потемкина мы должны признать истиннымъ нашимъ благодѣтелемъ, съ живостію замѣтилъ Груберъ.—Всѣмъ намъ извѣстно, что, когда въ Москвѣ появилась, на русскомъ языкѣ, направленная противъ нашего ордена книга, то она встревожила все образованное русское общество. Въ этой враждебной намъ книгѣ прямо предостерегали русскихъ отъ тѣхъ опасностей, какими, будто бы, грозитъ наше водвореніе въ Россіи. Мы были выставлены въ этой книгѣ, какъ тайные распространители католичества, какъ люди, которые не разбираютъ средствъ для достиженія своихъ пагубныхъ цѣлей; насъ называли тамъ разрушителями общественныхъ порядковъ, готовыми даже на цареубійство. Короче сказать, въ этой книгѣ мы были представлены...

На этомъ словѣ Груберъ нѣсколько замялся, а его собесѣдники съ веселою улыбкою переглянулись между собою, какъ будто говоря: «да что объ этомъ толковать, это—старая пѣсня!..»

— Книга эта могла погубить насъ, продолжалъ Груберъ.— Императрица поколебалась въ своихъ взглядахъ на наши добродѣтели, но князь Потемкинъ успѣлъ испросить ея повелѣніе объ истребленіи этой книги до послѣдняго экземпляра...

— Да, князь Потемкинъ сдѣлалъ для насъ много хорошаго, заговорилъ іезуитъ Вихертъ:—не даромъ же онъ и находился въ нашихъ рукахъ. Во время осады Очакова онъ былъ окруженъ какъ членами нашего общества, такъ и женщинами, бывшими подъ нашимъ вліяніемъ. Онъ любилъ насъ, и я помню, какъ въ Оршѣ онъ служилъ въ нашемъ монастырѣ молебны и сдѣлалъ въ тамошнюю ризницу такой дорогой вкладъ, какихъ не дѣлали даже встарину самые богатые польскіе магнаты. Нельзя не замѣтить, что въ пользу общества Іисуса всего болѣе расположилъ его нашъ достойный сочленъ Нарушевичъ, и какъ легко удалось ему это сдѣлать, польстя лишь суетности князя Таврическаго! Занимаясь геральдикою, Нарушевичъ придумалъ будто Потемкины происходятъ отъ польскихъ шляхтичей Потемпскихъ, предки которыхъ были, въ древнія времена, владѣтельными князьями въ городѣ Потенсѣ, находящемся въ Италіи. Это баснословное родословіе сблизило Потемкина съ Нарушевичемъ, который и направилъ могущественное вліяніе князя въ пользу нашего братства. Кромѣ того въ бытность мою въ Полоцкѣ, я старался о томъ, чтобы императрица осталась какъ нельзя болѣе довольна приготовленною ей отъ насъ встрѣчею, и мы вели дѣло такъ, чтобы она видѣла въ насъ такихъ вѣрноподданныхъ, которые принимали ее съ необыкновеннымъ восторгомъ. Кончина ея была прискорбнымъ для насъ событіемъ, и мы не знали, какую участь готовитъ намъ царствованіе ея преемника...

— А между тѣмъ, хвала Господу! оно принесло нашему

ордену едва ли не самыя счастливыя времена, замѣтилъ Груберъ.—Въ первые мѣсяцы новаго царствованія мы блуждали точно въ потемкахъ, не зная на кого опереться. Императоръ Павелъ не выказывалъ намъ ни расположенія, ни ненависти и, казалось, не обращалъ на насъ никакого вниманія. Мы нашли, однако, покровителей при его дворѣ и черезъ посредство ихъ старались внушать государю, что устройство римской церкви вообще, и въ особенности устройство нашего ордена, составляетъ лучшую форму выраженія монархическаго принципа, требуя безусловнаго, слѣпаго повиновенія. Внушенія эти согласовались съ воззрѣніями самого императора, на котораго ужасы французской революціи произвели потрясающее дѣйствіе и который сталъ непримиримымъ врагомъ всего, что носитъ на себѣ оттѣнокъ революціонныхъ стремленій. Все это, главнымъ образомъ, содѣйствовало нашимъ успѣхамъ. Мы съ нетерпѣніемъ ожидали того времени, когда императоръ выразитъ свое мнѣніе о нашемъ орденѣ, и вотъ, при возвращеніи его съ коронаціи изъ Москвы въ Петербургъ, онъ, будучи проѣздомъ въ Оршѣ, посѣтилъ нашъ монастырь. Генеральный викарій Ленкевичъ, присутствующій здѣсь братъ Вихертъ и я встрѣтили государя и всюду сопутствовали ему. Прежде, чѣмъ вступить въ церковь, государь высказалъ нѣсколько словъ, поразившихъ сердца наши радостію. «Я вхожу сюда, сказалъ государь окружавшимъ его лицамъ:—не такъ какъ входилъ со мною въ Брюннѣ императоръ Іосифъ въ монастырь этихъ почтенныхъ господъ. Первое слово императора, обращенное къ нимъ, было: «эту комнату взять для больныхъ, эту—для госпитальной провизіи!» Потомъ онъ приказалъ привести къ нему настоятеля монастыря и, когда тотъ явился, обратился къ нему съ вопросомъ: «когда же вы удалитесь от-

сюда?» Я же, заключилъ Павелъ Петровичъ:—поступаю совершенно иначе, хотя я—и еретикъ, а Іосифъ былъ римско-католическій императоръ».

— Эти слова убѣдили насъ въ милостивомъ расположеніи государя къ нашему ордену и показали, что пора дѣйствовать для насъ наступила, и да позволено будетъ мнѣ заявить, съ жаромъ сказалъ Вихертъ:—что братъ нашъ Гавріилъ Груберъ какъ нельзя болѣе воспользовался всѣми обстоятельствами для увеличенія славы Божіей.

— Благодарю васъ, сказалъ смиреннымъ голосомъ Груберъ, вставъ съ своего мѣста и поклонившись Вихерту.—Я дѣйствовалъ по внушенію Божьему, а обстоятельства способствовали мнѣ. Желаніе императора сдѣлаться великимъ магистромъ мальтійскаго ордена приблизило къ нему графа Литту, встрѣченныя графомъ затрудненія при желаніи его вступить въ бракъ съ графиней Скавронской вызовутъ мое участіе въ устраненіи этихъ затрудненій и доставятъ мнѣ случай имѣть въ графѣ Литтѣ ревностнаго поборника за нашъ орденъ передъ лицомъ императора. Все устроивается такъ благопріятно для нашего общества, какъ нельзя было и предвидѣть. Теперь мы стали здѣсь твердою ногою и уже не отступимъ назадъ ни на шагъ, съ твердостію и съ воодушевленіемъ проговорилъ Груберъ.—Нужно вести дѣло такъ, чтобы императоръ Павелъ, какъ только русскіе отнимутъ у французовъ Мальту, возстановилъ тамъ орденъ святого Іоанна Іерусалимскаго на прежнихъ основаніяхъ, и мнѣ положительно извѣстно, что его святѣйшество Пій VI, если осуществится то, о чемъ я сейчасъ сказалъ, намѣренъ удалиться на Мальту и жить тамъ подъ сильною защитою русскаго императора. Мало того: святой отецъ выразилъ состоящему при немъ русскому послан-

нику Лизакевичу свое намѣреніе отправиться въ Петербургъ, чтобы вести съ государемъ лично переговоры о соединеніи церквей. Какое торжество для нашего смиреннаго братства, если только вспомнить, что все это подготовлено нашимъ рвеніемъ ко славѣ Божіей и къ прославленію нашего святаго патрона!.. Мы впрочемъ, успѣли бы гораздо болѣе, еслибы не имѣли такого непримиримаго врага, какимъ оказывается архіепископъ Сестренцевичъ; поэтому всѣ старанія наши должны быть направлены къ тому, чтобы нетолько лишить его того довѣрія, какимъ онъ, къ сожалѣнію, пользуется у императора, но и совершенно уничтожить его.

— Это необходимо сдѣлать, отозвался одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Нужно только выждать благопріятную минуту, подхватилъ другой.

— И нанести рѣшительный ударъ, подготовивъ вѣрныя средства для его паденія, добавилъ третій.

Послѣ толковъ и пересудовъ о Сестренцевичѣ, Груберъ сдѣлалъ собранію сообщенія и разъясненія по тѣмъ бумагамъ, которыя лежали у него на столѣ. Затѣмъ, іезуиты стали расходиться отъ Грубера по одиночкѣ, чтобъ не навлечь на свое сборище никакого подозрѣнія.

Послѣднимъ остался патеръ Билли, самый ближайшій человѣкъ къ Груберу. Когда вышли всѣ его собраты, онъ съ таинственнымъ видомъ подалъ Груберу, небольшую записочку. Она была написана по русски. Груберъ, превосходно знавшій русскій языкъ, быстро пробѣжалъ ее глазами и злобно-радостная улыбка промелькнула по его губамъ.

— Откуда вы ее достали? торопливо спросилъ онъ.

— Сегодня утромъ я былъ у госпожи Шевалье, а къ ней

вчера пріѣзжалъ прямо изъ дворца графъ Кутайсовъ. При мнѣ она подошла къ столику и, взявъ эту записку, проговорила въ полголоса: какой, однако онъ — забывчивый; онъ оставилъ у меня записочку императора, не вспомнивъ о ней; а сама, вмѣсто того, чтобъ приберечь ее, бросила эту записочку въ кучу писемъ и стиховъ, получаемыхъ ею ежедневно въ такомъ огромномъ количествѣ. Съ своей стороны, я воспользовался ея выходомъ въ другую комнату, отыскалъ записочку императора и счелъ долгомъ доставить ее вамъ. Госпожа Шевалье такъ разсѣянна и забывчива, что, вѣроятно, не вспомнитъ, куда дѣла записочку, а вамъ, быть можетъ, она пригодится...

— Даже и очень, пробормоталъ про себя Груберъ.

XIII.

— Неутѣшительныя, слишкомъ неутѣшительныя для насъ извѣстія приходятъ безпрестанно съ запада... Господь Вседержитель, во гнѣвѣ своемъ подвергаетъ святую церковь тяжкимъ испытаніямъ, глубоко вздохнувъ и обращаясь къ своему собесѣднику, проговорилъ аббатъ Груберъ, сидѣвшій въ своемъ кабинетѣ за письменнымъ столомъ, заваленнымъ книгами, бумагами и письмами.

Горѣвшія на столѣ, подъ зеленымъ тафтянымъ колпакомъ, двѣ свѣчи, слабо освѣщали большую комнату, но и въ этомъ полумракѣ замѣтно выдавалось блѣдное лицо старика и его большіе глаза, внимательно и пытливо устремленные на собесѣдника.

— Правда ваша, господинъ аббатъ, тяжелыя времена наступили для христовой паствы. Революціонному потоку, какъ

кажется, не будетъ предѣловъ, и онъ скоро охватитъ собою всю Европу, съ чувствомъ отозвался разговаривавшій со старикомъ молодой высокій и статный мужчина, одѣтый въ красный кафтанъ съ большимъ мальтійскимъ крестомъ, висѣвшимъ на шеѣ на широкой черной лентѣ.

— Да, революціонное движеніе охватитъ всю Еврпу, за исключеніемъ Россіи, которая нетолько останется спокойна, но, быть можетъ, сдѣлается твердымъ оплотомъ для поддержанія святой римской церкви. Я знаю настоящій образъ мыслей императора Павла и вполнѣ убѣжденъ, что если удастся окончательно повліять на него, то онъ нетолько сдержитъ этотъ бурный потокъ, но и обратитъ его вспять; нужно только какъ слѣдуетъ приняться около него за дѣло.

Сказавъ это, старикъ всталъ съ кресла и, бодро выпрямившись, продолжалъ:—Наше общество—Общество Іисуса—усердно трудится съ этою цѣлью при здѣшнемъ дворѣ, и вашъ священный орденъ долженъ былъ бы работать дѣятельно въ тѣхъ же самыхъ видахъ. Вы, почтенный бальи, достойный его представитель, пріобрѣли особенное благоволеніе и чрезвычайное довѣріе императора; нужно воспользоваться этимъ поскорѣе, такъ какъ вамъ, конечно, извѣстно, до какой степени характеръ государя непостояненъ и измѣнчивъ. Императоръ Павелъ—одна изъ самыхъ кипучихъ натуръ, и потому онъ такъ быстро увлекается сегодня одною, а завтра другою и иногда совершенно противоположною идеею. Вы будете въ отвѣтѣ передъ Богомъ, если не воспользуетесь настоящими благопріятными обстоятельствами и ненавистью императора къ республиканцамъ. Праведный судія накажетъ васъ за это, произнесъ аббатъ пророческимъ голосомъ, грозно указывая вверхъ рукою. Вы, конечно, помните ваши рыцарскіе обѣты? сурово добавилъ онъ.

— Я очень твердо помню ихъ, господинъ аббатъ, но... но... заминаясь, отозвался мальтійскій кавалеръ.

— Значитъ тѣ свѣдѣнія, которыя имѣются у меня относительно васъ, вполнѣ справедливы? гнѣвно перебилъ аббатъ. Значитъ, тотъ, чьи предки такъ доблестно, въ продолженіи многихъ вѣковъ, служили римскому престолу и священному ордену, измѣнилъ теперь и тому и другому...

— Литта никогда не будетъ измѣнникомъ, твердымъ и громкимъ голосомъ возразилъ мальтійскій кавалеръ.—Въ крайнемъ случаѣ, онъ сдѣлаетъ только то, что въ правѣ и даже обязанъ сдѣлать каждый честный человѣкъ: онъ явно и торжественно отречется отъ того обѣта, который онъ прежде принялъ на себя и переносить который онъ теперь не въ силахъ...

— И отдастъ церковь Божію и священный рыцарскій орденъ на поруганіе и растерзаніе врагамъ христовымъ въ то время, когда самъ Господь посылаетъ ему средства спасти отъ погибели и церковь, и орденъ... запальчиво перебилъ іезуитъ:—какой позоръ!.. Какое страшное преступленіе!.. съ выраженіемъ ужаса добавилъ онъ.

— Я лучше предпочту явно отречься отъ моего обѣта, нежели тайно нарушить его, прикрываясь лицемѣріемъ, горделиво сказалъ Литта. — Въ искреннемъ сознаніи своей слабости нѣтъ, какъ мнѣ кажется, ни позора, ни преступленія...

На губахъ іезуита скользнула язвительная улыбка; насмѣшливымъ взглядомъ окинулъ онъ Литту и, нагнувшись надъ письменнымъ столомъ, началъ рыться въ бумагахъ. Долго съ видомъ совершеннаго равнодушія копался онъ въ грудѣ бумагъ и, пріискавъ листокъ, на которомъ было написано нѣсколько строкъ, подалъ его Литтѣ.

— Вамъ знакомъ этотъ почеркъ? спросилъ Груберъ.

— Если я не ошибаюсь, это — почеркъ императора, отвѣчалъ Литта:—но я немогу понять этой записки, такъ какъ она написана по-русски.

— Вы не ошиблись: эти строки написаны его величествомъ, а вотъ и буквальный ихъ переводъ, сказалъ аббатъ, подавая графу другой листочикъ бумаги. Литта быстро пробѣжалъ глазами этотъ листочикъ, и на лицѣ бальи выразилось изумленіе.

— Этого не можетъ быть!.. Императору до нея нѣтъ никакого дѣла, проговорилъ онъ взволнованымъ голосомъ.

— Значитъ, вы обвиняете меня и въ подлогѣ, и въ подделкѣ, сказалъ равнодушно аббатъ и, взявъ изъ рукъ Литты листки, спряталъ ихъ въ ящикъ письменнаго стола.—Бесѣда наша кончилась, господинъ бальи, добавилъ онъ, кланяясь вѣжливо графу.

— Я слишкомъ далекъ, достопочтенный аббатъ, нетолько отъ подобнаго обвиненія, но даже и отъ подобнаго предположенія; но вы сами могли быть введены въ заблужденіе...

— Когда государь удостоилъ васъ въ первый разъ бесѣды, вѣдь онъ спросилъ васъ: давно ли знакомы вы съ графиней Скавронской?..

— Спросилъ, но что̀ же изъ этого слѣдуетъ?.. съ живостію прибавилъ Литта.

— Вы ему разсказали о вашемъ знакомствѣ съ графиней, и чѣмъ его величество заключилъ этотъ разговоръ? добавилъ іезуитъ, вопросительно смотря на Литту.

— Государь проговорилъ только «гм»...

— Но знаете ли, какъ много значитъ въ его рѣчи этотъ, повидимому, ничтожный звукъ?.. Впрочемъ, продолжалъ Груберъ, принимаясь снова рыться въ бумагахъ, лежавшихъ на столѣ:—вотъ вамъ еще одна новость; она конечно, крайне не-

пріятна для васъ, и хотя вы узнаете ее и помимо меня, но, тѣмъ не менѣе, я считаю нужнымъ предупредить васъ на всякій случай. Потрудитесь прочитать вслухъ это извѣстіе, и аббатъ съ этими словами подалъ Литтѣ листокъ бумаги.

— «Директорія, началъ читать по-французски Литта:—издаетъ надняхъ декретъ объ обращеніи Верхней Италіи въ Цизальпинскую Республику, причемъ всѣ имущества, принадлежащія церквамъ, монастырямъ, дворянству и мальтійскому ордену, будутъ отняты у нынѣшнихъ ихъ владѣльцевъ и объявлены собственностію народа».

Литта вздрогнулъ.

— Въ вѣрности этого сообщенія нисколько не сомнѣвайтесь, любезный графъ. Общество Іисуса не получаетъ никогда ложныхъ извѣстій... И такъ, вы лишаетесь разомъ трехсотъ тысячъ франковъ ежегоднаго дохода, получаемаго вами съ двухъ вашихъ родовыхъ командорствъ... Нечего сказать, королевское было у васъ богатство!.. Весьма рѣдкіе счастливцы располагаютъ такимъ громаднымъ состояніемъ... А вашъ великолѣпный фамильный паллацо въ Миланѣ, ваши наслѣдственные зáмки и земли въ Италіи?.. Все это исчезнетъ изъ рода графовъ Литта, равнявшагося, по древности, знатности и богатству, съ знаменитымъ домомъ Висконти... И кому достанется все это богатство?—безумцамъ, такъ дерзко-попирающимъ и божескіе законы, и государственныя установленія. Будемъ же мы стараться изо всѣхъ силъ, продолжалъ Груберъ, дружески протягивая Литтѣ свою костлявую руку:—убѣдить императора Павла возвратить алтари Богу и престолы государямъ...

— Но, честной отецъ, заговорилъ Литта, нерѣшительно подавая іезуиту свою руку: — я предварительно долженъ вамъ сознаться съ полною откровенностію, что я нахожусь въ страш-

номъ, мучительномъ положеніи... Будьте моимъ духовникомъ, вотъ вамъ моя исповѣдь: нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я непреодолимо былъ увлеченъ одною молодою женщиною; я думалъ заглушить мою къ ней страсть и разнообразною дѣятельностію, и странствованіями по морямъ и по сушѣ, и боевою, и монашескою жизнью, но убѣдился, что всѣ усилія мои безполезны. Я еще колеблюсь, но, кажется, рѣшусь, наконецъ оставить орденъ, чтобъ быть свободнымъ и сдѣлаться мужемъ женщины, которая такъ дорога для меня...

— Неужели, благородный мальтійскій рыцарь, она дороже тебѣ твоихъ рыцарскихъ обѣтовъ? спросилъ аббатъ съ выраженіемъ насмѣшливаго укора.

— Да, дороже!.. твердо отвѣчалъ Литта.

Старикъ пожалъ плечами.

— Но не дороже же она тебѣ, благородный рыцарь, ожидающаго тебя небеснаго блаженства? возразилъ онъ такъ увѣренно, что, казалось, на этотъ вопросъ можно было получить только желаемый отвѣтъ.

— Дороже!.. задыхаясь отъ сильнаго волненія, проговорилъ Литта.

Іезуитъ заткнулъ руками уши и замоталъ головою. Онъ, казалось, не могъ перенести такого дерзко-откровеннаго отвѣта со стороны благороднаго рыцаря-католика.

— Легкомысленный безумецъ, ты богохульствуешь... какъ будто про себя проговорилъ аббатъ.—Но, если вы, достопочтенный бальи, заговорилъ онъ, обращаясь къ Литтѣ:—и вышли бы изъ ордена, то мечты ваши на счетъ брака съ графиней Скавронской все-таки не осуществятся. Вамъ извѣстно уже содержаніе той записочки, которую я показалъ вамъ, и, слѣдовательно, теперь вы знаете затрудненія, какія вы встрѣтите при

исполненіи вашего предположенія. Императоръ, по причинамъ никому непонятнымъ, не желаетъ. чтобъ графиня вступила во второй бракъ...

— Но она — совершенно свободная женщина, и я полагаю, что никто не можетъ препятствовать ей располагать собою такъ, какъ она сама пожелаетъ... раздраженнымъ голосомъ отозвался Литта.

— Вы такъ думаете, но я скажу вамъ, что вы жестоко ошибаетесь. Здѣсь, въ Россіи, власть государя не имѣетъ предѣловъ. Неповиновеніе его воли можетъ навлечь на ослушника страшныя послѣдствія. Примите въ соображеніе, что графиня Скавронская, въ случаѣ вступленія ея съ вами въ бракъ, недозволенный императоромъ, можетъ лишиться всего своего огромнаго состоянія. Въ свою очередь, и вы, одинъ изъ первыхъ богачей Италіи, утратите вскорѣ все ваше наслѣдственное богатство, а графиня, какъ вамъ должно быть извѣстно, слишкомъ избалована роскошною жизнью. Какая-же будущность предстоитъ ей въ супружествѣ съ вами? Хотя она — еще очень молодая женщина, но все же для нея миновала уже пора безотчетныхъ увлеченій, вы — тоже не юноша, для котораго любовь — единственное блаженство въ жизни. Имѣйте въ виду только одно, что бракъ вашъ съ графиней будетъ не угоденъ императору и что, вслѣдствіе этого.....

— Государь строгъ, вспыльчивъ и, пожалуй, причудливъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ отличается рыцарскими чувствами въ отношеніи женщинъ, и потому графиня Скавронская можетъ быть вполнѣ безопасна отъ всякихъ со стороны его преслѣдованій, хотя бы она и нарушила его волю...

— Я допускаю, что въ отношеніи къ ней императоръ поступитъ снисходительно, но развѣ вы можете быть увѣрены,

что онъ, узнавъ о вашемъ намѣреніи идти наперекоръ ему, не распорядится о высылкѣ васъ изъ Петербурга въ теченіи нѣсколькихъ часовъ? внушительно замѣтилъ аббатъ.

— Этого не можетъ быть! съ жаромъ перебилъ Литта:— государь не рѣшится на подобную мѣру...

— Пусть будетъ такъ, какъ вы говорите, но подумайте, божій воинъ, что вы, изъ любви къ женщинѣ и, притомъ, схизматичкѣ, рѣшаетесь покинуть орденъ и сложить съ себя принятые вами священные обѣты, т. е. нарушить клятву, данную вами во имя Господа!.. Остается сожалѣть, что и церковь, и рыцарство лишаются, въ тяжкіе для нихъ дни, поборника, на котораго они могли такъ твердо полагаться. Подумайте, однако, графъ, до какой степени вы вашимъ неожиданнымъ поступкомъ нарушите довѣріе, оказанное знаменитой вашей фамиліи и орденскимъ капитуломъ, и святымъ отцомъ. Въ столицѣ русской имперіи вы — первенствующій представитель древняго, теперь гибнущаго рыцарскаго ордена; неужели вы не чувствуете угрызенія совѣсти за то, что оставляете это священное учрежденіе въ то время, когда ему всего нужнѣе имѣть надежныхъ защитниковъ?.. Братъ вашъ, въ качествѣ нунція, состоитъ здѣсь представителемъ апостольскаго престола; подумайте только о томъ, въ какое прискорбное положеніе вы поставите его вашимъ выходомъ изъ ордена, непосредственно подвластнаго святѣйшему отцу? Нѣтъ, вы не рѣшитесь на это: примѣръ вашъ будетъ пагубенъ для мальтійскаго ордена; другіе могутъ послѣдовать за вами, и знаменитый орденъ святаго Іоанна Іерусалимскаго падетъ на радость врагамъ Христовой церкви изъ за какихъ-то романическихъ похожденій бальи графа Юлія Литты... Вы непремѣнно должны остаться въ орденѣ и служить ему съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ служили прежде...

— Но это невозможно; уставы ордена не допускаютъ моего брака... возразилъ Литта.

— Вы ссылаетесь на уставы вашего ордена; но позвольте спросить васъ: соблюдаете ли вы самые существенные изъ нихъ? По этимъ уставамъ вы дали три главные обѣта: смиренія, нищеты и цѣломудрія. Хорошо, однако, смиреніе, когда вы украшаетесь почетнымъ титуломъ и жалуемыми вамъ орденами! А вашъ торжественный въѣздъ въ здѣшнюю столицу, развѣ былъ выраженіемъ смиренія?.. Вы дали обѣтъ нищеты, а сами, между тѣмъ, пользуетесь тремя стами тысячъ ежегоднаго дохода! Наконецъ, какое значеніе имѣетъ для васъ обѣтъ цѣломудрія, если всѣ ваши мечты направлены на плѣнившую васъ красавицу?..

Литта, молча, слушалъ аббата, который продолжалъ:

— Уставы дѣйствительно не допускаютъ вашего брака; но развѣ не существуетъ въ Римѣ, въ лицѣ намѣстника Христова, власти превыше всякихъ уставовъ?.. Довѣрьтесь мнѣ, и я ручаюсь, что его святѣйшество разрѣшитъ вамъ, въ видѣ особаго исключенія, безъ примѣра въ прошедшемъ и безъ повторенія въ будущемъ, вступить въ бракъ, дозволивъ вамъ при этомъ оставаться по прежнему въ рыцарскомъ званіи... Святой отецъ не откажетъ въ этомъ, если признаетъ, что подобной уступки требуетъ настоящее положеніе ордена, а вы, съ вашей стороны, не приминете заслужить безпредѣльною преданностію церкви ту необыкновенную милость, какую окажетъ вамъ святѣйшій Пій VI...

— Я полагаю, что попытка склонить его святѣйшество къ подобному отступленію отъ орденскаго устава не будетъ имѣть никакого успѣха... безнадежно проговорилъ Литта.

— А я такъ не сомнѣваюсь въ успѣхѣ, самоувѣренно замѣтилъ аббатъ.

— Но, кромѣ того, здѣсь встрѣчается еще и другое препятствіе... заговорилъ Литта.

— Нежеланіе государя, чтобъ графиня Скавронская вступила во второй бракъ? Пожалуй, что устранить это препятствіе будетъ труднѣе, нежели получить согласіе его святѣйшества. Слѣдуетъ, однако, попытаться: нужно будетъ уловить благопріятную минуту для объясненія съ императоромъ по этому предмету. Я, къ удивленію вашему, любезный графъ, буду съ вами вполнѣ откровененъ; говорю «къ удивленію», такъ какъ всѣ убѣждены, что откровенность не въ правилахъ и не въ обычаяхъ нашего общества. Это правда, но бываютъ случаи, когда приходится отступать отъ этого. Вы знаете, какое положеніе занялъ я при императорѣ: только графъ Кутайсовъ и я, скромный аббатъ, имѣемъ право входить къ его величеству безъ доклада во всякое время. Такое исключительное право даетъ мнѣ возможность постоянно бесѣдовать съ государемъ и вести съ нимъ разговоръ, примѣняясь къ настроенію его духа. Я прежде всего воспользуюсь удобнымъ случаемъ, чтобы устроить ваше дѣло, но, въ возмездіе за это, я потребую отъ васъ полнаго, неразрывнаго со мною союза единственно для блага святой церкви. Вы согласны на это?..

— Согласенъ... проговорилъ Литта.

На лицѣ аббата мелькнуло выраженіе удовольствія; онъ обнялъ Литту и громко поцѣловалъ его въ обѣ щеки.

XI.

При наступленіи каждой осени, императоръ Павелъ Петровичъ переѣзжалъ на нѣкоторое время въ Гатчину. Имѣніе это, вскорѣ по вступленіи на престолъ Екатерины II, было пожаловано князю Григорію Григорьевичу Орлову. Когда новый владѣлецъ получилъ Гатчину, тамъ находилась только небольшая мыза, къ которой было приписано нѣсколько чухонскихъ деревушекъ съ сѣнокосами и пашнями. Орлову чрезвычайно полюбилась Гатчина, какъ мѣстность, бывшая въ ту пору самымъ удобнымъ подгороднымъ мѣстомъ для охоты. Тамъ сперва онъ выстроилъ небольшой каменный домъ, такъ называемый нынѣ «пріоратъ», сохранившійся и теперь въ первоначальномъ видѣ. Архитектура этого строенія напоминаетъ небольшой замокъ средневѣковаго барона. Все это зданіе составлено какъ будто изъ отдѣльныхъ, слѣпленныхъ между собою домиковъ съ высокими покатыми кровлями, на гребняхъ которыхъ, въ видѣ украшеній, виднѣются шары и желѣзные флюгеры. Надъ зданіемъ возвышается высокая, круглая башня съ остроконечною крышею. Небольшой этотъ замокъ стоитъ среди березъ, елей и сосенъ и красиво смотрится въ запруду, вода которой подходитъ подъ самый его фундаментъ.

Орловъ не удовольствовался этимъ тѣснымъ жилищемъ и въ 1766 году принялся строить въ Гатчинѣ, по плану знаменитаго архитектора Ринальди, громадный дворецъ на подобіе стариннаго замка, съ двумя высокими башнями по угламъ. Весь дворецъ строили изъ тесаннаго камня, и постройка его продолжалась пятнадцать лѣтъ. Онъ былъ оконченъ только въ 1781 году,

и тогда Гатчина, на которую были затрачены Орловымъ несмѣтныя суммы, сдѣлалась самымъ великолѣпнымъ частнымъ имѣніемъ въ окрестностяхъ Петербурга. Роскошная мёблировка комнатъ, собраніе картинъ, статуй, древностей и разныхъ рѣдкостей придавали жилищу князя Орлова видъ настоящаго царскаго дворца. Черезъ громадный паркъ, наполненный старыми развѣсистыми дубами, вился ручей, прозрачный до такой степени, что, когда его запрудили и обратили въ обширные пруды, то на днѣ ихъ, на двухсаженной глубинѣ, можно было видѣть каждый камешекъ. Весь Петербургъ, въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, заговорилъ о Гатчинѣ, какъ о чемъ-то еще не бываломъ и невиданномъ, а пріѣзжавшіе въ сѣверную нашу столицу иностранцы спѣшили взглянуть на роскошь, окружавшую вельможу — помѣщика. Недолго, впрочемъ, привелось князю Орлову пользоваться этою роскошью: въ 1783 году онъ умеръ въ припадкахъ страшнаго бѣшенства, и императрица, купивъ Гатчину у наслѣдниковъ князя, подарила это имѣніе великому князю Павлу Петровичу.

Въ продолженіи тринадцати лѣтъ, Гатчина было постояннымъ мѣстопребываніемъ наслѣдника престола, и, такъ какъ онъ не любилъ пріѣзжать въ Петербургъ, то жилъ здѣсь и зимою. Въ это время Гатчина стала обращаться въ маленькій городокъ, обстроивавшійся по регулярному плану, одобренному ея владѣльцемъ. Будучи императоромъ, Павелъ любилъ проводить осень въ Гатчинѣ, устраивая въ окрестностяхъ ея большіе манёвры. Въ Гатчину онъ приглашалъ гостей изъ Петербурга, а иногда вызывалъ оттуда къ себѣ сановниковъ, съ которыми желалъ заняться въ уединеніи какими либо особенно-важными дѣлами.

Въ одно изъ такихъ его пребываній въ Гатчинѣ, раннимъ

осеннимъ утромъ, когда только-что начинало разсвѣтать, въ пріемной государя, находившейся въ нижнемъ этажѣ дворца, были два посѣтителя. Одинъ изъ нихъ мужчина лѣтъ шестидесяти, но еще бодрый и статный, съ замѣтной выправкой военнаго служаки, былъ одѣтъ въ суконный кафтанъ пурпуроваго цвѣта, доходившій почти до пятокъ; на немъ были шерстяные чулки такого же цвѣта, а на головѣ—бархатная скуфейка, подходившая подъ цвѣтъ кафтана. Его смѣлый взглядъ, его добродушное лицо и яркая одежда казались совершенною противоположностью тому, что представлялъ собою другой посѣтитель императорской пріемной. Этотъ послѣдній былъ какой-то съежившійся старикашка, сутуловатый, съ огромною, несоотвѣтствующею его росту головою, въ его большихъ и тёмныхъ глазахъ, опущенныхъ внизъ, виднѣлся какой-то зловѣщій блескъ. Одѣтый въ длинную черную поношенную сутану, т. е. въ рясу католическихъ священниковъ, съ огромной черной войлочной шляпой въ рукахъ, онъ стоялъ въ углу пріемной, смиренно прижавшись къ стѣнѣ и сложивъ опущенныя внизъ руки, какъ будто стараясь выказать свое ничтожество передъ другимъ посѣтителемъ, который горделиво расхаживалъ по пріемной твердыми и мѣрными шагами и время отъ времени, останавливаясь у окна, пристально посматривалъ на площадь, ожидая чьего-то на ней появленія. Замѣтно было, что оба посѣтителя царской пріемной нетолько не чувствовали взаимнаго влеченія, но и тяготились присутствіемъ одинъ другаго, уклоняясь отъ всякаго разговора.

Пріемная государя была небольшая комната въ два окна, выходившія на полукруглый коридоръ, обращенный окнами на площадь. Бѣлыя изъ простаго полотна, низко опущенные занавѣсы съ широкимъ шерстянымъ басономъ и такою же бахрамою

отнимали много свѣта у этой и безъ того уже довольно мрачной комнаты. На стѣнахъ ея висѣли въ золоченыхъ рамахъ большія, почернѣвшія отъ времени картины, а все убранство ея состояло изъ простыхъ деревянныхъ, окрашенныхъ темною краскою стульевъ, обитыхъ зеленою кожею и простаго о двухъ складныхъ половинкахъ стола. Съ потолка спускалась люстра, въ видѣ стекляннаго круглаго фонаря, съ одною свѣчкою, а въ простѣнкѣ между окнами было большое въ вызолоченной рамѣ зеркало. Какъ-то непривѣтливо и сурово, особенно среди мертвой тишины, выглядывала эта царская пріемная, и много въ ней, въ разное время, было перечувствовано и волненія, и страха, да и настоящіе ея посѣтители, не смотря на ихъ наружное спокойствіе, не безъ тревожнаго біенія сердца поджидали появленія государя. Оба они встрепенулись и вопросительно взглянули другъ на друга, когда на гауптвахтѣ, расположенной подъ окнами пріемной, раздался барабанный бой, возвѣщавшій о приближеніи ко дворцу императора.

Черезъ нѣсколько минутъ, камер-лакей растворилъ настежъ двери, и въ пріемную вошелъ Павелъ Петровичъ. По лицу его было замѣтно, что онъ находился въ отличномъ расположеніи духа. Онъ живо отдалъ лакею свою огромную треуголку, высокую камышевую форменную трость и снялъ съ рукъ перчатки съ большими раструбами.

— Извините меня, ваше высокопреосвященство, сказалъ онъ по русски, обращаясь къ посѣтителю, одѣтому въ пурпуръ: — что я заставилъ васъ нѣсколько подождать противъ назначеннаго вамъ времени...

Отвѣтомъ на эти милостивыя слова былъ глубокій поклонъ высокопреосвященнаго, который почтительно, преклонивъ колѣно, поцѣловалъ руку, протянутую ему государемъ.

— А передъ вами, господинъ аббатъ, я и не извиняюсь: вы у меня—человѣкъ домашній, а съ близкими мнѣ людьми я не стѣсняюсь, зная, что они сами извинятъ меня, сказалъ императоръ, дружески потрепавъ по плечу Грубера, который, сложивъ на груди крестомъ руки и потупивъ глаза, низко-пренизко склонилъ свою большую голову передъ обласкавшимъ его государемъ, а вслѣдъ за тѣмъ искоса бросилъ надменно-злобный взглядъ на величаваго прелата.

— Когда имѣешь у себя подъ рукой военную команду, то съ нея не слѣдуетъ спускать глазъ, заговорилъ императоръ: — я обошелъ теперь всѣ караулы, заглянулъ всюду и нашелъ все и вездѣ въ полной исправности. Это мнѣ чрезвычайно пріятно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и понятно, такъ какъ только постояннымъ наблюденіемъ можно поддержать порядокъ по военной части. Вы, ваше высокопреосвященство, продолжалъ государь, обращаясь къ прелату: — хорошо понимаете это дѣло; вы—человѣкъ военный и, какъ я слышалъ, были когда-то отличнымъ кавалеристомъ и лихимъ рубакою. Вы кѣмъ были: гусаромъ, или уланомъ?..

— И тѣмъ, и другимъ, пріосанившись, бойко отвѣчалъ высокопреосвященный, а теперь, государь, добавилъ онъ, склоняя скромно голову:—я—смиренный служитель алтаря Господня...

— Ну, ужь и смиренный! засмѣявшись, подхватилъ императоръ.—Вы—настоящая ecclesia militans—воинствующая церковь, вы безпрестанно воюете съ этими черноризцами, шутливо добавилъ государь, показывая глазами на аббата, стоявшаго неподвижно съ выраженіемъ безпредѣльнаго смиренія на лицѣ.—Впрочемъ, продолжалъ Павелъ Петровичъ: — я могу отдать каждому изъ васъ должную справедливость. Вы, господинъ аббатъ Груберъ, какъ начальникъ общества Іисуса въ Россіи, приносите великую пользу юношеству, воспитывая его въ страхѣ Божіемъ и

въ повиновеніи предержащимъ властямъ. Вы, высокопреосвященный митрополитъ Сестренцевичъ, служите государству, какъ вѣрный и благочестивый пастырь церкви Христовой:—вы, охраняя ея неприкосновенныя права, не пытаетесь, въ то же время, по примѣру другихъ католическихъ іерарховъ, исхитить ее изъ-подъ верховной власти государя и не даете много воли вотъ этимъ господамъ, сказалъ императоръ, съ ласковою улыбкой погрозивъ пальцемъ аббату.

— Я стараюсь, государь, по мѣрѣ моихъ силъ, исполнить завѣтъ божественнаго нашего учителя: воздать Божіе Богови и кесарево кесареви, проговорилъ митрополитъ твердымъ и звучнымъ голосомъ.

— Прекрасно говорите и превосходно дѣлаете; поступайте всегда такъ. Моя покойная матушка не даромъ цѣнила ваши достоинства и заслуги. Она старалась, чтобъ его святѣйшество возвелъ васъ въ санъ кардинала, но римская курія заупрямилась. Она опасалась, что въ Россіи князь римской церкви не будетъ пользоваться подобающимъ ему почетомъ. Вслѣдствіе такого отказа, я самъ облекъ васъ въ кардинальскій пурпуръ и настоялъ у папы, чтобъ одежда эта была удержана и за вашими преемниками. Не знаю, какъ будутъ они носить ее, но вы носите ее, какъ честный человѣкъ, а это много значитъ въ моихъ глазахъ. Опасенія же святаго отца были напрасны, въ особенности въ настоящее время. Теперь дѣло идетъ не о спасеніи той или другой церкви въ отдѣльности, но о спасеніи христіанства вообще. Нынѣ—не время спорить о церковныхъ несогласіяхъ, и если французскіе революціонеры осуществятъ свои дерзкіе замыслы, если они овладѣютъ Римомъ и низвергнутъ папу, я силою моего оружія возстановлю престолъ римскаго первосвящен-

ника... Да, я возстановлю его! рѣшительнымъ голосомъ добавилъ императоръ.

Говоря это, Павелъ Петровичъ волновался все сильнѣе и сильнѣе, глаза его блистали, и обыкновенно сиповатый его голосъ громко раздавался на всю комнату.

— Великодушію вашего величества нѣтъ предѣловъ!.. порывисто отозвался Сестренцевичъ. А между тѣмъ, аббатъ, оставаясь, какъ и прежде, неподвижнымъ, казалось, обдумывалъ что-то, слегка шевеля своими тонкими губами.

— Я рѣшился начать съ того, что поддержу мальтійскій орденъ. Онъ—такое учрежденіе, къ которому я съ самаго дѣтства питаю глубокое уваженіе. Помню, какъ я еще ребенкомъ, послѣ того, какъ мой наставникъ, Порошинъ, прочелъ мнѣ нѣсколько главъ изъ исторіи этого ордена, игралъ, воображая себя мальтійскимъ рыцаремъ. Потомъ, я самъ прочитывалъ нѣсколько разъ книгу аббата Верто и убѣдился, что орденъ этотъ заслуживаетъ и сочувствія, и поддержки со стороны всѣхъ христіанскихъ государей. Чрезвычайно прискорбно для меня только то, что разныя интриги, происки и личные раздоры препятствуютъ мнѣ осуществить мои планы такъ, какъ я хотѣлъ бы это сдѣлать, и извините меня и вы, высокопреосвященный владыко, и вы, достопочтенный господинъ аббатъ, если я прямо скажу вамъ, что я отчасти и васъ обоихъ считаю виновниками моихъ неуспѣховъ. Вы оба—служители одной и той же церкви, а между тѣмъ, вы не уживаетесь между собою и не дѣйствуете въ духѣ братскаго единомыслія...

— Это потому, ваше величество... перебилъ съ живостію митрополитъ.

— Подождите, ваше высокопреосвященство, я еще не кончилъ, строго сказалъ императоръ и повелительнымъ движеніемъ

руки далъ знать прелату, чтобы онъ замолчалъ. —Почему бы то ни было, но этого не должно быть, и я совѣтую вамъ прекратить ваши раздоры, заключилъ императоръ, обводя грозными взглядомъ и митрополита, и аббата.

Изъ нихъ первый не смутился нисколько отъ такого суроваго внушенія и, казалось, дѣлалъ надъ собою усиліе, чтобъ воздержаться отъ прямодушныхъ объясненій съ государемъ. Между тѣмъ, лицо іезуита судорожно передернулось и сдѣлалось еще блѣднѣе, и онъ злобно изъ подлобья взглянулъ на своего противника.

— Чтобъ возстановить между вами миръ, я пригласилъ васъ къ себѣ, но объ этомъ мы поговоримъ послѣ, а теперь пойдемте наверхъ позавтракать—вы будете для меня пріятными гостями. Да къ стати, вы, ваше высокопреосвященство, кажется, не были въ этомъ дворцѣ послѣ его передѣлки, такъ я покажу его вамъ, сказалъ императоръ съ тою привѣтливою любезностью, какою отличалось его обращеніе, когда онъ бывалъ въ духѣ и желалъ выразить кому-нибудь свое благоволеніе.

Изъ пріемной, чрезъ небольшую темноватую комнату, Павелъ Петровичъ и его гости вышли на парадную мраморную лѣстницу, устланную великолѣпнымъ ковромъ. На стѣнахъ лѣстницы были нарисованы al fresco виды Павловска и Гатчины; на одной изъ этихъ картинъ былъ представленъ императоръ, ведущій подъ своимъ начальствомъ отрядъ павловскаго полка. Они прошли чесменскую галлерею, въ которой были развѣшаны картины, изображавшія нѣкоторые эпизоды изъ морскаго сраженія при Чесмѣ. Затѣмъ, они перешли въ греческую галлерею, наполненную древними статуями, бюстами и вазами, и зашли въ оружейную, гдѣ, еще при князѣ Орловѣ, начала составлять-

ся коллекція разнаго оружія. Покои гатчинскаго дворца отличались великолѣпіемъ: всюду блестѣла позолота, лоснился мраморъ, виднѣлись и лѣпная работа, и плафоны, росписанные кистью искусныхъ художниковъ, и штучные полы изъ разноцвѣтнаго дерева. Въ тронной—небольшой, впрочемъ, комнатѣ—стоялъ между оконъ, на возвышеніи въ три ступени, обтянутыя алымъ сукномъ, тронъ императора, вызолоченный и обитый малиновымъ бархатомъ съ вышитымъ на спинкѣ его двуглавымъ орломъ. Тронъ былъ осѣненъ балдахиномъ изъ такого же бархата, съ тяжелою золотою бахрамою и большими золотыми кистями. На стѣнахъ тронной были развѣшаны драгоцѣнные гобелены, на которыхъ по одной стѣнѣ было изображено путешествіе дикаря въ паланкинѣ, а по другой—бой тигра съ пантерою. Въ сосѣдней съ тронною комнатѣ, называвшейся гостиною, находилась великолѣпная золоченная мебель съ шелковою обивкою, а по стѣнамъ гостиной висѣли замѣчательные по художественному исполненію рисунка гобелены съ изображеніемъ сценъ изъ похожденій Донъ-Кихота. Рядомъ съ гостиною была спальня императрицы. Комнату эту раздѣляла поперекъ бѣлая деревянная съ позолотою балюстрада, за которою находилась постель государыни, прикрытая тяжелымъ покрываломъ изъ серебряной парчи съ голубыми разводами; изъ такой же матеріи былъ сдѣланъ надъ постелью балдахинъ. Бальная зала была обдѣлана бѣлымъ каррарскимъ мраморомъ съ сѣроватыми мраморными-же колонами, а стѣны были обставлены диванчиками, стульями и табуретами изъ бѣлаго дерева, обитыми серебристо-бѣлымъ штофомъ. Изящный вкусъ и роскошь были замѣтны на каждомъ шагу въ этихъ, сперва княжескихъ, а потомъ царскихъ чертогахъ.

На половинѣ императрицы была также тронная зала; но

тронъ государыни былъ гораздо меньше и ниже и не отличался такимъ пышнымъ убранствомъ, какъ тронъ императора. Въ столовой, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ, висѣли по стѣнамъ написанныя масляными красками виды тѣхъ городовъ и мѣстностей, которые въ особенности понравились Павлу Петровичу, когда онъ, будучи еще великимъ княземъ, путешествовалъ, вмѣстѣ съ супругою, по Европѣ подъ именемъ графа Сѣвернаго. Государь оказался чрезвычайно любезнымъ и внимательнымъ хозяиномъ, онъ занималъ и митрополита, и аббата, то серьезными, то веселыми разсказами и въ бесѣдѣ своей обнаруживалъ и замѣчательную начитанность, и громадную память.

Послѣ завтрака, онъ предложилъ гостямъ спуститься внизъ въ его рабочій кабинетъ, гдѣ находились бумаги, по поводу которыхъ онъ хотѣлъ переговорить съ ними. Сойдя съ лѣстницы и пройдя пріемную, въ которой Сестренцевичъ и Груберъ недавно ожидали его, императоръ ввелъ митрополита и аббата въ просторную комнату. Передъ входными ея дверями, подъ большимъ портретомъ Петра Великаго, который былъ изображенъ скачущимъ на конѣ, стоялъ тронъ, обитый малиновымъ бархатомъ. Всѣ стѣны этой комнаты были увѣшаны картинами и портретами, и между этими послѣдними останавливалъ на себѣ вниманіе поясной портретъ фельдмаршала, графа Бориса Петровича Шереметева, съ пудренной головой, въ стальныхъ латахъ, съ накинутою поверхъ ихъ черною рыцарскою мантіею и съ мальтійскимъ крестомъ на шеѣ. Дверь изъ этой комнаты вела въ кабинетъ государя, не отличавшійся ни удобствомъ, ни роскошнымъ убранствомъ. Тамъ, на овальномъ столѣ, поставленномъ передъ диваномъ, лежала кипа бумагъ; войдя въ кабинетъ, государь заперъ на ключъ двери и

затѣмъ, садясь на диванъ, предложилъ митрополиту и аббату занять кресла, стоявшія по сторонамъ дивана.

Началась дѣловая бесѣда. Въ сосѣдней комнатѣ можно было бы слышать рѣшительный и твердый голосъ государя, говорившаго съ сознаніемъ своей могущественной власти, но голосъ этотъ былъ порою покрываемъ звучнымъ и смѣлымъ голосомъ прелата, а въ промежуткахъ изрѣдка слышался тихій и вкрадчивый голосъ іезуита.

Бесѣда длилась около часа, послѣ чего митрополитъ вышелъ изъ кабинета государя, раскраснѣвшись и сильно взволнованный. Онъ отдалъ легкій поклонъ встрѣтившемуся ему въ пріемной графу Кутайсову. Слѣдомъ за митрополитомъ вышелъ изъ кабинета съ обычнымъ спокойнымъ выраженіемъ лица аббатъ Груберъ. Увидѣвъ Кутайсова, онъ подошелъ къ нему съ почтительнымъ поклономъ и, проводивъ глазами выходившаго изъ пріемной Сестренцевича, завелъ съ любимцемъ государя шопотомъ рѣчь о только-что кончившейся аудіенціи...

XV.

Возвращаясь въ Петербургъ изъ Гатчины, аббатъ, во время пути, тщательно обдумывалъ, какъ бы передать графу Литтѣ о бесѣдѣ, происходившей въ кабинетѣ государя. Онъ находилъ неудобнымъ сообщать объ этомъ съ полною откровенностію, такъ какъ тогда пришлось бы, между прочимъ, упомянуть и о тѣхъ, не слишкомъ благопріятныхъ для іезуитскаго ордена отзывахъ, которые, въ продолженіе бесѣды, высказывались императоромъ, хотя какъ будто и безъ всякаго съ его стороны желанія опорочить іезуитовъ. Аббатъ догадывался по нѣкоторымъ намекамъ, вырвавшимся у Павла Петровича, что около императора находятся лица, не слишкомъ благосклонныя къ обществу Іисуса, и что они стараются внушить государю недовѣріе къ этому учрежденію, выставляя тѣ опасности, какія могутъ угрожать Россіи вслѣдствіе участія іезуитовъ въ воспитаніи русскаго юношества. Груберъ понималъ, что если разсказать Литтѣ рѣшительно все, какъ было, безъ утайки, переиначки и безъ нѣкоторыхъ прибавленій и прикрасъ, то Литта можетъ придти къ заключенію, что главный представитель ордена іезуитовъ въ Россіи далеко не пользуется у императора тѣмъ значеніемъ, какое приписываютъ ему въ общественной молвѣ, и что поло-

женіе его довольно шатко. Между тѣмъ, искательному іезуиту нужно было прежде всего убѣдить бальи, какъ представителя мальтійскаго ордена, въ той силѣ, какую имѣетъ у государя представитель общества Іисуса. Груберъ, послѣ своей побывки вмѣстѣ съ Сестренцевичемъ въ Гатчинѣ, долженъ былъ окончательно убѣдиться, что самые злѣйшіе и опаснѣйшіе враги іезуитскаго ордена могутъ находиться среди римско-католическаго духовенства и что во главѣ такихъ враговъ должно считать архіепископа могилевскаго и митрополита всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Россіи, Станислава Сестренцевича. Въ ушахъ аббата явственно слышалась смѣлая рѣчь прямодушнаго прелата, который, не стѣсняясь нисколько присутствіемъ одного изъ первенствующихъ представителей іезуитизма, рѣшался указывать государю на тотъ страшный вредъ, который послѣдователи Игнатія Лойолы наносятъ всегда и всюду своими подпольными кознями и государству, и обществу. Сестренцевичъ, побуждаемый непримиримою ненавистью къ іезуитамъ, говорилъ обо всемъ этомъ съ такою безпощадною рѣзкостью и неумѣренною запальчивостью, что государь нѣсколько разъ, то ласково, то строго, сдерживалъ черезъ-чуръ расходившаго сановника римской церкви. Несмотря на такую благосклонность государя, Груберу нельзя было не опасаться того вліянія, какое могли произвести доводы митрополита на впечатлительнаго Павла Петровича. Хотя, при посредствѣ императора или, вѣрнѣе сказать, по его требованію, противники въ знакъ примиренія подали другъ другу руки и поцѣловались, но, вслѣдствіе этого, взаимная вражда ихъ не уменьшилась нисколько, и въ то время, когда облеченный въ кардинальскій пурпуръ бывшій гусаръ и уланъ надѣялся расправиться когда-нибудь съ своимъ противникомъ по-военному, безъ всякихъ интригъ и

пролазничества, тонкій іезуитъ находилъ болѣе удобнымъ пускать въ ходъ и ловкую уступчивость, и притворство, чтобы тѣмъ легче запутать, а потомъ и погубить своего противника, рубившаго, по старой прывычкѣ, съ плеча, безъ взякой оглядки. Когда императоръ выразилъ желаніе, чтобы распря между митрополитомъ и іезуитскимъ орденомъ кончилась, Груберъ съ смиреннымъ видомъ поспѣшилъ высказать, что онъ помнитъ всегда ту громадную разницу, какая, по уставамъ церкви, существуетъ между имъ, простымъ священникомъ, и главенствующимъ въ странѣ епископомъ; что если онъ порою позволяетъ себѣ не соглашаться съ мнѣніемъ его эминенціи, то это происходитъ единственно отъ того, что онъ, Груберъ, по крайнему своему разумѣнію, понимаетъ нѣсколько иначе папскія буллы и считаетъ нужнымъ охранять ихъ неприкосновенность, и что, наконецъ, онъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ, готовъ просить у митрополита прощеніе, если онъ чѣмъ либо, безъ всякаго, впрочемъ, съ своей стороны, умысла, могъ прогнѣвать достойнаго архипастыря.

При дворѣ и въ высшемъ петербургскомъ обществѣ пронырливый и искательный Груберъ пріобрѣлъ огромное вліяніе, и онъ пользовался этимъ для того, чтобы всюду, гдѣ только было можно, разставлять тайныя сѣти, ловя ими добычу и захватывая прибыль для своего ордена. Находившіеся въ Петербургѣ иностранные дипломаты, видя то положеніе, какое успѣлъ занять Груберъ въ Россіи, заискивали его расположенія, считая его однимъ изъ пригодныхъ орудій для достиженія своихъ цѣлей. Австрійскій посланникъ, графъ Кобенцель, представитель королевской Франціи, графъ Эстергази, и посланникъ короля неаполитанскаго, герцогъ де-Серра-Капріоли, постоянно были готовы къ услугамъ скромнаго аббата, который, кромѣ

того, успѣлъ завести обширныя сношенія и тѣсныя связи съ вліятельными людьми и внѣ Петербурга, почти во всѣхъ государствахъ Европы.

Слѣдуя издавна принятой іезуитскимъ орденомъ системѣ, Груберъ прежде всего захотѣлъ установить вліяніе ордена на воспитаніе молодаго поколѣнія. Пользуясь дозволеніемъ императора Павла Петровича жить въ Петербургѣ, іезуиты учредили здѣсь свой капитулъ и открыли при немъ училище и пансіонъ, о которыхъ вскорѣ распространилась въ высшемъ обществѣ столицы самая лестная молва и главнымъ начальникомъ которыхъ былъ сдѣланъ Груберъ. Обстоятельства чрезвычайно благопріятствовали ему: по присоединеніи Западнаго Края къ Россіи, польскіе магнаты пріѣзжали безпрестанно въ Петербургъ; одни изъ нихъ для того, чтобъ, представившись новому своему государю, обратить на себя его милостивое вниманіе, другіе являлись сюда съ политическими цѣлями, домогаясь удержать въ присоединенномъ краѣ прежніе порядки; третьи пріѣзжали хлопотать по своимъ частнымъ дѣламъ и тяжбамъ и, наконецъ, четвертые навѣщали Петербургъ съ тою цѣлью, чтобы пріискать для себя въ Россіи богатыхъ и знатныхъ невѣстъ. Императоръ Павелъ чрезвычайно благосклонно принималъ поляковъ, и изъ числа ихъ графъ Илинскій былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ къ нему людей. Пріѣзжавшіе въ Петербургъ богатые паны очень охотно отдавали своихъ сыновей на воспитаніе къ Груберу, въ завѣдываемый имъ іезуитскій пансіонъ; примѣру ихъ стали подражать и русскіе баре, такъ что вскорѣ заведеніе это наполнилось мальчиками изъ самыхъ знатныхъ въ ту пору русскихъ фамилій. Аббатъ воспитывалъ своихъ питомцевъ въ строгомъ католическомъ духѣ, желая болѣе всего

подготовить въ нихъ будущихъ дѣятельныхъ пособниковъ іезуитскаго ордена.

Матеріальныя средства іезуитскаго ордена въ Россіи были въ ту пору громадны. Въ присоединенныхъ отъ Польши областяхъ онъ, въ общей сложности, владѣлъ, на правѣ помѣщика, 14,000 крестьянъ, и, кромѣ того, располагалъ собственными капиталами болѣе чѣмъ на полтора милліона тогдашнихъ серебряныхъ рублей, независимо отъ разныхъ доходовъ, пожертвованій и приношеній, постоянно присылавшихся въ его кассу въ огромномъ количествѣ. Большая часть всего этого назначалась жертвователями на устройство учебныхъ и воспитательныхъ заведеній подъ попеченіемъ іезуитскаго ордена. Вообще, положеніе общества Іисуса въ Россіи, во время управленія имъ аббата Грубера, было чрезвычайно блестяще, и орденъ благодаря ловкости и энергіи аббата, сталъ пріобрѣтать силу. Мало-по-малу, аббатъ вошелъ во всѣ знатные русскіе дома въ Петербургѣ: въ одномъ онъ являлся умнымъ и занимательнымъ гостемъ, въ другомъ—мудрымъ совѣтникомъ по разнымъ дѣламъ, въ третьемъ—другомъ семейства, въ четвертомъ—врачемъ, въ пятомъ—краснорѣчивымъ проповѣдникомъ, глаголамъ котораго русскія барыни внимали съ особымъ благоговѣніемъ. Короче, въ царствованіе императора Павла Петровича іезуитъ Груберъ былъ одною изъ самыхъ замѣтныхъ личностей въ высшемъ петербургскомъ обществѣ.

Поддержкѣ іезуитскаго ордена въ Россіи содѣйствовали немало и прибывшіе въ Петербургъ изъ Франціи эмигранты. И при дворѣ, и въ высшемъ русскомъ обществѣ смотрѣли на нихъ, какъ на неповинныхъ ни въ чемъ страдальцевъ, принужденныхъ покинуть родину и лишенныхъ всего достоянія, вслѣдствіе злобы и ненависти богомерзкихъ якобинцевъ. Громкаго

родового имени, даже частицы «de» передъ фамиліею и заявленія о несокрушимой преданности королевскому дому Бурбоновъ и старому монархическому порядку достаточно было для того, чтобы каждому французу былъ открытъ прямой доступъ къ императору, который охотно предоставлялъ имъ высшія военныя и почетныя придворныя должности. Всѣ эмигранты кляли въ одинъ голосъ революцію, ниспровергнувшую религію сперва во Франціи, а теперь угрожавшую тѣмъ же самымъ и во всей Европѣ. Въ охраненіи католической церкви они видѣли единственное средство къ возстановленію политическаго порядка и сильно разсчитывали на помощь въ этомъ случаѣ со стороны іезуитскаго ордена. При такомъ положеніи дѣлъ, аббатъ Груберъ находилъ самыхъ дѣятельныхъ для себя пособниковъ и среди являвшихся въ Петербургъ французскихъ эмигрантовъ, пользовавшихся большимъ вліяніемъ въ придворныхъ сферахъ.

Покровительство, оказанное императоромъ Павломъ Петровичемъ мальтійскому ордену, не безъ основанія считали явнымъ выраженіемъ его желанія поддержать католическую церковь на западѣ Европы, разумѣется, не столько для собственнаго ея благосостоянія, сколько для водворенія политическаго порядка, столь долго процвѣтавшаго тамъ въ неразрывной связи съ господствомъ этой церкви. Груберъ понималъ ту благопріятную обстановку, въ какой онъ находился, и рѣшился повести исполненіе своихъ плановъ самымъ энергическимъ образомъ.

Пообдумавшись хорошенько, взвѣсивъ и разсчитавъ каждое слово, онъ вечеромъ, въ день своего пріѣзда изъ Гатчины, отправился къ Литтѣ.

— Наша святая церковь, вашъ орденъ, а также лично и я, и вы имѣемъ самаго опаснаго врага тамъ, гдѣ, повидимому,

всего менѣе можно было ожидать его, заговорилъ тихимъ, подавленнымъ голосомъ іезуитъ послѣ того, какъ разсказалъ Литтѣ, въ общихъ словахъ, о свиданіи съ государемъ. Литта съ выраженіемъ безпокойства посмотрѣлъ на аббата.

— Я говорю о здѣшнемъ митрополитѣ, продолжалъ Груберъ:—онъ — не пастырь, полагающій душу за овцы, а хищный волкъ, вкравшійся въ овчарню Христову. Онъ внушаетъ государю поставить въ дѣлахъ церкви свѣтскую власть выше духовной и, подъ покровомъ этой власти, хочетъ управлять произвольно, и должно опасаться, что. подъ его вліяніемъ, императоръ можетъ отказаться отъ той защиты, которую онъ пока готовъ оказать и его святѣйшеству папѣ, и вашему ордену, и вообще христіанству на Западѣ. Митрополитъ твердитъ государю о томъ, что, какіе бы революціонные перевороты ни происходили въ Европѣ, католическая церковь въ Россіи можетъ остаться на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ она и теперь существуетъ, и что всегда найдется возможность устроить ея управленіе по примѣру галликанской церкви, безъ всякаго ущерба для основныхъ догматовъ католичества... Онъ, какъ мнѣ кажется, желаетъ сдѣлаться какимъ-то папою въ Россіи; онъ — человѣкъ чрезвычайно честолюбивый и, вдобавокъ, корыстный въ высшей степени...

— Съ послѣднимъ вашимъ замѣчаніемъ я не согласенъ, живо перебилъ Литта. — Насколько я знаю его эминенцію и сколько я наслышался о немъ, онъ чуждъ честолюбія и корысти. Ошибка въ его мнѣніяхъ и въ его дѣйствіяхъ происходитъ развѣ только отъ того, что онъ уже слишкомъ широко понимаетъ евангельскія слова: «Царство мое — не отъ міра сего», а потому не хочетъ вмѣшиваться, во имя церкви, ни въ какія дѣла и вопросы политическаго свойства. Притомъ,

какъ бывшій военный, онъ ставитъ субординацію выше всего. Однажды, въ разговорѣ со мною, онъ высказалъ неудовольствіе на то, что вашъ орденъ стремится къ какой-то недозволенной самостоятельности и что онъ не видитъ никакого основанія къ тому, чтобы общество Іисуса не подчинялось власти мѣстнаго епископа точно такъ же, какъ подчиняется ей всякій другой монашескій орденъ. Между тѣмъ, вы, по словамъ его, хотите, обойдя епископовъ, предоставить полную власть надъ орденомъ провинціаламъ и пріорамъ непосредственно подъ главенствомъ святого отца.

Іезуитъ молча слушалъ рѣчь Литты, и въ это время выдававшіяся на исхудаломъ его лицѣ скулы были въ нервномъ движеніи, и онъ по временамъ судорожно шевелилъ своими тонкими губами.

— Нашъ орденъ составляетъ особое братство, и мы съумѣемъ всегда и вездѣ быть настолько самостоятельными и независимыми, насколько намъ это нужно для достиженія нашихъ великихъ и богоугодныхъ цѣлей. Мы — духовное воинство, которое безпрерывно борется съ врагами Христова ученія. У насъ до сихъ поръ не было вооруженной силы, но, кажется, Господь, въ неисповѣдимыхъ своихъ судьбахъ, теперь посылаетъ намъ и ее. Я долженъ сказать вамъ, высокоуважаемый бальи, что многіе члены вашего рыцарскаго ордена желаютъ вступить въ тѣсный союзъ съ нашимъ обществомъ, и несомнѣнно, что такой союзъ будетъ взаимно полезенъ. Въ непродолжительномъ времени пріѣдетъ въ Петербургъ съ этою цѣлью командоръ баварской націи Пфюрдтъ, и при посредствѣ его дѣло уладится къ обоюдной пользѣ. Вы обѣщались уже дѣйствовать заодно со мною; я считаю уже васъ нашимъ собратомъ и нахожу нужнымъ предварить васъ о пріѣздѣ Пфюрдта.

Разумѣется, что, въ случаѣ вашего несогласія, все, что я говорилъ и говорю вамъ, останется тайной: на благородную скромность графа Литты можетъ положиться каждый...

— Такъ же, какъ и на его прямоту, добавилъ бальи: — и потому я долженъ съ полною откровенностью сказать вамъ, господинъ аббатъ, что я не согласенъ дѣйствовать въ томъ направленіи, въ какомъ дѣйствуетъ вашъ орденъ, и что между нимъ и нашимъ орденомъ не можетъ установиться предполагаемая вами связь...

— Отъ васъ зависитъ имѣть тотъ или другой взглядъ на дѣйствія общества Іисуса, съ равнодушнымъ видомъ отозвался аббатъ: — съ своей стороны, я могу сказать, что несходство вашихъ взглядовъ и мыслей со мною не будетъ служить ни малѣйшимъ препятствіемъ къ тому, чтобы устроить ваше дѣло такъ, какъ мы предположили. Безучастіе ваше къ судьбамъ не только нашего ордена, но и мальтійскаго рыцарства, въ настоящее время мнѣ вполнѣ понятны. Вы заняты не этимъ, да и вообще влюбленные люди не могутъ быть бодрыми дѣятелями. Отложимъ до времени начатый мною разговоръ и перейдемъ къ занимающему васъ лично вопросу. Въ послѣднее мое свиданіе съ государемъ мнѣ не удалось завести рѣчь о вашемъ дѣлѣ, но въ успѣхѣ его не сомнѣвайтесь: императоръ дозволитъ графинѣ Скавронской вступить съ вами въ бракъ, а его святѣйшество разрѣшитъ вамъ жениться и остаться въ орденѣ. Политическія обстоятельства скоро перемѣнятся, и ваши родовыя командорства съ ихъ огромными доходами возвратятся опять къ вамъ, если вы останетесь въ орденѣ. Невозможно предполагать, чтобы торжеетво безбожныхъ революціонеровъ было продолжительно. Законная власть вскорѣ преодолѣетъ ихъ и тогда все станетъ по прежнему. Стихнетъ гроза, и вашъ благород-

ный орденъ будетъ продолжать свое существованіе среди тишины и безопасности, если только члены его останутся ему вѣрны среди тѣхъ бѣдствій, какія онъ нынѣ испытываетъ. Нужно только устранить участіе митрополита и просить разрѣшеніе на бракъ съ графинею непосредственно въ Римѣ. Сестренцевичъ не благоволитъ къ вашему ордену, какъ къ учрежденію, которое примѣшиваетъ церковь къ дѣламъ политическимъ. Онъ постарается повредить вамъ и у государя, и у папы. На-дняхъ, императоръ пріѣдетъ въ Петербургъ, и я не заставлю васъ долго ждать моего увѣдомленія.

Сказавъ это, аббатъ самымъ дружественнымъ образомъ разстался съ Литтою.

XVI.

Скавронская сидѣла за утреннимъ кофе, ожидая съ нетерпѣніемъ пріѣзда Литты. Наканунѣ этого дня, поздно вечеромъ, аббатъ извѣстилъ его о своемъ свиданіи съ государемъ и приглашалъ пріѣхать къ нему пораньше утромъ, такъ какъ онъ долженъ былъ сообщить ему нѣкоторыя весьма важныя, касающіяся его свѣдѣнія. Молодая женщина, какъ будто нарочно въ ожиданіи жениха, хотѣла казаться еще болѣе привлекательною: она была въ утреннемъ неглиже — бѣломъ батистовомъ капотѣ, отдѣланномъ дорогими кружевами, съ длинными и широкими рукавами, называвшимися на тогдашнемъ модномъ языкѣ «triste Amadis», а ея ненапудренные золотисто-русые волосы, собранные назади, поддерживались голубою лентой, охватывавшей голову черезъ лобъ, въ видѣ повязки.

Литта, впрочемъ, недолго заставилъ себя ждать. Пріѣхавъ къ Скавронской, онъ передалъ ей, что аббату удалось узнать мнѣніе государя какъ относительно выхода замужъ графини Скавронской, такъ и относительно того, чтобы графъ Литта, и послѣ брака съ нею, оставался въ мальтійскомъ орденѣ, если только удастся ему выхлопотать у папы такое разрѣшеніе. Аббатъ сообщилъ, что теперь, какъ кажется — самая лучшая пора для того, чтобы обратиться къ императору съ просьбою о разрѣшеніи брака,

такъ какъ государь чрезвычайно заинтересованъ судьбою мальтійскихъ рыцарей и полагаетъ, что графъ Литта можетъ оказать большое содѣйствіе къ тому, чтобы устроить дѣла ордена согласно намѣреніямъ Павла Петровича.

Рѣшено было воспользоваться удобною минутою. Литта тотчасъ же написалъ черновое письмо къ Кутайсову, изложивъ въ этомъ письмѣ просьбу Скавронской объ испрошеніи ей у государя особой аудіенціи, а она, переписавъ письмо на-бѣло, приказала верховому лакею отвезти его къ графу Кутайсову. Спустя нѣсколько времени, къ ней пріѣхалъ самъ Кутайсовъ, желая извѣстить ее, что его величество, согласно просьбѣ графини, приметъ ее завтра, въ восемь часовъ утра. Назначеніе особой аудіенціи считалось знакомъ милостиваго расположенія государя, такъ какъ удовлетвореніе подобной просьбы составляло исключеніе изъ общаго правила. При императорѣ Павлѣ, лица, неимѣвшія къ нему постояннаго доступа и желавшія просить его о чемъ-нибудь или объясниться съ нимъ по какому-нибудь дѣлу, должны были, по утрамъ въ воскресенье, являться во дворецъ и ожидать въ пріемной залѣ, смежной съ церковью, выхода оттуда государя по окончаніи обѣдни. Императоръ, останавливаясь въ пріемной, однихъ выслушивалъ тутъ же, съ другими же, приказавъ слѣдовать за нимъ, разговаривалъ въ одной изъ ближайшихъ комнатъ или, смотря по важности объясненія, уводилъ въ свой кабинетъ. Каждый изъ желавшихъ объясниться съ государемъ имѣлъ право являться въ пріемную три воскресенья съ ряду; но если въ эти три раза государь дѣлалъ видъ, что онъ не замѣчаетъ просителя или просительницы, то дальнѣйшее ихъ появленіе въ его воскресной пріемной нетолько было безполезно, но и могло навлечь на нихъ негодованіе императора. Такой порядокъ принятъ былъ и въ отношеніи лицъ, не имѣвшихъ къ государю никакихъ просьбъ, но

только обязанныхъ или представиться ему, или поблагодарить его за оказанную имъ милость, а также и въ отношеніи иностранныхъ дипломатовъ, желавшихъ имѣть у него прощальную аудіенцію. Нѣкоторые изъ нихъ, побывавъ по воскресеньямъ три раза въ пріемной императора, не удостоивались нетолько его слова, но даже и его взгляда, и вслѣдствіе этого должны были понять, что дальнѣйшія ихъ домогательства объ отпускной аудіенціи будутъ совершенно неумѣстны.

Немало затрудненій представлялъ вопросъ о томъ: въ какомъ нарядѣ должна была явиться Скавронская къ государю, который не любилъ введеннаго при дворѣ такъ-называемаго русскаго платья, наряда-заимствованнаго императрицею Екатериною, во время посѣщенія ею города Калуги, отъ тамошнихъ богатыхъ купчихъ. Вообще, чрезвычайно трудно было приноровить дамскій нарядъ къ прихотливому вкусу государя: иной разъ онъ, видя въ своемъ дворцѣ пышно-разодѣтую даму, былъ недоволенъ выставкою передъ нимъ суетной роскоши и высказывалъ, что ему болѣе нравится простая и скромная одежда придворныхъ дамъ, нежели пышные ихъ наряды. Въ другой же разъ, лицо его принимало пасмурное выраженіе, когда онъ замѣчалъ, что явившаяся во дворецъ дама была одѣта довольно просто, несоотвѣтственно своимъ средствамъ, и считалъ это неуваженіемъ, оказаннымъ къ его особѣ. Кутайсовъ, хотя и былъ самый близкій человѣкъ къ государю, но на вопросъ Скавронской о томъ: въ какомъ нарядѣ она должна представиться его величеству?—не могъ ей дать нетолько положительнаго наставленія, но даже и никакого совѣта. Самый цвѣтъ дамскаго костюма требовалъ часто счастливой угадки: иной день императору не нравились яркіе цвѣта, а другой день—темные, а между тѣмъ, произвести на него, при первомъ появленіи, чѣмъ бы то ни было

непріятное впечатлѣніе значило испытать полный неуспѣхъ въ обращенной къ нему просьбѣ.

Отправляясь во дворецъ, Скавронская постаралась прибрать такой нарядъ, чтобы онъ не бросился въ глаза императору своею особенною пышностію, но чтобы, въ то же время и не обратилъ на себя его вниманія своею излишнею простотою. Ранѣе обыкновеннаго поднялась она въ этотъ день съ постели, и еще не пробило семи часовъ утра, когда она, окончивъ уже свой туалетъ, не безъ замиранія сердца, садилась въ карету, запряженную шестернею цугомъ съ двумя ливрейными гайдуками на запяткахъ.

Кутайсовъ предупредилъ графиню, что императоръ разрѣшилъ ей, на этотъ разъ, пріѣхать къ главному подъѣзду михайловскаго замка, и добавилъ, что онъ, Кутайсовъ, будетъ ожидать ее въ первой залѣ для того, чтобъ провести къ государю и доложить ему о ней. Упомянутое разрѣшеніе было знакомъ особаго вниманія Павла Петровича къ графинѣ, такъ какъ правомъ пріѣзжать къ главному подъѣзду замка пользовались весьма немногія лица. Всѣ же прочія должны были подъѣзжать къ особой маленькой двери, подниматься и спускаться нѣсколько разъ по темноватымъ лѣстницамъ и проходить на половину государя по мрачнымъ корридорамъ, освѣщеннымъ фонарями даже и въ дневное время.

Домъ Скавронской находился на углу Большой Милліонной, по сосѣдству съ Мраморнымъ дворцомъ, и она издали уже увидѣла изъ кареты блиставшую на утреннемъ солнцѣ, вызолоченную башенку надъ куполомъ дворцовой церкви и развѣвавшійся на другой башенкѣ замка императорскій флагъ, обозначавшій, что государь былъ дома, такъ какъ при выѣздѣ его изъ замка, хо-

тя бы на самое короткое время, флагъ каждый разъ бывалъ спускаемъ до его возвращенія домой.

Сурово и непривѣтливо смотрѣло новое царское жилище, объ основаніи котораго ходила въ народной молвѣ странная легенда. На мѣстѣ построеннаго Павломъ Петровичемъ огромнаго зàмка стоялъ прежде деревянный, такъ называвшійся «лѣтній», дворецъ, начатый постройкою при правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ и оконченный при Елизаветѣ Петровнѣ. Дворецъ этотъ, оставаясь безъ поправокъ, приходилъ постоянно въ ветхость и сталъ грозить совершеннымъ разрушеніемъ. Однажды, при паролѣ, отданномъ на разводѣ, происходившемъ 20 ноября 1796 года, императоръ приказалъ: «бывшій лѣтній дворецъ называть михайловскимъ». Вслѣдъ затѣмъ, онъ повелѣлъ сломать этотъ дворецъ, и 26-го февраля 1797 года на мѣстѣ прежняго дворца происходила торжественная закладка михайловскаго зàмка. Для основы новаго зданія былъ заготовленъ большой кусокъ мрамора въ видѣ высокой плиты съ высѣченною на немъ надписью о времени закладки. Около этого камня, по обѣимъ сторонамъ были поставлены покрытые пунцовымъ бархатомъ столы съ вызолоченными на нихъ серебряными блюдами, на которыхъ лежали такія же лопатки, известь и яшмовые камни, обдѣланные на подобіе кирпичей, съ золотыми на нихъ вензелями императора и его супруги, серебряный молотокъ, а также золотыя и серебряныя монеты новаго чекана. На одномъ столѣ принадлежности эти были заготовлены для императора и императрицы, а на другомъ—для великихъ князей и великихъ княженъ. По отслуженіи архіепископомъ Иннокентіемъ молебна, въ присутствіи двора, при пушечной пальбѣ съ петропавловской крѣпости и изъ орудій, поставленныхъ на Царицыномъ лугу, была произведена закладка зàмка. Постройка его была поручена архитек-

тору, итальянцу Бренну, и работа закипѣла съ изумительною быстротою: 6,000 рабочихъ ежедневно были заняты при этой постройкѣ. Такъ какъ мрамора на готовѣ не было, то его взяли отъ строившагося въ ту пору исаакіевскаго собора, который и стали достроивать изъ кирпича. Причину же постройки новаго дворца объясняли слѣдующимъ загадочнымъ случаемъ.

Однажды часовому, стоявшему въ караулѣ при лѣтнемъ дворцѣ, явился какой-то блистающій сіяніемъ юноша и заявилъ оторопѣвшему служивому, что онъ, юноша—архангелъ Михаилъ, приказываетъ ему идти къ императору и сказать, что онъ, архангелъ, желаетъ, чтобы на мѣстѣ стараго лѣтняго дворца былъ построенъ храмъ во имя архистратига Михаила. Часовой донесъ о бывшемъ ему видѣніи по начальству, и когда объ этомъ доложили императору, то онъ сказалъ: «Мнѣ уже извѣстно желаніе архангела Михаила; воля архистратига небесныхъ силъ будетъ исполнена». Вслѣдъ за тѣмъ, онъ распорядился о постройкѣ новаго дворца, при которомъ должна была быть построена и церковь во имя архангела Михаила, а самый дворецъ приказалъ называть михайловскимъ замкомъ.

При императорѣ Павлѣ, замокъ этотъ имѣлъ видъ средневѣковой твердыни: его окружали со всѣхъ сторонъ канавы, обложенныя камнемъ, съ пятью подъемными на нихъ мостами. Кромѣ того, замокъ былъ обведенъ со всѣхъ сторонъ землянымъ валомъ, на которомъ было разставлено двадцать бронзовыхъ пушекъ двѣнадцати-фунтоваго калибра. Замокъ окружалъ обнесенный каменною—вышиною въ сажень—стѣною, садъ, въ которомъ были цвѣтники, оранжереи и теплицы. Къ замку отъ Большой Садовой улицы вели три липовыя и березовыя аллеи, посаженныя еще при императрицѣ Аннѣ, каждая изъ нихъ упиралась въ желѣзныя ворота, ралсдѣланныя въ тойже рѣшеткѣ съ

гранитными столбами. Рѣшетка эта была поставлена противъ главнаго фасада зàмка. Главныя ворота, украшенныя вензелями государя, подъ императорскою короною, открывались только для членовъ императорской фамиліи. Боковыя же ворота, изъ которыхъ одни назывались «воскресенскими», а другія — «рождественскими», были назначены для въѣзда и выѣзда экипажей. Проѣхавъ аллеи и ворота, карета Скавронской, черезъ подъемный мостъ, въѣхала на такъ называемый «коннетабль», обширную, растилавшуюся передъ дворцомъ площадь, на которой была поставлена конная статуя Петра Великаго.

Подъѣзжая къ зàмку и смотря на красноватый цвѣтъ его стѣнъ, Скавронская ободряла себя мыслію о рыцарской любезности государя къ женщинамъ. Разсказывали, что, на одномъ изъ придворныхъ собраній, Павелъ Петровичъ, увлеченный бесѣдою съ какою-то молоденькою дамою, просилъ у нея на память бывшія на ея рукахъ перчатки. Разумѣется, что желаніе императора было исполнено немедленно, и онъ одну изъ этихъ перчатокъ послалъ строителю зàмка на образчикъ той краски, въ какую должны были быть окрашены тѣ части наружныхъ стѣнъ, которыя не будутъ обдѣланы мраморомъ или гранитомъ. Не смотря на яркій цвѣтъ своихъ стѣнъ, зàмокъ, все-таки, смотрѣлъ не весело, и угрюмости его стиля не ослабляли бывшія на немъ украшенія, состоявшія изъ вензелей въ мальтійскомъ крестѣ, гирляндъ изъ вызолоченной бронзы, фронтона высѣченнаго изъ паросскаго мрамора, и гербовъ областей, входившихъ въ составъ русской имперіи. Крыша на зàмкѣ была мѣдная съ мраморною вокругъ нея балюстрадою и статуями, снятыми съ зимняго дворца.

Выйдя изъ кареты и поднявшись по широкой гранитной лѣстницѣ, Скавронская вошла въ обширныя сѣни, украшенныя

колонами изъ краснаго мрамора. Полъ въ сѣняхъ былъ изъ бѣлаго мрамора, а въ нишахъ находились египетскіе истуканы; посреди же сѣней стояли на мраморныхъ пьедесталахъ бронзовыя статуи Геркулеса и Флоры. Въ сосѣдней съ сѣнями залѣ находился главный дворцовый караулъ, состоявшій постоянно изъ одного офицера и тридцати рядовыхъ. Караулъ этотъ былъ расположенъ такъ, что никто не могъ дойти до императора, минуя эту стражу. Въ этой комнатѣ встрѣтилъ Скавронскую ожидавшій ея пріѣзда Кутайсовъ и, ободряя ее, повелъ молодую вдовушку наверхъ, въ покои государя.

Лѣстница, по которой они поднимались, представляла образецъ роскошной отдѣлки. Стѣны ея были выложены мраморомъ различныхъ цвѣтовъ, а мѣста, остававшіяся пока бѣлыми, предполагалось росписать фресками. На верху лѣстницы, у входа въ апартаменты, стояли на часахъ два гренадера. Съ площадки лѣстницы Кутайсовъ и его спутница вошли въ большую овальную прихожую, посреди которой былъ поставленъ бюстъ короля шведскаго Густава-Адольфа. Двери изъ прихожей вели въ обширную залу, отдѣланную подъ желтый мраморъ съ темными разводами; зала эта была украшена картинами, изображавшими нѣкоторыя важнѣйшія событія изъ русской исторіи. Затѣмъ Скавронская прошла черезъ великолѣпно-убранную тронную залу. Стѣны этой залы были обиты пунцовымъ бархатомъ, затканнымъ золотомъ, а огромная печь была обложена бронзою. Насупротивъ трона, въ нишахъ около дверей, стояли античныя статуи Цесаря и императора Антонина, а по стѣнамъ были развѣшены гербы семидесятишести тогдашнихъ русскихъ провинцій. Огромное зеркало, великолѣпная люстра и три стола—одинъ изъ verde-antico, а другіе два изъ зеленаго восточнаго порфира — дополняли убранство тронной залы. На пла-

фонѣ ея были нарисованы двѣ аллегорическія картины, и въ каждой изъ нихъ виднѣлось, между прочимъ, знамя мальтійскаго ордена. Отсюда до комнатъ императора было уже недалеко: оставалось только пройти галлерею «арабескъ» съ мраморными колонами, привезенными изъ Рима. Галлерея эта была устроена въ подражаніе «лоджіямъ» Рафаэля, находящимся въ ватиканскомъ дворцѣ. Кутайсовъ попросилъ Скавронскую остановиться въ этой галлереѣ, а самъ, осторожно пріотворивъ дверь, заглянулъ въ слѣдующую комнату и на цыпочкахъ сталъ пробираться далѣе. Спустя нѣсколько минутъ, затворенная Кутайсовымъ дверь отворилась.

— Его величество приглашаетъ васъ войти, сказалъ онъ графинѣ и, пропустивъ Скавронскую впередъ, вышелъ въ галлерею и тамъ сѣлъ на диванъ, въ ожиданіи возвращенія своей кліентки.

Императоръ только-что вернулся съ развода и, какъ было замѣтно, находился въ хорошемъ расположеніи духа. Скавронская прошла черезъ прихожую, въ которой стоялъ караулъ отъ лейбъ-гусарскаго полка, и вошла въ большую бѣлую залу, по стѣнамъ которой висѣли прекрасные ландшафты и виды михайловскаго замка и стояло шесть изящныхъ краснаго дерева шкаповъ, наполненныхъ книгами, составлявшими частную библіотеку императора. Скавронская остановилась въ этой комнатѣ, не зная, идти ли ей далѣе, какъ вдругъ въ дверяхъ противъ нея показался императоръ...

Число парадныхъ комнатъ въ михайловскомъ замкѣ не ограничивалось тѣми, черезъ которыя проходила Скавронская; посѣтитель замка могъ бы насмотрѣться еще болѣе на роскошь новыхъ царскихъ чертоговъ. Двери изъ галлереи Рафаэля вели не только въ покои государя, но и въ галлерею Лаокоона, назван-

ную такъ по превосходной древней статуѣ, стоявшей среди этой галлереи, стѣны которой были увѣшаны гобеленами, изображавшими событія изъ священной исторіи; но картины эти какъ-то не гармонировали съ придвинутыми къ нимъ статуями Діаны и Эндиміона, Психеи и Амура. Въ концѣ этой галлереи стояли на часахъ два гвардейскіе унтер-офицера съ эспонтонами въ рукахъ. Они охраняли входъ въ овальную гостинную съ каріатидами по стѣнамъ. Комната эта поражала своимъ убранствомъ: въ ней была мебель, обитая бархатомъ огненнаго цвѣта и отдѣланная серебряными шнурами и кистями. Гостиная эта была смежна съ громадною бальною залою, обложенною бѣлымъ мраморомъ, изъ нея былъ входъ въ круглую тронную залу, громадный куполъ которой поддерживали шесть колосальныхъ статуй, а стѣны ея были обтянуты краснымъ бархатомъ, затканнымъ золотомъ и покрытымъ золотою рѣзьбою. Всѣ окна въ этой залѣ, кромѣ одного, изъ огромнаго цѣльнаго зеркальнаго стекла, вставленнаго въ раму изъ массивнаго серебра, были завѣшаны красною шелковою тканью. Въ этой тронной залѣ спускалась съ потолка замѣчательной работы огромная люстра, изъ чистаго серебра. Впрочемъ, такъ какъ императору не стала вдругъ нравиться красная отдѣлка комнаты, то онъ захотѣлъ отдѣлать ее желтымъ бархатомъ съ великолѣпнымъ серебрянымъ шитьемъ и съ серебряными массивными украшеніями по стѣнамъ. Столы, подзеркальники и вся мебель въ этой комнатѣ должны были быть сдѣланы изъ чистаго серебра. Къ такой отдѣлкѣ уже и приступили, и на первый разъ было отпущено съ монетнаго двора на заготовку нужныхъ вещей сорокъ пудовъ серебра; но вскорѣ кончина государя не только прекратила эти работы, но и оставила михайловскій замокъ необитаемымъ въ теченіи нѣсколькихъ годовъ. Не были также окончены заказанные собственно для новаго

дворца и великолѣпные столовые сервизы: одинъ изъ чистаго серебра, а другой—фарфоровый съ изящно-рисованными видами михайловскаго замка.

Половина императрицы отличалась роскошною обстановкой и изяществомъ. Тамъ также были столы изъ бреччіи и восточнаго алебастра и изъ лапис-лазули; обитая бархатомъ и шелкомъ мебель, изящная бронза парижскаго издѣлія; двери изъ краснаго, розоваго и кедроваго дерева, великолѣпные фарфоры, статуи, картины, гобелены, занавѣси изъ парчи, камины изъ каррарскаго мрамора и плафоны, расписанные фресками и гуашью. На половинѣ государыни богатствомъ убранства отличалась въ особенности парадная опочивальня. Въ этой комнатѣ мѣсто для постели было отдѣлено масивною серебряною балюстрадой, вѣсившею четырнадцать пудовъ, а вызолоченная кровать стояла подъ свѣтлоголубымъ бархатнымъ балдахиномъ, подхваченнымъ серебрянными шнурами съ такими же кистями.

Несмотря на затрату громадныхъ капиталовъ и на участіе въ постройкѣ михайловскаго замка лучшихъ художниковъ того времени, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, зданіе это было совершенно неудобно для житья. Страшная, разрушительная сырость, еще до переѣзда въ замокъ императора, перепортила и отдѣлку комнатъ, и мебель, и картины. Въ покояхъ государя стѣны были обиты деревомъ, и это удерживало нѣсколько сырость, отдававшуюся отъ стѣнъ, но въ другихъ помѣщеніяхъ замка не было никакой возможности жить. До какой степени доходила сырость въ этомъ новоустроенномъ дворцѣ, можно заключить изъ того, что когда въ немъ былъ данъ въ первый разъ императоромъ Павломъ балъ, то хотя въ залахъ зажжено было множество свѣчей, но въ нихъ стояла густая мгла. Въ дворцовыхъ залахъ, подобно тому, какъ на улицахъ въ туманную осен-

нюю ночь едва мерцаютъ тусклыя фонари, уныло мерцали огоньки восковыхъ свѣчей. Только съ большимъ трудомъ можно было различить кого нибудь съ одного конца залы на другомъ. Дамскія наряды отсырѣли и при слабомъ свѣтѣ утратили свою яркость, гости какъ тѣни двигались въ полупотемкахъ. Между тѣмъ Павелъ Петровичъ восхищался постройкой новаго дворца, и ничѣмъ легче нельзя было снискать его благосклонность, какъ похвалою, сдѣланною михайловскому замку. Не мало ловкихъ людей воспользовались этой слабостью государя, а одинъ изъ нихъ директоръ заемнаго банка Данилевскій, отецъ будущаго нашего военнаго историка, даже испросилъ у императора, какъ особой милости, дозволеніе прибавить къ своей фамиліи, въ память постройки новаго дворца прозваніе—«Михайловскій».

XVII.

При появленіи государя, Скавронская сдѣлала ему низкій реверансъ по всѣмъ строгимъ правиламъ тогдашняго придворнаго этикета, отбивъ взадъ правою ножкою длинный шлейфъ своего платья; а онъ встрѣтилъ ее съ тою утонченною вѣжливостію, какою обыкновенно отличался въ обращеніи своемъ съ дамами. Императоръ подвинулъ ей кресло и, пригласивъ ее садиться, самъ сѣлъ около нея.

— Я уже знаю цѣль вашего посѣщенія, началъ императоръ по французски:—вы пріѣхали просить меня, чтобы я разрѣшилъ вамъ вступить въ бракъ съ графомъ Литтою.

— Такъ точно, ваше величество, проговорила Скавронская.

— Противиться вторичному вашему браку я имѣлъ прежде достаточное основаніе. Это былъ съ моей стороны не пустой капризъ, которымъ обыкновенно любятъ объяснять мои распоряженія, хотя для нихъ и имѣются у меня вполнѣ уважительныя причины. Вы—молодая и слишкомъ богатая вдова; у васъ отъ перваго мужа остались двѣ маленькія дочери, и я не желалъ, чтобъ эти сиротки попали на попеченіе вотчима, который могъ бы нетолько не заботиться о нихъ, но даже и раз-

строить ихъ состоянie. Я дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ въ качествѣ негласнаго надъ ними опекуна; я, какъ государь, считаю святымъ для себя долгомъ заботиться объ участи каждаго изъ моихъ подданныхъ, если мнѣ лично извѣстно его положенie и если я могу своею властью сдѣлать что-нибудь въ его пользу. Говоря это, я, конечно, не позволяю себѣ предполагать, чтобы вашъ выборъ могъ пасть на недостойнаго человѣка, но я вообще слишкомъ недовѣрчивъ, а ваша молодость, неопытность и мягкость вашего характера побуждали меня заботиться не только о судьбѣ вашихъ малютокъ, но отчасти и о вашей собственной... Я знаю, вы были несчастливы въ первомъ супружествѣ—съ участieмъ добавилъ императоръ.

— Благодарю васъ, государь, за ваше милостивое вниманie, тихо отозвалась взволнованная Скавронская.

— Вскорѣ по прiѣздѣ графа Литты въ Петербургъ, началъ государь:—до меня дошли слухи о предполагаемомъ съ нимъ вашемъ бракѣ, и я тогда же письменно поручилъ Ивану Павловичу узнать обстоятельно объ этомъ, прибавивъ, что я не изъявлю согласiя на вашъ бракъ. Кутайсовъ вамъ ничего не говорилъ объ этомъ?..

— Ни полслова, ваше величество!

— И прекрасно сдѣлалъ: значитъ, умѣетъ цѣнить оказываемое ему мною довѣрie. Я тогда еще не зналъ графа Литты, но впослѣдствiи, познакомившись съ нимъ близко, убѣдился, что онъ—рыцарь въ полномъ значенiи этого слова. Я, съ своей стороны, не противлюсь теперь вашему съ нимъ браку. Поздравляю васъ, вы сдѣлали вполнѣ удачный выборъ, а такой выборъ составляетъ обыкновенно лучшiй залогъ супружескаго счастья. Къ сожалѣнiю, бракъ вашъ, невозможенъ по другимъ, независящимъ вовсе отъ меня причинамъ: какъ рыцарь

мальтійскаго ордена, графъ Литта далъ обѣтъ безбрачія, и ему не остается ничего болѣе, если онъ намѣренъ быть вашимъ супругомъ, какъ только выйдти изъ ордена, а между тѣмъ, какъ тяжело будетъ для него это; да и, кромѣ того, такой съ его стороны поступокъ совершенно противорѣчилъ бы тѣмъ планамъ, которые я составилъ относительно этого славнаго и древняго учрежденія. Мнѣ необходимо, чтобъ графъ Литта оставался на томъ мѣстѣ, которое онъ занимаетъ съ такою честью, то е́сть, чтобы онъ былъ представителемъ мальтійскаго ордена при моемъ дворѣ.

Императоръ нахмурился и началъ качать головою, что служило у него выраженіемъ озабоченности.

— Но, ваше величество, препятствіе, о которомъ вы изволили упомянуть, можетъ быть устранено, робко проговорила Скавронская.

— Устранено?.. Это какимъ способомъ?.. не безъ удивленія спросилъ онъ, пристально смотря на свою собесѣдницу.—Какъ однако находчивы влюбленныя женщины!.. Какой же способъ придумали вы?.. засмѣявшись, добавилъ онъ.

— Я слышала, государь, что папа своею властью можетъ отмѣнять, въ видѣ особыхъ исключеній, правила, находящіяся въ статутѣ мальтійскаго ордена, и, слѣдовательно, онъ можетъ разрѣшить графу Литтѣ вступить въ бракъ со мною и оставаться по прежнему въ орденѣ...

— Вотъ какъ! съ веселымъ видомъ воскликнулъ императоръ: мы ужь и святѣйшаго отца начинаемъ примѣшивать къ нашимъ сердечнымъ дѣламъ!.. Я увѣренъ, впрочемъ, что если подобное отступленіе возможно, что Пій VI, этотъ почтенный старецъ, не откажетъ для меня въ подобномъ снисхожденіи, а для графа Литты устроить дѣло такимъ образомъ было бы очень хорошо.

Онъ сохранилъ бы свои наслѣдственныя командорства, доставляющія ему такой огромный доходъ; впрочемъ, онъ, безъ всякаго сомнѣнія, готовъ отказаться нетолько отъ нихъ, но и отъ всего, чтобъ имѣть такую прелестную супругу, какъ вы, графиня.

— Позволяю себѣ замѣтить, ваше величество, заговорила Скавронская перерывающимся отъ волненія голосомъ:—что ни съ моей стороны, ни со стороны графа Литты нѣтъ въ настоящемъ случаѣ никакого разсчета на богатства: мы чувствуемъ, что мы были бы вполнѣ счастливы другъ съ другомъ и безъ всякаго состоянія: я, государь, испытала уже однажды въ жизни, что богатство не даетъ счастья.

— А я, съ моей стороны, былъ бы очень радъ, еслибы предположеніе ваше осуществилось. Подобная уступка папы не мало бы посодѣйствовала распространенію ордена, а я имѣю на него большіе виды, протяжно и нѣсколько призадумавшись проговорилъ императоръ.—А, вы знаете ли, графиня, живо спросилъ онъ: — что и дамы могутъ быть членами этого знаменитаго ордена, и если бы я имѣлъ право распоряжаться въ орденѣ, то вы были бы въ числѣ первыхъ дамъ, которыхъ я украсилъ бы его знакомъ...

— Не нахожу словъ, какъ благодарить ваше величество за ваше милостивое расположеніе и за данное мнѣ позволеніе, которое, я надѣюсь, принесетъ мнѣ новое счастье въ моей теперешней одинокой жизни, съ чувствомъ, поднимаясь съ кресла, сказала Скавронская. Павелъ Петровичъ всталъ тоже и, подойдя къ письменному столу, взялъ листокъ бумаги и сталъ что-то записывать на немъ.

— Что касается папскаго разрѣшенія, то я насчетъ этого поговорю съ митрополитомъ Сестренцевичемъ. Впрочемъ, я по-

толкую объ этомъ съ аббатомъ Груберомъ: онъ хорошо знаетъ всѣ тонкости ватиканскаго двора и умѣетъ превосходно обдѣлать тамъ каждое дѣло. Пусть и графъ Литта, съ своей стороны, попроситъ его объ этомъ, да и вы, графиня, скажите ему нѣсколько любезныхъ словъ; вѣдь этотъ старикъ, несмотря на видимую холодность, вѣроятно—поклонникъ молодыхъ и хорошенькихъ женщинъ. Вы знаете аббата?...

— Кто же не знаетъ его въ Петербургѣ, ваше величество? съ нимъ приходится постоянно встрѣчаться въ обществѣ.

— А у васъ въ домѣ бываетъ онъ?...

— Бываетъ...

— Г-мъ, проговорилъ императоръ. — Я надѣюсь, что вы позволите мнѣ быть на вашей свадьбѣ въ числѣ гостей? сказалъ Павелъ Петровичъ.

— Вы осчастливите меня этимъ, ваше величество, проговорила почтительно графиня, дѣлая прощальный реверансъ императору, который, вѣжливо поклонившись ей, проводилъ ее, молча, до дверей своего кабинета.

Въ галлереѣ Рафаэля Скавронская нашла ожидавшаго ее Кутайсова.

— Благополучно кончилось?... спросилъ онъ ее чуть слышнымъ голосомъ.

— Какъ нельзя лучше... государь былъ чрезвычайно милостивъ, радостно проговорила Скавронская.

— Только поторопитесь кончить дѣло какъ можно скорѣе, а то все можетъ вдругъ перемѣниться. Чуть потянетъ вѣтеръ съ сѣвера, и государь будетъ уже не тотъ. Удивительнымъ образомъ дѣйствуетъ на него сѣверный вѣтеръ, когда онъ дуетъ, Павелъ Петровичъ дѣлается угрюмъ и суровъ,—шепталъ Кутайсовъ, идя рядомъ съ графиней.

Они не успѣли еще выйдти изъ галлереи, какъ позади ихъ раздался громкій, но нѣсколько сиповатый голосъ:

— Иванъ Павлычъ, поди-ко сюда!..

Они обернулись и увидѣли въ концѣ галлереи выходящаго изъ своихъ покоевъ государя. Кутайсовъ быстро сдѣлалъ знакъ глазами своей спутницѣ, чтобы она не останавливалась, а уходила поскорѣе, а самъ опрометью кинулся къ императору.

Скавронская подходила уже къ выходу изъ царскихъ апартаментовъ, когда ее нагналъ Кутайсовъ. Онъ былъ чрезвычайно взволнованъ, а его замѣчательно-красивое лицо выражало признаки сильнаго безпокойства.

— Что съ вами, графъ?.. спросила она испуганнымъ голосомъ.

— Вы не тревожьтесь; дѣло, по которому потребовалъ меня къ себѣ государь, касается лично меня, и я поставленъ въ крайне непріятное положеніе.

— Не черезъ меня ли?... заботливо спросила Скавронская.

— Отчасти черезъ васъ, Катерина Васильевна; но вы тутъ ровно не при чемъ, принужденно улыбаясь, отвѣчалъ Кутайсовъ.

Оглядываясь боязливо по сторонамъ и ускоряя все болѣе и болѣе шаги, какъ будто сзади его преслѣдовалъ кто нибудь, выводилъ Кутайсовъ изъ дворца свою встревоженную спутницу и, прощаясь съ нею въ послѣдней залѣ, онъ сказалъ, что сегодня же побываетъ у нея, чтобы подробнѣе узнать объ ея бесѣдѣ съ государемъ. Скавронская отъ души поблагодарила Кутайсова, который, какъ чрезвычайно добрый человѣкъ, всегда былъ готовъ каждому оказать услугу или своею просьбою у государя, или предупрежденіемъ объ угрожавшей со стороны Павла Петровича кому-нибудь нежданной напасти.

Вскорѣ Кутайсовъ, отпущенный изъ дворца государемъ, возвратился къ себѣ домой и съ лихорадочнымъ безпокойствомъ принялся рыться въ своихъ бумагахъ и во всѣхъ ящикахъ своего письменнаго стола.

— Не понимаю, рѣшительно не понимаю, куда она могла дѣться, бормоталъ онъ.—Кажется, я уже всюду перешарилъ, а ея нигдѣ нѣтъ...

Чрезвычайно разстроенный, онъ пошелъ въ свой гардеробный шкапъ и сталъ нетолько пересматривать, но и выворачивать всѣ карманы своихъ кафтановъ и камзоловъ, и чѣмъ меньше оставалось надежды на успѣшность поисковъ, тѣмъ больше возрастало его безпокойство. Наконецъ, онъ убѣдился въ безполезности дальнѣйшихъ исканій потеряннаго.

«Плохо же мнѣ будетъ!.. *онъ* этого терпѣть не можетъ», думалъ Кутайсовъ и съ лихорадочнымъ страхомъ вспомнилъ о сплетенной изъ воловьихъ жилъ и стоявшей въ углу кабинета Павла Петровича палкѣ, которою государь расправлялся съ Кутайсовымъ въ минуты своего гнѣва, переходившаго часто въ изступленіе изъ-за какой-нибудь разсердившей его бездѣлицы.

Въ дурномъ расположеніи духа пріѣхалъ Кутайсовъ къ Скавронской; онъ засталъ у нея Литту, и она передала ему въ подробности разговоръ, бывшій у нея съ императоромъ.

— Почему графъ, вы были такъ взволнованы, когда вышли отъ государя? съ участіемъ спросила Скавронская Кутайсова.

— Теперь я могу сказать вамъ о причинѣ моего волненія. Вы, быть можетъ, не знаете, что государь имѣетъ привычку, послѣ молитвы, сидѣть нѣсколько времени въ своемъ кабинетѣ, не допуская туда никого. Въ это время онъ думаетъ о тѣхъ дѣлахъ, которыя его занимаютъ, и свои по нимъ распоряженія записываетъ на особо-приготовленныхъ листкахъ и затѣмъ пере-

даетъ эти листки тѣмъ, кому они предназначаются. Государь требуетъ, чтобы листки эти сохранялись въ цѣлости, и они очень часто служатъ средствомъ для оправданія себя передъ нимъ тѣмъ, кому онъ даетъ порученія. Въ числѣ такихъ листковъ, переданныхъ мнѣ, былъ тотъ, о которомъ упомянулъ въ разговорѣ съ вами его величество, а именно—въ которомъ онъ выразилъ свое несогласіе на вашъ бракъ съ графомъ Литтою. Разговорившись съ вами, государь вспомнилъ объ этомъ листкѣ и, позвавъ меня къ себѣ, приказалъ, чтобы я этотъ листокъ сегодня же вечеромъ возвратилъ ему, а между тѣмъ, я нигдѣ рѣшительно не могу его найдти. Я предчувствую страшныя непріятности: какъ государь бываетъ обворожителенъ въ минуты добраго расположенія, такъ бываетъ онъ ужасенъ и грозенъ въ порывахъ гнѣва. Моя небрежность сильно взволнуетъ его, даромъ мнѣ это не пройдетъ... Я, конечно, не смѣю роптать на него: я росъ и учился съ нимъ вмѣстѣ, и онъ слишкомъ много меня облагодѣтельствовалъ. Я, помимо опасенія его гнѣва, сильно досадую на себя, что подалъ ему поводъ къ неудовольствію, которое чрезвычайно вредно дѣйствуетъ на его раздражительную натуру...

Въ то время, когда Кутайсовъ съ такимъ волненіемъ говорилъ о потерянной имъ записочкѣ государя, Скавронская и Литта мелькомъ переглянулись другъ съ другомъ: они догадывались, что это была та самая записочка, которую аббатъ показалъ графу; но имъ казалось неумѣстнымъ высказать Кутайсову свою догадку, тѣмъ болѣе, что теперь это было бы совершенно безполезно, такъ какъ записка была въ рукахъ Грубера.

Мысль о роковой записочкѣ не выходила изъ головы Кутайсова, и онъ утѣшалъ себя только тѣмъ, что государь, быть можетъ, не вспомнитъ о ней сегодня вечеромъ, а потомъ и со-

всѣмъ забудетъ о ней. Возвращаясь домой отъ Скавронской, онъ припоминалъ всѣ малѣйшія обстоятельства, сопровождавшія полученіе этой записочки. Онъ вспомнилъ, что прямо изъ дворца пріѣхалъ съ нею къ своей возлюбленной, мадамъ Шевалье, и, желая занять милую хозяйку разсказами о городскихъ новостяхъ, разболтался съ нею, противъ обыкновенія, до излишней откровенности и, между прочимъ, показывалъ ей эту записочку. Припомнивъ все обстоятельно до малѣйшихъ подробностей, Кутайсовъ окончательно убѣдился, что онъ отыскиваемую имъ теперь записочку не могъ оставить нигдѣ, какъ только въ уборной посѣщаемой имъ красотки, и рѣшился отправиться къ ней для новыхъ поисковъ, никакъ не воображая, что оставленная у актрисы записочка могла очутиться въ письменномъ столѣ аббата Грубера.

— Когда я былъ у тебя въ послѣдній разъ, милая Генріетта—запинаясь сказалъ пріѣхавшій къ мадамъ Шевалье Кутайсовъ,—я, кажется, показывалъ тебѣ записку государя... Не оставилъ ли я ее у тебя?.. Гдѣ она?..

— Какъ ты бываешь забавенъ, Жанъ! засмѣялась Генріетта. Стану я беречь клочекъ бумаги. Ты знаешь, что я рву всѣ письма и записки и даже любовныя посланія, которыя я получаю. Я дѣлаю это для того, чтобы успокоить тебя, моего ревнивца. Впрочемъ поищи самъ, равнодушно добавила она.

Кутайсовъ произвелъ въ квартирѣ Генріетты самый тщательный обыскъ. Онъ рылся и шарилъ всюду, гдѣ только, какъ онъ могъ предполагать, найдется потерянная имъ записочка, но разумѣется, что всѣ его поиски были безуспѣшны.

Съ замирающимъ отъ страха сердцемъ и съ сильнымъ дрожаніемъ въ колѣнахъ, явился въ этотъ вечеръ Кутайсовъ къ государю.

— Вѣдь сказано было тебѣ, сказалъ Павелъ Петровичъ,

чтобъ ты пріѣхалъ сегодня, но лишь пораньше, а ты, братецъ запоздалъ, внушительно замѣтилъ государь.

У Кутайсова отлегло отъ сердца.

— А ту записку, которую я послалъ вчера вечеромъ черезъ тебя Ростопчину, онъ мнѣ еще не возвратилъ... Поторопи его. Не люблю я проволочекъ, съ досадою проговорилъ императоръ.

На этотъ разъ испугъ Кутайсова былъ еще сильнѣе прежняго. Теперь слышалось не только роковое для него слово «записка», но и шла рѣчь о такихъ обстоятельствахъ, которые очень легко могли напомнить государю о данномъ имъ Кутайсову приказаніи—возвратить записку касательно брака Скавронской съ графомъ Литтою.

Не только въ этотъ вечеръ, но и во всѣ, слѣдовавшіе за тѣмъ дни, Кутайсовъ былъ въ страшномъ безпокойствѣ при свиданіяхъ съ государемъ. Какое нибудь отдѣльное слово или малѣйшій намекъ, которые, какъ казалось Кутайсову, могли напомнить Павлу Петровичу о неполученной имъ обратно записки, бросали Ивана Павловича то въ жаръ, то въ холодъ.

Однако на счастье Кутайсова дѣло обошлось благополучно. У государя вышло изъ памяти отданное имъ приказаніе, но не мало, подъ вліяніемъ безпрестанныхъ опасеній, выстрадалъ въ это время его любимецъ по милости очаровательной Генріетты.

XVIII.

Въ началѣ лѣта 1798 года, во Франціи, въ тулонскомъ военномъ портѣ, шли самыя дѣятельныя приготовленія къ морской экспедиціи, назначеніе которой оставалось для всѣхъ непроницаемой тайной. Извѣстно было только, что главное начальство надъ этою загадочною экспедиціею приметъ генералъ Наполеонъ Бонапарте. Въ первыхъ числахъ іюля, французскій флотъ, состоявшій изъ пятнадцати линейныхъ кораблей и десяти фрегатовъ и изъ дессанта въ тридцать тысячъ человѣкъ, вышелъ изъ Тулона. О военно-морскихъ приготовленіяхъ Франціи было извѣстно въ Англіи, которая хотѣла воспрепятствовать этому предпріятію французскаго флота, а потому адмиралъ Нельсонъ, находившійся въ Средиземномъ морѣ, узнавъ о скоромъ выходѣ французскаго флота изъ Тулона и не имѣя свѣдѣнія о томъ, куда онъ направится, намѣревался или блокировать Тулонъ, или, встрѣтивъ непріятеля въ морѣ по выходѣ его изъ порта, дать ему рѣшительное сраженіе. Подъ начальствомъ англійскаго адмирала состояло четырнадцать линейныхъ кораблей, восемь фрегатовъ, четыре куттера и двѣ бригантины. Нельсону не удалось, однако, ни блокировать французскій флотъ въ Тулонѣ, ни встрѣтиться съ нимъ на своемъ пути къ этому порту. Англій-

ская эскадра подошла къ Тулону уже на третій день послѣ ухода оттуда французскаго флота; Нельсонъ погнался за французами, но погоня была безуспѣшна. Между тѣмъ, 12-го іюля, Бонапарте явился передъ Мальтою, которая, несмотря на ея грозныя укрѣпленія, сдалась французамъ послѣ самаго непродолжительнаго боя, завязаннаго, какъ оказалось, только для вида. Завоеваніе Мальты стоило французамъ только трехъ убитыхъ и шести раненыхъ; уронъ же мальтійцевъ былъ нѣсколько болѣе. Предлогомъ для завоеванія Мальты послужили какія-то неопредѣленныя несогласія, бывшія между великимъ магистромъ мальтійскаго ордена, барономъ Гомпешемъ, и директоріею французской республики. При взятіи Мальты, французы овладѣли однимъ фрегатомъ, четырьмя галерами, тысяча-двумя стами пушекъ и большимъ количествомъ разныхъ военныхъ снарядовъ. На Мальтѣ французы нашли до 500 турецкихъ невольниковъ, которымъ тотчасъ же дана была полная свобода. Великій магистръ ордена, баронъ Гомпешъ, бывшій до своего избранія въ это званіе, посломъ римско-нѣмецкаго императора на Мальтѣ, съ шестью рыцарями отправился въ Тріестъ подъ прикрытіемъ французскаго флота. Громко заговорили въ Европѣ объ измѣнѣ Гомпеша, на которую онъ будто бы рѣшился по предварительному уговору съ директоріею. Но, въ то же время, сталъ ходить слухъ, что безъ вѣдома его шесть мальтійскихъ кавалеровъ вѣроломно сдали Мальту французамъ за значительное денежное вознагражденіе. Французскій гарнизонъ занялъ Лавалетту, резиденцію великихъ магистровъ, а запоздавшій на выручку Мальты Нельсонъ, оставивъ для блокады острова нѣсколько кораблей, погнался опять за французами. Когда же онъ услышалъ, что французы, засѣвшіе въ Лавалеттѣ, готовы, будто бы, сдаться на капитуляцію англи-

чанамъ, то послалъ къ Мальтѣ подкрѣпленія, предписавъ командиру стоявшей передъ островомъ эскадры условія будущей капитуляціи. Но надежды адмирала не сбылись: французы не думали вовсе уступить Мальту англичанамъ, которымъ по этому приходилось овладѣть островомъ вооруженною силою.

Когда пришло въ Петербургъ извѣстіе о взятіи Мальты французами, гнѣву императора Павла Петровича не было предѣловъ. Завоеваніе острова онъ считалъ нанесеннымъ ему лично оскорбленіемъ, такъ какъ Мальта принадлежала рыцарскому ордену, покровителемъ котораго онъ объявилъ себя передъ всею Европою. Его еще и прежде сильно раздражали завоевательные успѣхи французской республики, хотя при этомъ нисколько не затрогивалось его самолюбіе, какъ русскаго императора. Теперь же онъ находилъ, что французы дерзнули прямо оказать неуваженіе ему, какъ протектору мальтійскаго ордена, въ судьбахъ котораго онъ принималъ такое живое участіе. Въ это время, русская эскадра, подъ начальствомъ адмирала Ушакова, крейсировала въ Средиземномъ морѣ, а турки старались отнять захваченные у нихъ французами Іоническіе Острова. Въ припадкѣ сильнаго раздраженія, императоръ немедленно послалъ Ушакову рескриптъ, въ которомъ писалъ: «Дѣйствуйте вмѣстѣ съ турками и англичанами противъ французовъ, яко буйнаго народа, истребляющаго въ предѣлахъ своихъ вѣру и Богомъ установленные законы».

Теперь была самая благопріятная пора для того, чтобы склонить государя къ дѣятельному заступничеству за разгромленный французами мальтійскій орденъ, которому, послѣ взятія Мальты, грозило окончательное паденіе. Нѣсколько вре-

мени тому назадъ, положеніе Литты было тяжело. Не надѣясь устроиться въ Петербургѣ, онъ писалъ на Мальту великому магистру: «частныя обстоятельства, среди которыхъ я нахожусь, и потеря большей части моего состоянія со времени вторженія французовъ въ Италію лишаютъ меня средствъ и не оставляютъ мнѣ болѣе ничего, какъ придумывать и пріискивать тихое убѣжище». Теперь же, Литта, руководимый аббатомъ Груберомъ, съ жаромъ принялся хлопотать за орденъ, имѣя въ виду и самому устроиться въ Россіи. Отъ папы дано было ему разрѣшеніе вступить въ бракъ съ Скавронской, оставаясь по прежнему въ званіи бальи. Императоръ, который оказывалъ Литтѣ особенное расположеніе и, вслѣдствіе занятій съ нимъ по дѣламъ ордена, сближался съ нимъ все болѣе и болѣе, въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ подтвердилъ Скавронской данное имъ согласіе на вступленіе ея въ бракъ съ Литтою, и 18-го октября 1798 года свадьба ихъ была отпразднована съ большою пышностію, въ присутствіи государя и всей императорской фамиліи.

Державинъ вдохновился этимъ событіемъ и написалъ на бракъ Скавронской оду, которая начиналась слѣдующею строфою:

Діана съ голубого трона,
Въ полукрасѣ своихъ лучей,
Въ объятія Эндиміона
Какъ сходитъ скромною стезей...

Такъ, по словамъ поэта, сошла въ объятія Литты красавица Скавронская.

Сравненіе Литты съ Эндиміономъ вышло, впрочемъ, не слишкомъ удачно, такъ какъ Эндиміонъ былъ красавецъ-пастушокъ, взятый Юпитеромъ на небо и потомъ прогнанный имъ оттуда за неумѣренное волокитство, потому что зазнавшійся

пастушокъ вздумалъ было пріударить ни болѣе, ни менѣе какъ за самою Юноною, супругою Юпитера. Діана же, влюбившись въ этого небеснаго изгнанника-волокиту, перенесла его во время его сна на гору Патмосъ и тамъ проводила съ нимъ время, наслаждаясь любовью.

Недовольствуясь этимъ сравненіемъ, заимствованнымъ изъ греческой миѳологіи, Державинъ образно сравнивалъ молодую вдовушку «съ младой виноградной вѣтвью, когда она, лишенная опоры, обовьется вокругъ новаго стебля, зацвѣтетъ опять и, обогрѣтая солнцемъ, привлечетъ взоры всѣхъ своимъ румянцемъ». Сдѣлавъ это сравненіе, Державинъ продолжалъ:

Такъ ты въ женахъ, о милый ангелъ!
Магнитъ очей, заря безъ тучъ.
Какъ бракъ твой вновь дозволилъ Павелъ!
И кинулъ на тебя свой лучъ—
Подобно розѣ развернувшись,
Любви душою разцвѣла,
Ты красота, что, улыбнувшись,
Свой поясъ Марсу отдала!..

Стихи пѣвца «Бога» и «Фелицы», хотя и выходили несовсѣмъ складны, но за то въ нихъ было все, что требовалось духомъ и вкусомъ тогдашняго времени: и сравненіе Павла Петровича съ солнцемъ, а Скавронской—и съ луною, и съ виноградною вѣтвью, и съ зарею, и съ розою, и уподобленіе Литты, мальтійскаго рыцаря, богу войны Марсу, и указаніе на печальное, безпомощное одиночество молоденькой вдовушки, лишенной супружеской опоры, и наконецъ, намекъ на препятствіе, какое прежде встрѣчалъ бракъ Скавронской со стороны государя. Проживавшій въ ту пору въ Петербургѣ французскій піита Блэнъ-де-Сен-Моръ скропалъ также стихи въ честь брака Скавронской, но, по отзыву аббата Жоржеля, стихи эти были смѣш-

ны и пошлы и, вдобавокъ, отличались отсутствіемъ грамматики и синтаксиса.

Счастливо и весело зажили молодые супруги, и едва прошелъ медовый для Литты мѣсяцъ, какъ усердіе его на пользу мальтійскаго ордена ознаменовалось новымъ отраднымъ для него событіемъ. Онъ успѣлъ устроитъ дѣло такъ, что императоръ сталъ въ главѣ мальтійскаго ордена, какъ верховный защитникъ его правъ, готовый употребить для обороны ордена тѣ могучія силы, которыя были въ рукахъ его, какъ русскаго самодержца...

Императоръ продолжалъ по прежнему оказывать свое особенное благоволеніе мальтійскому ордену, желая сохранитъ его въ предѣлахъ Россійской Имперіи «яко учрежденіе полезное и къ утвержденію добрыхъ правилъ служащее», и, въ знакъ этого, пожаловалъ великому русскому пріорству, принадлежавшій нѣкогда канцлеру графу Воронцову домъ, называвшійся тогда по этому «канцлерскимъ домомъ», въ которомъ нынѣ помѣщается пажескій корпусъ. Зданіе это, построенное знаменитымъ архитекторомъ графомъ Растрелли, повѣлено было называть «за̀мкомъ мальтійскихъ рыцарей». Не смотря на весь просторъ и на все великолѣпіе этого помѣщенія, оно было несовсѣмъ удобно для жительства въ немъ цѣломудренныхъ и смиренныхъ рыцарей, такъ какъ плафоны его искусные художники расписали, по заказу прежняго владѣльца, самыми соблазнительными картинами, заимствовавъ содержанія ихъ, согласно вкусу времени, изъ греческой миѳологіи, и потому рыцари, ради соблюденія приличія, проходили по обширнымъ заламъ своего за̀мка съ опущенными долу взглядами. Другихъ неудобствъ для нихъ не было, и пожалованный имъ за̀мокъ представлялъ для ордена хорошее пріобрѣтеніе.

Спустя немного времени по полученіи въ Петербургѣ извѣстія о взятіи французами Мальты, въ одной изъ залъ «замка» 26-го августа 1798 года, происходило собраніе мальтійскихъ кавалеровъ великаго пріорства россійскаго. На этомъ собраніи графъ Литта объявилъ, что сдача Мальты безъ боя составляетъ позоръ въ исторіи державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго; что великій магистръ баронъ Гомпешъ, какъ измѣнникъ, недостоинъ носить предоставленнаго ему высокаго званія и долженъ считаться низложеннымъ. За тѣмъ, обращаясь къ вопросу: кого избрать на его мѣсто?—Литта полагалъ, что верховное предводительство надъ орденемъ лучше всего предоставить русскому императору, который уже выразилъ, съ своей стороны, такое горячее сочувствіе къ судьбамъ ордена, и, что, поэтому, слѣдуетъ просить его величество о возложеніи на себя званія великаго магистра, если только государю угодно будетъ выразить на это свое согласіе. Къ этому Литта, добавилъ, что такое желаніе выражено ему со стороны нѣкоторыхъ заграничныхъ великихъ пріорствъ и что регаліи великаго магистра будутъ привезены съ Мальты въ Петербургъ. Собравшіеся рыцари, подписавъ протестъ противъ Гомпеша и его неудачныхъ соратниковъ, единогласно и съ восторгомъ приняли предложеніе Литты и постановили: считать барона Гомпеша лишеннымъ сана великаго магистра и предложить этотъ санъ его величеству императору всероссійскому.

Съ извѣстіемъ о такомъ постановленіи отправился къ Павлу Петровичу, въ Гатчину, графъ Литта, и тамъ былъ подписанъ актъ о поступленіи острова Мальты подъ защиту Россіи, причемъ Павелъ Петровичъ повелѣлъ президенту академіи наукъ, барону Николаи, въ издаваемомъ отъ академіи наукъ календарѣ, означить островъ Мальту «Губерніею Россійской Им-

періи». Вмѣстѣ съ тѣмъ, императоръ выразилъ свое согласіе на принятіе имъ сана великаго магистра и, черезъ бывшаго въ Римѣ русскаго посла, Лизакевича, вошелъ объ этомъ въ переговоры съ папою Піемъ VI, который, благодаря тайнымъ проискамъ іезуитовъ, былъ уже подготовленъ къ этому вопросу и не замедлилъ дать императору отвѣтъ, исполненный чувствъ признательности и преданности. Папа называлъ Павла другомъ человѣчества, заступникомъ угнетенныхъ и приказывалъ молиться за него.

29-го ноября того же года, утромъ, разставлены были шпалерою въ два ряда гвардейскіе полки, на протяженіи отъ «зáмка мальтійскихъ рыцарей» до Зимняго Дворца, и около одиннадцати часовъ изъ воротъ зáмка выѣхалъ торжественный поѣздъ, состоявшій изъ множества парадныхъ придворныхъ каретъ, эскортируемыхъ взводомъ кавалергардовъ. Поѣздъ медленно направился къ Зимнему Дворцу, куда уже съѣхались по повѣсткамъ всѣ придворные, а также всѣ высшіе военные и гражданскіе чины. Мальтійскіе кавалеры, въ черныхъ мантіяхъ и въ шляпахъ съ страусовыми перьями, были введены въ большую тронную залу. Здѣсь императоръ и императрица сидѣли рядомъ на тронѣ, а на ступеняхъ трона стояли члены синода и сената. Императорская корона, держава и скипетръ лежали на столѣ, поставленномъ близъ трона. Толпы зрителей тѣснились на хорахъ залы. Литта шелъ впереди рыцарей; за нимъ одинъ изъ нихъ несъ, на пурпуровой бархатной подушкѣ, золотую корону, а другой, на такой же подушкѣ, несъ съ золотою рукояткою мечъ; по бокамъ каждаго изъ этихъ рыцарей шли по два ассистента. Послѣ того, какъ Литта и рыцари отдали глубокій, почтительный поклонъ императору и его супругѣ, Литта произнесъ на французскомъ языкѣ рѣчь. Въ ней изложилъ онъ бѣдственное положеніе мальтійскаго ордена, который былъ лишенъ своихъ «наслѣдственныхъ» владѣній, и рыцари

должны были разойтись во всѣ стороны свѣта. Въ заключеніе, Литта, отъ имени мальтійскаго рыцарства, просилъ государя принять на себя званіе великаго магистра. Канцлеръ князь Безбородко отвѣчалъ на эту просьбу, заявивъ, что его величество согласенъ исполнить желаніе мальтійскаго рыцарства. Послѣ этого князь Куракинъ и графъ Кутайсовъ накинули на плечи императора черную бархатную, подбитую горностаемъ, мантію, а Литта, преклонивъ колѣно, поднесъ ему корону великаго магистра, которую императоръ надѣлъ на голову, а потомъ Литта же подалъ ему мечъ или «кинжалъ вѣры».

Принимая регаліи новой власти, императоръ былъ сильно взволнованъ. и присутствующіе замѣтили, что слезы удовольствія выступили на его глазахъ. Обнаживъ мечъ великаго магистра, онъ осѣнилъ имъ себя крестообразно, давая этимъ знакомъ присягу въ соблюденіи орденскихъ уставовъ. Въ то же мгновеніе, всѣ рыцари обнажили свои мечи и, поднявъ ихъ вверхъ, потрясали ими въ воздухѣ, какъ бы угрожая врагамъ ордена. Императоръ отвѣчалъ чрезъ вице-канцлера, что употребитъ всѣ силы къ поддержанію древняго и знаменитаго мальтійскаго ордена. Вслѣдъ затѣмъ, графомъ Литтою былъ прочитанъ актъ избранія императора великимъ магистромъ державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Рыцари приблизились къ трону и, преклонивъ колѣна, принесли, по обычной формулѣ, присягу въ вѣрности и послушаніи императору Павлу Петровичу, какъ своему вождю.

Желая сдѣлать этотъ день еще болѣе памятнымъ въ исторіи ордена, императоръ учредилъ для поощренія службы русскихъ дворянъ, орденъ святого Іоанна Іерусалимскаго. Уставъ этого ордена былъ прочитанъ самимъ государемъ съ трона, а особо изданною, на разныхъ языкахъ, декларацiею, разосланною въ разныя государства, всѣ европейскіе дворяне приглашались всту-

пить въ этотъ орденъ. Павелъ Петровичъ считалъ уже себя обладателемъ Мальты, занятой еще французами, и назначилъ туда русскаго коменданта съ трехтысячнымъ гарнизономъ. Вскорѣ была учреждена собственная гвардія великаго магистра, состоявшая изъ ста восьмидесяти девяти человѣкъ. Гвардейцы эти, одѣтые въ красные мальтійскіе мундиры, занимали во время бытности государя во дворцѣ внутренніе караулы, и одинъ мальтійскій гвардеецъ становился за его креслами во время торжественныхъ обѣдовъ, а также на балахъ и въ театрѣ. Императоръ съ чрезвычайною горячностью сочувствовалъ мальтійскому ордену и старался выразить свое сочувствіе при каждомъ удобномъ случаѣ: мальтійскій осьмиугольный крестъ былъ внесенъ въ россійскій государственный гербъ; императоръ сталъ жаловать его за военные подвиги вмѣсто георгіевскаго ордена; крестъ этотъ сдѣлался украшеніемъ дворцовыхъ залъ, и, въ знакъ своего благоволенія, императоръ раздавалъ его войскамъ на знамена, штандарты, кирасы и каски. Не была забыта въ этомъ случаѣ даже и придворная прислуга, которая съ того времени получила ливрею краснаго цвѣта, бывшаго цвѣтомъ военной одежды мальтійскихъ рыцарей.

Странная тогда была пора. Католическая Европа отказывалась отъ всякой защиты единовѣрному ей рыцарскому ордену, а французы—нація, по преимуществу отличавшаяся въ прежнее время духомъ рыцарства, старалась истребить послѣдній, уцѣлѣвшій его остатокъ. Невѣдомый прежде въ Россіи островъ Мальта получилъ теперь первенствующее значеніе: о немъ безпрестанно упоминали въ русскихъ газетахъ, о немъ постоянно говорилось въ обществѣ. Казалось, что отъ участи этого острова зависѣла судьба Россіи. Съ волненіемъ ожидали въ Петербургѣ извѣстій о томъ, что̀ предпримутъ французы противъ мальтійскаго ордена, такъ неожиданно

поставившаго себя подъ могущественную защиту русскаго императора.

Все вниманіе государя было обращено теперь на дѣла ордена, ходъ которыхъ, какъ надобно было ожидать, долженъ былъ руководить всею внѣшнею политикою Россіи. Графъ Литта, главный виновникъ столь пріятнаго для государя событія, оттѣснилъ всѣхъ прежнихъ любимцевъ императора и получилъ у него чрезвычайное значеніе; а между тѣмъ, за Литтою незамѣтно дѣйствовали іезуиты, идя безостановочно и твердо къ своей злокозненной цѣли...

XIX.

Въ тотъ день, когда императоръ принималъ въ Зимнемъ Дворцѣ мальтійскихъ рыцарей, появился высочайшій манифестъ, въ которомъ Павелъ I былъ титулованъ «великимъ магистромъ ордена святого Іоанна Іерусалимскаго».

«Орденъ святого Іоанна Іерусалимскаго», объявлялъ въ своемъ манифестѣ новый великій магистръ: «отъ самаго своего начала благоразумными и достохвальными своими учрежденіями споспѣшествовалъ какъ общей всего христіанства пользѣ, такъ и частной таковой же каждаго государства. Мы всегда отдавали справедливость заслугамъ сего знаменитаго ордена, доказавъ особливое наше къ нему благоволеніе по возшествіи нашемъ на нашъ императорскій престолъ, установивъ великое пріорство россійское».

Затѣмъ въ манифестѣ объявлялось слѣдующее:

«Въ новомъ качествѣ великаго магистра того ордена, которое мы воспріяли на себя, по желанію добронамѣренныхъ членовъ его, обращая вниманіе на всѣ тѣ средства, кои возстановленіе блистательнаго состоянія сего ордена и возвращеніе собственности его, неправильно отторгнутой, и вящще обезпечить могутъ и, желая, съ одной стороны, явить передъ цѣлымъ свѣ-

томъ новый доводъ нашего уваженія и привязанности къ столь древнему и почтительному учрежденію, съ другой же — чтобъ и наши вѣрноподданные, благородное дворянство россійское, коихъ предковъ и самихъ ихъ вѣрность къ престолу монаршему, храбрость и заслуги доказываютъ цѣлость державы, расширеніе предѣловъ имперіи и низложеніе многихъ и сильныхъ супостатовъ отечества не въ одномъ вѣкѣ въ дѣйство произведенное — участвовали въ почестяхъ, преимуществахъ и отличіяхъ, сему ордену принадлежащихъ, и тѣмъ былъ бы открытъ для нихъ новый способъ къ поощренію честолюбія на распространеніе подвиговъ ихъ отечеству полезныхъ и намъ угодныхъ, признали мы за благо установить и чрезъ сіе императорскою нашею властію установляемъ новое заведеніе ордена святого Іоанна Іерусалимскаго въ пользу благороднаго дворянства имперіи всероссійской».

Манифестъ этотъ, разосланный повсюду и прочитанный въ церквахъ и на площадяхъ съ барабаннымъ боемъ, сильно озадачилъ желавшихъ вполнѣ уразумѣть его. Если въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, вслѣдствіе пребыванія среди его графа Литта, и знали кое-что о знаменитомъ и древнемъ орденѣ святого Іоанна Іерусалимскаго, то внѣ этого небольшато круга не имѣли о немъ въ Россіи рѣшительно никакого понятія. Никто изъ провинціальныхъ дворянъ не зналъ, о чемъ собственно въ манифестѣ идетъ дѣло, такъ какъ въ самомъ манифестѣ, слишкомъ туманно-написанномъ, не было никакихъ объясненій насчетъ обязанностей и преимуществъ членовъ этого «новаго почтительнаго заведенія». Поднялись разные толки среди дворянства. Догадывались, впрочемъ, что тутъ есть что-то особенно важное и что орденъ святого Іоанна Іерусалимскаго должно быть что-то необыкновенное, такъ какъ въ концѣ манифеста упомина-

лось, что сенату повелѣно внести въ императорскій титулъ и титулъ великаго магистра, а въ началѣ манифеста титулъ этотъ уже и явился послѣ словъ «самодержецъ всероссійскій». Въ то же время, въ особомъ указѣ, данномъ сенату, сказано было, что новый титулъ предоставляется помѣстить въ общемъ императорскомъ титулѣ, по усмотрѣнію синода. Несмотря на ту важность, какую придавалъ самъ императоръ мальтійскому ордену, синодъ, вѣроятно, видя въ принятіи имъ званія великаго магистра вліяніе окружавшей его католической партіи, отважился помѣстить званіе великаго магистра въ самомъ концѣ полнаго императорскаго титула.

Вслѣдъ за первымъ манифестомъ, явился второй манифестъ, относившійся также къ мальтійскому ордену. Въ этомъ манифестѣ объявлялось:

«По общему желанію всѣхъ членовъ знаменитаго ордена святого Іоанна Іерусалимскаго, принявъ въ третьемъ году на себя званіе покровителя того ордена, не могли мы увѣдомиться безъ крайняго соболѣзнованія о малодушной и безоборонной сдачѣ укрѣпленій и всего острова Мальты французамъ, непріятельское нападеніе на оный островъ учинившимъ, при самомъ, такъ сказать, ихъ появленіи. Мы почесть инако подобный поступокъ не можемъ, какъ наносящій вѣчное безславіе виновникамъ онаго, оказавшимся чрезъ то недостойными почести, которая была наградою вѣрности и мужества. Обнародовавъ свое отвращеніе отъ толь предосудительнаго поведенія недостойныхъ быть болѣе ихъ собратіею, изъявили они свое желаніе, дабы мы воспріяли на себя званіе великаго магистра, которому мы торжественно удовлетворили, опредѣляя главнымъ мѣстопребываніемъ ордена въ императорской нашей столицѣ, и имѣя непремѣнное намѣреніе, чтобы орденъ сей нетолько сохраненъ былъ при прежнихъ уста-

новленіяхъ и преимуществахъ, но чтобъ онъ въ почтительномъ своемъ состояніи на будущее время способствовалъ той цѣли, на которую основанъ онъ для общей пользы,»

Поднесеніе императору Павлу Петровичу званія великаго магистра вызвало, разумѣется, искусственные восторги, хотя едва ли кто понималъ, къ чему все это дѣлается. Поэзія и краснорѣчіе принялись за напыщенное объясненіе этого событія, но и онѣ оказались плохими толковниками значенія и духа небывалаго никогда у насъ рыцарства. Державинъ прежде всѣхъ воспѣлъ хвалебный гимнъ мальтійскому ордену. Описывая пріемъ, сдѣланный императоромъ рыцарямъ въ Зимнемъ Дворцѣ, онъ воспѣвалъ:

И царь средь трона
Въ порфирѣ, въ славѣ предстоитъ,
Клейноды вкругъ, въ нихъ власть и сила.
Вдали Европы блещетъ строй,
Стрѣлъ тучи Азія пустила.
Идутъ американцы въ бой.
Темнятъ крылами понтъ грифоны,
Льютъ огнь изъ мѣдныхъ жерлъ драконы,
Полканы вихремъ пыль крутятъ;
Безмѣрныя поля, долины
Обсѣли вкругъ стада орлины
И всѣ на царскій смотрятъ взглядъ...

Вѣроятно, и изъ наиболѣе просвѣщенныхъ читателей этой оды нескоро могли догадаться, что подъ американцами, идущими въ бой», разумѣлись жители русской Америки; подъ грифонами—корабли, подъ драконами—пушки, подъ полканами—конница, а подъ орлиными стадами—русскій народъ. Но именно это-то и было всего болѣе кстати, такъ какъ напыщенность и туманность считались въ ту пору необходимою принадлежностью торжественныхъ поэтическихъ произведеній.

Восторгаясь зрѣлищемъ собранія мальтійскихъ рыцарей во дворцѣ, Державинъ спрашивалъ:

«И не Геральды-ль то, Готфриды?
Не тѣни-ль витязей святыхъ?
Ихъ знамя! Ихъ остатокъ славный
Пришелъ къ тебѣ, о царь державный,
И такъ вѣщалъ напасти ихъ.

Оказывалось, что напасти, вѣщаемыя рыцарями, были порождены тѣмъ, что

Безвѣрье-гидра появилась.
Родилъ се, взлелѣялъ галлъ,
Въ груди, въ душѣ его вселилась,
И весь чудовищемъ онъ сталъ.
Ростетъ и съ тысячью главами
Съ несчетныхъ жалъ струитъ рѣками
Обманчивый по свѣту ядъ.
Народы, царства заразились
Развратомъ, буйствомъ помрачились
И Бога быть уже не мнятъ.

Далѣе рыцари вѣщали, что «не стало рыцарствъ во вселенной», что «Европа вся полна разбоевъ», и въ виду этого восклицали: «Ты, Павелъ, будь защитой ей!»

Стихотвореніе Державина понравилось государю, и чиновный поэтъ получилъ отъ него за свое произведеніе мальтійскій осыпанный брилльянтами, крестъ.

Духовные витіи, въ свою очередь, приноравливались къ настроенію государя, и Амвросій, архіепископъ казанскій, произнося слово въ придворной церкви, говорилъ, обращаясь къ императору: — «принявъ званіе великаго магистра державнаго ордена святого Іоанна Іерусалимскаго, ты открылъ въ могущественной особѣ своей общее для всѣхъ вѣрныхъ чадъ церкви прибѣжище, покровъ и заступленіе».

Въ сущности, взгляды и поэта, и духовнаго витіи совпадали со взглядомъ Павла, такъ какъ государь думалъ, что, сохранивъ мальтійскій орденъ, онъ сохранитъ и древній оплотъ хри-

стіанской религіи, а, распространивъ этотъ орденъ и въ Европѣ, и въ Россіи, приготовить въ немъ силу, противодѣйствующую невѣрію и революціоннымъ стремленіямъ. Въ пылкомъ воображеніи императора составлялся планъ крестоваго противъ революціонеровъ похода, въ главѣ котораго онъ долженъ былъ стать, какъ новый Готфридъ Бульонскій. Съ воскресшимъ рыцарствомъ Павелъ Петровичъ мечталъ возстановить монархіи, водворить нравственность и законность. Ему слышались уже, какъ воздаяніе за его подвигъ, благословенія царей и народовъ, и казалось, что онъ, увѣнчанный лаврами побѣдителя, будетъ управлять судьбами всей Европы. Увлеченіе государя, проникнутаго духомъ рыцарства, не знало предѣловъ съ помощью рыцарства онъ думалъ произвести во всей Европѣ переворотъ и религіозный, и политическій, и нравственный, и общественный. Пожалованіе мальтійскаго креста стало считаться теперь высшимъ знакомъ монаршей милости, а непредоставленіе званія мальтійскаго кавалера сдѣлалось признакомъ самой грозной опалы.

Въ умѣ государя составился обширный планъ относительно распространенія мальтійскаго рыцарства въ Россіи. Онъ намѣревался открыть въ орденъ доступъ не только лицамъ знатнаго происхожденія и отличившимся особыми заслугами по государственной службѣ, но и талантамъ, принятіемъ въ орденъ ученыхъ и писателей, такихъ, впрочемъ, которые были бы извѣстны своимъ отвращеніемъ отъ революціонныхъ идей. Императоръ хотѣлъ основать въ Петербургѣ огромное воспитательное заведеніе, въ которомъ члены мальтійскаго ордена подготовлялись бы быть нетолько воинами, но и учителями нравственности, и просвѣтителями по части наукъ, и дипломатами. Всѣ кавалеры, за исключеніемъ собственно ученыхъ и духов-

ныхъ, должны были обучаться военнымъ наукамъ и ратному искусству. Начальниками этого «рыцарскаго сословія» должны были быть преимущественно «целибаты», т. е. холостые. Императоръ хотѣлъ также, чтобы члены организуемаго имъ въ Россіи рыцарства не могли уклоняться отъ обязанности служить въ больницахъ, такъ какъ онъ находилъ, что уходъ за больными «смягчаетъ нравы, образуетъ сердце и питаетъ любовь къ ближнимъ».

Намѣреваясь образовать рыцарство въ видѣ совершенно отдѣльнаго сословія, Павелъ Петровичъ озаботился даже о томъ, чтобы представители этого «сословія» имѣли особое, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и общее кладбище для всѣхъ нихъ, безъ различія вѣроисповѣданій. Съ этой цѣлью онъ приказалъ отвести мѣсто при церкви Іоанна Крестителя на Каменномъ Острову, постановивъ правиломъ, что каждый членъ мальтійскаго ордена долженъ быть погребенъ на этомъ новомъ кладбищѣ.

Слухи о безпримѣрномъ благоволеніи русскаго императора къ мальтійскому ордену быстро распространились по всей Европѣ, и въ Петербургъ потянулись депутаціи рыцарей этого ордена изъ Богеміи, Германіи, Швейцаріи и Баваріи. Всѣ эти депутаціи содержались въ Петербургѣ чрезвычайно щедро, на счетъ русской государственной казны, и не мало рыцарей, посмотрѣвшись хорошенько, нашли, что для нихъ было бы очень удобно остаться навсегда въ Россіи подъ покровительствомъ великодушнаго государя. Особенною торжественностію отличался пріемъ баварской депутаціи, состоявшей собственно изъ прежнихъ іезуитовъ, обратившихся, при уничтоженіи ихъ общества, въ мальтійскихъ рыцарей, которые явившись въ Петербургъ по дѣламъ ордена, прикрыли свои іезуитскіе происки и козни рыцарскими мантіями.

Государь далъ баварскимъ депутатамъ публичную аудіенцію собственно только какъ великій магистръ мальтійскаго ордена, а не какъ русскій императоръ. Церемоніймейстеръ этого ордена повезъ ихъ утромъ во дворецъ въ придворной парадной каретѣ, запряженной шестернею бѣлыхъ коней, съ двумя гайдуками на запяткахъ; съ правой стороны кареты ѣхалъ конюшій, по бокамъ ея шли четыре скорохода, а передъ нею ѣхали верхомъ два мальтійскіе гвардейца. Въ богато-убранной залѣ принялъ императоръ депутацію рыцарей. Онъ сидѣлъ на тронѣ въ красномъ супервестѣ, черной бархатной мантіи и съ короною великаго магистра на головѣ. Справа около него стояли наслѣдникъ престола и священный совѣтъ ордена, слѣва—командоры, а вдоль стѣнъ залы находились кавалеры; русскихъ сановниковъ, не принадлежавшихъ къ мальтійскому ордену, въ аудіенц-залѣ на этотъ разъ не было. Предводитель депутаціи, великій бальи Пфюрдтъ, поклонился трижды великому магистру и, поцѣловавъ поданную ему императоромъ руку, представилъ благодарственную грамоту великаго пріорства баварскаго, которую Павелъ передалъ графу Ростопчину, великому канцлеру ордена. Послѣ того, Пфюрдтъ произнесъ рѣчь, выражавшую безпредѣльную признательность императору за его попеченія о судьбахъ ордена; на рѣчь эту отвѣчалъ отъ имени императора графъ Ростопчинъ.

Въ то время, когда Павелъ Петровичъ съ такою горячностію занимался судьбою мальтійскаго ордена, дѣла этого ордена, по видимому, обѣщали чрезвычайно запутать внѣшнюю политику Россіи.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1798 года, соединенные флоты турецкій и русскій, пропущенные чрезъ Дарданеллы, овладѣли островами Зантомъ, Чериго и Кефалоніею, которые заняты были

французами, а также овладѣли и самыми крѣпкими мѣстностями въ Албаніи. Портъ острова Корфу былъ уже во власти адмирала Ушакова, и только крѣпость оставалась еще въ рукахъ французовъ. Въ свою очередь, англійскій и неаполитанскій флоты дѣйствовали также успѣшно, отнявъ у французовъ Чивита-Веккію. Такое положеніе дѣлъ вскорѣ, однако, измѣнилось. Императору Павлу, ставшему во главѣ мальтійскаго ордена, этого вѣковаго борца противъ невѣрныхъ, не приходилось уже оставаться въ союзѣ съ турками, и, кромѣ того, онъ въ новомъ своемъ званіи считалъ первою для себя обязанностью выгнать французовъ съ острова Мальты, почему русская эскадра получила повелѣніе направиться къ этому острову, соединившись тамъ съ эскадрами англійскою и неаполитанскою. Условлено было, что, если союзники овладѣютъ Мальтою, то до заключенія мира съ Франціею будутъ управлять островомъ представители трехъ державъ съ намѣстникомъ, поставленнымъ отъ русскаго императора. Англія, однако, опасалась, что, при послѣднемъ условіи, Россія овладѣетъ Мальтою, почему и предложила отдать ее королю неаполитанскому съ тѣмъ, чтобы русскіе корабли находили тамъ такую же постоянную стоянку, какъ и англійскіе. Павелъ Петровичъ рѣшительно отказался отъ этого предложенія, шедшаго въ разрѣзъ съ его видами на достояніе мальтійскаго ордена, а между тѣмъ, король неаполитанскій сталъ смотрѣть на Мальту, какъ на принадлежащую ему собственность. Англичане, не сойдясь съ Россіею, медлили своимъ приходомъ къ Мальтѣ, и обстоятельство это чрезвычайно раздражало государя. Когда, наконецъ, они пришли и въ Петербургѣ стали ожидать взятія Мальты со дня на день, то оказалось, что англичане, руководившіе блокадою острова, ведутъ это дѣло съ умысломъ такъ небрежно, что французы,

которымъ приходилось уже плохо, благодаря только слабости блокады, могутъ продержаться еще долгое время. Императоръ съ неудержимою рѣзкостію выражалъ свой гнѣвъ противъ вѣроломной политики лондонскаго кабинета. Терпѣніе, запасъ котораго у него былъ вообще неслишкомъ великъ—скоро истощилось, и онъ приказалъ русской эскадрѣ, оставивъ Мальту, удалиться на островъ Корфу.

Это было сигналомъ разрыва съ Англіею—разрыва, имѣвшаго потомъ чрезвычайно важныя послѣдствія.

XX.

Мальтійскій орденъ, учрежденный въ Россіи по плану императора Павла Петровича, во многомъ долженъ былъ разниться отъ того ордена, который существовалъ прежде. Происхожденіе державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго было очень скромно. Еще въ исходѣ IX вѣка въ Сіеннѣ былъ основанъ первый странопріимный монашескій орденъ. По образцу его, Герардъ Томъ, родомъ провансалецъ, учредилъ такой же монашескій орденъ въ Іерусалимѣ, при храмѣ св. Іоанна Крестителя, построенномъ амальфійскими купцами. Вскорѣ орденъ этотъ обратился въ рыцарскую общину и почти сто лѣтъ оставался на мѣстѣ своего возникновенія. Когда турки овладѣли Іерусалимомъ, монахи-рыцари перешли въ Птолемаиду, но, когда султанъ Саладинъ взялъ и этотъ городъ, то іоанниты удалились на островъ Кипръ. Въ 1306 году, при великомъ магистрѣ Фалконъ де Вилларетѣ, они завоевали Родосъ. На этомъ островѣ, получившемъ свое греческое названіе отъ множества ростущихъ на немъ розъ и принадлежавшемъ въ ту пору грекамъ, рыцари прожили спокойно до 1521 года, когда Родосъ, послѣ отчаяннаго сопротивленія туркамъ, составляющаго едва ли не самую блестящую страницу въ исторіи рыцарства, былъ

взятъ султаномъ Солиманомъ. Турки овладѣли островомъ только послѣ трехъ мѣсяцевъ осады, сосредоточивъ противъ рыцарей 300,000 своего войска. Послѣ этого, рыцари остались безъ всякаго пристанища. Они перекочевывали изъ одного города въ другой до тѣхъ поръ, пока римско-нѣмецкій императоръ Карлъ V не уступилъ имъ острова Мальты, прославленнаго чудесами апостола Павла. Императоръ далъ имъ Мальту съ обязательствомъ, чтобъ они продолжали непрестанно борьбу противъ мусульманъ и морскихъ разбойниковъ. Іоанниты со славою исполняли это обязательство, и великій магистръ ихъ, Іоаннъ де-Валлетъ, былъ грозою Азіи и всего Востока.

Въ орденѣ св. Іоанна Іерусалимскаго установилось со временемъ три разряда членовъ: тамъ были настоящіе рыцари или кавалеры, священники и военно-служащіе, такъ называемые «servienti d'armi». Съ самаго основанія ордена требовалось отъ желающихъ вступить въ число дѣйствительныхъ рыцарей доказательство благороднаго происхожденія. Прежде не нужно было представлять подробныя родословныя, но, когда дворяне начали вступать въ неравные браки, тогда стали требовать свѣдѣнія не только объ отцѣ и матери, но и двухъ другихъ восходящихъ поколѣніяхъ, которыя должны были принадлежать къ древнему дворянству и по фамиліи, и по гербу. При этомъ постановлено было, что не могутъ быть приняты въ число рыцарей тѣ, чьи родители были банкирами, хотя бы они и имѣли дворянскіе гербы. Такое же правило было постановлено и въ отношеніи тѣхъ, чьи родители занимались торговлею вообще или же, присвоивъ себѣ какое-либо имущество ордена, не возвратили его по принадлежности. Лица, удовлетворявшія генеалогическимъ требованіямъ, получали рыцарское званіе по праву рожденія: «cavalieri di giustizza», но званіе рыцаря мо-

гло быть, въ видѣ милости, предоставлено, по усмотрѣнію великаго магистра, и другимъ, въ опредѣленномъ, впрочемъ, числѣ, лицамъ, которыя не подходили подъ означенныя требованія. Лица эти, находясь въ орденѣ, назывались «cavalieri di grazzia». Ни въ какомъ, однако, случаѣ не былъ открытъ доступъ въ рыцарство хотя бы самымъ отдаленнымъ потомкамъ еврея, какъ по мужскому, такъ равно и по женскому колѣну. Отъ военно-служащихъ, то-есть отъ «servienti d'armi», не требовалось доказательствъ дворянскаго происхожденія, но требовалось только свидѣтельство о томъ, что отецъ и дѣдъ вступающаго въ этотъ разрядъ ордена не были рабами и не промышляли какимъ либо художествомъ или ремесломъ.

При монашескомъ устройствѣ ордена, одежду его членовъ составляла черная суконная мантія по образцу одежды св. Іоанна Крестителя, сотканной изъ верблюжьяго волоса, съ узкими рукавами, которые должны были напоминать иноку о томъ, что онъ лишился свободы. На лѣвомъ плечѣ мантіи былъ нашитъ большой крестъ изъ бѣлаго полотна. Крестъ этотъ былъ восьмиконечный и служилъ символомъ восьми блаженствъ, ожидающихъ праведника въ загробной жизни. Когда же монашескій орденъ іоаннитовъ обратился въ военное братство, то для рыцарей былъ введенъ красный супервестъ съ нашитымъ на груди такъ называвшимся мальтійскимъ крестомъ. Поверхъ супервеста надѣвались блестящія латы. Рыцарской одеждѣ придавалось чрезвычайно важное значеніе: ее могли носить только тѣ, которые были посвящены въ рыцарскій сэнъ, и, кромѣ того, право на эту одежду предоставлялось, по орденскимъ статутамъ, независимымъ государямъ и тѣмъ изъ знатнѣйшихъ дворянъ, которые, при ихъ набожности и другихъ добродѣтеляхъ, вносили въ казну братства единовременно 4,000 скуди золотомъ. Для

женщинъ, принадлежавшихъ къ составу ордена, была установлена длинная черная одежда, съ бѣлымъ восьмиконечнымъ крестомъ на груди; такого же цвѣта и съ такимъ же на лѣвомъ плечѣ крестомъ, суконная мантія и черный остроконечный клобукъ съ чернымъ покрываломъ.

Великій магистръ ордена, избираемый съ особенною торжественностію изъ числа рыцарей, вступившихъ въ орденъ по праву рожденія, считался державнымъ государемъ; рыцари цѣловали у него руку, преклоняя передъ нимъ колѣно. Статутъ предписывалъ «умиленно» молиться за него. При богослуженіи читалась о немъ слѣдующая молитва: «помолимся, да Господь Богъ нашъ Іисусъ Христосъ просвѣтитъ и наставитъ великаго нашего магистра (имя рекъ) къ управленію страннопріимнымъ домомъ ордена нашего и братіи нашей и да сохранитъ его въ благоденствіи на многая лѣта». Въ числѣ особенныхъ правъ, которыя были предоставлены великому магистру, было право позволять рыцарямъ «пить воду», чего, послѣ вечерняго колокольнаго звона, никто, кромѣ него, разрѣшить не могъ.

Орденъ раздѣлялся на восемь языковъ или націй. Собраніе одного языка составляло великое пріорство того же государства и отъ него получало содержаніе. Великое пріорство дѣлилось на нѣсколько пріоратовъ, которые, въ свою очередь, подраздѣлялись на бальяжи или командорства, состоявшіе изъ недвижимыхъ имѣній разнаго рода, и владѣльцы такихъ имѣній, какъ родовыхъ, такъ и орденскихъ, носили титулъ бальи или командоровъ. Послѣ введенія въ Англіи реформаціи, языкъ великобританскій, какъ націи уже некатолической, считался упраздненнымъ до тѣхъ поръ, пока Англія присоединится опять къ святой церкви.

Великій магистръ управлялъ дѣлами ордена при содѣйст-

віи священнаго капитула, состоявшаго изъ членовъ, избранныхъ по два отъ каждаго языка. Капитулъ собирался въ засѣданіе послѣ обѣдни, причемъ были носимы передъ великимъ магистромъ флагъ и знамя ордена. Члены капитула, передъ открытіемъ засѣданія, цѣлуя руку великаго магистра, подавали ему кошелки, на которыхъ было означено имя каждаго члена. Въ кошелкахъ этихъ находилось по пяти серебряныхъ монетъ, называвшихся «жанетами». Подача денегъ великому магистру должна была означать отчужденіе рыцарей отъ ихъ собственности. Въ эти же кошельки клались записки членовъ капитула съ ихъ мнѣніями относительно дѣлъ, подлежавшихъ обсужденію въ засѣданіи капитула.

Однимъ изъ правилъ, введенныхъ при самомъ основаніи ордена, было общежитіе. Живя всѣ вмѣстѣ, рыцари составляли «конвентъ». На практикѣ было сдѣлано, однако, отступленіе отъ этого правила, и отъ рыцаря требовалось только, чтобы онъ или сряду пять лѣтъ, или хоть въ разное время, но, въ общей сложности, пробылъ бы въ конвентѣ такое же число лѣтъ. Безъ особаго дозволенія великаго магистра, внѣ его мѣстопребыванія, города Лавалетты, не могъ ночевать ни одинъ рыцарь, жившій въ конвентѣ. За общимъ рыцарскимъ столомъ положено было отпускать на каждаго рыцаря въ день, по крайней мѣрѣ, одинъ фунтъ мяса, одинъ графинъ хорошаго вина и шесть хлѣбовъ. Въ постные дни мясо замѣнялось такимъ же количествомъ рыбы и яйцами.

Кромѣ обѣтовъ человѣколюбія, рыцари давали обѣтъ искоренять «магометанское исчадіе». Они должны были обучаться военному искусству и совершить, по крайней мѣрѣ, пять такъ-называвшихся «каравановъ». Подъ словомъ «караванъ» подразумѣвалось плаваніе на галерахъ ордена съ 1-го іюля по 1-е ян-

варя или съ 1-го января по 1-е іюля, такъ что, въ общей сложности, каждый кандидатъ въ рыцари долженъ былъ проплавать въ морѣ, по крайней мѣрѣ, два съ половиною года. Пребываніе въ караванахъ считалось искусомъ. Послѣ чего «новиціатъ», удовлетворявшій всѣмъ условіямъ, принимался въ число рыцарей съ соблюденіемъ торжественныхъ обрядовъ. Онъ приносилъ обѣтъ послушанія, цѣломудрія и нищеты и давалъ клятву положить свою жизнь за Іисуса Христа, за знаменіе животворящаго креста и за своихъ друзей, то-есть за исповѣдовавшихъ католическую вѣру. Въ силу обѣта цѣломудрія, мальтійскій рыцарь нетолько не могъ быть женатъ, но даже не могъ имѣть въ своемъ домѣ родственницы, рабы или невольницы моложе пятидесяти лѣтъ.

Желающаго вступить въ число рыцарей долженъ былъ представить одинъ изъ имѣющихъ рыцарское званіе, и, послѣ удостовѣренія о благородномъ происхожденіи новиціата, назначался день его посвященія въ число членовъ ордена.

Поступающій въ рыцари приходилъ до начала обѣдни въ церковь, въ широкой, неподпоясанной одеждѣ, что должно было означать ту полную свободу, которою онъ пользовался до поступленія въ рыцарство. Онъ становился на колѣна, а принимающій его въ орденъ давалъ ему въ руку зажженную свѣчу и спрашивалъ его: «обѣщается ли онъ имѣть особое попеченіе о вдовахъ, сиротахъ, безпомощныхъ и о всѣхъ бѣдныхъ и скорбящихъ?» На этотъ вопросъ принимаемый давалъ утвердительный отвѣтъ по установленной формѣ. Послѣ того, принимател вручалъ ему обнаженный мечъ, говоря, что мечъ этотъ дается ему на защиту бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ и для пораженія всѣхъ враговъ святой католической церкви. Затѣмъ приниматель ударялъ посвящаемаго своимъ обнаженнымъ мечомъ три

раза плашмя по правому плечу, говоря, что хотя такой ударъ и наноситъ безчестіе дворянину, но что ударъ этотъ долженъ быть для него послѣднимъ. Послѣ этого, посвящаемый поднимался съ колѣнъ и три раза потрясалъ своимъ мечомъ, угрожая врагамъ католической церкви. По окончаніи этого обряда, приниматель вручалъ посвящаемому золотыя шпоры, замѣчая, что онѣ служатъ для возбужденія горячности въ коняхъ, а потому должны напоминать ему о той горячности, съ какою онъ обязанъ исполнять даваемые имъ теперь обѣты. Что же касается собственно золотыхъ шпоръ, надѣваемыхъ на ноги, которыя могутъ быть и въ пыли, и въ грязи, то это знаменуетъ презрѣніе рыцаря къ сокровищамъ, корысти и любостяжанію.

Послѣ обѣдни, происходилъ окончательный пріемъ новиціата въ число рыцарей.

По заявленіи принимаемаго, что онъ имѣетъ твердое намѣреніе вступить въ знаменитый орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго, приниматель спрашивалъ его: «Хочетъ ли онъ повиноваться тому, кто будетъ поставленъ надъ нимъ начальникомъ отъ великаго магистра?»—«Въ этомъ случаѣ, отвѣчалъ принимаемый:—я обѣщаюсь лишить себя всякой свободы». Затѣмъ, слѣдовалъ вопросъ: не сочетался ли принимаемый бракомъ съ какою-нибудь женщиною? Такъ какъ безбрачіе составляло существенное условіе для вступленія въ орденъ, то принимаемый давалъ на этотъ вопросъ отрицательный отвѣтъ. «Не состоишь ли порукою по какому-нибудь долгу и самъ не имѣешь ли долговъ?» спрашивалъ въ заключеніе приниматель. И на этотъ вопросъ требовался отрицательный отвѣтъ.

По окончаніи вопросовъ, принимаемый клалъ правую руку на раскрытый «Служебникъ» и торжественно обѣщался до конца своей жизни оказывать базусловное послушаніе начальнику

который будетъ ему данъ отъ ордена или великаго магистра, жить безъ всякой собственности и блюсти цѣломудріе. На первый разъ, въ знакъ послушанія, онъ, по приказанію своего принимателя, долженъ былъ отнести «Служебникъ» къ престолу и принести его оттуда снова. Затѣмъ, долженъ былъ прочитать вслухъ подъ рядъ 150 разъ «Отче нашъ» или столько же разъ канонъ Богородицѣ.

По исполненіи всего этого, приниматель показывалъ посвящаемому вервіе, бичъ, копье, гвоздь, столбъ и крестъ, упоминая, какое значеніе имѣли эти предметы при страданіяхъ Христовыхъ, и внушалъ, что обо всемъ этомъ онъ долженъ вспоминать сколь возможно чаще, и, въ заключеніе, клалъ принимаемому вервіе на шею, говоря, что это—ярмо неволи, которое онъ долженъ носить съ полною покорностью. Затѣмъ, рыцари приступали къ новиціату, облекали его въ орденское одѣяніе, при пѣніи псалмовъ, и каждый троекратно цѣловалъ его въ губы, какъ своего новаго собрата.

Императору Павлу должна была нравиться подобная рыцарская обрядность, такъ какъ онъ, и при пожалованіи имъ голштинскаго ордена св. Анны изъ своихъ рукъ, всегда соблюдалъ существенный рыцарскій обрядъ: получавшій орденъ становился на колѣно передъ императоромъ, который три раза ударялъ его по плечу своею обнаженною шпагою.

Въ 1800 году появилась напечатанная въ С.-Петербургѣ «въ императорской» типографіи книга подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Уложеніе священнаго воинскаго ордена святаго Іоанна Іерусалимскаго, вновь сочиненное по повелѣнію священнаго генеральнаго капитула, собраннаго въ 1776 году, подъ началіемъ его преимущественнаго высочества великаго магистра, брата Емануила де-Рогана. Въ Мальтѣ 1782 года напечатан-

ное, нынѣ же, по высочайшему его императорскаго величества Павла Петровича повелѣнію, съ языковъ итальянскаго, латинскаго и французскаго на россійскій переведенное». Книга эта, кромѣ постановленій, изданныхъ орденскимъ капитуломъ, и указовъ, данныхъ великими магистрами, содержитъ въ себѣ папскія буллы и жалованныя ордену папами граматы. Вся эта книга проникнута безпредѣльною преданностію къ святѣйшему престолу и римско-католической церкви. Преданность эта является вообще отличительною чертою книги, въ особенности же въ молитвахъ, въ ней приводимыхъ. Рыцари молились за папу, кардиналовъ и прелатовъ. Все это должно было удивлять читателя, знавшаго, что главою ордена былъ русскій императоръ. Съ своей стороны, переводчики, какъ надобно предполагать, хотѣли смягчить странность такихъ отношеній иновѣрнаго государя къ папѣ тѣмъ, что слово «католическій» замѣнили словомъ «каѳолическій», какъ будто подразумѣвая восточную церковь, но, при такой уловкѣ, вся несообразность выступала еще ярче. Самое предисловіе къ подобной книгѣ поражало странностью. Упомянувъ о томъ, что императоръ Павелъ I принялъ санъ великаго магистра, трое переводчиковъ этой книги, состоявшихъ въ вѣдомствѣ иностранной коллегіи, обращались къ императору съ слѣдующими пожеланіями: «буди въ обладателяхъ царствъ болій, яко же Іоаннъ Креститель, защитникъ сего ордена. Крестомъ Предтечи побѣждай, сокрушай, низлагай, поражай всѣхъ супостатовъ, измождай плоти ихъ, да духъ спасается и буди имъ страшенъ паче всѣхъ царей земныхъ.» Между тѣмъ, въ самой книгѣ всѣ желаемыя переводчиками побѣды, сокрушенія, низложенія, пораженія, изможденія и устрашенія относились исключительно къ торжеству и благоденствію католичества, и, какъ на вѣнецъ всѣхъ рыцарскихъ добродѣте-

лей, указывалось въ книгѣ на готовность членовъ ордена, положить душу за други своя, сирѣчь каѳоликовъ, т. е. собственно католиковъ—послѣдователей римской, а не какой-либо другой христіанской церкви.

Появленіе этой книги возбудило тревогу и опасенія среди русскаго духовенства...

XXI.

Стоялъ невыносимо-жаркій іюньскій день, и сильно пекло солнце съ ярко-голубого неба, по которому не пробѣгало ни одно облачко въ то время, когда по дорогѣ отъ Петербурга къ Павловску медленно двигался какой-то странный поѣздъ. Открывалъ его всадникъ въ черномъ полукафтаньѣ, поверхъ котораго былъ надѣтъ красный суконный супервестъ, на подобіе рыцарскихъ латъ, а сверху была наброшена черная мантія. На груди всадника, виднѣлся большой черный кругъ съ изображеніемъ на немъ бѣлаго восьмиконечнаго креста. Всадникъ этотъ держалъ въ рукахъ серебряный маршальскій жезлъ. Голова его была покрыта небольшимъ бархатнымъ беретомъ, надъ которымъ развѣвались черныя, красныя и бѣлыя страусовыя перья. За этимъ всадникомъ слѣдовалъ конный литаврщикъ въ серебряныхъ латахъ и въ серебряномъ шишакѣ, съ чернымъ волосянымъ гребнемъ, а за нимъ нѣсколько трубачей, одѣтыхъ такъ же, какъ и онъ, и почти безумолчно наигрывавшихъ маршъ, напоминавшій, по своему мотиву, торжественный церковный гимнъ. За трубачами слѣдовала придворная вызолоченная съ зеркальными стеклами карета. Въ ней на первомъ мѣстѣ сидѣлъ съ непокрытою напудренною головою ка-

кой-то важный господинъ, одѣтый въ черную суконную мантію. На малиновой бархатной подушкѣ съ золотыми кистями, положенной на его колѣнахъ, онъ держалъ большую круглую серебряную коробку. Напротивъ него, на переднемъ мѣстѣ въ каретѣ, сидѣли двое другихъ, одѣтыхъ такъ же, какъ онъ, въ черныя мантіи съ бѣлыми крестами на плечѣ. Карета была запряжена шестеркою прекрасныхъ, въ богатой позолоченной упряжѣ, коней, которыхъ вели подъ уздцы пудренные въ треугольныхъ шляпахъ лакеи, въ красныхъ ливреяхъ съ золотыми галунами. Въ другой, такой же каретѣ сидѣли поѣзжане, одѣтые также въ черныя мантіи; изъ нихъ занимавшій первое мѣсто держалъ на колѣнахъ положенный на подушкѣ мечъ въ золотыхъ ножнахъ и съ золотой рукояткой; а въ третьей такой же каретѣ ѣхавшій на первомъ мѣстѣ везъ на подушкѣ высокую корону, состоявшую изъ нѣсколькихъ золотыхъ съуженныхъ къ верху подъ крестомъ золотыхъ полосъ, осыпанныхъ драгоцѣнными камнями. За этой каретой слѣдовала блиставшая позолотой четырехмѣстная коляска. Въ ней сидѣлъ господинъ въ черной мантіи и въ такомъ же беретѣ, какой былъ на головѣ у всадника, ѣхавшаго впереди поѣзда. Онъ держалъ въ рукахъ большое на черномъ древкѣ красное знамя съ бѣлымъ восьмиконечнымъ крестомъ. За коляской слѣдовало нѣсколько каретъ, въ которыхъ сидѣли одни только мужчины, одѣтые въ черныя мантіи. Отрядъ кавалергардовъ, въ блестящихъ серебряныхъ латахъ и такихъ же шишакахъ, замыкалъ поѣздъ. Его безпрестанно обгоняли кареты, которыя спѣшно катили въ Павловскъ и въ которыхъ всѣ поѣзжане были одѣты или въ черныя мантіи, или въ красные супервесты.

Павловскъ, недавно основанный великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, считался имѣніемъ супруги его великой княгини

Маріи Өедоровны и былъ ея любимымъ мѣстопребываніемъ. Павловскъ, въ которомъ хозяйкою была императрица Марія Өедоровна, рѣзко отличался отъ суровой Гатчины. Въ Павловскѣ, вмѣсто казармъ, манежей и кордегардій, былъ устроенъ розовый павильонъ на подобіе павильона, существовавшаго въ Тріанонѣ. Въ павловскомъ паркѣ были и искусственныя развалины, и швейцарскія хижины, и мельница съ фермою, заведенною по образцу тирольскихъ фермъ. Расположеніе для нѣкоторой части садовъ, а также устройство большихъ терассъ были заимствованы изъ Италіи; большая аллея, шедшая отъ дворца, напоминала аллею, бывшую въ Фонтенбло. Все это было далеко отъ той однообразной, скроенной на прусскій ладъ внѣшности, какою отличалась Гатчина, гдѣ безпрестанно слышались барабаны, рожки и командные возгласы, тогда какъ Павловскъ каждый вечеръ оживлялся концертами, балами, спектаклями и увеселительными поѣздками, съ звонкимъ и веселымъ смѣхомъ молоденькихъ женщинъ.

Сдѣлавшись императоромъ, Павелъ I проводилъ, по обыкновенію, нѣкоторую часть лѣтняго времени и въ этой новой загородной резиденціи, какъ бы въ гостяхъ у своей супруги, а теперь туда изъ Петербурга, наканунѣ иванова дня, торжественно везли, по повелѣнію государя, хранившіяся въ брилльянтовой комнатѣ Зимняго дворца регаліи великаго магистра мальтійскаго ордена, такъ какъ на этотъ разъ въ Павловскѣ должно было происходить обычное у мальтійскихъ рыцарей празднованіе памяти Іоанна Крестителя, покровителя ордена. Туда же на празднество должны были пріѣхать и всѣ жившіе въ Петербургѣ кавалеры, а ихъ было уже немало, такъ какъ не проходило почти ни одного дня, чтобы императоръ не жаловалъ новыхъ кавалеровъ и командоровъ. Въ Павловскъ предписано

было также собраться для нарада гвардейскимъ полкамъ. Вслѣдствіе этого, пустынная въ обыкновенное время дорога между столицей и Павловскомъ была теперь чрезвычайно оживлена. Густая пыль стояла надъ нею, и задыхавщіеся отъ жары въ каретахъ и въ своихъ вовсе не лѣтнихъ нарядахъ кавалеры были крайне недовольны изнурительною поѣздкою, опасаясь въ добавокъ къ этому, что они какою-нибудь малѣйшею оплошностію въ соблюденіи всѣхъ орденскихъ порядковъ и обрядовъ навлекутъ на себя, чего добраго, грозный гнѣвъ великаго магистра. Каждый изъ нихъ съ затаеннымъ въ душѣ безпокойствомъ думалъ только о томъ, чтобы поскорѣе и счастливо отбыть предстоящее торжество и затѣмъ благополучно возвратиться во-свояси. Встрѣчавшіеся по дорогѣ съ поѣздомъ проѣзжіе и прохожіе почтительно снимали передъ нимъ шапки и въ недоумѣніи смотрѣли ему вслѣдъ, не зная, что̀ такое происходитъ передъ ними.

Когда поѣздъ сталъ приближаться къ Павловску, собравшіеся въ тамошнемъ дворцѣ кавалеры вышли къ нему навстрѣчу попарно и, по назначенному заранѣе между ними распредѣленію, приняли привезенныя мальтійскія регаліи: государственную печать съ изображеніемъ великаго магистра Павла Петровича, находившуюся въ серебряной коробкѣ, мечъ, называвшійся «кинжаломъ вѣры», корону и знамя. Построенные на площади передъ дворцомъ полки отдали регаліямъ великаго магистра воинскую почесть, подобавшую по тогдашнимъ артикуламъ коронованнымъ особамъ, и затѣмъ регаліи, при боѣ барабановъ и при звукахъ музыки, были торжественно отнесены въ главную дворцовую залу.

— Что же будетъ здѣсь дѣлаться? Въ чемъ же будетъ состоять праздникъ? спрашивалъ каждый, смотря на шедшія пе-

редъ дворцомъ загадочныя приготовленія. На находящуюся передъ дворцомъ площадь пріѣхало нѣсколько возовъ съ дровами, хворостомъ и ельникомъ, и изъ этихъ матеріаловъ рабочіе стали складывать, по указанію одного изъ членовъ орденскаго капитула, большіе костры. Костры были вышиною аршина въ два, а въ длину и ширину имѣли по полтора аршина. Поверхъ ихъ были положены вѣнки изъ цвѣтовъ, а бока ихъ были убраны гирляндами изъ ельника. Такихъ костровъ было приготовлено девять. Въ нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи разбили палатку изъ полотна съ черными, бѣлыми и красными полосами. Около пяти часовъ вечера приведены были на дворцовую площадь гвардейскіе полки, которые и выстроились по тремъ сторонамъ площади. Въ этомъ строю особенно бросались въ глаза тогдашніе гусары въ такъ называвшихся «барсахъ». На плечахъ у гусаровъ, вмѣсто ментиковъ, были накинуты барсовыя шкуры головою внизъ, подбитыя краснымъ сукномъ съ серебрянымъ галуномъ и такою же застежкою, состоявшею изъ круглаго серебрянаго медальона съ вензелемъ императора и сдерживавшею на груди гусара одну изъ лапъ барса съ его хвостомъ. Гусарская сбруя была черная, отдѣланная серебряными бляхами. Не смотря на множество собранныхъ здѣсь людей, на площади царила мертвая тишина въ ожиданіи какого-то необыкновеннаго зрѣлища. Ровно въ семь часовъ вечера, всѣ мальтійскіе кавалеры, прибывшіе въ Павловскъ, явились на площадь и, ставъ по парно, вошли во дворецъ. Спустя нѣсколько времени, они, въ томъ же порядкѣ, стали выходить оттуда съ главнаго подъѣзда, при чемъ младшіе кавалеры несли въ рукахъ зажженные факелы, а старшіе несли ихъ незажженными. Въ числѣ старшихъ кавалеровъ были и духовныя лица, и между ними первое мѣсто занималъ архіепископъ Амвросій, исправ-

лявшій при великомъ магистрѣ должность «призрителя бѣдныхъ». Торжественнымъ и медленнымъ шагомъ выступали на площадь мальтійскіе рыцари въ беретахъ съ перьями, въ красныхъ супервестахъ съ накинутыми поверхъ ихъ черными мантіями; такія же мантіи, но безъ супервестовъ и беретовъ, были надѣты и па духовныхъ особахъ. Въ замкѣ рыцарей, въ одеждѣ великаго магистра съ короною на головѣ, шествовалъ императоръ, держа въ рукѣ незажженный факелъ. Отступая нѣсколько шаговъ отъ него, шли его «оруженосцы», съ одной стороны графъ Иванъ Павловичъ Кутайсовъ, а съ другой—князь Владиміръ Петровичъ Долгоруковъ, шефъ кавалергардскаго корпуса, съ обнаженнымъ палашемъ. За этой процессіею показалась императрица съ ея семействомъ въ сопровожденіи многочисленной и блестящей свиты. Она вошла въ приготовленную для нея на площади палатку, чтобъ смотрѣть оттуда на долженствовавшую происходить церемонію.

Въ глубокомъ молчаніи, съ благоговѣйнымъ выраженіемъ на лицахъ, двигались по площади мальтійскіе кавалеры. Исполняя установившійся въ орденѣ святаго Іоанна Іерусалимскаго обычай — праздновать канунъ иванова дня, они, идя по два въ рядъ, обошли всѣ девять костровъ по три раза. Солдатики съ удивленіемъ посматривали на эту невиданную еще ими «экзерцицію». Послѣ троекратнаго обхода костровъ, императоръ, великій князь Александръ Павловичъ и графъ Салтыковъ зажгли у младшихъ кавалеровъ свои факелы и потомъ начали зажигать ими разложенные на площади костры или такъ называемые «жертвенники», при чемъ имъ помогали младшіе кавалеры, обступившіе со всѣхъ сторонъ костры. Отъ загорѣвшагося ельника поднялись клубы чернаго дыма, но, когда дымъ разсѣялся, костры начали горѣть яркимъ пламенемъ. Кавалеры стояли

молча и неподвижно около костровъ, пока костры, обгорѣвъ, не стали разваливаться, и тогда они съ тою же торжественностію и тѣмъ же порядкомъ возвратились во дворецъ, гдѣ въ залахъ, по которымъ они проходили, были разставлены кавалергарды.

Рано утромъ, въ самый день праздника, императоръ произвелъ парадъ войскамъ, собравшимся въ Павловскъ, за тѣмъ въ дворцовой церкви отслужена была обѣдня. Всѣ ожидали какихъ-нибудь дальнѣйшихъ торжествъ, но они были отмѣнены, не было даже параднаго обѣда. Государь смотрѣлъ пасмурно, и не трудно было догадаться, что онъ былъ чѣмъ-то недоволенъ или сильно озабоченъ.

Наступилъ тихій лѣтній вечеръ, пробили зорю, и позаморившіеся вчерашнимъ походомъ и сегодняшнимъ парадомъ солдаты, покончивъ слишкомъ нелегкую въ ту пору чистку аммуниціи и оружія, собирались уже отдохнуть на привалѣ, какъ вдругъ раздалась тревога: забили барабаны и завизжали рожки. Офицеры и солдаты опрометью кинулись по своимъ мѣстамъ. Метавшіеся изъ стороны въ сторону адъютанты объявили приказъ государя, чтобъ находившіяся въ Павловскѣ войска черезъ полчаса выступили въ походъ по направленію къ Петергофу. Всѣ встрепенулись, засуетились, забѣгали, и приказъ государя былъ исполненъ въ точности безъ малѣйшаго промедленія. Длинной вереницей потянулась изъ Павловска по большой дорогѣ пѣхота, кавалерія и артиллерія, и среди конскаго топота и грохота двигавшихся орудій слышались громкіе крики командировъ, старавшихся поддержать въ своихъ частяхъ стройность тогдашней военной выправки во всѣхъ ея мелочахъ.

— Слышь, какъ оретъ господинъ Прокоповъ, сказалъ одинъ служивый шедшему съ нимъ об-локоть товарищу, показывая на кричавшаго во все горло пѣхотнаго офицера: —видно желаетъ,

чтобы царь снова его голосъ заслышалъ и опять явилъ бы ему свою милость.

— А развѣ съ нимъ, что нибудь такое было?... Я—здѣсь человѣкъ новый и ничего еще о господинѣ Прокоповѣ не слыхивалъ, проговорилъ солдатикъ.

— А вотъ поди же ты, братецъ мой, какое счастье людямъ ни съ того, ни съ другаго бываетъ. Правда и то, что онъ ужъ больно отваженъ, не у всякаго такой безстрашности хватитъ, а все-таки, какъ ни на есть, а нужно счастье, а то всю жизнь прострадаешь.

— А что же съ нимъ случилось? съ любопытствомъ спросилъ новичокъ.

— Да вотъ что. Какъ бываетъ государь въ Гатчинѣ лѣтнею порою, то, откушавъ, онъ, послѣ обѣда, садится въ кресла на балконѣ, да и любитъ вздремнуть здѣсь часикъ-другой, какъ и всѣ мы грѣшные. Славно эдакъ ему въ прохладкѣ спится!.. А какъ сядетъ онъ въ кресла, то такая тишь наступитъ, словно все замретъ. Кругомъ всего дворца караульныхъ разставятъ, чтобъ никто близко ко дворцу ни подойти, ни подъѣхать не смѣлъ; издали еще мы каждому машемъ, хоть бы и самый первый генералъ былъ; не ѣзди, молъ, и не ходи—царь почиваетъ! Ничто не стукнетъ, не брякнетъ; пчела зажужжитъ у дворца, такъ и ту слышно будетъ. Вотъ эдакъ мы въ тишинѣ и стоимъ, еле духъ переводимъ, какъ вдругъ кто-то гаркнетъ: «слу... у... шай!» да я тебѣ скажу гаркнетъ такъ, какъ мы никогда и не слыхивали! Всѣ мы такъ и обмерли. Ну, быть бѣдѣ, а на караульномъ офицерѣ и лица не стало: поблѣднѣлъ сердечный, словно покойникъ, да и не даромъ. Выбѣжалъ со всѣхъ ногъ изъ дворца царскій адъютантъ и требуетъ его къ государю.

«— Кто смѣлъ крикнуть «слу...у...шай!», спросилъ государь

у офицера, да спросилъ я тебѣ скажу такъ, что лучше бы и не спрашивалъ.

— Эхъ, вѣдь, поди, какая бѣда вышла! съ выраженіемъ испуга на лицѣ проговорилъ молодой солдатикъ.

«— Не знаю, ваше императорское величество!» со страху ни живъ, ни мертвъ прошамкнулъ его благородіе.

«— Ка̀къ не знаешь? Да на что̀ же ты въ караульные офицеры поставленъ!..» крикнулъ царь:—«ступай и въ сей же часъ отыщи мнѣ виновнаго»...

Пошли допросы, переспросы, а виновнаго на лицо нѣтъ, какъ нѣтъ. Офицерикъ нашъ въ слёзы, да и говоритъ:

«— Братцы, голубчики, отцы родимые, товарищи задушевные, не погубите меня!.. Возьми кто-нибудь вину на себя, какъ у государя отъ сердца гнѣвъ отляжетъ—всю правду ему скажу, а теперь виновнаго представить нужно». Жаль намъ стало господина офицера, хорошій былъ баринъ... да что же намъ дѣлать-то? на всѣхъ ужасъ напалъ превеликій; всѣ стоимъ да и молчимъ. А въ ту пору въ караулѣ былъ межъ рядовыхъ вотъ этотъ самый нынѣ господинъ Прокоповъ; онъ—по породѣ изъ кутейниковъ, хотѣлъ было пойти въ дьяконы, глотка-то у него здоровая-прездоровая, да сильно запилъ; его въ солдаты и сдали. Парень, я тебѣ скажу, былъ куда какой выносливый: ни розги, ни палки, ни фухтеля донять его не могли; бывало, вѣдь, ка̀къ его отлупятъ, а онъ, смотришь, и не поморщится, словно только изъ жаркой бани на свѣжій воздухъ вышелъ. Выступилъ онъ впередъ и говоритъ:

«— Да что̀, ваше благородіе, долго толковать? Жаль мнѣ васъ больно стало: возьму вину на себя.

«Мы всѣ такъ и примерли, а офицеръ-то цѣловать его бро-

сился... Повелъ молодца наверхъ къ государю. Ну, думаемъ мы, пропадшая душа.

«— Это ты крикнулъ: «слу...у...шай!» спросилъ царь?»

«— Я, ваше величество! не моргнувъ глазомъ, отвѣтилъ Прокоповъ.

«— А зачѣмъ?

«— Да вздумалось мнѣ вдругъ къ ночной караульной службѣ около вашего императорскаго величества готовиться. Все сразу забылось—словно кто мнѣ память отшибъ, такая охота ни съ того, ни съ чего взяла... говоритъ онъ это, да и прощенья не проситъ.

Государь ухмыльнулся.

«— Ну, а крикни при мнѣ...»

Какъ рявкнулъ онъ, такъ я тебѣ скажу, что̀ тутъ было: кто присѣлъ на полъ, а кто заткнулъ уши.

«— Молодецъ!.. Экой у тебя славный голосище! Въ уптера его и выдать ему сто рублевъ за усердіе къ службѣ», назначилъ царь.

— Вотъ какое царское рѣшеніе вышло. Какъ пришелъ Прокоповъ къ намъ въ кордегардію, такъ мы ни ушамъ, ни глазамъ не вѣримъ и дивимся только, что живымъ вернулся. Разумѣется, послѣ того, начальство въ уваженіе его взяло: «мало того, говоритъ, что отважный самъ по себѣ, да и командира своего отъ неминучей бѣды собою заслонилъ, значитъ—хорошій человѣкъ.» Стали ему усердствовать, парень онъ грамотный—и попалъ въ офицеры. Государь его и теперь помнитъ и иной разъ, какъ увидитъ, такъ повелитъ ему прокричать «слушай!» и за голосище всегда похвалитъ.

— Чудно̀, больно̀ чудно̀, проговорилъ, покачивая головою, солдатикъ: — а кто-жъ заправски-то кричалъ?

— А вотъ поди же ты, вѣдь, такой шальной нашелся—пажикъ, по фамиліи Яхонтовъ. Знаешь, внизу во дворцѣ живутъ барышни, что при государынѣ служатъ, фрелины называются. Вѣдь, онъ словно съума отъ нихъ сошелъ, о государѣ-то вовсе забылъ, вздумалъ ихъ попугать, подкрался подъ ихъ окошко да вдругъ и крикнулъ. Ну, благо все по добру по здорову кончилось.

— А что, Савельичъ, это за народъ давече изъ-за дворца повыходилъ, монахи что ли какіе?..

— Да кто ихъ знаетъ! Видѣлъ я, что промежь ихъ и заправскіе архіереи были. Слыхалъ, что «лыцарями» прозываются, отъ мѣстовъ ихъ, что ли, отставили, да царя ихъ въ полонъ недруги взяли, такъ вотъ нашъ-то ихъ подъ свою руку принялъ... Чудны что-то больно... Ничего, братецъ ты мой, ныньче въ толкъ не возьмешь. Иной разъ, какъ послушаешь, что господа офицеры промежь себя загуторятъ, такъ сейчасъ и отойдешь, отъ бѣды бы быть только подальше... Не нашего, братъ, ума дѣло...

Только-что проговорилъ эти слова Савельичъ, какъ между солдатами началось какое-то безпокойное движеніе.

— Ѣдетъ, ѣдетъ! сперва закричали, а потомъ шопотомъ заговорили они. Болѣе смѣлые изъ нихъ обернулись назадъ. Въ полумракѣ лѣтней ночи, сгущавшейся въ лѣсной просѣкѣ, чернѣлись вдали на дорогѣ два всадника, и по посадкѣ одного изъ нихъ привычный зоркій глазъ могъ легко признать, что къ войскамъ подъѣзжалъ императоръ. Дѣйствительно, это былъ онъ, въ сопровожденіи графа Кутайсова. Кто перекрестился, кто вздохнулъ, кто въ какомъ-то отчаяніи замоталъ головою, какъ будто ожидая бѣды.

Всѣ встрепенулись, подтянулись, выровнялись и смолкли. Слышались только дружно и мѣрно отбиваемые шаги солдатъ

въ совершенствѣ наученныхъ ходить въ ногу, да порою то здѣсь, то тамъ раздавалось нетерпѣливое ржанье коня, принужденнаго всадникомъ идти не по своей воли.

Подъѣзжалъ къ войску государь скорою рысью; обогнавъ голову колонны, онъ остановился на дорогѣ и, пропустивъ мимо себя войска, повернулъ назадъ въ Павловскъ, не сказавъ никому ни одного слова. У всѣхъ, словно, полегчало на сердцѣ, но не скоро оправились и начальники и солдаты отъ внезапнаго испуга. Всѣ шли, соблюдая строгій порядокъ и только по временамъ боязно посматривали вслѣдъ медленно уѣзжавшему государю. Въ глубокой задумчивости, не вступая въ разговоръ съ своимъ спутникомъ, возвращался онъ домой; на пути онъ пріостанавливалъ нѣсколько разъ своего коня и внимательно прислушивался къ гулу отдалявшагося отъ него войска...

XXII.

Слишкомъ недѣлю въ сельцѣ Гнѣздиловкѣ, усадьбѣ помѣщика Степана Степановича Рышкина, съ нетерпѣніемъ ожидали привоза почты изъ сосѣдняго уѣзднаго города, куда отправился за полученіемъ ея нарочный. Промедленія почты вообще были тогда очень часты, такъ какъ по почтовому управленію порядки велись очень плохо, а на этотъ разъ, за наступившею распутицею, почта опоздала болѣе обыкновеннаго. Между тѣмъ, для Степана Степановича минуты ожиданія были страшно томительны. Онъ былъ человѣкъ и любопытный, и болтливый; для него всегда пріятно было узнать первому что нибудь важное изъ газетъ или изъ писемъ и потомъ разсказывать не безъ нѣкоторыхъ, впрочемъ, прикрасъ своимъ деревенскимъ сосѣдямъ. Степанъ Степановичъ любилъ позаняться и политикою, а теперь именно была такая пора, что потолковать было о чемъ: въ народѣ начали ходить слухи о скорой войнѣ и о разныхъ распоряженіяхъ, клонившихся къ походу войскъ, но противъ кого начнутъ войну — это никому не было извѣстно. Нетерпѣніе помѣщика-политикана усиливалось еще болѣе потому, что къ нему въ усадьбу собрались гости, которыхъ онъ любилъ поподчивать нетолько снѣдями и питіями, но и своими разговорами и

разсужденіями, казавшимися ему самому и глубокомысленными, и поучительными. Въ ожиданіи привоза почты, гости-помѣщики съ ихъ хозяиномъ принялись судить и рядить о томъ и о другомъ по прежнимъ устарѣлымъ извѣстіямъ съ добавкою собственныхъ измышленій, при чемъ ихъ въ особенности занималъ первый, дошедшій уже до нихъ манифестъ государя о мальтійскомъ орденѣ, но никто пока не могъ домыслиться, о чемъ собственно въ этомъ манифестѣ шло дѣло. Нѣсколько разъ всѣ они вкупѣ перечитывали этотъ торжественный государственный актъ, но никакъ не могли уразумѣть что именно требуется отъ русскаго дворянства и при чемъ оно здѣсь будетъ. Толковали, толковали между собою на разные лады, но, въ концѣ-концовъ, оказывалось, что ровно до ничего добраться не смогутъ. Во время этихъ жаркихъ разговоровъ, на порогѣ помѣщичьяго кабинета показался дворецкій, съ кипою писемъ и пакетовъ въ рукахъ.

— Ермилъ, сударь, почту привезъ изъ города, сказалъ онъ, подавая часть принесеннаго Степану Степановичу.—Это—вамъ, а это—ихъ милости, барынѣ.

Съ выраженіемъ жадности на лицѣ выхватилъ Рышкинъ письма и пакеты изъ рукъ дворецкаго и, быстро сорвавъ печать съ одного конверта, принялся читать про себя письмо отъ дяди его жены, занимавшаго въ Петербургѣ по служебной части довольно высокое мѣсто. Едва Степанъ Степановичъ прочиталъ нѣсколько строкъ, какъ краска удовольствія разлилась по его полному и добродушному лицу.

— Отъ кого это письмо къ тебѣ? спросилъ Табуновъ, самый близкій пріятель Рышкина.

— Отъ дядюшки Ѳедора Алексѣича.

— Ну, должно быть, въ немъ немало наилюбопытнѣйшихъ вещей. Въ Петербургѣ онъ—человѣкъ большой, и ему многое

заранѣе должно быть извѣстно. Что-жъ новаго онъ сообщаетъ? спросилъ Табуновъ.

— Приглашаетъ меня быть командоромъ знаменитаго мальтійскаго ордена, съ самодовольнымъ видомъ, выпячивая впередъ свое кругленькое брюшко, проговорилъ Рышкинъ.—Надобно скорѣе показать это письмо Катеринѣ Александровнѣ; она этому порадуется; ей все желается, чтобы я важною персоною сталъ.

— Вотъ какъ!.. Въ командоры, сіе—тоже, что въ командиры зовутъ, должно быть—званіе высокое; да что же ты тамъ, Степанъ Степанычъ, станешь дѣлать? не безъ насмѣшливой зависти проговорилъ Лапуткинъ, одинъ изъ гостей и сосѣдей Рышкина.

— Что прикажутъ, то и буду дѣлать, не безъ сердца отозвался Рышкинъ.—Не весь же вѣкъ мнѣ у себя въ усадьбѣ землю пахать. Благодареніе Господу, отъ родителей хорошій достатокъ наслѣдовалъ. Захочу, такъ будетъ чѣмъ и при царскомъ дворѣ показать себя—и тамъ въ грязь лицомъ не ударю.

— Что объ этомъ и толковать! поддакнулъ одинъ изъ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ Пыхачевъ. — Только пожелать тебѣ стоитъ, такъ въ люди, какъ разъ выйдешь: и умомъ возьмешь, и деньжонки есть, да и милостивцы при дворѣ отыщутся.

— Дядюшка Ѳедоръ Алексѣичъ пишетъ мнѣ изъ Петербурга вотъ что, сказалъ Рышкинъ, поднося письмо по ближе къ глазамъ, и онъ, не слишкомъ бойко разбирая письмо, принялся читать слѣдующее:

«Любезнѣйшій мой племянникъ, Степанъ Степановичъ! Посылаю тебѣ при семъ копію съ высочайшаго его императорскаго величества указа объ установленіи въ предѣлахъ россійской имперіи знаменитаго ордена святаго Іоанна Іерусалимскаго. Изъ сего указа ты усмотрѣть можешь, въ чемъ оное за-

веденіе состоитъ, и, полагаю я, что ты поспѣшишь воспользоваться тѣми почестями и преимуществами, кои тебѣ, какъ россійскому дворянину, по сему ордену пріобрѣсти можно. Благодареніе твоему покойному родителю, отъ него ты получилъ такой наслѣдственный достатокъ, что, согласно изложенныхъ въ указѣ правилъ, можешь учредить и для себя самого, и для одного изъ твоихъ сыновей, родовое командорство, что несомнѣнно къ чести и увеличенію достоинства вашей благородной фамиліи господъ Рышкиныхъ послужить возможетъ. Его императорское величество учрежденіе таковыхъ командорствъ съ особымъ знакомъ монаршаго благоволенія пріемлетъ и на учрежденіе оныхъ всемилостивѣйшее и всевысочайшее свое вниманіе обращать соизволяетъ. Потщись же объ устроеніи фамильнаго командорства; хлопоты по сему важному дѣлу принять я на себя могу, но для избѣжанія всякихъ затруднительныхъ оказій удобнѣе было бы пріѣхать тебѣ самому въ Санктпетербургъ, тѣмъ паче, что быть можетъ всеавгустѣйшій монархъ пожелаетъ тебя лицезрѣть, узнавъ о похвальномъ твоемъ намѣреніи, россійскаго дворянина достойномъ. Подготовь только благовременно всѣ требуемыя по оному дѣлу доказательства твоего благородства. Какъ командоръ, т. е. какъ одинъ изъ старшихъ мальтійскихъ кавалеровъ, или все равно рыцарей, ты будешь носить на шеѣ большой бѣлый финифтевый крестъ на широкой лентѣ съ изображеніемъ золотыхъ лилій между крыльевъ онаго. Регалія сія весьма красива и въ Санктпетербургѣ почитается нынѣ важнѣе всякихъ крестовъ и звѣздъ. Кромѣ сего, предоставится тебѣ ношеніе краснаго супервеста, который есть нѣчто въ родѣ женской кофты безъ рукавовъ, а поверхъ онаго полагается черная суконная мантія съ бѣлымъ крестомъ на плечѣ и при оной мантіи кругополая шляпа съ разноцвѣт-

ными перьями, или же малая, называемая беретомъ. Сіе одѣяніе, яко почетное рыцарское, и при дворѣ, и во всей столицѣ паче всякой модной одежды почитается. Высылаю тебѣ при семъ и копію съ той записки, въ которой начертаніе гисторіи мальтійскаго ордена имѣется. Записка сія рѣдкостная и съ немалымъ трудомъ добыть мнѣ оную удалось, и хотя въ ней ничего, по разумѣнію моему, предосудительнаго и недозволеннаго въ отношеніи правительства не встрѣчается, но, во всякомъ случаѣ, обращайся съ нею осторожнѣе, дабы чрезъ сіе какихъ-либо замѣшательствъ и досадительствъ не вышло. Слышалъ я также, что преотличная сего ордена на французскомъ языкѣ гисторія имѣется, въ коей все въ наипространнѣйшемъ видѣ и изящнѣйшимъ штилемъ изложено, и написана оная нѣкіимъ аббаттомъ Вертотомъ, но за давностію ея выпущенія въ свѣтъ и за ея стоимостію оная нигдѣ нынѣ въ продажѣ не обращается. Впрочемъ и изъ прилагаемой при семъ записки, какъ цѣль и духъ того рыцарства, къ коему ты, любезнѣйшій мой племянникъ, принадлежать нынѣ можешь, такъ равномѣрно и всѣ изящнѣйшія добродѣтели сего знаменитаго учрежденія въ достаточной полнотѣ усмотрѣшь».

Письмо оканчивалось сообщеніемъ извѣстій о родныхъ и знакомыхъ и обычными въ то время родственными пожеланіями съ присовокупленіемъ къ нимъ почтеній и поклоновъ для раздачи по принадлежности разнымъ высокопочтеннѣйшимъ или любезнѣйшимъ персонамъ.

Въ припискѣ къ письму значилось: «позабылъ написать тебѣ, что всѣ мальтійскіе кавалеры или рыцари къ высочайшему императорскому двору свободный входъ имѣютъ и во всѣхъ торжественныхъ и церемоніальныхъ случаяхъ въ полномъ своемъ облаченіи обрѣтаться могутъ».

Степанъ Степановичъ не вѣрилъ возможности такого счастья: для него, отбывшаго военную службу только въ рангѣ сержанта гвардейскаго семеновскаго полка—попасть прямо въ такой почетъ при царскомъ дворѣ казалось неестественною мечтою, и онъ, озабоченный предложеніемъ дяди, быстро забѣгалъ по комнатѣ, обдумывая благодарственное письмо къ своему родственнику и не обращая вниманія на своихъ гостей, которые, и въ свою очередь, были не мало заинтересованы этою новостью.

— Ну, что-жъ командоромъ будешь, что-ли? Да распечатывай поскорѣе пакетъ; въ немъ должно быть и есть царскій указъ, и мы увидимъ, наконецъ, что отъ россійскаго дворянства въ ономъ случаѣ требуется, заговорилъ Лапуткинъ.

Степанъ Степановичъ словно опомнился и, распечатавъ пакетъ, досталъ оттуда печатные указы. Гости сѣли въ кружокъ около хозяина, который принялся за чтеніе указовъ. Изъ нихъ оказалось, что государь, независимо отъ того великаго пріорства мальтійскаго ордена, которое существовало уже въ польскихъ областяхъ, учредилъ еще особое великое пріорство россійское, въ которое могли вступать дворяне «греческаго закона». На содержаніе этого пріорства онъ повелѣвалъ отпускать ежегодно изъ государственнаго казначейства по 216,000 рублей. «Новое сіе заведеніе», говорилось въ указѣ: должно было состоять изъ 98-ми командорствъ. Изъ нихъ два командорства приносили шесть тысячъ рублей ежегоднаго дохода ихъ владѣльцамъ, четыре командорства—по четыре тысячи рублей, шесть—по три тысячи, девять—по двѣ тысячи, шестнадцать—по полторы тысячи и шестьдесятъ—по тысячѣ рублей.

— На эти командорства намъ, господа, никогда не попасть, съ печальною насмѣшкою проговорилъ Табуновъ.—А куда какъ хорошо было бы получать по шести тысячъ въ годъ!

— И тысячкой удовлетвориться можно было бы, проговорилъ, облизываясь, Лапуткинъ.

Далѣе изъ указа стало извѣстно, что владѣльцы командорствъ обязаны были вносить въ казначейство такъ называемые «респонсiи», т. е. по 20% съ ежегоднаго дохода, получаемаго ими съ пожалованныхъ командорствъ; что первые командоры должны быть назначены по непосредственному усмотрѣнiю самого императора; но что впослѣдствiи командорства будутъ жалуемы по старшинству вступленiя въ орденъ, причемъ, однако, никто не можетъ владѣть одновременно двумя командорствами. Право на командорство предоставлялось тѣмъ, кто сдѣлалъ четыре каравана на эскадрахъ, ордену принадлежащихъ, или въ армiяхъ или на эскадрахъ россiйскихъ, при чемъ шесть мѣсяцевъ кампанiи считается за одинъ караванъ.

— Ну, господа, все это не по нашей части: мы ни въ какихъ походахъ не бывали по стольку времени, да и по морямъ, кажись, не плавали. Читай, Степанъ Степанычъ, дальше: не подъищется ли что-нибудь и для насъ грѣшныхъ? сказалъ Пыхачевъ.

Степанъ Степановичъ, ходившiй въ походъ при Екатеринѣ только подъ шведа, не надолгое время, да и то лишь верстъ за двадцать отъ Петербурга, нѣсколько опѣшилъ, узнавъ, что онъ своею службою не удовлетворяетъ требованiямъ, заявленнымъ въ царскомъ указѣ. Но онъ повеселѣлъ, когда прочелъ другой указъ, въ которомъ было сказано, что «всякiй дворянинъ, облаченный кавалерскими знаками знаменитаго ордена святаго Iоанна Iерусалимскаго, пользоваться будетъ достоинствомъ и преимуществами, сопряженными съ офицерскими рангами, не имѣя, однако, ни назначаемаго чина, ни старшинства. Не имѣющiй же высшаго чина, при вступленiи въ службу, принимается прапорщикомъ».

— Значитъ, что, въ силу онаго указа, нетолько никакихъ походовъ и плаваній, но даже и никакого офицерскаго ранга не требуется, проговорилъ Рышкинъ:—коли за урядъ въ прапорщикахъ состоять можно?

— Должно быть, что такъ, отозвались его собесѣдники, и они вполнѣ убѣдились въ этомъ предположеніи, когда Степанъ Степановичъ прочиталъ третій указъ, начинавшійся словами: «всякій дворянинъ имѣетъ право домогаться чести быть принятымъ въ орденъ святаго Іоанна Іерусалимскаго». Изъ этого же указа оказывалось, что въ орденѣ существуютъ двѣ присяги: одна въ малолѣтствѣ до пятнадцати лѣтъ, а другая—въ совершенномъ возрастѣ; что въ орденъ принимаются дворяне для доставленія ему защитниковъ и воиновъ, а такъ какъ члены его до пятнадцати лѣтъ не могутъ оказывать ему военной услуги, то съ нихъ, при пріемѣ въ орденъ, взимается вдвое противъ совершеннолѣтнихъ, т. е. по 2,400 рублей, тогда какъ съ совершеннолѣтнихъ берется только 1,200 рублей. Далѣе въ указѣ говорилось, что такъ какъ орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго—военный и дворянскій, то желающій вступить въ него долженъ доказать, что происходитъ отъ предковъ, пріобрѣвшихъ дворянство военными заслугами; что дѣды его и прочіе предки были дворяне и что ихъ благородное происхожденіе существуетъ не менѣе ста пятидесяти лѣтъ. Кромѣ того, желающій вступить въ орденъ долженъ представить удостовѣреніе, что онъ «благороднаго поведенія, безпорочныхъ нравовъ и къ военнымъ должностямъ способенъ». Принятіе желающаго вступить въ орденъ должно происходить по баллотировкѣ. Сверхъ того, въ силу этого же указа, дворянамъ, представившимъ требуемыя въ указѣ доказательства о происхожденіи, дозволялось учреждать родовыя командорства, опредѣливъ для того имѣнія съ ежегоднымъ доходомъ не менѣе

какъ въ 3,000 рублей и платя съ этого дохода соотвѣтственную «респонсію» въ орденскую казну.

Это послѣднее право было какъ нельзя болѣе по душѣ Степану Степановичу, и между помѣщиками начались толки о новомъ рыцарскомъ орденѣ. Толки эти доказывали, однако, что, и послѣ прочтенія всѣхъ указовъ, представители россійскаго дворянства все-таки не имѣли яснаго понятія, для чего учреждается орденъ и что будутъ дѣлать его кавалеры и его командоры.

Еще сильнѣе разгорѣлось въ Рышкинѣ желаніе сдѣлаться кавалеромъ малтійскаго ордена, когда черезъ нѣсколько дней, послѣ полученія Степаномъ Степановичемъ письма отъ дяди, пріѣхавшій изъ Петербурга его сосѣдъ по усадьбѣ сталъ подробно разсказывать о томъ почетѣ, какимъ пользуются у государя и петербургскихъ вельможъ мальтійскіе рыцари.

Отъ этого пріѣзжаго помѣщика Рышкинъ, между прочимъ, узналъ, что, какъ кажется, Павелъ Петровичъ хочетъ совсѣмъ отмѣнить георгіевскій и владимірскій ордена учрежденные покойною государынею для награды за заслуги военные и гражданскіе, что онъ никому не жалуетъ ихъ и намѣренъ оба эти ордена, считавшіеся столь важными, замѣнить мальтійскимъ крестомъ. Воображеніе честолюбиваго сержанта разыгрывалось все живѣе и живѣе. Ему представлялись теперь: милостивый пріемъ государя, любезности и даже заискиванія у него со стороны царедворцевъ и та зависть, которую онъ возбудитъ въ своихъ деревенскихъ сосѣдяхъ, когда, по возвращеніи изъ Петербурга, явится отличенный почетомъ, невиданнымъ еще въ этомъ мѣстѣ.

Живо собрался Степанъ Степановичъ въ губернскій городъ, чтобъ выправить тамъ необходимыя доказательства своего «стопятидесятилѣтняго благородства». Но при этомъ постигло его горькое разочарованіе: оказалось, что по родословной росписи

Рышкиныхъ, древность ихъ фамиліи восходила только до 1650 года, когда ихъ предокъ-родоначальникъ, боярскій сынъ, Кузьма Рышкинъ, будучи на государевой службѣ, сидѣлъ въ какой-то засѣкѣ въ ожиданіи нашествія крымцевъ и былъ за это «верстанъ въ дикихъ поляхъ помѣстнымъ окладомъ». Степанъ Степановичъ былъ не только опечаленъ, но и пораженъ этимъ прискорбнымъ открытіемъ.

— Не достаетъ двухъ лѣтъ! печально бормоталъ онъ, разсчитывая и мысленно, и по пальцамъ, и на бумагѣ древность своего рода.

Степанъ Степановичъ кидался во всѣ присутственныя губернскія и уѣздныя мѣста съ просьбою отыскать документъ, который доказывалъ бы начало благородства Рышкина за полтораста лѣтъ. Онъ обѣщалъ за это приказнымъ хорошую денежную подачку, но всѣ его просьбы и хлопоты приказныхъ были тщетны: съ 1650 года благородное происхожденіе Рышкиныхъ оставалось покрыто мракомъ неизвѣстности. Не добившись рѣшительно ничего и сильно растроенный испытанною неудачею, Рышкинъ возвратился въ свою усадьбу и въ нетерпѣливомъ ожиданіи истеченія двухъ недостававшихъ годовъ, уклонялся отъ всякаго разговора о мальтійскомъ орденѣ. На всѣ вопросы о томъ, когда же онъ будетъ командоромъ, Рышкинъ рѣзко и отрывисто отвѣчалъ:

— Погодите, развѣ можно скоро устроить столь важное дѣло, а между тѣмъ честолюбивыя мечты о командорствѣ не давали ему покоя ни днемъ, ни ночью.

XXIII.

Далеко и громко разносился по Волгѣ въ праздничный день утренній звонъ колоколовъ николо-бабаевскаго монастыря. Обитель эта не принадлежала, да и нынѣ не принадлежитъ, къ числу извѣстныхъ по всей Россіи монастырей, но тѣмъ не менѣе, находясь на людномъ водномъ пути, а также въ семи верстахъ отъ Костромы и не вдалекѣ отъ Ярославля, она издавна привлекала къ себѣ богомольцевъ. Съ нѣкотораго же времени, наплывъ ихъ туда замѣтно увеличился противъ прежняго, особенно начали наѣзжать въ бабаевскій монастырь помѣщицы и купчихи. По окрестнымъ мѣстамъ все шире и шире стала расходиться молва, что въ этомъ монастырѣ проживаетъ какой-то богоугодный монахъ, отецъ Авель, получившій отъ Господа даръ прорицанія *). Принялись въ народѣ разсказывать, что Авель, словно по книгѣ, читаетъ прошлую жизнь каждаго, угадываетъ его сокровенные помыслы и предрекаетъ каждому нетолько все то, что случится съ нимъ въ жизни, но и предсказываетъ ему день смерти, а такое предсказаніе казалось чрезвычайно важнымъ, такъ какъ оно давало возможность грѣшнымъ людямъ

---

*) Личность историческая.

подготовиться заблаговременно къ христіанской, непостыдной, мирной и безгрѣшной кончинѣ и къ доброму отвѣту на страшномъ судищѣ христовомъ.

Какъ съ этою, такъ еще и съ другою, особою цѣлью пробирался теперь въ бабаевскій монастырь, на парѣ своихъ лошадокъ, угличскій купецъ Власъ Повитухинъ, не мало принявшій на душу грѣховъ по торговой части. Порядкомъ побаивался онъ смертнаго часа и, узнавъ о дарѣ прорицанія отца Авеля, отправился къ нему, чтобъ услышать его правдивыя пророчества, но еще болѣе хотѣлъ онъ поговорить съ отцомъ Авелемъ о другомъ, смущавшемъ его обстоятельствѣ. Непосчастливилось, однако, купчинѣ въ его поѣздкѣ: верстахъ въ десяти отъ монастыря подломилась ось подъ его грузной повозкой, которую, связанную и скрѣпленную кое-какъ веревками, медленно тащили къ монастырю усталыя лошадки. Повитухинъ не добрался еще до обители, какъ на монастырской колокольнѣ ударили уже къ «достойной». Купчина и его спутникъ, старикъ-прикащикъ, сняли картузы и начали набожно креститься.

— Вишь, вѣдь, бѣда-то какая приключилась съ нами, заговорилъ хозяинъ:—Богу-то мы видно съ тобой, Василій Иванычъ, не угодили—къ обѣдни запоздали. Вотъ, теперь и оставайся въ монастырѣ до завтра, да и отстой обѣдню, потому что уѣхать не отстоявши обѣдни, не достойно; а тамъ, смотришь, день-то и пропадетъ. Напасть это для торговаго человѣка, да и только! ворчалъ Повитухинъ.

— Не гнѣви, Власъ Петровичъ, своимъ ропотомъ Господа Бога и его святого угодника, замѣтилъ наставительно прикащикъ:—эка бѣда, что одинъ день потеряешь! Господь вознаградитъ тебя за твое усердіе сторицею...

— Такъ-то такъ, да, все-таки, не ладно—будетъ задержка

по торговлѣ: чего добраго на одинъ день запоздаешь, а глядь на товаръ цѣны или прикинутъ, или поубавятъ...

Когда роптавшій купчина и ободрявшій его прикащикъ подъѣхали къ святымъ воротамъ, обѣдня уже кончилась, и народъ сталъ валить изъ монастыря. Губернская и уѣздная знать разсаживалась въ свои старинныя кареты, рыдваны и колымаги, а простой людъ окружалъ лари торговцевъ съѣстными припасами и пробирался гурьбою въ стоявшую около монастырской стѣны избу, гдѣ производился «царскій торгъ», въ ознаменованіе чего при избѣ торчалъ длинный шестъ съ наткнутымъ на концѣ его вѣникомъ изъ вѣтвей ели раструбомъ вверхъ. Шумъ, гамъ и пѣсни неслись изъ этого веселаго притона, гдѣ проворные цѣловальники едва успѣвали удовлетворять требованіямъ разгулявшихся богомольцевъ.

Оставивъ повозку и лошадей на попеченіи прикащика у святыхъ воротъ, купчина вошелъ за монастырскую ограду и сталъ приглядываться, выжидая, у кого поудобнѣе было бы навести нужныя ему справки.

— Скажи, преподобный отче, началъ онъ, снявъ съ головы картузъ и подходя подъ благословеніе къ шедшему мимо его чрезъ монастырскій дворъ монаху:—какъ бы мнѣ свидѣться съ отцомъ Авелемъ?..

— А по что тебѣ онъ?.. сурово спросилъ монахъ, преподавъ на-скоро свое благословеніе купчинѣ, поцѣловавшему у инока руку.

Повитухинъ замялся, а монахъ пристально сталъ смотрѣть ему въ глаза, выжидая его отвѣта.

— Да, вѣдь, тебѣ извѣстно, преподобный отче... забормоталъ Повитухинъ.

— Отца Авеля у насъ уже нѣтъ, отрывисто проговорилъ

монахъ:—нешто не слыхалъ, что онъ теперь въ Питерѣ и въ великой чести у государя Павла Петровича?

— Ничего не знаю: я, вѣдь — не тутошный... пробормоталъ Повитухинъ.

— То-то не тутошный! Мало васъ здѣсь шляется, прости Господи!.. рѣзко брякнулъ монахъ, взглянувъ подозрительно на купчину, и, предположивъ въ немъ забравшагося въ монастырь развѣдчика или сыщика, хотѣлъ идти далѣе своей дорогой.

— Я—Власъ Петровъ Повитухинъ, заговорилъ, въ догонку монаху, оторопѣвшій купчина,—я—не тутошный, я—углицкій купецъ, а въ Костромѣ у меня есть пріятель большой руки Семенъ Максимычъ Грибушкинъ.

— Нешто тебѣ Семенъ Максимычъ—пріятель? вдругъ привѣтливымъ голосомъ отозвался вернувшійся къ Повитухину монахъ.

— По одной торговлѣ дѣла дѣлаемъ и ведемъ ихъ дружно...

— Ну, это — другая статья. Давно бы такъ сказалъ. Да для чего же ты хотѣлъ видѣть Авеля? уже ласково спросилъ отецъ Аѳанасій.

— Да насчетъ сновъ: совсѣмъ измучили меня, окаяннаго, тихо проговорилъ Повитухинъ.

— Да ты, милый человѣкъ, не запиваешь ли?.. спросилъ Аѳанасій.

— Какъ не запивать, самодовольно ухмыляясь, отвѣчалъ Повитухинъ:—всяко бываетъ; да дѣло то въ томъ, что, почитай, больше мѣсяца капли хмѣльнаго въ ротъ не беру, а вѣдь, поди же, преподобный отче, все тѣ же самые сны являются.

— Да что-жъ тебѣ снится? спросилъ монахъ, придавая лицу своему выраженіе глубокомыслія.

— Только-что засыпать начну, какъ предстанетъ передо мною благочестивѣйшій нашъ государь Павелъ Петровичъ, да какъ взглянетъ на меня—такъ я весь и обомлѣю, обдастъ меня словно варомъ, и я со страху-то проснусь, а какой-то голосъ—кто его вѣдаетъ, чей онъ—словно вдунетъ мнѣ прямо въ ухо:—встань и иди! а куда идти—того не договоритъ. Вотъ и хотѣлъ я отъ отца Авеля освѣдомиться: куда же идти мнѣ? по торговому, аль по иному какому дѣлу? въ недоумѣніи растопыривъ руки, говорилъ купчина.

— Чуденъ твой сонъ... замѣтилъ отецъ Аѳанасій, покачивая головою:—да отца-то Авеля отъ насъ взяли по царскому указу, проговорилъ онъ шопотомъ:—а есть у насъ въ монастырѣ и другой снотолковникъ, не хуже, пожалуй, Авеля будетъ—отецъ Паисій, да только ни онъ, да и никто другой сна твоего толковать не возьмется. Приснись тебѣ, примѣромъ сказать, какой-нибудь угодникъ Божій или иностранный царь, или какой ни на есть вельможа, такъ ничего было бы—сонъ твой живо бы тебѣ истолковали, а о государѣ Павлѣ Петровичѣ—ни, ни, ни... Развѣ не знаешь, какой страхъ на всѣхъ теперь нагнали...

Знакомство монаха съ купчиною завязалось скоро. Оказалось, что они были почти-что земляки, отыскалось у нихъ нѣсколько общихъ знакомыхъ, пошла болтовня о томъ, о другомъ, и кончилось тѣмъ, что отецъ Аѳанасій пригласилъ къ себѣ въ келью Повитухина, обѣщаясь ему разсказать многое объ отцѣ Авелѣ. Заперевъ на щиколдку дверь кельи и выставивъ закусочку, отецъ Аѳанасій началъ свой разсказъ.

— Авель-то жилъ въ нашей обители недолго. Пришелъ онъ къ намъ невѣдомо отколѣ; говорилъ, будто «какое-то видѣніе вошло во внутренняя его и соединилось съ нимъ, якобы одинъ

человѣкъ, и направило его изъ валаамскаго монастыря по разнымъ монастырямъ и пустынямъ сказывать и проповѣдывать волю Божію и страшный судъ Господень». Странствовалъ онъ такъ девять лѣтъ и пришелъ къ намъ въ бабаевскій монастырь. У насъ справлялъ онъ послушаніе, какъ слѣдуетъ каждому монаху; ходилъ въ церковь и въ трапезу, пѣлъ и читалъ, а въ свободное время слагалъ книги?

— А что старикъ онъ уже древній? спросилъ Повитухинъ.

— Какое старикъ! И четырехъ десятковъ ему еще не будетъ. Вотъ онъ сталъ слагать у насъ книги, а настоятель-то нашъ, отецъ Савва, нужно тебѣ знать—человѣкъ строгій, неученый и книжнаго дѣла на смерть побаивается. Межъ тѣмъ, отецъ Авель написалъ книгу мудрую, премудрую и показалъ ее ученому у насъ монаху, отцу Аркадію. Тотъ прочелъ ее, да и боязно ему стало, такъ какъ онъ увидѣлъ, что въ книгѣ написано и о «царской фамиліи». Отецъ Аркадій и заявилъ настоятелю; тотъ собралъ братью на совѣтъ. Думали, думали, да и порѣшили—отправить отца Авеля, вмѣстѣ съ его книгою, въ Кострому, въ духовную консисторію. Въ консисторіи и ну его спрашивать:—отчего онъ взялъ писать? и взяли съ него сказку, что книга—его дѣло, и почему онъ принялся писать? и послали и сказку, и книгу къ высокопреосвященнѣйшему нашему архіепископу Павлу. Владыко приказалъ привести къ себѣ Авеля и только сказалъ ему:—сія твоя книга написана подъ смертною казнью и затѣмъ, не говоря ничего другого, приказалъ отправить и его, и книгу въ губернское правленіе...

— А въ книгѣ-то, что-жъ было написано? перебилъ съ сильнымъ любопытствомъ купчина.

— Постой, доскажу. Въ ту пору царствовала еще покойная государыня Екатерина Алексѣевна. Изъ губернскаго правленія

отправили Авеля къ губернатору. Тотъ какъ взглянулъ въ книгу, такъ и ахнулъ, потому что въ ней написаны были «царскія имена и царскіе секреты». Губернаторъ приказалъ отца Авеля засадить сейчасъ-же въ костромской острогъ, а потомъ отправилъ его съ прапорщикомъ и солдатомъ на почтовыхъ въ Питеръ.

— Поди, вѣдь, сколько всѣмъ хлопотъ понадѣлалъ, перебилъ Повитухинъ:—а что же въ книгѣ-то написано? съ усиленнытъ любопытствомъ снова спросилъ онъ.

— Постой, доскажу. Вотъ привезли отца Авеля въ Питеръ и представили генералу Самойлову, что тогда «командовалъ всѣмъ сенатомъ». Какъ онъ заглянулъ въ книгу, такъ весь и обмеръ.

— Да что же въ книгѣ-то было написано? снова спросилъ Повитухинъ, побуждаемый неудержимымъ любопытствомъ.

— Постой, скажу. Генералъ-то и не зналъ что ему дѣлать, какъ сказать государынѣ, а не сказать было нельзя. Межъ тѣмъ, въ книгѣ-то было написано: «яко-бы государыня, Вторая Екатерина, лишится скоро сей жизни, и смерть ей приключится скоропостижная и прочая таковая написано въ той книгѣ». Какъ привели Авеля къ генералу Самойлову, онъ заушилъ его трижды и крикнулъ: «какъ ты, злая глава, смѣлъ писать такіе титлы на земнаго бога!»

— Господи! Страхи-то какіе!.. бормоталъ, крестясь, купчина. Смерть земному богу предрекать вздумалъ!..

— Но Авель стоялъ предъ генераломъ «въ благости и весь въ божественныхъ дѣйствахъ» и только отвѣтилъ: „меня научилъ писать сію книгу Тотъ, Кто сотворилъ небо и землю и вся, яже въ нихъ“. Обозвалъ генералъ тогда Авеля «юродивымъ» и велѣлъ его взять подъ секретъ, а самъ сдѣлалъ до-

кладѣ государынѣ. Та спросила только, кто Авель и откуда? и затѣмъ приказала послать его въ шлюшенскую крѣпость, въ число секретныхъ арестантовъ, и повелѣла ему быть въ крѣпости до конца дней его. Случилось все это въ февралѣ и въ мартѣ 1796 года. Сидѣлъ онъ тамъ въ строгомъ послушаніи, какъ вдругъ государыня нежданно-негаданно Богу душу отдала. Царь наслѣдовалъ ей, согналъ съ мѣста прежняго сенатскаго начальника и посадилъ на должность его другого. Этотъ и отъискалъ книгу Авеля и показалъ государю, что въ книгѣ предреченъ былъ день кончины царицы. Государь, узнавъ обо всемъ, призвалъ къ себѣ Авеля и спросилъ, чего онъ желаетъ? а тотъ отвѣчалъ ему: такъ-то и такъ-то, ваше императорское величество, отъ юности желаніе мое быть монахомъ. Тогда государь приказалъ жить ему въ Невскомъ монастырѣ въ Петербургѣ, и жилъ Авель тамъ въ превеликомъ почетѣ, словно какой епархіальный владыка. Наши костромичи въ Невскомъ монастырѣ у него бывали и видѣли его во всей славѣ. Пожилъ, однако, онъ тамъ недолго и ушелъ на Валаамъ, гдѣ сложилъ новую книгу, подобную первой, и отдалъ ее тамошнему игумену, а въ книгѣ этой, заговорилъ чуть слышнымъ голосомъ Аѳанасій: —написано было, что государь Павелъ Петровичъ процарствуетъ только четыре съ чѣмъ-то года, значитъ, и весь вѣкъ его не дологъ будетъ. Какъ игуменъ это прочелъ, то позвалъ на совѣтъ братью и донесъ обо всемъ петербургскому митрополиту Гавріилу. Дошла вѣсть и до государя, и онъ приказалъ заключить Авеля въ Петропавловскую крѣпость, что среди Петербурга стоитъ...

— Поди-ты, какъ все это чудно! съ изумленіемъ и сильными вздохами, проговорилъ купчина. А еще что напророчествовалъ этотъ Авель? спросилъ онъ.

— Всего по разсказамъ не припомню. Запомнилъ только,

будто онъ предсказалъ: что лѣтъ, кажись, черезъ четырнадцать «какой-то западный царь, не бывалаго еще имени, плѣнитъ многіе россійскіе грады и возьметъ первопрестольную Москву и истребитъ ее огнемъ и жупеломъ»... *).

— Что ты, отецъ Аѳанасій! Неужъ-то и сіе сбудется? Вѣдь, почитай, что тогда всѣ торговыя дѣла пропадутъ; кто же изъ нашего брата купечества ихъ на Москвѣ не ведетъ! съ ужасомъ заговорилъ Повитухинъ.

— Книга-то отца Авеля больно мудра, на совѣтѣ у отца настоятеля мы ее всѣ видѣли, круги какіе-то изображены; изображена также и земля, и мѣсяцъ, и твердь, и звѣзды... Мало что и въ толкъ возьмешь. А въ книгѣ-то говорится, будто бы земля сотворена изъ «дебелыхъ вещей», а солнце—«изъ самого сущаго существа» и что звѣзды не меньше луны, у которой одинъ бокъ свѣтлый, а другой—темный...

— Эки диковинки! проговорилъ Повитухинъ, слушая отца Аѳанасія:—вѣдь, кажись, и весь-то міръ изъ ничего произведенъ, какія же тутъ дебелыя вещи прилучились?

— Ныньче—все диковинки, Власъ Петровичъ, отъ всего идутъ отступленія. Слышалъ ты, статься можетъ, какая небывальщина теперь въ Питерѣ заводится...

— Нѣтъ, не слыхалъ... А что?..

— Да поговариваютъ, что около царя такіе монахи будутъ, которые, въ то же самое время, и офицерами, и генералами служить обяжутся и на войну станутъ ходить при пушкахъ...

— Ой ли?.. Статочное ли это дѣло? вскрикнулъ въ изумленіи

---

*) Въ книгѣ Авеля, дѣйствительно, находится это предсказаніе. Есть также извѣстіе, будто Авель предсказалъ время кончины императора Александра Павловича и происшедшую послѣ этого смуту.

купчина. Да этакъ, чего добраго, и тебѣ, отче, самопалъ въ руки дадутъ, да на войну отправятъ, заливаясь отъ хохота, трунилъ подвеселѣвшій уже Повитухинъ.

— Не больно, братъ, подсмѣивайся надъ чернецами; вѣдь, и твой-то сонъ не къ добру; смотри, какъ попадешь въ солдаты, тебѣ и скомандуютъ: иди!.. а куда не скажутъ...

— Нынѣ все статься можетъ, уже боязливо замѣтилъ оторопѣвшій купчина.—Какъ послушаешь, что толкуютъ пріѣзжіе изъ Питера, такъ просто уши затыкать приходится; грозное наступило время: до всѣхъ, кажись, по очереди добраться хотятъ. Бѣда, да и только...

— То-то и есть, замѣтилъ Аѳанасій:—да и про войну въ народѣ недобрые слухи ходятъ; баятъ, что съ цѣлымъ свѣтомъ за какой-то святой островъ воевать станемъ, что будто бы... и церковь православ...

— Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! . заговорилъ вдругъ за дверью писклявый голосъ.

— Аминь! отозвался вздрогнувшій Аѳанасій, отмыкая задвижку и заглядывая за дверь.

— Тебя отецъ настоятель къ себѣ кличетъ, въ разъ ступай!.. Кажись, надъ тобой сыскъ учинить хотятъ... скороговоркою промолвилъ послушникъ.

Аѳанасій замѣтно струсилъ и, надѣвъ поскорѣе рясу и клобукъ, бѣгомъ побѣжалъ изъ кельи, не распростившись даже съ гостемъ.

«Ужъ не подслушалъ ли кто насъ»? съ ужасомъ подумалъ Повитухинъ и, забравъ шапку, выбрался поскорѣе изъ кельи за монастырскія ворота, взобрался живо на повозку и повернулъ лошадокъ на ярославскую дорогу...

— Ой, ой! Страшныя времена наступили, бормоталъ По-

витухинъ, сидя въ повозкѣ. Куда какъ не къ дѣлу помѣшалъ келейникъ. Хотѣлъ я, было, спросить отца Аѳанасія, правда ли, что государь сбирался служить обѣдню, да митрополитъ Платонъ отговорилъ его, указавъ на то, что онъ, какъ вдовецъ, появшій вторую супругу, священнодѣйствовать не можетъ. Отецъ Аѳанасій долженъ знать досконально объ этомъ,—размышлялъ Повитухинъ.

Въ народѣ дѣйствительно ходилъ такой слухъ и поводомъ къ нему послужило слѣдующее обстоятельство. Когда Грузія вступила въ русское подданство, то съ извѣщеніемъ объ этомъ должны были пріѣхать оттуда депутаты, и Павелъ Петровичъ намѣренъ былъ, при торжественномъ ихъ пріемѣ, явиться въ одѣяніи грузинскихъ царей, которое состояло изъ такъ называемаго «далматика», спитаго изъ парчи и по покрою совершенно сходнаго съ архіерейскимъ сакосомъ. Такая одежда была заказана для императора и это возбудило толки о томъ, что онъ будетъ служить обѣдню въ архіерейскомъ облаченіи. Странности же и причуды государя придавали правдоподобіе этимъ толкамъ.

XXIV.

Съ горячимъ и неустаннымъ ревнiемъ поддерживали iезуиты безграничную власть папы въ католической церкви противъ власти мѣстныхъ епископовъ. Они дѣлали это изъ своихъ собственныхъ видовъ: папа, жившiй въ Римѣ, не былъ для нихъ такъ опасенъ, какъ епископы, усиливавшiеся подчинить себѣ общество iезуитовъ наравнѣ со всѣми монашескими орденами. Такимъ стремленiемъ отличался въ особенности митрополитъ римско-католическихъ церквей въ Россiи, Станиславъ Сестренцевичъ. Онъ всячески гнулъ iезуитовъ, насколько у него хватало силы, и если порою отношенiя его къ нимъ принимали миролюбивый характеръ, то онъ допускалъ это только въ силу крайней необходимости. Онъ слишкомъ хорошо зналъ послѣдователей Лойолы; ясно понималъ ихъ зловредные замыслы и, потому, не могъ никогда искренно сблизиться съ ними; зато же и они не жаловали его, стараясь всѣми способами низвергнуть враждовавшаго съ ними прелата.

Iезуиты были слишкомъ сильны: они всюду имѣли своихъ агентовъ, всюду умѣли закинуть свои сѣти и потому борьба съ ними представлялась дѣломъ чрезвычайно-труднымъ и опаснымъ.

Когда, въ 1770 году, было сдѣлано покушеніе на жизнь короля Станислава Понятовскаго, Сестренцевичъ, бывшій въ ту пору виленскимъ суффраганомъ, не затруднился выступить на церковной каѳедрѣ съ сильною обличительною рѣчью противъ своеволія и бурливости своихъ соотечественниковъ, не щадя при этомъ могущественныхъ магнатовъ. Рѣчь молодого епископа была какъ бы политическою его исповѣдью и обратила на него вниманіе императрицы Екатерины II, поставившей его, вскорѣ послѣ присоединенія Бѣлоруссіи къ Россіи, во главѣ католической церкви въ имперіи.

Пріѣзжая въ Петербургъ, епископъ представлялся обыкновенно великому князю Павлу Петровичу, который чрезвычайно полюбилъ прелата, умѣвшаго толково поговорить и о выправкѣ нижняго военнаго чина, и о пригонкѣ аммуниціи, и объ іерархическомъ устройствѣ духовенства, и о разныхъ важныхъ предметахъ, а также и о мелочахъ обыденной жизни. Расположеніе наслѣдника престола къ Сестренцевичу дошло до того что, когда однажды этотъ послѣдній, въ бытность свою въ Гатчинѣ, вдругъ сильно захворалъ, то Павелъ Петровичъ не только заботился о немъ, но почти каждый день самъ навѣщалъ больнаго. Обстоятельство это еще болѣе сблизило ихъ. Въ разговорахъ своихъ съ Павломъ, епископъ выказывалъ свои убѣжденія, сводившіяся къ тому, что онъ послушаніе государю ставитъ своею первою обязанностію. При этомъ, онъ говорилъ о необходимости строгаго подчиненія духовенства епископской власти и полагалъ возможнымъ, въ виду того, что въ присоединенныхъ отъ Польши областяхъ значительная часть населенія были католики, образовать въ Россіи независимую отъ папы католическую церковь, представитель которой пользовался бы такою же самостоятельностью, какою, напримѣръ, пользовался

португальскій патріархъ, или же, въ замѣнъ единоличной власти епископа, учредить католическій синодъ, который и управлялъ бы въ Россіи римскою церковью.

Вступивъ на престолъ, Павелъ Петровичъ нетолько не забылъ Сестренцевича, но и приблизилъ его къ своей особѣ. Государю нравилось отсутствіе въ немъ ханжества и лицемѣрія, и императоръ былъ чрезвычайно доволенъ, когда сановитый прелатъ, облеченный въ кардинальскій пурпуръ, являлся на придворные балы среди блестящихъ кавалеровъ и пышно разодѣтыхъ дамъ. Часто случалось, что императоръ на балу подолгу бесѣдовалъ съ митрополитомъ, разговаривая съ нимъ по латыни, и ласково подсмѣивался надъ нимъ, замѣчая ему о томъ соблазнѣ, какой онъ производитъ въ паствѣ своимъ появленіемъ среди танцующихъ. Митрополитъ отшучивался въ свою очередь, отвѣчая, между прочимъ, что онъ не находитъ ничего предосудительнаго бывать въ томъ обществѣ, гдѣ встрѣчаетъ въ лицѣ хозяина помазанника божьяго. Вообще, въ первое время царствованія Павла Петровича отношенія къ нему государя отличались постояннымъ вниманіемъ и чрезвычайною благосклонностію.

Ошибочно было бы, однако, полагаться на прочность и продолжительность такихъ отношеній. Одна какая-нибудь случайность, одинъ ловко сдѣланный наговоръ могли не только измѣнить, но и совершенно ихъ уничтожить. Между тѣмъ для выставки предъ государемъ Сестренцевича въ неблагопріятномъ для него свѣтѣ, можно было найти много поводовъ не только по дѣламъ церковнымъ, но и по дѣламъ политическимъ.

Покровительство, оказанное императоромъ мальтійскому ордену, грозило измѣнить прежнія отношенія. Сестренцевичъ зналъ, что орденъ наводненъ былъ іезуитами; ему было извѣстно, что послѣ секуляризаціи общества Іисуса въ Баваріи, самыя отбор-

ныя силы этого общества вступили въ число мальтійскихъ рыцарей, среди которыхъ и безъ нихъ было уже немало тайныхъ іезуитовъ, а этого было вполнѣ достаточно, чтобы возбудить нерасположеніе и недовѣріе епископа къ державному ордену. Когда распространился въ Петербургѣ слухъ о намѣреніи графа Литта, женившись на Скавронской, остаться, съ разрѣшенія папы, въ мальтійскомъ орденѣ, то Сестренцевичъ заговорилъ противъ правильности такого разрѣшенія и тѣмъ самымъ навлекалъ на себя негодованіе патера Грубера, орудовавшаго этимъ дѣломъ. Впрочемъ, и независимо отъ того, война между прелатомъ и іезуитомъ велась весьма дѣятельно, и лица, знавшія объ ихъ взаимной неприязни, задавались вопросомъ, кто кого изъ нихъ одолѣетъ? Императору была очень хорошо извѣстна эта непріязнь, и онъ пытался помирить ихъ. Миръ былъ заключенъ въ Гатчинѣ только для вида по волѣ государя, а съ своей стороны іезуитъ продолжалъ по прежнему подводить подкопы подъ митрополита.

Началось съ того, что Груберъ и его партія, въ составѣ которой было не мало приближенныхъ къ государю лицъ, старались выставить Сестренцевича до того забывшимся въ упоеніи своей духовной власти, что онъ осмѣливается не подчиняться повелѣніямъ и указамъ императора. Достаточно было представить относительно этого лишь какія нибудь, хотя весьма слабыя доказательства, чтобы окончательно погубить прелата, но такихъ доказательствъ не находилось, и обвиненіе Сестренцевича по этой статьѣ ограничилось лишь смѣлыми голословными навѣтами, которые уничтожались въ глазахъ государя безпрекословнымъ повиновеніемъ прелата. Тогда іезуитская партія задумала уронить его достоинство и лично наносимыми ему оскорбленіями побудить его къ подачѣ государю просьбы объ увольненіи. Сестренцевичъ умѣлъ, однако, своею твердостію сдерживать подобнаго

рода попытки, и тогда непріятели его стали ловить каждое его слово и стараться всякое его разумное и основательное распоряженіе выставлять протестомъ противъ воли государя. Они пользовались его частною и даже дружескою перепискою, отыскивая въ ней поводы къ обвиненію митрополита, запутывали его въ дѣла, въ которыхъ онъ не принималъ никакого участія, лгали, клеветали на него и, чтобъ выразить ему свое неуваженіе и пренебреженіе къ его епископской власти, не приводили въ исполненіе дѣлаемыхъ имъ по митрополіи распоряженій.

Послѣ долгихъ, но тщетныхъ стараній, іезуитской партіи удалось, наконецъ, нанести сильный ударъ своему противнику. Майоръ д'Анзасъ просилъ прямо императора о разрѣшеніи ему вступить въ бракъ съ родною сестрою его покойной жены. Государь непосредственно отъ себя разрѣшилъ эту просьбу, написавъ, между прочимъ, въ своей резолюціи: «отнынѣ я самъ буду разрѣшать браки въ непозволенныхъ закономъ степеняхъ родства». Іезуитская партія воспользовалась такою резолюціею государя и начала осыпать митрополита укорами за то, что онъ своею податливостью допустилъ такое небывалое вмѣшательство свѣтской власти въ дѣла, подлежащія исключительно вѣдѣнію церкви. Сестренцевичъ, поставленный въ крайне непріятное положеніе, обратился за совѣтомъ къ князю Куракину, который, будучи настроенъ іезуитами, посовѣтовалъ митрополиту протестовать противъ резолюціи, сославшись на то, что всѣ епископы оскорблены ею. Сестренцевичу грозила уже страшная опала, но одинъ случай не только предотвратилъ ее, но и доставилъ ему снова чрезвычайное благоволеніе государя.

Въ это время умеръ герцогъ Виртембергскій, отецъ императрицы Маріи Ѳеодоровны. Герцогъ былъ католическаго вѣроисповѣданія, и Сестренцевичъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы во

всѣхъ католическихъ церквахъ была отслужена по немъ заупокойная обѣдня, а самъ по этому случаю произнесъ въ церкви на нѣмецкомъ языкѣ трогательную рѣчь. Какъ только Павелъ Петровичъ узналъ объ этомъ, тотчасъ же потребовалъ митрополита къ себѣ и, выразивъ ему признательность за его образъ дѣйствій, подарилъ ему богатое облаченіе и наперсный крестъ, осыпанный брильянтами и, вдобавокъ къ этому, надѣлъ на него александровскій орденъ. Іезуиты отступили нѣсколько назадъ, но прежнія ихъ подпольныя интриги не унялись. На сверженіе митрополита они смотрѣли какъ на такое обстоятельство, которое дастъ имъ возможность утвердиться прочно при дворѣ и установить свое вліяніе не только на католическую церковь въ Россіи, но отчасти и на всѣ какъ внутреннія, такъ и внѣшнія государственныя дѣла. Іезуитская работа шла теперь во дворцѣ русскаго государя съ такою дѣятельностію, которая была бы умѣстна развѣ въ Эскуріалѣ во время Филиппа II, а мальтійскіе рыцари, которые составляли силу въ высшемъ русскомъ обществѣ, были дѣятельными пособниками іезуитовъ.

Недолго, однако, митрополитъ пользовался спокойствіемъ. Іезуиты снова начали тревожить его, а въ расположеніи къ нему императора, быстро переходившаго отъ довѣрія къ подозрительности, отъ привязанности къ ожесточенности, начало появляться замѣтное колебаніе. Вскорѣ они успѣли довести дѣло до того, что, по доносу нѣсколькихъ бѣлорусскихъ монаховъ на самовластіе Сестренцевича, императоръ назначилъ надъ нимъ слѣдствіе, уронившее митрополита въ глазахъ всего духовенства и придавшее врагамъ его особенную смѣлость. Сестренцевичъ, однако, уцѣлѣлъ и на этотъ разъ...

Іезуиты не угомонились и рѣшились нанести митрополиту новый ударъ.

Сестренцевичъ, съ согласія императора, удалилъ съ каѳедры епископа Дембовскаго, который, жалуясь на начальническій произволъ митрополита, обратился, по внушенію іезуитовъ, къ покровительству папскаго нунція Лоренцо Литта. Нунцій съ жаромъ вступился за удаленнаго епископа, требуя, чрезъ князя Безбородка, возстановленія Дембовскаго въ его епархіи. Тщетно митрополитъ убѣждалъ нунція не вмѣшиваться въ это дѣло, ссылаясь на то, что на удаленіе епископа послѣдовало согласіе самого государя. Нунцій не унимался и отправилъ къ канцлеру рѣзкую ноту. Императоръ вышелъ изъ себя и расправился съ нунціемъ по-своему. Онъ приказалъ оставить ноту Литты безъ отвѣта и послалъ князя Лопухина извѣстить нунція, что его эминенціи запрещенъ пріѣздъ ко двору. Не успѣлъ еще Литта оправиться отъ этого удара, нанесеннаго его самолюбію, какъ послѣдовалъ на имя генералъ-прокурора Беклешева слѣдующій указъ: «Нашедъ ненужнымъ постоянное пребываніе папскаго посла при дворѣ Нашемъ, а еще менѣе правленіе его католическою церковью, повелѣваемъ папскому нунцію Воиттѣ, архіепископу ѳивскому, оставить владѣнія наши». Вслѣдствіе этого указа, Литта долженъ былъ выѣхать изъ Петербурга въ двадцать четыре часа. Императоръ, для объясненія папѣ такой крутой мѣры съ представителемъ апостольской власти, приказалъ Сестренцевичу написать письмо и отправить его къ находившемуся въ то время въ Италіи фельдмаршалу Суворову, который долженъ были вручить это письмо лично папѣ.

Такое порученіе, данное русскому полководцу, имѣло въ глазахъ императора особенное значеніе. Суворовъ долженъ былъ возстановить въ Италіи и духовную и свѣтскую власть папы, вытѣснивъ оттуда «безбожныхъ» французовъ. Такимъ образомъ онъ являлся поборникомъ католицизма и папа не могъ иначе,

какъ только благосклонно отнестись къ такому лицу и снисходительно взглянуть на тяжкое оскорбленіе, нанесенное въ Петербургѣ представителю папскаго престола.

Высылка нунція сильно поразила іезуитскую партію, но при этомъ гнѣвъ государя не коснулся вовсе брата нунція Джуліо Литты, а патеръ Груберъ оставался у императора въ прежней милости и началъ занимать его пылкое воображеніе проектомъ о соединеніи церквей восточной и западной, указывая при этомъ на католичество подъ главенствомъ папы, какъ на непреодолимый оплотъ монархической власти противъ всякихъ революціонныхъ попытокъ. Между тѣмъ, Сестренцевичъ велъ дѣло совершенно въ иномъ направленіи, думая придать полную самостоятельность католической церкви въ Россіи, подъ властію мѣстнаго епископа, и заявлялъ, что «папская власть надъ всѣмъ католическимъ міромъ обязана своимъ происхожденіемъ только крайнему и глубокому невѣжеству среднихъ вѣковъ, когда многіе изъ латинскихъ епископовъ не умѣли даже писать».

XXV.

При Павлѣ Петровичѣ, Петербургъ во многихъ отношеніяхъ представлялся совершенно инымъ городомъ въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ царствованіе Екатерины. Хотя, въ послѣдніе годы своей жизни, императрица начала стараться о томъ, чтобъ искоренить у себя въ государствѣ духъ свободомыслія и вольнодумства, но клонившіяся къ этому мѣры не проглядывали вовсе во внѣшней жизни столицы. Въ Петербургѣ, какъ казалось, все шло по старому, и городъ не имѣлъ того вида, какой онъ получилъ при Павлѣ Петровичѣ. При императрицѣ, дисциплина въ гвардейскихъ полкахъ соблюдалась очень слабо: изнѣженные гвардейскіе офицеры въ ея времена не носили внѣ службы мундировъ. Они являлись на улицахъ лѣтомъ во французскихъ кафтанахъ, а въ зимнее время, съ муфтами въ рукахъ, разъѣзжая въ каретахъ. Какъ они, такъ и вообще всѣ тогдашніе петербургскіе щеголи внимательно слѣдили за парижскими модами, а когда, подъ вліяніемъ французской революціи, были выведены изъ употребленія прежніе костюмы, то и въ Петербургѣ оставили пудру и стали носить фраки и круглыя шляпы, шнурованные сапожки, суковатыя палки и огромнѣйшія кисейныя жабо, такъ

что смиренные петербургскіе горожане усвоили себѣ подобіе свирѣпыхъ и отчаянныхъ французскихъ революціонеровъ.

Со вступленіемъ на престолъ Павла Петровича, во всемъ этомъ произошла быстрая и рѣзкая перемѣна. Онъ повелѣлъ офицерамъ являться всюду въ нововведенныхъ имъ мундирахъ на прусскій образецъ и запретилъ имъ ѣздить по городу иначе, какъ только: лѣтомъ въ дрожкахъ, а зимою—въ одноконныхъ саняхъ. Впрочемъ, въ отношеніи одежды подошли подъ строгія требованія государя не одни только военнослужащіе, но и вообще все мужское населеніе Петербурга. Такъ, въ январѣ 1798 года, было объявлено отъ полиціи, чтобъ «торгующіе фраками, жилетами, стянутыми шнурками и съ отворотами сапогами или башмаками съ лентами, ихъ отнюдь не продавали, подъ опасеніемъ жестокаго наказанія». Вмѣстѣ съ этою угрозою, для того, чтобъ вѣрнѣе обезпечить сдѣланное по городу распоряженіе приказано было: «всѣ упомянутыя вещи, находящіяся у торговцевъ, представить въ полицію». Вдобавокъ къ этому, полицейскіе мушкетеры стали ходить по улицамъ съ палками и ими сшибали круглыя шляпы съ тѣхъ дерзновенныхъ, которые, послѣ такого запрета, отваживались показываться въ недозволенномъ головномъ уборѣ. Дозволено было носить только «нѣмецкое платье съ одинаковымъ стоячимъ воротникомъ»; запрещены были «всякаго рода жилеты», а разрѣшены были только «нѣмецкіе камзолы»; предписывалось не носить «башмаковъ съ лентами, а только съ пряжками»; не дозволялось «увертыватъ шею безмѣрно платками, галстухами и косынками, но повязывать оныя приличнымъ образомъ, безъ излишней толстоты». Видъ тогдашнихъ большихъ жабо, вошедшихъ въ моду, которыя Павелъ Петровичъ называлъ «хомутинами», приводилъ его въ страшный гнѣвъ. Приказано было также, чтобъ, «никто тупеевъ, опущенныхъ на лобъ, не

имѣлъ». Всѣ офицеры, гражданскіе чины, дворяне и люди, носящіе нѣмецкое платье, обязаны были пудриться. Вообще, Павелъ Петровичъ терпѣть не могъ модныхъ французскихъ нарядовъ и говорилъ, что терпитъ въ Петербургѣ семь модныхъ французскихъ магазиновъ только по числу семи смертныхъ грѣховъ.

Требованія императора не ограничивались только этимъ.

Извѣстно, что Петръ I запретилъ при встрѣчѣ съ нимъ падать ницъ на землю, объявивъ, что такое поклоненіе подобаетъ воздавать единому только Богу. Императоръ Павелъ, хотя и не возстановилъ стариннаго поклоненія, но потребовалъ изъявленія знаковъ особаго уваженія къ его особѣ. При представленіи ему, слѣдовало не просто стать на колѣно, но стукнуть при этомъ колѣномъ объ полъ, такъ сильно, какъ будто ружейнымъ прикладомъ. Поданную государемъ руку слѣдовало цѣловать такъ громко, чтобы чмоканье было слышно на всю залу. Несоблюденіе этого правила нерѣдко навлекало его опалу. На улицахъ нетолько мужчины, но и дамы, встрѣчавшіяся съ нимъ, должны были, несмотря на дождь, снѣгъ, слякоть и грязь, выходить изъ экипажей, причемъ дамы, изъ страха, дѣлали ему глубокій реверансъ, остановившись среди улицы, хотя имъ, въ видѣ снисхожденія, и, дозволено было исполнять это на подножкѣ кареты. Отъ такой обязанности не была освобождена и императрица, которой, впрочемъ, августѣйшій супругъ оказывалъ то особенное вниманіе, что, въ отвѣтъ на отданную ему императрицею почесть, сходилъ съ коня или высаживался изъ экипажа и подавалъ ей руку, чтобъ помочь ея величеству сѣсть опять въ карету или въ сани. Полиція бдительно слѣдила за каждымъ выѣздомъ государя изъ дворца, полицейскіе конные драгуны скакали, а пѣшіе мушкетеры бѣжали во всю прыть, приказывая встрѣчнымъ на пути снимать нетолько шляпы, но перчатки, и рукавицы. Мимо дворца госу-

дарева позволялось проходить не иначе, какъ снявъ шляпы, а гулявшіе въ Лѣтнемъ Саду, считавшемся дворцовымъ, должны были, во все время прогулки ходить съ непокрытыми головами. Слѣдить за обязанностью петербургскихъ жителей—отдавать государю на улицахъ почесть, сдѣлалось еще затруднительнѣе, когда Павелъ Петровичъ, такъ сказать, раздвоилъ свою особу на личность императора и на личность великаго магистра. Если государь появлялся на улицѣ въ сопровожденіи свиты или прислуги одѣтой въ красный цвѣтъ—цвѣтъ мальтійскаго ордена, то онъ почитался какъ бы только великимъ магистромъ, и тогда никто не долженъ былъ замѣчать его присутствія въ столицѣ, а мчавшіеся и пѣшіе, и конно-полицейскіе чины, въ противность обыкновенному порядку, то грозно кричали встрѣчнымъ, то убѣдительно просили ихъ, чтобъ они не снимали шляпъ при проѣздѣ императора.

Понятно, что, при такихъ условіяхъ, улицы Петербурга бывали большею частью пусты, всѣ избѣгали встрѣчи, которая могла навлечь страшныя непріятности, а однажды, въ теченіи нѣсколькихъ дней, въ Петербургѣ почти вовсе не показывалось экипажей. Какъ-то въ присутствіи генералъ-губернатора Архарова, императоръ, взглянувъ въ окно, увидѣлъ экипажъ съ лошадьми въ нѣмецкой упряжѣ. Государь похвалилъ эту упряжь, и въ тотъ же день вышло распоряженіе, чтобы всѣ жители столицы завели нѣмецкую упряжь, такъ какъ съ 1-го сентября 1798 года никому не позволено будетъ «ѣздить по городу въ дрожкахъ, а также цугами въ хомутахъ».

Случались и другія еще внѣшнія преобразованія въ Петербургѣ. Такъ, напримѣръ, запрещено было имѣть на магазинахъ и лавкахъ вывѣски на французскомъ языкѣ, а вслѣдъ затѣмъ не дозволено было называть торговыя заведенія магазинами, въ

виду того, что только правительство можетъ имѣть магазины провіантскіе и коммиссаріатскіе. Частныя постройки въ Петербургѣ чрезвычайно замедлялись въ царствованіе Павла Петровича, такъ какъ, вслѣдствіе желанія его окончить сколь возможно скорѣе постройку михайловскаго замка, не дозволено было продавать кирпичъ никуда, какъ только для этой постройки.

При Павлѣ Петровичѣ, Петербургъ начиналъ принимать видъ военнаго города: на тогдашнихъ его окраинахъ дѣятельно строились казармы и кордегардіи, расчищались поляны для обученія войскъ, по улицамъ безпресганно проходили то полки, то отряды, то караулы, то патрули, и въ разныхъ мѣстахъ столицы, въ теченіе цѣлаго дня, слышались и пальба и барабанный бой, подъ который экзерцировались гренадеры и мушкетеры. На ночь петербургскія улицы, какъ было въ стародавнее время, запирались рогатками, при которыхъ выставлялись военные караулы. Къ 11-ти часамъ ночи все было тихо: огни всюду были погашены, и, судя по всей обстановкѣ, можно было подумать, что Петербургъ состоялъ на военномъ положеніи.

Общественная жизнь въ Петербургѣ совершенно измѣнилась противъ прежняго: не было даже здѣсь нетолько блестящихъ баловъ и шумныхъ празднествъ, какія еще недавно задавали екатерининскіе вельможи, но и вообще были прекращены всѣ многолюдныя увеселенія и даже такія же домашнія собранія. Полиція зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы въ частныхъ домахъ не было никакихъ сборищъ, и вмѣшательство ея въ общественныя увеселенія дошло даже до того, что запрещено было «вальсовать или употреблять танцы, которые назывались вальсеномъ».

Несмотря, однако, на бдительность и строгость полиціи, по разсказамъ одного иностранца, жившаго въ Петербургѣ въ царствованіе Павла Петровича, господствовало здѣсь бѣшеное весе-

ліе. Пріѣзжавшіе на вечеръ гости отпускали домой свои экипажи, а шторы съ двойной темной подкладкой мѣшали видѣть съ улицы освѣщеніе комнатъ, гдѣ нетолько танцовали до упаду, между прочимъ, и «вальсенъ», но и велись рѣчи самыя свободныя, и произносились сужденія самыя рѣзкія. Не всегда, впрочемъ, все это сходило счастливо съ рукъ и танцующимъ и болтающимъ. Очень часто, на другой день послѣ тайнаго пира, во дворъ гостепріимнаго хозяина вкатывала тройка съ полицейскимъ офицеромъ, приглашавшимъ его отправиться въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя. Такой же невольный вояжъ приходился нерѣдко и на долю его неосторожныхъ гостей. Вообще, высылка изъ Петербурга была одною изъ наибольше практиковавшихся какъ предупредительныхъ, такъ и карательныхъ мѣръ при Павлѣ Петровичѣ. Высылались и царедворцы, и сановники, и генералы. Такъ, однажды санктпетербургскому оберъ-коменданту барону Аракчееву была прислана слѣдующая собственноручная записка государя: «посовѣтуйте бывшему оберъ-гофмейстеру графу Румянцеву, чтобъ онъ, не заживаясь въ Петербургѣ, поѣхалъ въ другое какое мѣсто». Спустя послѣ этого нѣкоторое время, санктпетербургскій генералъ-губернаторъ графъ Паленъ получилъ отъ государя для немедленнаго объявленія и таковаго же исполненія слѣдующій указъ: «княгинѣ Щербатовой, по извѣстному приключенію, отказать пріѣздъ ко двору, выслать ее изъ Петербурга и, въ примѣръ другимъ, воспретить въѣздъ въ столицы и мѣста моего пребыванія».

Второму с.-петербургскому генералъ-губернатору было не мало хлопотъ по высылкѣ разныхъ лицъ изъ Петербурга, особенно въ послѣднее время царствованія Павла Петровича, когда должность эту занималъ графъ Алексѣй Петровичъ Паленъ.

18-го марта 1799 года, государь, возвратившись домой съ обычной передъ-обѣденной прогулки, потребовалъ, чтобъ Паленъ немедленно явился къ нему. Паленъ во всю прыть понесся во дворецъ, окруженный, по тогдашнему обычаю, верховыми адъютантами и конными полицейскими драгунами. Разговоръ императора съ генералъ-губернаторомъ былъ очень непродолжителенъ. Паленъ вышелъ изъ его кабинета съ озабоченнымъ видомъ и, спустившись съ лѣстницы въ сѣни, сказалъ поджидавшему его тамъ адъютанту.

— Поѣзжай сейчасъ къ графу Литтѣ и доложи его сіятельству... Паленъ нѣсколько призамялся, какъ будто соображая что-то:—доложи его сіятельству, что я имѣю безотлагательную надобность его видѣть; да, чтобы не встревожилась графиня, добавь, какъ будто отъ себя, что нужно мнѣ свидѣться съ его сіятельствомъ не почему иному, какъ только по мальтійскимъ дѣламъ. Понимаешь?..

— Понимаю, ваше сіятельство! — отрапортовалъ вытянувшійся въ струнку адъютантъ и, вскочивъ на лошадь, поскакалъ къ «поручику» или намѣстнику великаго магистра мальтійскаго ордена, графу Литтѣ.

Спустя нѣсколько времени, Литта, совершенно спокойный, входилъ въ кабинетъ генералъ-губернатора.

— Вы, ваше сіятельство, сказалъ ему послѣ взаимныхъ привѣтствій по-французски Паленъ: — не получали еще отъ графа Ростопчина никакой бумаги?

— Нѣтъ еще, отвѣчалъ Литта.

При этомъ отвѣтѣ по губамъ Палена пробѣжала какая-то странная улыбка.

— А не позволите-ли, любезный графъ, поподчивать васъ стаканомъ лафита: — я на этихъ дняхъ получилъ превосходное

вино, проговорилъ скороговоркою генералъ-губернаторъ, направляясь къ двери, какъ будто для того, чтобъ сдѣлать распоряженіе объ угощеніи Литты.

Услышавъ это предложеніе, Литта вздрогнулъ; нервная дрожь подернула мускулы его лица.

— Неужели дѣло дошло до этого?.. проговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ, съ изумленіемъ глядя на Палена.

— Къ сожалѣнію!.. отозвался Паленъ, съ выраженіемъ безнадежности пожавъ плечами.

— А сколько сроку? спросилъ оправившійся Литта.

— Четыре часа, коротко отрѣзалъ Паленъ.

— Бѣдная моя жена!.. въ отчаяніи вскрикнулъ Литта, закрывъ глаза руками. — Такое неожиданное несчастье поразитъ ее.

— По этому-то я, сказалъ съ большою любезностью Паленъ: — и постарался выманить васъ поскорѣе къ себѣ, т. е. сдѣлать такъ, чтобъ графиня не знала ничего. Я не пріѣхалъ къ вашему сіятельству, потому что очень хорошо знаю, какую тревогу производитъ появленіе мое въ чьемъ-нибудь домѣ; мнѣ извѣстно, что я не считаюсь отраднымъ вѣстникомъ...

— Благодарю васъ за вниманіе, проговорилъ Литта.—Но неужели нельзя измѣнить этого рѣшенія? Неужели нельзя выпросить хоть какой-нибудь отсрочки?..

— Не думаю, холодно отвѣтилъ Паленъ и, взявъ за руку Литту, подвелъ его къ окну кабинета, выходившему во дворъ.

— Вотъ видите, графъ, сказалъ Паленъ, указывая Литтѣ на стоявшія во дворѣ, по случаю распутицы, и зимнія кибитки, и лѣтнія тележки:—здѣсь шесть тѣлежекъ и столько-же кибитокъ, и я самъ не знаю, перемѣнятся ли запряженныя въ нихъ лошади до того времени, когда мнѣ самому придется

прокатиться на одной изъ нихъ. Теперь я высылаю на нихъ другихъ, а, быть можетъ, черезъ нѣсколько часовъ и самъ усядусь въ одну изъ нихъ. У каждаго изъ насъ есть никому невѣдомый роковой чередъ...

— Это, однако, нисколько неутѣшительно, съ замѣтнымъ раздраженіемъ проговорилъ Литта.

— Разумѣется, отвѣчалъ хладнокровно Паленъ, и уперевъ въ Литту свои умные и проницательные глаза, насмѣшливо добавилъ:—впрочемъ не сами ли вы, графъ, всегда повторяли, что безусловное повиновеніе—первая добродѣтель мальтійскаго рыцаря; вотъ теперь вамъ и предстоитъ случай выказать на дѣлѣ эту добродѣтель, исполнивъ безотлагательно волю великаго магистра и императора и не ставя меня въ печальную необходимость...

— О, будьте увѣрены, ваше сіятельство, что я не доведу васъ ни до малѣйшей непріятности, сказалъ твердымъ и громкимъ голосомъ Литта и, дружески простившись съ генералъ-губернаторомъ, вышелъ изъ его кабинета.

Чѣмъ спокойнѣе входилъ туда Литта, тѣмъ сильнѣе должно было его озадачить приглашеніе Палена—выпить лафиту. Всему Петербургу былъ извѣстенъ настоящій смыслъ такого подчиванія, такъ какъ оно, во избѣжаніе подготовительныхъ объясненій, дѣлалось со стороны генералъ-губернатора тѣмъ, кому онъ долженъ былъ объявить высочайшее повелѣніе о выѣздѣ изъ столицы.

Возвратясь домой отъ Палена, Литта нашелъ у себя письмо, присланное отъ графа Ростопчина. Въ письмѣ этомъ великій канцлеръ мальтійскаго ордена сообщалъ Литтѣ, что его величество, имѣя въ виду, что онъ, графъ Литта, получилъ за своею супругою весьма значительныя имѣнія, находитъ, что

для успѣшнаго управленія этими имѣніями графу Литтѣ слѣдовало бы жить въ нихъ, выѣхавъ поскорѣе изъ Петербурга, тѣмъ болѣе, что пребываніе въ деревнѣ можетъ быть полезно и для его здоровья. Къ этому Ростопчинъ прибавлялъ, что на мѣсто его, Литты, на должность «поручика» великаго магистра назначенъ государемъ графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ.

Разумѣется, что Литтѣ, пораженному происшедшей, неизвѣстно по какой именно причинѣ, опалою государя, не оставалось ничего болѣе, какъ приготовиться къ отъѣзду въ тотъ короткій срокъ, который былъ объявленъ ему генералъ-губернаторомъ. Въ домѣ графа начались суета и сборы въ дорогу, когда получено было отъ Ростопчина другое письмо, въ которомъ онъ сообщалъ, что, хотя его величество и не отмѣняетъ своего распоряженія о выѣздѣ графа Литты изъ Петербурга въ имѣнія его супруги, но что тѣмъ не менѣе дозволяетъ ему пробыть въ столицѣ столько времени, сколько потребуется для устройства его городскихъ дѣлъ. Литта зналъ, однако, что на первыхъ порахъ всякая попытка объ отмѣнѣ сдѣланнаго разгнѣваннымъ государемъ распоряженія будетъ совершенно безполезна, а промедленіе, хотя бы и дозволенное, можетъ усилить неудовольствіе и подозрительность императора, а потому онъ поспѣшилъ поскорѣе выбраться изъ Петербурга и уѣхать съ графинею въ принадлежавшее ей богатое село Кимру.

Съ отъѣздомъ изъ Петербурга Литты дѣятельность его по дѣламъ мальтійскаго ордена прекратилась до воцаренія императора Александра Павловича.

XXVI.

— Я на бѣду мою связался съ этими вѣроломными союзниками, съ этими маккіавелистами; въ нихъ нѣтъ никакой прямоты; они, въ личныхъ своихъ интересахъ, заставили меня жертвовать моими войсками, повторялъ съ негодованіемъ Павелъ Петровичъ, когда заходила рѣчь объ Англіи или объ Австріи, изъ которыхъ первая такъ двоедушно поступала при отнятіи у французовъ острова Мальты, а другая такъ вѣроломно держала себя во время похода русскихъ въ Италіи и въ Швейцаріи.

Все сумрачнѣе, все подозрительнѣе и все грознѣе становился императоръ, и были у него для этого причины. Дѣла мальтійскаго ордена безпрестанно раздражали его. Часто переносился онъ въ воспоминанія своего дѣтства и своей юности, когда благочестивая и воинственная Мальта такъ сильно увлекала его пылкое воображеніе и когда ему, какъ будто въ забытьи, то чудился побѣдный кличъ рыцарей-монаховъ на поляхъ битвъ, то слышалось ихъ молитвенное пѣніе подъ сводами древняго храма. Но тогда была пора восторженныхъ мечтаній, а теперь дѣйствительность развертывала передъ нимъ совершенно иную картину. Изъ-за мальтійскихъ рыцарей ему

приходилось горячиться, ссориться, хлопотать и вести уклончивую дипломатическую переписку, вовсе неподходившую къ его прямодушію. Прежнее обаяніе, навѣянное на него рыцарствомъ, постепенно исчезало, и теперь передъ глазами Павла, вмѣсто доблестнаго рыцарства, являлись происки, интриги, подкопы, заискиванія, самолюбивые и корыстные разсчеты. Не осуществились его мечты и о возстановленіи прежнихъ законныхъ порядковъ въ Европѣ: французскіе революціонеры, которые, по его выраженію, «фракомъ и круглою шляпою, сею непристойною одеждою, явно изображали свое развратное поведеніе», обратились теперь въ безтрепетныхъ воиновъ; они шли отъ побѣды къ побѣдѣ и грозили пронести свое торжествующее трехцвѣтное знамя изъ конца въ конецъ по цѣлой Европѣ... Съ горестью въ сердцѣ разочаровался императоръ и въ дружелюбіи, и въ признательности къ нему христіанскихъ монарховъ: союзы, заключаемые съ ними Павломъ Петровичемъ, были крайне неудачны; и «цари», спасать которыхъ повелѣвалъ онъ Суворову, оказывались теперь во мнѣніи императора недостойными жертвъ, такъ великодушно принесенныхъ имъ для возстановленія и поддержанія ихъ шаткихъ престоловъ.

Отказавшись отъ прежнихъ своихъ стремленій и мечтаній, императоръ, подъ вліяніемъ Грубера, перешелъ къ другой политикѣ.

Первый консулъ французской республики Бонапарте, узнавъ о положеніи, занятомъ при императорѣ Павлѣ Груберомъ, вошелъ съ нимъ въ сношенія. Съ своей стороны, Груберъ писалъ прославившемуся побѣдами полководцу, что онъ довершитъ свою славу возстановленіемъ во Франціи христовой церкви и монархіи, и намекалъ, что, при такомъ образѣ дѣйствій, онъ

найдетъ для себя самаго надежнаго союзника въ особѣ императора Павла. Сношенія эти шли такъ успѣшно, что въ маѣ 1800 года явился въ Петербургъ таинственный посланецъ перваго консула, а Груберъ началъ выставлять императору молодого правителя Франціи возстановителемъ религіи и законныхъ порядковъ. Съ свойственною Павлу Петровичу пылкостью, онъ увлекался теперь мыслью о союзѣ съ Бонапарте противъ вѣроломной Англіи, съ которою и готовился начать войну за Мальту весною 1801 года.

Груберъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе вліяніе и силу; наконецъ, ему удалось избавиться отъ злѣйшаго противника, митрополита Сестренцевича.

Однажды Груберъ завелъ рѣчь съ государемъ о томъ, что дома, находившіеся и нынѣ находящіеся на Невскомъ проспектѣ, и принадлежавшіе церкви св. Екатерины, состоятъ подъ самымъ небрежнымъ управленіемъ; а графиня Мануцци, какъ будто случайно, проговорилась предъ государемъ о томъ, что не худо было бы эту церковь со всѣми ея домами передать ордену іезуитовъ, устранивъ отъ завѣдыванія ею бѣлое духовенство.

Сестренцевичъ ничего не зналъ объ этихъ козняхъ, когда вдругъ совершенно неожиданно былъ объявленъ ему чрезъ генералъ-прокурора указъ о служеніи въ церкви св. Екатерины однимъ только іезуитамъ, а вслѣдъ затѣмъ митрополиту было сообщено о запрещеніи являться ко двору. Іезуитская партія возликовала, но ей готовилось Груберомъ еще большее торжество.

Ночью, въ одиннадцать часовъ, когда митрополитъ уже спалъ, ему доложили о пріѣздѣ полицеймейстера Зильбергарниша, настоятельно требовавшаго видѣться съ его высокопреосвященствомъ. Когда неожиданный ночной посѣтитель вошелъ

въ спальню Сестренцевича, то объявилъ ему высочайшее повелѣніе: «немедленно встать, одѣться и отправиться ночевать въ мальтійскій капитулъ, а квартиру свою уступить аббату Груберу». Изумленный митрополитъ вскорѣ, однако, оправился. Онъ вспомнилъ времена своей военно-походной службы и собрался живою рукою. Въ то же время приказано было и всѣмъ священникамъ выбраться изъ церковнаго дома, куда имъ угодно. На другой день, Груберъ вступилъ хозяиномъ въ свои благопріобрѣтенныя владѣнія.

— Признайтесь, что я хорошо вымелъ церковь, съ торжествующимъ видомъ сказалъ онъ сопровождавшимъ его сторонникамъ.

Послѣ этого Груберъ явился къ государю.

— Что новаго въ городѣ? спросилъ его императоръ.

— Смѣются надъ указами, данными вашимъ величествомъ въ нашу пользу, проговорилъ Груберъ.

— Кто? порывисто спросилъ Павелъ Петровичъ.

Груберъ вынулъ списокъ, въ которомъ было записано двадцать-семь лицъ, самыхъ враждебныхъ іезуитизму; во главѣ ихъ значился Сестренцевичъ.

Указанныя лица, кромѣ митрополита, были тотчасъ же арестованы, а Сестренцевичъ получилъ предписаніе выѣхать немедленно изъ Петербурга въ свое помѣстье Буйничи, находившееся въ шести верстахъ отъ Могилева; приэтомъ, мѣстному губернатору предписано было строго наблюдать, чтобы удаленный изъ столицы прелатъ никуда не отлучался изъ мѣста своей ссылки, никого бы не принималъ, никого бы никуда не посылалъ и ни съ кѣмъ бы не переписывался. Груберъ, однако, недовольствовался этимъ и готовилъ митрополиту въ близкомъ будущемъ уютное мѣстечко въ петропавловскомъ равелинѣ.

Измѣняя такъ часто и свои политическіе взгляды, и свои чувства, Павелъ Петровичъ не измѣнялъ усвоеннаго имъ образа жизни. Онъ и зимой, и лѣтомъ, въ пять часовъ утра былъ уже на ногахъ, и нездоровье никогда не удерживало его въ постелѣ долѣе этого времени. Хотя онъ выросталъ и мужалъ въ эпоху безвѣрія, господствовавшаго и при дворѣ Екатерины II, но первыя воспоминанія и привычки дѣтства, проведеннаго имъ въ царствованіе богомольной Елизаветы, сохраняли надъ нимъ свою прежнюю силу. Онъ во всю жизнь былъ чрезвычайно набоженъ, и каждое утро долго и усердно молился, стоя на колѣняхъ и въ гатчинскомъ дворцѣ полъ комнаты, смежной съ кабинетомъ и служившемъ ему мѣстомъ молитвы, былъ протертъ его колѣнами. Окончанія молитвы государя ежедневно ожидали въ его пріемной генералъ-губернаторъ и комендантъ, являвшіеся къ нему съ докладомъ и получавшіе отъ него приказанія. Въ восемь часовъ, императоръ выходилъ къ производившемуся передъ дворцомъ разводу, послѣ котораго онъ ѣздилъ по городу или верхомъ, или въ экипажѣ, иногда одинъ, иногда съ государынею. Въ послѣдній годъ его жизни эти прогулки хотя и повторялись ежедневно, но онѣ ограничивались такъ-называвшимся «третьимъ» садомъ —тѣмъ садомъ, который примыкаетъ нынѣ къ михайловскому дворцу.

Утро 11-го марта 1801 года началось въ Михайловскомъ замкѣ обычнымъ порядкомъ. Въ шесть часовъ утра, явился туда генералъ-губернаторъ графъ Паленъ, привезшій съ собою на этотъ разъ для доклада государю и для его подписи множество бумагъ. Въ числѣ лицъ, находившихся въ пріемной, онъ встрѣтилъ патера Грубера, который, пользуясь правомъ являться къ государю безъ доклада, хотѣлъ и теперь пройти въ его кабинетъ, но Паленъ остановилъ его.

— Я имѣю для доклада его величеству чрезвычайно важныя дѣла, и вамъ придется очень долго ждать моего выхода изъ кабинета, сухо проговорилъ Паленъ іезуиту.

— Я пришелъ къ его величеству тоже съ чрезвычайно важнымъ дѣломъ — съ проектомъ о соединеніи церквей, возразилъ Груберъ.

— Очень хорошо; о вашемъ проектѣ вы доложите государю послѣ, и съ этими словами, Паленъ, не слишкомъ вѣжливо отстранивъ іезуита отъ двери, захлопнулъ ее передъ его носомъ.

Паленъ, входя въ кабинетъ государя, увидѣлъ въ пріотворенную дверь, что онъ стоялъ у стола, на которомъ лежали двѣ бумажки свернутыя въ трубочки. Паленъ успѣлъ подсмотрѣть какъ императоръ, перекрестясь набожно три раза, взялъ одну изъ этихъ бумажекъ, развернулъ ее и быстро взглянулъ на написанное на ней одно слово. Паленъ, какъ и другіе приближенные къ государю могли, видя это, догадываться, что дѣло шло о замѣнѣ одного какого нибудь высокопоставленнаго лица другимъ, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ Павелъ Петровичъ рѣшалъ вопросъ о новомъ назначеніи, бросая жребій. Не могъ догадаться Паленъ только объ одномъ, а именно о томъ, что на одной изъ видѣнныхъ имъ бумажекъ было написано: «Паленъ», а на другой—«Аракчеевъ». Государь начиналъ уже сомнѣваться въ преданности къ нему Палена и намѣревался замѣнить его Аракчеевымъ. Вѣроятно жребій выпалъ въ пользу Аракчеева, такъ какъ въ тотъ же день къ Аракчееву послано было отъ государя приказаніе, чтобы онъ немедленно пріѣхалъ въ Петербургъ изъ пожалованнаго ему села Грузина, куда онъ, нѣсколько времени тому назадъ, долженъ былъ удалиться на житье, подвергнувшись неожиданной опалѣ государя.

Докладъ генералъ-губернатора шелъ очень долго, а между

тѣмъ, государь, постоянно отличавшійся точностію, спѣшилъ на разводъ. Груберъ, остававшійся въ пред-кабинетной залѣ, волновался и злился, съ нетерпѣніемъ ожидая выхода Палена.

— Ну, все ли ты кончилъ и нѣтъ ли еще чего-нибудь у тебя? спросилъ государь съ явнымъ выраженіемъ нетерпѣнія и въ движеніяхъ, и въ голосѣ.

— Я кончилъ все, но патеръ Груберъ желаетъ войти къ вашему величеству... доложилъ Паленъ.

— Что ему нужно? отрывисто спросилъ императоръ.

— Говоритъ, что пришелъ съ проектомъ о соединеніи церквей, съ легкой усмѣшкой замѣтилъ генералъ-губернаторъ.

— Знаю я его проекты; это—старая погудка на новый ладъ. Ну его!—Пусть убирается; скажи ему, что мнѣ теперь некогда; можетъ придти въ другой разъ, съ замѣтною досадою проговорилъ императоръ.

Паленъ, крѣпко недолюбливавшій Грубера, не безъ удовольствія передалъ ему отказъ императора въ сегодняшнемъ пріемѣ, Точно громовымъ ударомъ поразили іезуита слова генералъ губернатора. Онъ поблѣднѣлъ и растерялся, полагая, что лишился милостиваго расположенія государя, что теперь пропала вся его долголѣтняя, неутомимая работа и что борьба, которую онъ велъ съ своими противниками такъ упорно, не привела его ни къ чему. Подавленный и разстроенный, онъ нетвердыми шагами вышелъ изъ пріемной государя.

Рѣзкое обращеніе Палена съ Груберомъ, считавшимся въ ту пору едва ли не всемогущимъ лицомъ у государя, произвело на присутствующихъ сильное впечатлѣніе. Паленъ обвелъ ихъ глазами съ торжествующей улыбкой и насмѣшливо посмотрѣлъ въ слѣдъ іезуиту, уходившему съ понуренною головой.

— Должно быть отецъ Груберъ не досмотрѣлъ откуда сего-

дня дуетъ вѣтеръ,—ухмыляясь, проговорилъ бывшій въ пріемной генералъ Михаилъ Илларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ, обращаясь къ стоявшему подлѣ него князю Лопухину. Вѣдь, кажись, какъ хитеръ, а должно быть еще не подмѣтилъ, что у насъ дѣлаются теперь дѣла, смотря по тому, откуда дуетъ вѣтеръ.

— Да, странная особенность въ природѣ государя, отозвался шопотомъ Лопухинъ. Онъ становится особенно мраченъ и недоволенъ, когда дуетъ сѣверный вѣтеръ. Графъ Иванъ Павловичъ давно уже это запримѣтилъ и говорилъ мнѣ, что это случается съ его величествомъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ.

— Отъ того-то видно Иванъ Павловичъ и умѣетъ такъ сохранить къ себѣ неизмѣнную благосклонность государя. Онъ знаетъ откуда дуетъ вѣтеръ и о чемъ въ какую пору можно докладывать его величеству, —подсмѣиваясь, замѣтилъ Кутузовъ, желавшій, чтобъ императоръ, который былъ сегодня не въ духѣ, не потребовалъ его къ себѣ или не заговорилъ бы съ нимъ.

Желаніе Кутузова на этотъ разъ исполнилось. Государь, выйдя изъ кабинета, не обратилъ вниманія ни на кого изъ находившихся въ пріемной и отправился прямо на разводъ, происходившій, по обыкновенію, на плацъ-парадѣ передъ Михайловскимъ замкомъ.

Послѣ обѣда, императрица съ фрейлиною Протасовою поѣхала въ Смольный монастырь, а государь отправился съ графомъ Кутайсовымъ, верхомъ на обычную прогулку. Въ воздухѣ въ этотъ день вѣяло весеннимъ тепломъ. Государь, объѣхавъ аллеи сада, повернулъ домой и медленно, въ глубокой задумчивости, въѣхалъ въ ворота недавно занятаго имъ Михайловскаго замка. На фронтонѣ этого замка, выглядывавшаго грозною недоступною твердыней, среди мрамора и гранита, ярко блестѣла, при лучахъ склонявшагося къ закату солнца, начертанная зо-

лотыми буквами надпись: «*Дому твоему подобаетъ святыня Господня въ долготу дней.*»

Въ 9 часовъ вечера, императоръ сѣлъ, по обыкновенію, за ужинъ. Изъ семейства государя за столомъ находились великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи съ ихъ супругами и великая княжна Марія Павловна; а изъ постороннихъ лицъ статсъ-дамы: графиня Паленъ съ дочерью, баронесса Ренне и графиня Ливенъ, камеръ-фрейлина Протасова, генералы М. И. Голенищевъ-Кутузовъ съ дочерью, оберъ-камергеры графъ Строгановъ и графъ Шереметевъ, оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ, шталмейстеръ Мухановъ и сенаторъ князь Юсуповъ. За ужиномъ императоръ былъ мраченъ и неразговорчивъ.

Въ десять часовъ съ четвертью, государь, вставъ изъ-за стола, пошелъ въ свои покои, съ нимъ побѣжала, ласкаясь къ нему и какъ будто задерживая его на ходу, любимая его собачка Шпицъ.

Еще не занималась на небѣ утренняя заря, когда въ городѣ началось какое-то суетливое, необыкновенное движеніе. Гвардейскимъ полкамъ былъ отданъ приказъ тотчасъ собраться на полковые дворы, и тамъ принесли они присягу на вѣрность вновь воцарившемуся Александру Павловичу, а высшіе военные и гражданскіе чины безотлагательно созывались особыми повѣстками въ Зимній Дворецъ. Между тѣмъ, въ Михайловскомъ замкѣ дежурный гофъ-фурьеръ записывалъ въ своемъ журналѣ слѣдующее: «сей ночи, въ первомъ часу съ 11-го на 12-е число, скончался скоропостижно въ Михайловскомъ замкѣ государь императоръ Павелъ Петровичъ».

Кончина императора застала Грубера среди обширныхъ замысловъ и приготовленій. Хотя вліяніе его на политическія дѣла при новомъ государѣ тотчасъ же прекратилось, но орденъ іезуитовъ утвердился въ Россіи. Императоръ Павелъ отправилъ къ избранному подъ его вліяніемъ, въ 1799 году, папѣ Пію VII собственноручное письмо, прося его святѣйшество о возстановленіи въ предѣлахъ Россіи іезуитскаго ордена на прежнихъ основаніяхъ. Отвѣтъ папы на это письмо не засталъ уже въ живыхъ государя. «Возлюбленный мой сынъ, писалъ Пій VII Павлу: — мѣра сія полезна. Она будетъ противодѣйствовать стремленіямъ, направленнымъ къ ниспроверженію религіи и общественныхъ порядковъ». Императоръ Александръ Павловичъ привелъ въ исполненіе желаніе своего родителя, и вскорѣ дѣятельный поборникъ іезуитизма, Груберъ, былъ избранъ генераломъ или «шефомъ» возстановленнаго ордена, но недолго пришлось ему стоять во главѣ общества Іисуса.

Въ ночь съ 25-го на 26-е марта 1805 года, показалось надъ Петербургомъ зарево. По улицамъ загремѣли трещотки, поскакали пожарные, помчались полицейскіе драгуны и повалилъ народъ къ мѣсту пожара, который вспыхнулъ на Невскомъ проспектѣ въ домѣ католической церкви. Въ одномъ изъ оконъ охваченнаго пламенемъ зданія вдругъ сильно зазвенѣли стекла, и въ разбитой рамѣ показалось искаженное ужасомъ лицо Грубера. Онъ пытался, но не могъ пролѣзть въ раму, чтобъ броситься на улицу, а между тѣмъ изъ окна выбились густые клубы чернаго дыма и рванулось вверхъ красное пламя. Груберъ исчезъ. Когда же пожаръ окончился, то найдены были обуглившіеся остатки патера въ томъ помѣщеніи, изъ котораго онъ вытѣснилъ митрополита Сестренцевича.

Судьба мальтійскаго ордена послѣ кончины его пылкаго за-

щитника была печальна. Около этого воинственно-монашескаго учрежденія сосредоточивались въ царствованіе Павла всѣ главныя нити нашей внѣшней политики, и дѣла ордена вовлекли Россію въ войну сперва съ Франціею, а потомъ съ Англіею. Императоръ Александръ Павловичъ нашелъ необходимымъ устранить тѣ затрудненія, въ которыя ставило его соединеніе сана великаго магистра съ саномъ русскаго государя. На четвертый же день по вступленіи своемъ на престолъ, онъ объявилъ, что, «въ знакъ доброжелательства и особаго благоволенія», принимаетъ орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго подъ свое покровительство, но что, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ будетъ оказывать свое содѣйствіе къ избранію великаго магистра, достойнаго предводительствовать орденомъ, когда, съ согласія прочихъ дворовъ, можно будетъ назначить мѣсто и средства къ созыву генеральнаго капитула. Вслѣдъ затѣмъ, онъ приказалъ отмѣнить изображеніе мальтійскаго креста въ русскомъ государственномъ гербѣ и вовсе не намѣревался отнимать у англичанъ Мальту ни въ пользу ордена, ни въ пользу Россіи. Хотя, по аміенскому договору, англичане и обязались возвратить островъ мальтійскому рыцарству, но они и не думали исполнить свое обѣщаніе, а въ 1814 году Мальта была окончательно оставлена за ними. Покровительствуемые императоромъ Павломъ, мальтійскіе кавалеры, обратились, послѣ его кончины, въ странствующихъ рыцарей, отыскивая себѣ пристанища при разныхъ европейскихъ дворахъ, а санъ великаго магистра, такъ высоко поднятый могущественнымъ русскимъ государемъ, достался послѣ него мало кому извѣстному командору Томази.

Несмотря на всѣ бѣдствія, постигшія мальтійскій орденъ, онъ донынѣ существуетъ, но только не въ Россіи. Главною его

резиденціею считается, съ 1844 года, Римъ, а упрямый «Almanach de Gotha» продолжаетъ показывать, по прежнему, державный орденъ святаго Іоанна Іерусалимскаго въ числѣ самостоятельныхъ европейскихъ государствъ.

Въ Россіи, гдѣ водвореніе мальтійскаго ордена возбудило всеобщее недоразумѣніе и породило ропотъ среди православнаго духовенства, остались слишкомъ слабые слѣды «сего древняго, знаменитаго и почтительнаго учрежденія». Въ Петербургѣ, въ католической церкви при пажескомъ корпусѣ—въ бывшей капеллѣ при «замкѣ мальтійскихъ рыцарей»—можно видѣть еще и теперь осѣненное бархатнымъ, съ изящнымъ золотымъ шитьемъ, балдахиномъ царское мѣсто, предназначенное для императора Павла, какъ для великаго магистра. Въ московской оружейной палатѣ хранятся вынесенныя гофъ-фурьерами, безъ всякаго церемоніала, изъ брильянтовой комнаты Зимняго дворца регаліи великаго магистра: корона и «кинжалъ вѣры». Въ романовской галереѣ того же дворца виситъ портретъ императора Павла, изображеннаго извѣстнымъ живописцемъ Боровиковскимъ въ одѣяніи верховнаго вождя мальтійскихъ рыцарей; а въ домахъ нѣкоторыхъ нашихъ дворянъ смотрятъ со стѣнъ закоптѣвшіе и потрескавшіеся портреты ихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, украшенныхъ при императорѣ Павлѣ знаками державнаго ордена святаго Іоанна Іерусалимскаго, да еще кое-гдѣ въ дворцовыхъ залахъ и на зданіяхъ временъ Павла Петровича мелькаютъ осмиконечные кресты этого ордена, подъ сѣнью которыхъ мечтательный владыка русской земли думалъ совершить въ своемъ государствѣ коренныя преобразованія на основахъ совершенно чуждаго намъ рыцарства.

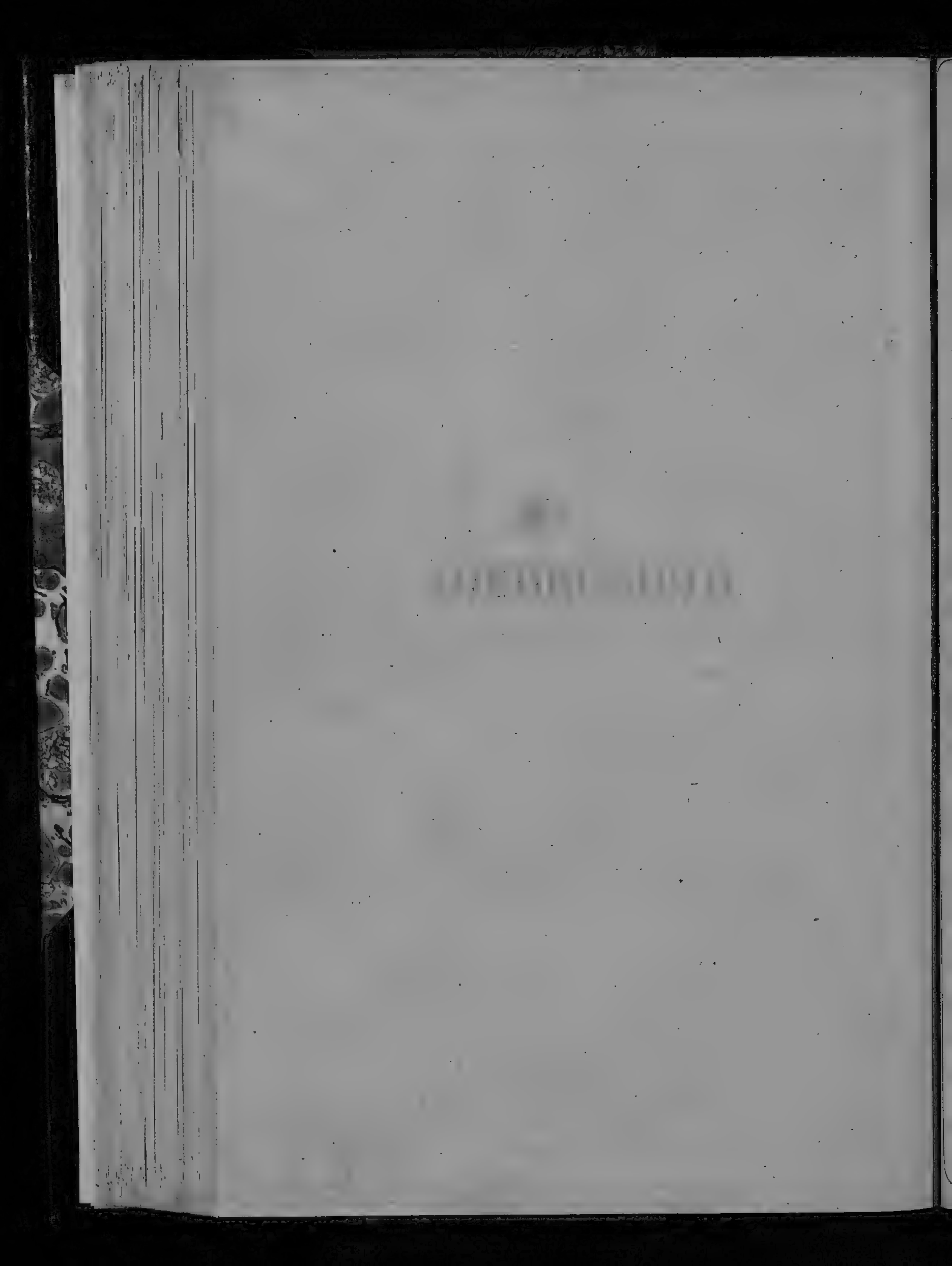
Александръ I, снимая опалу съ лицъ, подвергнувшихся ей при его предшественникѣ, тотчасъ же позволилъ графу Литтѣ пріѣхать изъ его изгнанія въ Петербургъ. Возвратившійся

Литта и его супруга были одними изъ самыхъ блестящихъ представителей высшаго петербургскаго общества. Графиня Екатерина Васильевна скончалась 7-го февраля 1827 года, а графъ Юлій Помпеевичъ Литта кончилъ жизнь 24-го января 1839 г. Послѣ вѣнскаго конгресса, ему, какъ командиру мальтійскаго ордена, возвратили его огромное состояніе въ Италіи, конфискованное директоріею французской республики. Въ Россіи были у него и обширныя имѣнія, и большіе капиталы, и всѣ его богатства—за выдѣломъ, по его завѣщанію, весьма значительныхъ суммъ на разныя благотворительныя цѣли — достались его племянникамъ, графамъ Литтамъ, жившимъ постоянно въ Миланѣ.

Сестренцевичъ былъ возвращенъ императоромъ Александромъ изъ ссылки и, управляя дѣятельно церковью, сдѣлался извѣстенъ своими учеными трудами. Обворожительная Генріетта Шевалье оставалась долгое время предметомъ нѣжной страсти Кутайсова, но бенефисы не были уже для нея такою обильною жатвой, какою были прежде, а сожитель ея навсегда остался въ маіорскомъ рангѣ, добытомъ ему Кутайсовымъ.

Горячее участіе императора Павла къ судьбѣ мальтійскихъ рыцарей готовило событія, грозившія въ Европѣ сильными потрясеніями. Такое участіе государя происходило изъ его рыцарскихъ чувствъ, религіозной восторженности и великодушныхъ порывовъ. Если, однако, попристальнѣе всмотрѣться во все, что тогда происходило, то окажется, что главнымъ двигателемъ дѣлъ въ Россіи были нѣсколько словъ, случайно сказанныхъ очаровательною женщиною влюбленному въ нее, до безумія, мужчинѣ...

ПРИЛОЖЕНІЕ

КРАТКАЯ ИСТОРІЯ

МАЛЬТІЙСКАГО РЫЦАРСКАГО ОРДЕНА. *)

Происхожденіе мальтійскаго, этого перваго и древнѣйшаго духовно-рыцарскаго, ордена было совершенно случайно. Нѣсколько богатыхъ купцовъ изъ Амальфи уже въ 1048 году основали въ Іерусалимѣ, вблизи святой могилы Іисуса Христа, бенедиктинскій монастырь съ больницею, въ которой бѣдные странники, обоихъ половъ, по святымъ мѣстамъ должны были находить заботу о нихъ и помощь. Съ третьяго десятка лѣтъ XI столѣтія къ святой могилѣ Іисуса Христа, въ Іерусалимѣ, стекались странники изъ всѣхъ западныхъ христіанскихъ государствъ. Ни налоги, которые они должны были платить египетскимъ властителямъ, сарацынскимъ вождямъ и жаднымъ грекамъ до впуска въ Іерусалимъ, ни притѣсненія всякаго рода, преслѣдованія и опасности, которымъ ихъ подвергали магометане, не

---

*) Повѣсть г. Карновича была уже отпечатана, когда въ Ригѣ вышла книга по тому же предмету, именно сочиненіе Эрнста Берга „Мальтійскій рыцарскій орденъ и его отношенія къ Россіи“ (Ernst Berg, der Malteserorden und seine Beziehungen zu Russland, Riga, 1879). Считаемъ не лишнимъ помѣстить здѣсь, въ видѣ приложенія, извлеченный изъ этой книги краткій историческій очеркъ объ учрежденіи и судьбахъ мальтійскаго ордена, до времени, вошедшаго въ рамку самой повѣсти. *Издатель.*

отпугивали ихъ и не могли охладить въ нихъ религіознаго рвенія. Улучшить и обезпечить положеніе и судьбу этихъ набожныхъ странниковъ, дать безпомощнымъ и больнымъ пріютъ, пищу и уходъ, ограбленнымъ одежду и деньги на дорогу,— было цѣлью этого человѣколюбиваго учрежденія близъ святой могилы Спасителя.

Послѣ того, какъ сначала надзоръ за больницей лежалъ на всѣхъ братьяхъ-монахахъ, былъ избранъ одинъ изъ нихъ, по имени Герардъ,—покинувшій свою родину, французскій Провансъ, и посвятившій свою жизнь служенію нуждающимся,— въ санъ ректора, правителя, съ обязанностью высшаго надзора и направленія, подъ вѣдѣніемъ котораго одна знатная римлянка, по имени Агнеса, надзирала за женскимъ отдѣленіемъ.

Слава этого благочестиваго учрежденія, для гостепріимства и услугъ человѣколюбія, скоро распространилась по всей Европѣ и постоянно привлекала все большія и большія толпы странниковъ. Благотворители обогащали учрежденіе подарками и завѣщаніями, и возвращавшіеся ежегодно въ Іерусалимъ, для торговли, основатели братства привозили съ собою собранныя въ Италіи приношенія. Когда-же въ 1073 году землею завладѣли турки, въ Европѣ раздались горькія жалобы на жестокость варваровъ къ странникамъ. Одинъ изъ пострадавшихъ странниковъ, отшельникъ Петръ Аміенскій, возвратился изъ Іерусалима въ Европу съ самыми печальными вѣстями о невыносимомъ положеніи подъ турецкимъ владычествомъ угнетаемыхъ странниковъ и притѣсняемыхъ іерусалимскихъ патріарховъ. Петръ былъ одушевленъ желаніемъ вооружить христіанскихъ государей и христіанскіе народы противъ жестокихъ магометанъ. Онъ описалъ бѣдствія странниковъ и высказалъ свое намѣреніе папѣ Урбану II дотого убѣдительно, что папа

не только одобрилъ его планъ, но созвалъ въ Клермонтѣ и Піаченцѣ церковныя совѣщанія, на которыхъ собравшимся знатнымъ духовнымъ и свѣтскимъ лицамъ было описано положеніе христіанъ въ Палестинѣ. Собраніе было объято религіознымъ одушевленіемъ, и единогласно было рѣшено предпринять общій походъ для освобожденія Святой Земли отъ враговъ христіанства. Государи собрали своихъ вассаловъ, и духовенство воодушевляло народъ краснорѣчивыми воззваніями. Подстрекаемые религіознымъ рвеніемъ, а частью и самолюбіемъ, быстро собрались большія массы народа и стали прикрѣплять къ своимъ платьямъ подаваемые имъ кресты, собираясь въ «крестовый походъ» въ Палестину Уже весною 1096 года аміенскій пустынникъ выступилъ съ большою толпою, преимущественно нормандскихъ уроженцевъ, въ походъ къ Іерусалиму. Но этотъ походъ кончился несчастливо: безъ порядка и послушанія, крадя и грабя, большая часть толпы была уничтожена уже въ Венгріи, а остальная сарацынами. Между тѣмъ, составилось второе, лучше вооруженное и упорядоченное войско, во главѣ котораго шелъ избранный въ вожди герцогъ Готфридъ Нижнелотарингскій и Брабантскій, извѣстный, по мѣсту своего рожденія—городу Бульону, подъ именемъ Готфрида Бульонскаго, къ которому присоединилось много дворянъ. Не смотря на нескончаемыя трудности похода и опасности, на невообразимо-сильный недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ и на опустошительныя болѣзни, на возраставшее недовольство и слабодушіе войска и раздоры начальниковъ, настойчивому и осмотрительному предводителю войска, Готфриду Бульонскому, удавалось возстановлять бодрость слѣдовавшихъ за нимъ сборищъ, одерживать побѣду за побѣдой и, наконецъ, въ 1099 году, послѣ пятинедѣльной осады, при-

ступомъ отнять у сарацыновъ Іерусалимъ. Ни одинъ врагъ не ушелъ отъ меча, восторженныхъ успѣхомъ, христіанъ, которые, когда кровопролитіе было прекращено, шли босикомъ и безоружными къ святой могилѣ и, всхлипывая и плача, цѣловали землю.

Цѣль крестоваго похода была достигнута, и, чтобы обезпечить трудно доставшуюся землю, Готфридъ былъ провозглашенъ королемъ вновь созидаемаго королевства Іерусалимскаго. Но самъ онъ не хотѣлъ возлагать на себя этого званія, а скромно называлъ себя лишь защитникомъ Святого Гроба.

Въ первое посѣщеніе имъ госпиталя и пріюта, въ которыхъ тотчасъ-же по ихъ основаніи установился заботливый уходъ за больными и искалѣченными, сѣдой завѣдыватель благотворительнымъ учрежденіемъ, всегда заботливый объ его преуспѣяніи и расширенія, дотого искусно умѣлъ пробудить въ Готфридѣ и другихъ владѣтельныхъ особахъ интересъ къ этому полезному заведенію, что оно въ короткое время получило богатые подарки землями и цѣлыми странами въ Палестинѣ, а затѣмъ и въ Европѣ, и другія благочестивыя приношенія. Это дало Герарду возможность не только расширить госпиталь и пріютъ въ Іерусалимѣ, но основать во Франціи, Италіи, Сициліи, въ Сантъ-Жилѣ, Тарентѣ и Мессинѣ особые пріюты, въ которыхъ странники, на своемъ пути въ Палестину, могли собираться и найти нужный уходъ *).

Нароставшій доходъ далъ Герарду средства устроить при больницѣ великолѣпную церковь, тогда какъ раньше братія должна была довольствоваться двумя маленькими часовнями. Новая церковь была посвящена Іоанну Крестителю.

---

*) Эти больницы были первыми комтуреями позднѣйшаго ордена св. Іоанна.

Милосердіе сѣдого Герарда, этого отца всѣхъ безпомощныхъ, безъ различія вѣроисповѣданія, внушавшее любовь и уваженіе не только христіанамъ, но и сарацынамъ, побудило многихъ дворянъ изъ крестоносцевъ остаться въ Іерусалимѣ, отречься отъ военной жизни и посвятить себя уходу за больными въ этомъ чисто-христіанскомъ учрежденіи. При этомъ многіе изъ нихъ передали ему свое имущество, рѣшившись посвятить ему и остатокъ своей жизни.

Ходившіе сначала за больными монахи-бенедиктинцы были позднѣе замѣнены братьями и сестрами-мірянами, которые хотя и были обязаны повиноваться ректору, но при этомъ не были связаны никакимъ монашескимъ обѣтомъ. Позднѣе, по предложенію Герарда, было установлено, чтобы и эти лица дали монашескій обѣтъ и образовали изъ себя духовный орденъ, съ независимымъ отъ монашескаго ордена уставомъ. Готфридъ одобрилъ это постановленіе, и, вслѣдствіе этого, ходившіе за больными стали тоже какъ-бы монахами и монахинями. Кромѣ обѣта цѣломудрія, бѣдности и повиновенія, соблюденіе котораго до-сихъ-поръ считалось единственною задачею прежняго христіанскаго ордена, прислужники госпиталя или іоанниты—какъ были прозваны члены новаго ордена, по своему прежнему занятію и по своему новому церковному патрону—должны были, при произнесеніи присяги, которую патріархъ снималъ при Святомъ Гробѣ, обѣщать и милосердіе, и благочестивыя дѣянія.

Для внѣшняго обозначенія своей сопринадлежности, братья и сестры, по примѣру другихъ духовныхъ братствъ и по предложенію того-же Герарда, приняли особое орденское облаченіе. Оно состояло изъ простой рясы, чернаго сукна (по примѣру одежды Іоанна Крестителя, по преданію, тканной изъ

верблюжьей шерсти), съ узкими рукавами (въ воспоминаніе ограниченія свободы); на лѣвой сторонѣ рясы былъ прикрѣпленъ крестъ, изъ бѣлаго полотна, о восьми концахъ (въ воспоминаніе восьми благъ, ожидающихъ справедливаго въ жизни по его смерти) и, наконецъ, изъ чернаго, снабженнаго острымъ клобукомъ, плаща. Для женщинъ былъ установленъ длинный черный хитонъ, съ такимъ-же бѣлымъ крестомъ на груди и лѣвомъ плечѣ, затѣмъ черный суконный плащъ и черная, высокая осьмиугольная монашеская шапочка съ чернымъ вуалемъ.

Герардъ умеръ, въ глубокой старости, въ 1118 году *). На его мѣсто больничная братія избрала благороднаго Раймонда Дюпьи, изъ дворянскаго рода Дофинеи, отличившагося во время приступа подъ Іерусалимомъ и, наконецъ, посвятившаго свои силы службѣ въ больницѣ. Онъ столь-же ревностно, какъ и Герардъ, служилъ больнымъ и бѣднымъ. Постоянныя опасности, которымъ подвергались странники, навели Раймонда на мысль предложить братіи со званіемъ монашескимъ соединить и военное. Такъ-какъ большинство госпитальной братіи раньше уже владѣло оружіемъ, и война съ невѣрными считалась богоугоднымъ образомъ жизни, то предложеніе Дюпьи и было съ готовностью принято братьями. Они единогласно признали своею обязанностью, кромѣ первоначально стоявшей цѣлью братства заботы о приходившихъ въ Іерусалимъ странникахъ, оберегать ихъ отъ нападеній магометанъ и защищать Святую Землю. Расширенный, такимъ образомъ, уставъ **) былъ утвержденъ буллою папы Паскаля II.

*) По другимъ источникамъ — въ 1120.

**) Главное его содержаніе можно найти въ исторіи ордена іоаннитовъ, Фалькенштейна, Дрезденъ, 1833, стр. 16.

Орденъ братьевъ лазарета, отнынѣ называвшійся орденомъ рыцарей св. Іоанна Іерусалимскаго, былъ этою буллою освобожденъ отъ всякихъ церковныхъ налоговъ и главенства іерусалимскаго патріарха и поставленъ подъ непосредственное вѣдѣніе римскаго папы, получилъ право самому избирать себѣ представителя, которому было присвоено званіе великаго магистра, и распадался на три общенія членовъ: настоящихъ рыцарей, лицъ духовнаго званія и послужниковъ.

«Рыцарями» должны были называться только члены іоаннитскаго госпитальнаго ордена, дворянскаго происхожденія. Всѣ другіе братья звались священниками и капелланами, которые должны были завѣдывать духовными дѣлами ордена, или братьями-послужниками, servienti d'armi, позднѣе называвшимися еще донатами или полукрестовыми братьями, которые исполняли при больныхъ черную работу и провожали рыцарей въ ихъ походахъ. Братья-послужники, обязанные обѣтомъ вѣрности ордену, но не приносившіе обѣтовъ духовныхъ, не представляли доказательствъ своего дворянскаго происхожденія, но должны были пользоваться доброю, неопороченною славою и представлять свидѣтельства о томъ, что ихъ отцы и дѣды не занимались промыслами и не были рабами. Въ отличіе отъ настоящихъ участниковъ ордена, братья-послужники носили лишь такъ-называвшійся полукрестъ, у котораго недоставало двухъ верхнихъ угловъ.

Кромѣ того, дѣйствовало правило, что никто не можетъ стать рыцаремъ, у кого родители занимались торговлею или банкирскими дѣлами, хотя-бы претенденты имѣли право на дворянскій гербъ, и ни въ какомъ случаѣ не дозволялось принимать въ орденъ потомковъ еврея, какъ въ мужскомъ, такъ и въ женскомъ нисходящемъ происхожденіи.

Чтобы доставить ордену болѣе членовъ изъ богатыхъ дворянскихъ родовъ Запада, папа Александръ IV установилъ за правило, чтобы рыцари, въ отличіе отъ прочихъ членовъ ордена, носили красную военную рясу, съ бѣлымъ полотнянымъ крестомъ и черный орденскій плащъ, а братья-послужники только черную рясу и, во время войны, плащъ. У іоаннитянъ костюмъ и вооруженіе были тѣ-же, что у всѣхъ прочихъ рыцарей, съ тою лишь разницею, что іоанниты любили украшать крестомъ всѣ части костюма и вооруженія.

Уже въ первые вѣка по основаніи ордена рыцари, кромѣ бѣлаго креста на одеждѣ, повидимому, носили еще серебряный крестъ той-же формы, сначала на четкахъ, а затѣмъ на груди, хотя объ этомъ не говорится въ старѣйшихъ статутахъ. Ношеніе серебрянаго креста было оффиціально установлено лишь составившимся въ 1631 году собраніемъ общаго капитула.

Въ позднѣйшія времена эти серебряные кресты часто замѣнялись золотыми и съ бѣлою эмалью, снабженными по угламъ дорогими украшеніями, преимущественно лиліями, и кресты эти носились на черной лентѣ, закинутой за шею. Высшіе чины носили ихъ на золотой цѣпи*).

Такимъ образомъ изъ невиднаго бенедиктинскаго монастыря, съ больницею для странниковъ, возникъ больничный и военный орденъ, члены котораго посвящали себя воинскимъ упражненіямъ и кровавымъ войнамъ, а также дѣламъ человѣколюбія и уходу за странниками.

---

*) Изображеніе и описаніе этихъ высшихъ рыцарскихъ орденовъ можно найти въ изданіи 1756 года: Abbildung und Beschreibung aller hohen Ritter-Orden in Europa: Augsburg, 1756, стр. 17 и 18.

Во время крестовыхъ походовъ орденъ, своими геройскими подвигами, пріобрѣлъ большую славу и значительное вліяніе, такъ-что сталъ одною изъ главнѣйшихъ опоръ христіанскихъ поселеній въ Святой Землѣ.

Такъ-какъ подобное учрежденіе соотвѣтствовало тогдашнимъ настроенію и склонностямъ европейскаго дворянства, то изъ большинства западныхъ странъ стекались молодые дворяне въ Іерусалимъ, для поступленія въ орденъ Св. Іоанна. Число членовъ братства возросло дотого, что понадобилось раздѣлить рыцарей по ихъ народному происхожденію и составить новый уставъ. Отдѣловъ ордена учреждено восемь: для выходцевъ 1) изъ Прованса, 2) Оверня, 3) Франціи, 4) Италіи, 5) Аррагоніи съ Каталоніей и Наваррой, 6) Кастиліи съ Португаліей, 7) Германіи и 8) Англіи. Послѣдній отдѣлъ былъ въ царствованіе Генриха VIII закрытъ и замѣненъ новымъ отдѣломъ Баваріи.

Рыцари избирались лишь изъ членовъ одного изъ этихъ восьми отдѣловъ-языковъ и отнюдь не изъ какой-либо невключенной въ нихъ націи. Такъ-называемые рыцари по справедливости, cavalieri di giustizia, должны были предъявить восемь предковъ благородной крови; отъ германцевъ требовалось шестнадцать, а отъ испанцевъ и итальянцевъ довольствовались указаніемъ четырехъ. Лица-же, принятыя въ рыцари безъ доказательства своего дворянскаго происхожденія, за особенныя заслуги, въ видѣ особаго исключенія, или происходившія отъ отцовъ-дворянъ и матерей-горожанокъ, назывались рыцарями по милости, cavalieri di grazia. И только рыцари по справедливости могли быть облекаемы какимъ-либо должностнымъ званіемъ въ орденѣ.

Въ древнія времена владѣнія ордена отдавались въ аренду

Но такъ-какъ такое хозяйство причиняло ордену большіе убытки, то впослѣдствіи земли отдавались только рыцарямъ, заслуживавшимъ довѣрія, которые обязывались вносить въ кассу ордена, ежегодно, извѣстную сумму, называвшуюся responsion. Эти рыцари назывались наставниками—praeceptores—и одновременно завѣдывали воспитательными учрежденіями, въ которыхъ молодые дворяне готовились къ поступленію въ рыцари,—назывались еще командорами или комтурами, т.-е. управителями различными недвижимыми имуществами ордена, такъ-называемыми комтуреями или коммендами. Уже гораздо позднѣе эти должности стали наградою за особыя заслуги.

Надъ комтурами начальствовали пріоры, или великіе пріоры или провинціалы, проживавшіе въ значительнѣйшихъ мѣстахъ владѣній ордена и наблюдавшіе за всѣми комтурами провинціи. Кромѣ того, каждый отдѣлъ ордена по языку, или каждое великое пріорство раздѣлялось на нѣсколько пріорствъ, а послѣднія на балльи, или судебные округи, которые тоже могли состоять изъ нѣсколькихъ комтурей.

Непосредственно за великими магистрами, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и между великими пріорами и комтурами стояли балльи (судьи), дѣлившіеся на три разряда: балльи монастырскіе, капитульскіе и балльи по милости или почетные.

Монастырскіе балльи должны были жить въ подобныхъ монастырямъ гостинницахъ ордена, въ братствахъ по языку, надзирая за порядкомъ въ гостинницѣ, почему и назывались столпами гостинницъ—piliers. Изъ 8 монастырскихъ балльи, слѣдовавшихъ, по чину, за великимъ магистромъ и занимавшихъ главныя должности ордена, впослѣдствіи, покрайней-мѣрѣ, четверо должны были жить въ резиденціи ордена, тогда какъ

остальные могли замѣщать себя лейтенантами. Эти 8 монастырскихъ балльи назывались: великій комтуръ, предсѣдательствовавшій въ казначействѣ и завѣдывавшій финансами, выходецъ изъ Прованса; великій маршалъ, военный министръ и вождь пѣхоты, выходецъ изъ Оверня; великій больничникъ, смотритель благотворительныхъ заведеній, изъ Франціи; адмиралъ, или генералъ-галеръ, начальникъ всѣхъ морскихъ силъ, изъ Италіи; великій сохранитель, или драпье и кастелланъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, изъ Аррагоніи съ Наваррой и Каталоніей; туркопилье, или начальникъ всадниковъ, изъ Англіи; великій балльи, или магистръ іоаннитянъ, начальникъ укрѣпленій, изъ Германіи; великій канцлеръ, министръ иностранныхъ дѣлъ, изъ Кастиліи.

Балльи капитула—ballivi capitulares—обязаны были жить въ ризиденціи только во время засѣданій общаго капитула. По сану, они стояли между великими пріорами и комтурами, изъ которыхъ нѣкоторые принадлежали къ капитулу балльи.

Въ званіе почетныхъ балльи или балльи по милости, не управлявшихъ округомъ, а носившихъ только званіе ихъ балльи, назначались позднѣе и такіе рыцари, которые отличались особенными заслугами по управленію или военными.

Великіе пріоры, простые пріоры и балльи носили, кромѣ полотнянаго или вышитаго по шелку креста на лѣвой сторонѣ груди, еще большой золотой крестъ на шеѣ, отчего и назывались еще «большими крестами».

Помянутые выше восемь главныхъ сановниковъ, называвшіеся главами или представителями языковъ, pilieri или ballivi conventuales, составляли, вмѣстѣ съ великимъ магистромъ, епископомъ Мальты, пріоромъ della chiesa и присутствующими провинціальными пріорами и капитулярными балльи,

постоянный совѣтъ ордена (consiglio ordinario), которому подлежала администрація всего орденскаго дѣла *).

Великій магистръ ордена считался правящимъ государемъ. Избраніе его изъ числа рыцарей по праву, или по справедливости, производилось особыми, назначенными для этого, рыцарями, при торжественныхъ обрядахъ, и должно было заканчиваться до истеченія трехъ дней со времени смерти предшественника. Доходъ великаго магистра составляли извѣстные налоги и нѣкоторая сумма изъ орденской кассы, для покрытія расходовъ на дворецъ и столъ. Во всѣхъ дѣлахъ ордена магистру принадлежалъ рѣшающій голосъ, и онъ-же назначалъ рыцарей на всѣ должности и почетныя званія. Отъ всѣхъ членовъ ордена онъ пользовался почестями неограниченнаго правителя. Рыцари должны были цѣловать ему руку, преклоняясь на одно колѣно, и были обязаны поминать его особо въ своей молитвѣ.

Надъ совѣтомъ ордена стоялъ еще главный капитулъ (называвшійся святымъ капитуломъ). Онъ созывался великимъ магистромъ каждые три года, потомъ разъ въ пять лѣтъ, а затѣмъ и еще рѣже,—созывался для уничтоженія вкравшихся злоупотребленій или военныхъ и гражданскихъ дѣлъ особенной важности.

Прекрасный уставъ ордена пріобрѣлъ іоаннитянамъ много

*) Члены орденскаго совѣта отправлялись на засѣданія послѣ обѣдни торжественною процессіею, впереди которой было носимо знамя великаго магистра. Передъ открытіемъ засѣданія они цѣловали руку великаго магистра, которому каждый вручалъ отмѣченный именемъ хозяина кошелекъ съ пятью серебряными монетами, какъ знакъ отреченія отъ всякаго имущества. Въ эти-же кошельки клались и голосовыя записки каждаго по предстоявшему къ обсужденію и рѣшенію вопросу.

правъ у большинства европейскихъ государей и важныя преимущества передъ мірскимъ дворянствомъ. Кромѣ, дарованной папою Паскалемъ II, льготы отъ податей и отъ подсудности епископамъ, ордену были даны еще орудія льготы папою Адріаномъ и проч. *). Императоръ Фридрихъ I поставилъ орденъ іоаннитовъ подъ защиту имперіи и освободилъ его членовъ отъ всѣхъ податей и повинностей. При такихъ благопріятныхъ условіяхъ, орденъ постоянно увеличивался, и успѣшные походы распространяли и возвышали его славу.

Но внутренніе раздоры, а равно и несогласія съ тампліерами **) ослабили впослѣдствіи силу и значеніе ордена іоаннитовъ. Въ кровавыхъ битвахъ съ магометанами, стремившимися къ новому обладанію Іерусалимомъ, христіанское царство было 12 октября 1187 года завоевано египетскимъ султаномъ Саладинымъ, чѣмъ орденъ былъ вынужденъ перевести свою резиденцію въ крѣпость Маргатъ. Когда-же, при помощи королей Франціи и Англіи, въ битвахъ для новаго завоеванія Іерусалима, въ 1191 году, Пталомея была вновь взята приступомъ, она была передана іоаннитамъ для поселенія.

Но какъ ни храбро сражались рыцари съ невѣрными, ихъ

---

*) Духовныя льготы ордена перечислены въ буллѣ Анастасія IV, „Christianae fidei religio“, 1154.

**) Орденъ тампліеровъ былъ основанъ въ Іерусалимѣ французскимъ дворяниномъ Гюгомъ-де-Пайенъ и одаренъ привилегіями папою Гоноріемъ II, послѣ чего къ нему стали притекать, со всѣхъ сторонъ, большія пожертвованія. Тампліеры, храмовники, назывались такъ по сосѣдству ихъ жилища съ прежнимъ іерусалимскимъ храмомъ; они, по примѣру іоаннитовъ, давали обѣтъ постоянной войны съ невѣрными, но не занимались уходомъ за больными. Одежда ихъ состояла изъ бѣлой рясы съ краснымъ крестомъ.

прежнее могущество, съ теченіемъ времени, ослабло, и ихъ завоеванія были снова у нихъ отняты, потому-что враждовавшіе другъ съ другомъ западные государи не оказывали рыцарскимъ орденамъ той успѣшной защиты, въ какой христіанское государство нуждалось для дальнѣйшаго своего существованія на Востокѣ. Когда ордену пришлось сдать и Акръ, свое послѣднее убѣжище, въ 1291 году, іоанниты, уменьшившись, между тѣмъ, въ числѣ, увидѣли себя вынужденными покинуть Святую Землю и, какъ сказано выше, принять гостепріимство короля Іоанна Кипрскаго, пока ордену не удалось, въ 1309 году, завоевать островъ Родосъ. Не переселившимся на послѣдній рыцарямъ уже нельзя было выполнять своихъ первоначальныхъ обѣтовъ. Поэтому, съ оговореннаго времени, на мѣсто припиманія и обезпеченія всѣмъ нужнымъ неимущихъ и больныхъ странниковъ, а также постоянной войны съ невѣрными, задачею ордена стала охрана христіанской вѣры: «Pecualiare et proprium est Christi militibus», сказано было въ тогдашнихъ статутахъ ордена, «pro cultu divino,pro fide catholica pugnare. Ad hoc enim hospitalarii milites signum crucis gestant, ut post multifariam eleemosynarum elargitionem gentem Mahummetanam, et qui a fide deviant, oppugnent, premant, pessumdent», т.-е., въ переводѣ: «Особенпая и приличествующая обязанность Христовыхъ воиновъ—бороться за славу Божію и за католическую вѣру. Потому-то воины госпиталя и носятъ на себѣ знакъ креста, чтобы, послѣ многократной раздачи милостыни, преслѣдовать и уничтожать войною магометанскій народъ и всѣхъ, кто погрѣшаетъ въ вѣрѣ» *)

*) Veltronius, Statuta hospitalis Hierusalem. Cap. II, De regula.

Съ того времени, когда, съ потерею острова Родоса, орденъ организовался на островѣ Мальтѣ, какъ самодержавное, военное свободное государство, вмѣсто обѣта защищать христіанскую вѣру, наступила обязанность воевать, съ лишающими Средиземное море безопасности, являющимися изъ афркианскихъ разбойничьихъ государствъ, морскими грабителями, постоянными разъѣздами по этому морю ловить этихъ грабителей, преслѣдовать и наказывать, провожать христіанскіе корабли на галерахъ ордена, чтобы защищать первые отъ насилій дерзкихъ морскихъ разбойниковъ, а равно оберегать и прибережныхъ жителей христіанскихъ государствъ отъ ихъ разбойничьихъ набѣговъ и освобождать захваченныхъ въ плѣнъ христіанъ *). При выполненіи этой обязанности, должно было строжайшимъ образомъ наблюдать и обыкновенные религіозные обѣты **). Также стало главною задачею ордена попеченіе о бѣдныхъ и больныхъ. Для этой цѣли, на островѣ Мальтѣ, была устроена большая больница, въ которой всѣхъ народовъ больные и нуждающіеся въ помощи находили даровое попеченіе. Были основаны и прекрасныя карантинныя заведенія, для обереженія Европы отъ страшныхъ опустошеній чумы.

При самомъ основаніи своемъ орденъ іоаннитовъ получилъ,

*) Въ такихъ походахъ долженъ былъ участвовать всякій, вновь принятый, членъ ордена въ теченіе $2^1/_2$ лѣтъ, покрайней-мѣрѣ въ пяти, чтобы, при выполненіи всѣхъ другихъ условій, быть, съ установленными торжественными обрядами, принятымъ въ число рыцарей. Походы эти назывались караванами.

**) Обѣтъ цѣломудрія обязывалъ рыцаря не только вести жизнь безбрачную, но не держать въ своемъ жилищѣ даже родственницы или рабыни, не достигшей еще пятидесяти лѣтъ отъ роду.

какъ мы видѣли, отъ Готфрида Бульонскаго и другихъ христіанскихъ государей значительные имѣнія и доходы; богатство это еще было увеличено дареніями и завѣщаніями другихъ западныхъ королей, а также мірскихъ и духовныхъ князей. И все-же орденъ достигъ высшей степени матеріальнаго благосостоянія только при великомъ магистрѣ Фулькѣ де-Вилларе, когда, по буллѣ папы Климента V, отъ 8 августа 1308, орденъ святого Самсона, въ Константинополѣ и Коринѳѣ, вмѣстѣ съ принадлежавшими ему имѣніями, былъ присоединенъ къ ордену іоаннитовъ и когда, четыре года спустя, по буллѣ того-же папы, часть пространныхъ владѣній упраздненнаго ордена досталась тампліерамъ.

Но такое обиліе матеріальныхъ средствъ не согласовалось со строгимъ обѣтомъ ордена іоаннитовъ и, подобно тому, какъ это случилось и съ тампліерами, стало причиною его внутренняго разложенія. Роскошь и изнѣженность, мало-по-малу, замѣстили умѣренность и произвольное воздержаніе, бездѣлье и нарушеніе обязанностей замѣнили геройскую жажду подвиговъ и радостную готовность къ самопожертвованію. Даримыя милосердыми основателями, на уменьшеніе человѣческихъ страданій, имѣнія очень часто расточались скорѣе на производства и удовлетвореніе матеріальныхъ желаній, чѣмъ, сообразно цѣли даренія, на призоръ больныхъ, кормленіе бѣдныхъ и помощь нуждающимся, хотя орденъ, по прежнему обѣту своихъ членовъ, не обѣщалъ имъ ничего, кромѣ хлѣба, воды и простого платья: «panem et aquam et humilem vestitum tantum promittimus» *).

Да и принятое, со времени основанія ордена, правило со-

---

*) Statuta Cap. I., De recepione fratrum.

вмѣстнаго житья всѣхъ братьевъ соблюдалось только въ видѣ исключенія, хотя давно установился въ орденѣ обычай, обязывавшій рыцарей, покрайней-мѣрѣ пять лѣтъ, не включая перерывовъ, прожить въ братствѣ. За это время ни одинъ рыцарь не смѣлъ провести ночи за стѣнами жилища своего братства, и каждый долженъ былъ участвовать въ общемъ обѣдѣ *).

Но возвратимся на островъ Родосъ, которому предстоитъ перейти въ руки невѣрныхъ.

Султанъ Солиманъ II, прозванный Могущественнымъ, вступивъ, три года тому назадъ, на престолъ османовъ и уже наведя ужасъ на сосѣднія христіанскія страны, явился съ трехсоттысячною арміею и сильною артиллеріей предъ стѣнами Родоса, подъ предлогомъ наказать христіанскій рыцарскій орденъ за помощь, оказанную имъ возставшему сирійскому пашѣ. Онъ приступилъ къ осадѣ острова съ такою настойчивостью, что въ рыцаряхъ ордена должна была исчезнуть всякая надежда на успѣшную защиту, тѣмъ болѣе, что воззванія о помощи, обращенныя ими къ державамъ одной съ ними религіи, въ Западной Европѣ, должны были остаться тщетными и обмануть всѣ надежды на помощь.

Откуда могла придти просимая помощь? Вѣдь въ то время бушевала война именно между могущественнѣйшими державами христіанства, молодые государи которыхъ, по поводу выбора въ санъ германскаго императора, упорно оспаривали другъ у друга это званіе и теперь, подъ видомъ взаимныхъ притязаній на земли, а на самомъ дѣлѣ только изъ личной зависти, схва-

*) За общимъ столомъ каждый рыцарь получалъ одинъ фунтъ мяса, одну кружку вина и шесть хлѣбцовъ; въ праздники мясо замѣнялось рыбою и яйцами.

тились за оружіе, послѣ того, какъ германскій императорскій вѣнецъ достался не французскому королю Франсуа I, а его могучему сопернику, австрійскому императору Карлу.

Въ Родосѣ рыцари, подъ предводительствомъ своего храбраго, великаго магистра Филиппа де-Вилльe-де-л'Иль Адамъ, держались шесть мѣсяцевъ противъ многочисленнѣйшаго непріятеля и нанесли ему искусною обороной и мужественными вылазками столь большія потери, что Солиманъ готовился снять осаду. Въ это время низкая измѣна албанскаго перебѣжчика и одного еврейскаго врача въ конецъ разрушили всѣ надежды героевъ-защитниковъ и всякую возможность къ дальнѣйшему сопротивленію. Указанія перваго изъ этихъ измѣнниковъ относительно жалкаго состоянія защитниковъ города, считавшихъ въ своихъ рядахъ, въ началѣ осады, только шестьсотъ рыцарей и четыре тысячи пятьсотъ обыкновенныхъ воиновъ, большинство которыхъ уже погибло или лежало перераненнымъ, и передача этихъ указаній врачомъ-евреемъ въ турецкій лагерь, на пущенной въ него стрѣлѣ, взвѣстили враговъ, въ точности, о наиболѣе слабыхъ пунктахъ укрѣпленій и о лучшихъ мѣрахъ, чтобы застать осажденныхъ врасплохъ. Ободренный этими вѣстями, султанъ приказалъ ревностнѣе прежняго продолжать осадныя работы и повторить самые настойчивые натиски. Рыцари терпѣли недостатокъ въ самомъ необходимомъ, и потому великій магистръ увидѣлъ себя, наконецъ, вынужденнымъ принять условія капитуляціи, предложенныя Солиманомъ, который, съ своей стороны, былъ настроенъ на это ложнымъ слухомъ о приближеніи христіанскаго флота и желаніемъ предотвратить ужасное кровопролитіе. Послѣдовала сдача туркамъ Родоса, съ другими, принадлежавшими ордену, маленькими островами, на недѣлѣ между 17 и 24 де-

кабря 1522. Жителямъ и рыцарямъ предоставлены были свобода религіи и личная безопасность, а также безпрепятственный отъѣздъ съ острова и свободный вывозъ имущества, святыхъ мощей, церковной утвари и необходимыя, для вооруженія орденскихъ галеръ, пушки и другіе военные припасы.

Прежде, чѣмъ покинемъ это поприще знаменитыхъ подвиговъ ордена, мы должны упомянуть о процессѣ, ознаменовавшемъ геройскую защиту Родоса и навѣки заклеймившемъ позоромъ имя одного изъ видныхъ членовъ ордена. Процессъ этотъ былъ понятъ авторами различно и потому требуетъ точнаго изложенія.

По смерти великаго магистра Фабриція дель-Каретто, канцлеръ ордена и высшій пріоръ Кастиліи, Андрей Амараль *), опираясь на оказанныя имъ ордену услуги, дотого настойчиво и высокомѣрно добивался своего выбора въ санъ великаго магистра, что всѣ члены капитула подали голосъ противъ него и избрали заслужившаго общее уваженіе и общую любовь высшаго пріора Франціи, Филиппа де-Вилье-де-л'Иль Адамъ. Преданіе, сообщаемое старѣйшимъ лѣтописцемъ ордена, Бозіо, говоритъ, что Амараль, разобиженный этимъ предпочтеніемъ ему другого рыцаря, поклялся въ мести своимъ соратникамъ и рѣшился измѣннически предать ихъ врагамъ христіанства. Для выполненія коварнаго замысла, онъ, будто, послалъ одного турецкаго раба въ Константинополь съ письмомъ къ султану Солиману, съ ободряющимъ вызовомъ—предпринять осаду Родоса и съ точнымъ указаніемъ укрѣпленій города, числа защитниковъ и количества запасовъ, продовольственныхъ и военныхъ. Тогда-то, будто-бы, сильно обрадованный извѣ-

---

*) Нѣкоторые авторы называютъ его Амералемъ и Эмералемъ.

стіями, Солиманъ, только-что завоевавшій Бѣлградъ, и рѣшился выступить въ походъ противъ Родоса. Объ этомъ позорномъ поступкѣ Амараля орденъ въ то время не зналъ ничего, что явствуетъ изъ даннаго Амаралю порученія—запасти провіантъ для города, какъ только рыцари узнали о непріязненномъ намѣреніи Солимана осадить Родосъ. Историкъ Бозіо увѣренно утверждаетъ, что, и при исполненіи этого порученія, Амараль старался причинить ордену возможный вредъ.

Когда, затѣмъ, дѣйствительно Солиманъ осадилъ Родосъ, и защитники его уже геройски отбили нѣсколько приступовъ, одинъ изъ слугъ Амараля былъ уличенъ въ намѣреніи пустить записку на стрѣлѣ въ станъ турокъ. При допросѣ слуга показалъ, что, по приказанію своего господина, уже нѣсколько разъ отправлялъ такимъ образомъ письма къ султану и подтверждалъ это показаніе даже подъ допросной пыткой. Съ своей стороны, канцлеръ Амараль рѣшительно отвергалъ этотъ навѣтъ, будто передавалъ своему слугѣ письма, и продолжалъ настаивать на своемъ показаніи и въ то время, когда былъ понуждаемъ къ покаянію мучительной пыткой. Но когда слуга, подъ вторичной пыткой, продолжалъ увѣрять въ правдѣ прежняго показанія, совѣтъ ордена приговорилъ обоихъ обвиненныхъ къ смертной казни, которая и была исполнена надъ канцлеромъ при помощи топора, а надъ слугой петлею веревки.

Еслибъ даже прежній, измѣнническій поступокъ Амараля, о которомъ разсказываетъ Бозіо, и былъ впослѣдствіи доказанъ, то изъ этого было-бы видно, что наказаніе, наконецъ, постигло-же заслужившаго его преступника. Тѣмъ не менѣе, пытка и казнь Амараля, по наговору его слуги, кажется намъ отнюдь не справедливою и можетъ быть извиняема лишь тѣмъ опас-

нымъ положеніемъ, въ которое орденъ былъ поставленъ несчастною осадой.

Такъ палъ Родосъ, эта передовая крѣпость на защиту христіанства, и опять по берегамъ Средиземнаго моря начался грабежъ торговыхъ кораблей турками и пиратами.

Постигнутый несчастіемъ орденъ, со своимъ великимъ магистромъ, 1-го января 1523 года, покинулъ достославно защищаемый до-сихъ-поръ островъ, на пятидесяти большихъ и малыхъ корабляхъ, съ четыремя тысячами родосцевъ и, до времени, переѣхалъ на венеціанскій островъ—Кандію.

Не смотря на предупредительный и почетный пріемъ рыцарей венеціанскимъ дожемъ, предлагавшимъ имъ свое гостепріимство на долгое время, великій магистръ не рѣшился оставаться въ Венеціи дольше того, какъ необходимо было для починки, поврежденныхъ сильною бурею, кораблей ордена, потому-что видъ, стоявшихъ въ гавани, на якорѣ, шестидесяти венеціанскихъ галеръ наполнялъ душу великаго магистра и рыцарей горемъ и болью. Поэтому, орденъ уже въ мартѣ сѣлъ на свои корабли и поплылъ къ берегамъ Италіи, предварительно извѣстивъ папу и другихъ европейскихъ государей о паденіи Родоса.

Противные вѣтры и большое число раненыхъ и больныхъ заставили великаго магистра пристать къ сушѣ, въ городѣ Цериго, откуда, въ маѣ, орденъ перебрался въ Мессину. Отсюда заставила его удалиться чума, которою заразились многіе рыцари, не смотря на соблюдавшіяся предосторожности. Орденъ былъ вынужденъ зайти въ ближайшую неаполитанскую гавань, а затѣмъ, уже по прошествіи мѣсяца съ выхода изъ Венеціи, достигъ Чивита-Веккіи, откуда великій магистръ поѣхалъ въ Римъ, гдѣ папою Адріаномъ VI былъ принятъ съ торжествен-

нымъ почетомъ. Но данныя при этомъ сѣдому великому магистру обѣщанія не были выполнены, за болѣзнью папы, который и умеръ 14 сентября.

Собраннымъ тотчасъ-же конклавомъ, которому великій магистръ и рыцари служили стражами, былъ выбранъ въ преемники Адріана бывшій родосскій рыцарь и высшій пріоръ Капуи, кардиналъ Джуліо Медичи, возсѣвшій на папскій престолъ подъ именемъ Климента VII.

Тотчасъ за коронованіемъ, Климентъ выразилъ свое расположеніе къ ордену тѣмъ, что, съ согласія коллегіи кардиналовъ, назначилъ ему мѣстомъ пребыванія городъ Витербо, до времени, когда найдется мѣсто, гавань или островъ, откуда рыцари моглибы, согласно своему обѣту, съ бо́льшимъ успѣхомъ дѣйствовать на пользу христіанской религіи и церкви. А пока флотъ ордена долженъ былъ стоять въ Чивита-Веккіи. Но и эту стоянку, по причинѣ наступившей здѣсь чумы, орденъ долженъ былъ промѣнять на Ниццу.

Между тѣмъ, рыцарямъ было сдѣлано много предложеній относительно выбора ихъ конечнаго мѣста пребыванія, которыя были, однако, отклонены, частью по несоотвѣтствію предложенныхъ мѣстъ цѣлямъ ордена, частью-же и по осторожности великаго магистра, опасавшагося, пріемомъ предложенія, встать въ зависимость отъ какой-либо верховной власти. Съ такимъ-же недовѣріемъ отнесся великій магистръ и къ предложенію ему въ мѣсто пребыванія острововъ Мальты и Гоццо, съ лежащимъ на африканскомъ берегу городомъ Триполи, которые были предложены однимъ изъ испанскихъ рыцарей, вѣроятно, съ согласія короля Испаніи, императора Карла V. Но такъ-какъ папа Климентъ одобрялъ пріемъ этихъ острововъ, то великій магистръ и послалъ въ станъ императора рыцаря Бозіо, для переговоровъ

объ уступкѣ ордену Мальты и Гоццо, безъ упоминанія, впрочемъ, о городѣ Триполи, пріобрѣтеніе котораго должно было сопровождаться слишкомъ большими затрудненіями.

Императоръ Карлъ V согласился на уступку ордену означенныхъ владѣній, однако, подъ условіемъ, чтобы орденъ взялъ и городъ Триполи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и принесъ ему, Карлу, какъ ленному сюзерену, присягу въ вѣрности. Великій магистръ тѣмъ охотнѣе отклонилъ-бы эти условія, что посланные на островъ Мальту рыцари ордена описали мѣстность въ весьма непривлекательномъ видѣ и жаловались на неплодородіе почвы, недостатокъ воды и непрочность укрѣпленій; тѣмъ не менѣе, магистръ призналъ за лучшее затянуть переговоры, потому что одновременно, противъ всякихъ ожиданій, открывалась благопріятная возможность вновь пріобрѣсти Родосъ.

Египетскій намѣстникъ Ахметъ вздумалъ сдѣлаться независимымъ и съ этою цѣлью вступилъ въ переговоры съ нѣкоторыми христіанскими государями и съ великимъ магистромъ іоаннитскаго ордена. По этому поводу онъ ободрялъ магистра на обратное завоеваніе Родоса, ссылаясь на то, что временныя условія благопріятствуютъ этому предпріятію и мѣстное населеніе готово возстать противъ своего повелителя, а одинъ изъ мѣстныхъ полководцевъ, вѣроотступникъ, готовъ передать крѣпость при первомъ появленіи флота ордена. Но султанъ былъ во время извѣщенъ объ измѣнническомъ замыслѣ своего намѣстника и, чтобъ предотвратить выполненіе плана, послалъ въ Родосъ значительный отрядъ войска, который и казнилъ честолюбиваго Ахмета.

Вслѣдствіе такого жалкаго исхода объявленія независимости Египта, походъ, для возвращенія Родоса, сталъ невозможностью. Тѣмъ не менѣе, великій магистръ надѣялся вновь завоевать

островъ, при помощи дружественно расположенныхъ къ ордену государей, которыхъ онъ старался склонить къ содѣйствію своему плану. Разсерженнаго все-еще продолжавшимся замедленіемъ переговоровъ объ островѣ Мальтѣ императора, требовавшаго отвѣта, магистръ думалъ успокоить при посредствѣ папы и склонить къ передачѣ острововъ безъ города Триполи. Однако, для такихъ переговоровъ папа Климентъ, въ то время, былъ лицомъ неподходящимъ, такъ-какъ самъ заключилъ договоръ съ Венеціей и англійскимъ королемъ противъ Карла V, который, въ морскомъ сраженіи при Павіи, 23 февраля 1525 года, взялъ въ плѣнъ короля Франсуа I.

При сказанныхъ обстоятельствахъ, великій магистръ порѣшилъ самому отправиться къ императорскому двору. Къ этому представился и подходящій случай: французская королева-мать обратилась къ нему съ просьбой перевезти ея дочку, герцогиню Алленсонскую, которая должна была испросить у императора освобожденіе ея брата и возможно-лучшія условія мира, въ Испанію. Вилье, не колеблясь, отплылъ на своихъ судахъ къ берегамъ Франціи, гдѣ его ожидала принцесса, снабженная видомъ на проѣздъ, за подписью англійскаго короля. А совѣтники императора, узнавъ о поѣздкѣ магистра и не зная настоящей ея причины, заподозрили Вилье въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ противъ императора и дали подписать Карлу V приказъ—подвергнуть секвестру находившіяся въ его владѣніяхъ земли ордена.

Вѣсть объ этомъ новомъ несчастіи достигла магистра, восторженно желавшаго сослужить ордену службу, уже на пути во Францію, и Вилье, съ тяжелыми ожиданіями, отправился на аудіенцію, немедленно назначенную ему могущественнымъ императоромъ, по окончаніи торжественнаго пріема герцогини Ален-

сонской. Вилле краснорѣчиво изложилъ императору всѣ ужасы, происходившіе при осадѣ Родоса и какъ, наконецъ, орденъ, покинутый, въ трудную пору, всѣми христіанскими государями, былъ одоленъ превосходными въ силахъ османами и теперь скитается безъ собственнаго пріюта, лишенный владѣній и доходовъ, и вынужденъ подчиняться налагаемымъ на него тяжкимъ, невозможнымъ условіямъ, напримѣръ, принесенію присяги въ подданствѣ, когда онъ не можетъ стоять въ зависимости ни отъ какого отдѣльнаго государя, чтобы не нарушить своей задачи,—подавать помощь противъ невѣрныхъ всякому христіанину, безъ различія національностей и званій. Затѣмъ, перейдя къ вопросу о Мальтѣ, Вилле завѣрялъ, что орденъ уже давно прибѣгнулъ-бы къ милости императора, еслибъ не питалъ надежды на завоеваніе вновь Родоса, которая и теперь могла-бы привести къ благому результату, еслибы только у ордена были необходимыя на предпріятіе денежныя средства.

Почтенная личность и краснорѣчіе великаго, много испытавшаго, магистра произвели на гордаго императора такое благопріятное впечатлѣніе, что онъ тотчасъ-же приказалъ снять секвестръ съ имѣній ордена и на случай, если преднамѣренное предпріятіе противъ Родоса состоится, назначилъ выдачу двадцати пяти тысячъ талеровъ *), а на случай неуспѣха предоставилъ въ ленъ ордену островъ Мальту.

Менѣе счастливо кончилось ходатайство герцогини Аленсонской. Императоръ, какъ и прежде, требовалъ, помимо большой выкупной суммы, еще уступки Майланда и Неаполитанскаго королевства, а равно и графствъ Фландрскаго и Артуа. Мало того: по приказанію своего брата, она должна

*) До настоящаго времени талеръ номинально былъ равенъ нашему рублю.

была быстро оставить Мадридъ, чтобы Карлъ не остановилъ ее, по истеченіи срока выданнаго Англіей вида, въ видѣ заложницы.

Пользуясь личнымъ расположеніемъ Карла V и Франсуа I, Виллье, оставшись въ Мадридѣ, уладилъ между обоими миръ, и ему дѣйствительно удалось склонить короля принять тяжелыя условія непреклоннаго императора и подписать, такъ-называемый, мадридскій миръ 14 января 1526 года,—впрочемъ, тайно опротестовавъ наложенное на него насильно дѣйствіе. И въ этомъ случаѣ Виллье, соображая выгоды ордена, съумѣлъ сдѣлать такъ, что обѣ стороны обязались побудить папу къ новому крестовому походу и поддержать послѣдній всѣми, зависящими отъ нихъ, средствами.

По заключеніи мира никогда не устававшій Виллье-де-л'Иль Адамъ отправился сначала въ Лиссабонъ, гдѣ, къ обоюдному удовольствію, уладилъ возникшій споръ между королемъ и орденомъ и исходатайствовалъ у короля не только подтвержденіе всѣхъ привилегій ордена, въ Португаліи, но и обѣщаніе значительной суммы на задуманный походъ противъ Родоса. Едва достигло до него тамъ горькое извѣстіе, что англійскій король Генрихъ VII наложилъ запрещеніе на находившіяся въ его владѣніяхъ имѣнія ордена,—какъ предполагаютъ, въ досадѣ на то, что великій магистръ посѣтилъ дворы въ Мадридѣ, Парижѣ и Лондонѣ, а не побывалъ у него,—какъ Виллье поспѣшилъ въ Лондонъ, гдѣ не только добился отмѣны этого распоряженія, но и признанія всѣхъ правъ ордена въ Англіи и обѣщанія двадцати тысячъ талеровъ на завоевательный походъ противъ Родоса.

Осыпанный почестями у всѣхъ тогдашнихъ христіанскихъ государей, великій магистръ вернулся въ Италію. Здѣсь, между

тѣмъ, вслѣдствіе помянутыхъ союзовъ между папой и королемъ Англіи, императорскія войска заняли Римъ и взяли въ плѣнъ святого отца, такъ что временно нельзя было и думать о предположенномъ предпріятіи противъ Родоса, тѣмъ болѣе, что, въ связи съ этимъ событіемъ, императоръ сталъ относиться недовѣрчиво къ ордену. Такъ и султанъ, увѣдомленный о предназмѣреваемомъ походѣ, смѣнилъ все войско на островѣ и нарядилъ слѣдствіе надъ всѣми лицами, заподозрѣнными въ сношеніяхъ съ орденомъ.

Наконецъ, война въ Италіи окончилась миромъ, въ Камбре, въ 1529 году. Пользуясь пребываніемъ, въ концѣ этого года, Карла въ Болоньѣ, папа Климентъ возобновляетъ переговоры относительно Мальты, и они, на этотъ разъ, приводятъ къ удовлетворительному результату. Въ близко отстоящемъ оттуда городѣ Кастельфранко, 24 марта 1530 года, Карлъ V подписываетъ договоръ, которымъ острова Мальта, Гоццо и Комино, а также африканскій городъ Триполи были предоставлены храброму ордену, въ видѣ feudum perpetuum, nobile, liberum, francum,—т.-е. какъ дворянскій, свободный ленъ. Въ актѣ было сказано, что онъ, императоръ,—въ сознаніи великихъ услугъ ордена христіанству, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, и въ твердомъ убѣжденіи, что орденъ и въ будущемъ будетъ служить христіанской религіи,—уступаетъ и передаетъ ордену и наслѣдникамъ его имени, на вѣчныя времена, острова Мальту, Гоццо и Комино, а также городъ Триполи, со всѣми принадлежащими къ нимъ замками и укрѣпленіями, землями, доходами, правами и привилегіями, а также правомъ надъ жизнью и смертью,—но подъ условіемъ, что великій магистръ и рыцари ордена будутъ признавать это имущество какъ ленъ короны Сициліи, однако, не обязываясь при этомъ ни на одну

другую послугу, какъ на ежегодную присылку, въ день Всѣхъ Святыхъ, вице-королю бѣлаго сокола и, при всякомъ опростаніи епископскаго престола въ Мальтѣ, на представленіе трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ имѣли-бы право избирать новаго епископа только императоръ и его наслѣдники *).

По торжественномъ пріемѣ этого акта, утвержденнаго папою, какъ старшимъ главою ордена, 25 апрѣля, были посланы къ императорскому двору два старшіе комтура ордена, чтобы, отъ имени его всего, выразить должную благодарность. Два другіе посла отправились къ вице-королю Сициліи, произнести ленную присягу, послѣ чего, по дарованіи инвеституры, шесть императорскихъ коммиссаровъ были введены во владѣніе островомъ и городомъ, причемъ они, отъ имени великаго магистра и совѣта ордена, должны были обязаться защищать и соблюдать права и обычаи жителей.

Великій магистръ и сочлены орденскаго совѣта уже отправились въ Сиракузы, въ Сициліи, чтобы оттуда переѣхать на Мальту, и работники, съ нужными строительными матеріалами, для возведенія замка и укрѣпленій, а также военными запасами, были посланы еще раньше, потому-что новыя затрудненія порождали въ орденѣ серьезныя опасенія за его будущность. Вице-король Сициліи требовалъ установленія на все вывозимое на Мальту хлѣбное зерно значительнаго налога, котораго досихъ-поръ никогда не взымалось, а смотритель монетнаго двора объявилъ, что орденъ не имѣетъ права чеканить собственныя деньги, а лишь монеты съ изображеніемъ императора. Тотчасъ-же отправленные ко двору послами рыцари,

---

*) Императорская дарственная запись отпечатана въ сочиненіи „Pauli, Codice diplom. del Sacro Ordine Gerosolimitano“, Tome II, p. 194.

съ цѣлью выхлопотать отмѣну этого распоряженія, возвратились безъ успѣха, а потому приходилось вновь обратиться за посредничествомъ къ папѣ, которому и удалось устранить оба эти затрудненія.

Затѣмъ, великій магистръ, со всѣми выселившимися изъ Родоса людьми, переѣхалъ по морю на Мальту и достигъ своего новаго пріюта, потерявъ, однако, отъ сильной бури, уже близко отъ берега, одну галеру, 26 октября 1530 года. Капитулъ ордена принялъ для него названіе «мальтійскаго».

Такъ островъ Мальта сталъ пунктомъ единенія ордена іоаннитянъ, который съ этого времени, по мѣсту своего пребыванія, и назывался, просто, *мальтійскимъ орденомъ*. Онъ 268 лѣтъ ненарушенно владѣлъ этимъ императорскимъ леномъ, за исключеніемъ города Триполи, который, уже черезъ 22 года, перешелъ во власть султана Солимана II. На Мальтѣ находилась отнынѣ резиденція какъ великаго магистра, главы ордена, такъ и помогавшаго ему постояннаго орденскаго совѣта, а равно тутъ проживали и всѣ лица, облеченныя принадлежавшими къ ордену должностями и званіями.

По вводѣ во владѣніе островомъ Мальтой, верховность власти ордена была признана всѣми христіанскими державами, съ которыми онъ состоялъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ. И папою, и римскимъ императоромъ ему дана была власть произвесть въ своихъ правилахъ, статутахъ и уставахъ, указываемыя мѣстными и временными обстоятельствами и могущія стать нужными, измѣненія, которыя и были потомъ многократно утверждаемы святымъ престоломъ папы.

По смерти Виллье (1534), былъ избранъ въ санъ великаго магистра Пьеррино де-Понте, но умеръ уже въ 1535 году. Въ 1536 умеръ и его преемникъ Дезидерій де-Санъ-Тайль. Но

и въ такой короткій срокъ правленія (10 мѣсяцевъ), благодаря почину Тайля, бывшаго пріора Тулузы и одного изъ храбрыхъ защитниковъ Родоса, мальтійскій орденъ вступилъ на путь подвиговъ, описаніе которыхъ обогащаетъ его исторію блестящими доказательствами выносливости ордена въ опасности и высокой доблести его рыцарей, хотя не безъ исключенія. Рыцари, еще при магистрѣ де-Санъ-Тайлѣ, соперничали въ ревностномъ преслѣдованіи африканскихъ морскихъ разбойниковъ, подстрекаемые къ тому, правда, и богатою добычею, доставашеюся имъ, когда удавалось захватить пиратское судно. Многіе изъ рыцарей провели большую часть своей жизни на морѣ; но ни одинъ изъ нихъ не превосходилъ искусствомъ въ этой охотѣ пріора Пизы и начальника галеръ Ботигеллу, который почти не покидалъ моря и дотого счастливо преслѣдовалъ корсаровъ, что между ними установилось мнѣніе, будто Ботигелла пользуется услугами черта, который, въ видѣ его собаки, всегда увѣдомляетъ хозяина о выходѣ корабля изъ африканскихъ гаваней. Но эти успѣхи рыцарей на морѣ дотого раздражили турокъ, что они приняли твердое рѣшеніе изгнать рыцарей изъ Триполи. Быстро набранное войско, подъ предводительствомъ отчаяннаго вождя пиратовъ, сдѣлало приступъ къ городу Триполи, обладавшему слабыми гарнизономъ и укрѣпленіями, и потому, вѣроятно, успѣло бы выполнитьсвой планъ, еслибы комендантъ города, Георгъ Шиллингъ, германскій старшій балльи, не получилъ заранѣе увѣдомленія о предполагаемомъ нападеніи и, сообразными мѣрами, не предотвратилъ его успѣха. Когда извѣстіе о нападеніи дошло до Мальты, Ботигелла, по приказанію орденскаго совѣта, поспѣшилъ на выручку гарнизона въ Триполи, завоевалъ нѣсколько находившихся по близости укрѣпленій, которыя и разрушилъ до тла, и усилилъ гарни-

зонъ города. Съ торжествомъ возвратился на Мальту Ботигелла, и такъ-какъ непосредственно затѣмъ пришла вѣсть о смерти новаго великаго магистра, на пути изъ его пріората въ Тулузу, 12 октября 1536 года, въ Марсели, то избраніе побѣднаго Ботигеллы на высшую должность ордена казалось несомнѣннымъ. Однако одному изъ членовъ ордена, завидовавшему громкой славѣ Ботигеллы, удалось, помощью козней, склонить рыцарей не избирать послѣдняго, а возложить званіе великаго магистра на балльи аррагонскаго языка Жуана д'Омеде, который и былъ избранъ 20 октября. Д'Омеде также былъ извѣстенъ своею храбростью, выказанною имъ при осадѣ Родоса, но его себялюбивый характеръ обѣщалъ мало пользы ордену. Между тѣмъ, африканскія шайки разбойниковъ, пользуясь одобреніемъ султана, захватили почти всю береговую полосу, принадлежавшую Тунису, и Мулей-Гассанъ тунисскій, стѣсненный почти въ одномъ своемъ главномъ городѣ, обратился къ ордену за помощью, указавъ на опасность, угрожающую Триполи, если не прекратить разбоевъ.

Но великій магистръ, не посылая подкрѣпленій въ Африку, счелъ своею обязанностью сперва донести императору о положеніи дѣлъ. Послѣдній повелѣлъ сицилійскому вице-королю послать 3000 человѣкъ къ Тунису и пригласить орденъ участвовать въ походѣ. Четырнадцать мальтійскихъ и сицилійскихъ галеръ быстро перевезли рыцарей и войска, которые, только-что высадившись и соединившись съ Мулей-Гассаномъ, осадили крѣпость Сузу. Но, къ сожалѣнію, императорскія войска вели себя такъ плохо, что пришлось снять осаду и, къ огорченію членовъ ордена, мнѣнія которыхъ не слушали, съ неуспѣхомъ возвратиться.

Вслѣдствіе этой неудачи, положеніе Триполи стало дотого

опасно, что не только комендантъ города, но и многіе рыцари ордена признали нужнымъ снести окопы и совсѣмъ покинуть городъ. Но такъ-какъ столь важнаго шага нельзя было сдѣлать безъ разрѣшенія императора, то отправили посольство, съ подробнымъ отчетомъ о случившемся. Императоръ обѣщалъ прислать, на случай осады, вспомогательное войско изъ Сициліи и высказалъ надежду въ скоромъ времени подавить пиратство и тѣмъ навсегда избавить орденъ отъ тревогъ и опасностей. И дѣйствительно, къ удивленію всѣхъ, Карлъ, не смотря на неудачу императорскихъ войскъ въ Венгріи, гдѣ турки, подъ начальствомъ Мухамеда, взяли приступомъ Офенъ, предпринялъ съ огромнымъ войскомъ, позднею осенью 1541 года, обѣщанный походъ противъ сѣверо-африканскихъ пиратовъ. Приэтомъ Карлъ надѣялся, что, въ отсутствіе Барбароссы *), который, въ качествѣ начальника турецкаго флота, былъ припертъ къ берегу Андреемъ Дорія, онъ самъ завладѣетъ Алжиромъ такъ-же легко, какъ легко завоевалъ Тунисъ.

Тщетны были предостереженія опытныхъ моряковъ, даже стараго Доріи, отъ долженствовавшихъ наступить опасныхъ осеннихъ бурь и ихъ совѣтъ отложить походъ до весны.

Послѣ очень бурнаго переѣзда, флотъ, 24 или 26 октября, достигъ рейда Алжира, и началась безпрепятственно высадка двадцати тысячъ пѣхоты и шести тысячъ конницы. Напрасно думалъ императоръ, обѣщаніями и угрозами, побудить врага къ сдачѣ города. Посѣдѣлый въ походахъ турецкій полководецъ, Гассанъ, которому Барбаросса далъ для защиты 800 турокъ и 6000 жителей, способныхъ носить оружіе, не входилъ ни

*) Одного изъ двухъ знаменитыхъ братьевъ—пиратовъ Средиземнаго моря.

въ какіе переговоры и безпокоилъ христіанское войско со всѣхъ сторонъ, наскоро набранной съ окрестностей арабской конницей. Въ первую ночь поднялась страшная буря, которая должна была гибельно подѣйствовать на походъ, предпринятый со столькими надеждами. На своей стоянкѣ подъ открытымъ небомъ, такъ-какъ палатки, по причинѣ бури, должны были остаться на корабляхъ, императорское войско цѣпенѣло отъ лившаго съ неба дождя и охлаждавшаго мокрую одежду ледяного вѣтра и пришло за ночь въ такое плачевное состояніе, что турки, сдѣлавъ на зарѣ слѣдующаго дня внезапное нападеніе, почти беззащитно истребили ближайшіе баталіоны и, ободренные такимъ успѣхомъ, проникли почти до императорской ставки. Только мужеству старыхъ солдатъ и рыцарей удалось отразить этотъ дерзкій наскокъ, грозившій императору потерею свободы или жизни, и обратить турокъ въ бѣгство. Слѣдуя за ними, чутъ не по пятамъ, рыцари едва не проникли въ городъ и сдѣлали-бы это, еслибъ комендантъ не приказалъ поспѣшно затворить ворота раньше, чѣмъ успѣли войти въ нихъ остатки войска, ходившаго въ вылазку. Потеря обѣихъ сторонъ въ людяхъ была весьма значительна. Но ея нельзя и сравнить съ ущербомъ, причиненнымъ бурею флоту. Орканъ оборвалъ якорные канаты и раскидалъ корабли, изъ которыхъ нѣкоторые разбились о скалы, а другіе были выброшены на берегъ, гдѣ матросовъ и остававшихся еще на корабляхъ солдатъ сухопутнаго войска ожидала смерть, потому-что пощаженное волнами добивалось аравійцами. Пятнадцать большихъ галеръ и 86 другихъ судовъ, съ запасами всякаго рода, погибли въ бушующемъ морѣ, покрытомъ осколками кораблей и трупами людей. Императору пришлось, оставивъ перенесенные въ первый день на сушу воинскіе запасы, отступить

отъ воротъ Алжира, съ порѣдѣвшими войсками, для которыхъ не было въ запасѣ ни провіанта, ни боевыхъ принадлежностей, и возвратиться на сохранившіяся и съ трудомъ снова собранныя суда. Но едва прошло часа три послѣ съемки съ якоря, какъ снова начался орканъ, разсѣялъ флотъ и опять потопилъ нѣсколько кораблей, а между ними и большую галеру съ 700 испанскими солдатами, которые, на глазахъ императора, безпомощно утонули. Наконецъ, послѣ нескончаемыхъ трудовъ и опасностей, корабли достигли залива Буджія (Бугія), въ теперешнемъ округѣ Константины, гдѣ Мулей-Гассанъ далъ войскамъ провіантъ, и поврежденные корабли могли быть починены. Когда море совершенно успокоилось, флотъ опять пустился въ море и 25 ноября достигъ Карѳагена, откуда только три орденскія галеры, сильно поврежденныя бурею, могли достигнуть Мальты.

Едва эти корабли были исправлены, какъ старшій балльи опять предпринялъ съ ними походъ противъ морскихъ разбойниковъ, которые, въ отсутствіе орденскаго флота, ограбили береговыя поселенія около Мальты и Гоццо и увели много тамошнихъ жителей въ плѣнъ.

Пылая местью къ ненавистному ордену, какъ опаснѣйшему врагу разбойничьихъ притоновъ, Барбаросса уговорилъ султана къ предпріятію противъ Триполи и уполномочилъ своего намѣстника спѣшно принять мѣры къ нападенію на эту крѣпость.

Какъ-разъ въ это время старшій балльи находился при флотѣ ордена въ гавани Триполи. Комендантъ получилъ отъ одного посыльнаго Мулей-Гассана извѣстіе о враждебныхъ намѣреніяхъ Барбароссы, и тотчасъ-же была снаряжена депутація къ императору, съ настойчивой просьбой—или дать средства къ улучшенію и закончанію укрѣпленій Триполи, или разрѣ-

шить упразднить крѣпость. Но Карлъ V и на этотъ разъ извинился предлогомъ своей войны съ Турціей и Франціей, не дозволявшей ему такихъ большихъ расходовъ, а между тѣмъ выразилъ убѣдительную просьбу, чтобы орденъ, по договору, во всякомъ случаѣ защитилъ Триполи.

Великому магистру оставалось только на оставшіяся у него средства наилучше укрѣпить городъ, расширить рвы, повысить валы, сдѣлать новыя насыпи и назначить комтурм Ла-Валетту, испытаннѣйшаго рыцаря, комендантомъ крѣпости. Одновременно онъ возобновилъ свою, многократно повторенную императору, просьбу о помощи, приложивъ планъ африканскаго берега, для болѣе нагляднаго объясненія важности Триполи для императорскихъ владѣній въ Европѣ.

На этотъ разъ просьба магистра не должна была остаться безъ послѣдствій, потому-что императорскимъ владѣніямъ дѣйствительно грозила серьезная опасность со стороны Африки. Причиною ея былъ дерзкій вождь пиратовъ Драгю, сынъ магометанскаго поденщика въ Натоліи. Драгю съ юности посвятилъ себя морской службѣ и на собственный рискъ совершалъ столь дерзкіе грабежи, что Барбаросса принялъ его къ себѣ на службу и назначилъ его своимъ помощникомъ, почему, по смерти Барбароссы, Драгю и былъ назначенъ адмираломъ. Едва облеченный въ этотъ санъ, Драгю завоевалъ принадлежавшія Испаніи береговыя мѣстечки—Сузу и Монастиръ и хитростью захватилъ лежавшій между Тунисомъ и Триполисомъ сильно укрѣпленный гаваньскій городъ Мегадія. Вѣсть объ зтомъ успѣхѣ Драгю распространила страхъ и побудила императора къ энергическимъ мѣрамъ, съ цѣлью обратнаго завоеванія отнятой твердыни. Подъ предводительствомъ Доріи, явился флотъ, соединился съ мальтійскими, папскими, неа-

политанскими и сицилійскими галерами, а также съ другими военными и транспортными судами, приплылъ къ африканскимъ берегамъ и, послѣ упорнаго сопротивленія осажденныхъ, взялъ сперва Монастиръ, а потомъ и твердыню Мегадію.

Въ надеждѣ, что Доріи не удастся взять столь сильно укрѣпленную, природою и искусствомъ, крѣпость, Драгю, по приближеніи флота, вышелъ на нѣсколькихъ корабляхъ въ море и по прежнему произвелъ нѣсколько грабежей на испанскихъ берегахъ. Когда-же до него дошла неожиданная вѣсть о паденіи Мегадіи, лишавшемъ его разомъ большихъ богатствъ и рабовъ, онъ поклялся кровавою местью мальтійскому ордену, который считалъ причиною своего несчастія, и исходатайствовалъ у султана позволеніе присоединить къ своему флоту весь турецкій, чтобы не только отбить обратно потерянные города, но предпринять даже походъ, для уничтоженія Мальты и всего ордена.

Спѣшно начатыя въ Константинополѣ вооруженія тѣмъ болѣе безпокоили береговыхъ жителей, что Дорія со своимъ флотомъ уже вышелъ изъ Средиземнаго моря и занялся другимъ дѣломъ. Вице-короли Неаполя и Сициліи, долженствовавшіе, по повелѣнію императора, вооружить свои флоты, убѣдились вскорѣ, по извѣстіямъ изъ Леванта, о числѣ и вооруженіи турецкаго флота, что ихъ соединенныхъ морскихъ силъ не хватитъ для одолѣнія турокъ и потому пригласили великаго магистра дать имъ въ помощь свои галеры. Магистръ Омеде, самъ по роду испанецъ и всегда готовый оказать услугу императору, послѣдовалъ этому приглашенію, не смотря на возраженія многихъ членовъ орденскаго совѣта и повторенныя предостереженія съ Мореи и отъ французскаго министра флота, согласно утверждавшіе, что вооруженія Порты направлены къ цѣли

нападенія на орденскія владѣнія. Омеде не послушался даже настойчиво обращенныхъ къ нему совѣтовъ приготовиться къ оборонѣ и всѣ просьбы снабдить лучшимъ гарнизономъ Триполи, въ которомъ находились только старики и больные, а ветхій и незащитимый замокъ Гоццо срыть, жителей-же острова перевезти въ Сицилію, наконецъ, созвать скорѣе многихъ, жившихъ внѣ Мальты, рыцарей,—всѣ эти просьбы остались втуне. Предложенныя мѣры были-бы сопряжены со значительными издержками, которыхъ эгоистъ-магистръ избѣгалъ, по-крайней-мѣрѣ, во всѣхъ случаяхъ, когда онѣ не обѣщали выгодъ его семьѣ. Поэтому, онъ энергично и послѣдовательно доказывалъ, что такія грандіозныя вооруженія, о какихъ слышно, не могутъ быть направлены противъ владѣній ордена, а единственно противъ императорскихъ.

Наконецъ, изъ этого ослѣпленія его вырвалъ видъ турецкаго флота, который онъ разсмотрѣлъ изъ оконъ своего дворца несущимся на всѣхъ парусахъ съ Востока на островъ. Внезапное появленіе этого могучаго флота, состоявшаго изъ 112 галеръ и большого числа другихъ военныхъ и транспортныхъ кораблей, распространило страхъ между жителями, и они, съ наскоро собраннымъ имуществомъ, скрылись по пещерамъ, а частью въ двухъ единственныхъ удовлетворительно укрѣпленныхъ мѣстахъ: фортѣ Св. Ангела и древней столицѣ Città notabile.

Но, дѣйствительно, Мальта и Гоццо не были главною цѣлью флота. Султанъ, приставивъ къ начальнику флота, Синаму-пашѣ, въ видѣ путеводителя и совѣтника, Драгута, строго наказалъ первому проѣздомъ попытаться застать острова врасплохъ, но, въ случаѣ сильнаго сопротивленія, не остана-

вливаться для блокады, а удовольствоваться завоеванiемъ Триполи, которое необходимо для возврата Мегадiи.

Когда, при первыхъ-же дѣйствiяхъ турокъ для высадки, выстрѣлы съ укрѣпленiя Св. Ангела произвели не малое смятенiе въ войскѣ невѣрныхъ, Синамъ-паша убѣдился, что рыцари будутъ серьезно защищаться, рѣшился плыть дальше и уступилъ только настойчивымъ представленiямъ Драгута сдѣлать хоть попытку захватить старую столицу ордена, укрѣпленiя которой слыли незащитимыми. Тогда, съ большимъ трудомъ, были перевезены на берегъ войска и пушки, и осада началась.

Тщетно просилъ комендантъ города, балльи Георгъ Адорнъ остававшагося въ крѣпости Св. Ангела великаго магистра о подкрѣпленiи, такъ-какъ не могъ распоряжаться достаточнымъ числомъ рыцарей и долженъ былъ прiютить и сдерживать въ порядкѣ множество бѣжавшихъ въ городъ жителей острова, которые, при первомъ видѣ турокъ, въ дикомъ отчаянiи требовали раскрытiя воротъ, чтобы бѣжать изъ города. Омеде, думая только о собственной безопасности, не хотѣлъ слышать объ уменьшенiи числа своихъ защитниковъ и, наконецъ, отпустилъ въ городъ только семерыхъ рыцарей, между ними прошеннаго комендантомъ Виллаганьона, испытанной неустрашимости. Рыцарямъ этимъ удалось пройти въ городъ, ночью перелѣзши черезъ стѣну. Когда на слѣдующее утро промежъ жителей прошла радостная и успокоивающая вѣсть, что ночью пришло подкрѣпленiе, раздались радостные крики и выстрѣлы, что заставило пашу повѣрить значительному подкрѣпленiю гарнизона. Его опасенiе, что осада продолжится, было еще усилено перехваченнымъ турками письмомъ, якобы изъ Сицилiи, къ великому магистру, въ которомъ онъ извѣщался о прибли

женіи адмирала Андрея Дорія съ большимъ флотомъ для освобожденія Мальты отъ осады. Это ложное письмо, посланное съ цѣлью обмануть пашу и хитростью переданное въ руки турокъ, произвело свое дѣйствіе. Созванный Синамъ-пашою военный совѣтъ рѣшилъ снять осаду и отъѣздъ отъ Мальты къ Триполи, и рѣшеніе стало тотчасъ-же приводиться въ исполненіе. Но отплыть отъ острововъ безъ грабежа и опустошенія ихъ было однако не въ нравахъ турокъ; поэтому, они пристали еще по пути къ острову Гоццо, чтобы, покрайней-мѣрѣ, опустошить его. Вся защита Гоццо состояла, какъ сказано раньше, изъ маленькой, незначительной горной крѣпости, которая не могла-бы сопротивляться турецкой артиллеріи. Поэтому комендантъ тотчасъ сдался. И только-что были отворены ворота, какъ, не взирая на договоренныя съ пашою условія, начался безобразнѣйшій грабежъ, послѣ котораго весь гарнизонъ и всѣ жители острова, всего 6300 человѣкъ, были закованы въ цѣпи и отведены на корабли плѣнными; замокъ былъ взорванъ, и флотъ отплылъ къ Триполи.

Комендантомъ этой крѣпости, какъ мы сказали раньше, предоставленной магистромъ ея злой участи, былъ маршалъ ордена Гаспаръ де-Валлье, одинъ изъ наиболѣе достойныхъ уваженія рыцарей, но ненавидимый Омеде, которому онъ часто возражалъ въ орденскомъ совѣтѣ, и потому удаленный съ Мальты. Къ этому-то коменданту, по высадкѣ на берегъ, паша отправилъ письменное требованіе сдать крѣпость. Валлье отвѣчалъ отказомъ, какъ и нельзя было ожидать иначе отъ человѣка столь испытанной храбрости, хотя ему и было хорошо извѣстно, что городъ не можетъ сопротивляться такой большой арміи, съ многочисленной артиллеріей. Тщетно пытался французскій посолъ при турецкомъ дворѣ, при проѣздкѣ въ Константинополь

узнавшій о походѣ турокъ и нарочно приставшій къ берегу въ Триполи, склонить знакомаго ему пашу къ пощадѣ города. Чтобы посолъ не могъ въ Константинополѣ перемѣнить намѣреній султана, Синамъ-паша задержалъ его въ дальнѣйшемъ слѣдованіи въ Турцію, вопреки его волѣ, до окончанія осады.

По возведеніи траншей началось такое сильное обстрѣливаніе крѣпости, что уже чрезъ нѣсколько дней въ стѣнахъ образовались бреши. Комендантъ, напрягая всѣ силы гарнизона, велѣлъ исправить стѣны; но хорошо намѣченные выстрѣлы подрывали всѣ усилія мальтійцевъ, побивали всѣхъ, приближавшихся къ пробитымъ мѣстамъ. Критическое положеніе гарнизона было еще ухудшено тѣмъ, что между рабами возникло возстаніе, подрывавшее настроеніе воиновъ, которые и отказались работать, покинули свои посты и съ оружіемъ въ рукахъ требовали сдачи крѣпости. И такъ-какъ собранный комендантомъ военный совѣтъ не находилъ средствъ унять бунтовщиковъ, то пришлось поднять надъ крѣпостью бѣлый парламентерскій флагъ.

Начались переговоры о свободномъ выходѣ гарнизона и всѣхъ жителей, съ ихъ имуществомъ; но переговоры эти часто прерывались, по причинѣ требованія пашою уплаты военныхъ издержекъ. Между тѣмъ, благородный комендантъ, рѣшившійся лично склонить жаднаго пашу къ отмѣнѣ поставленнаго требованія, такъ-какъ вымогаемой суммы нельзя было собрать, былъ задержанъ пашою, какъ заложникъ, и закованъ въ цѣпи. Боясь отчаяннаго сопротивленія рыцарей, Драгутъ подалъ пашѣ совѣтъ обѣщать свободный выходъ, потому-что, по раскрытіи воротъ, обѣщаніе можно не исполнить. Когда турецкіе парламентеры объявили согласіе своего начальника войска отступиться отъ уплаты военныхъ издержекъ, непокорныя

рыцарямъ войска и всѣ жители ринулись изъ воротъ, и немногіе оставшіеся рыцари увидѣли себя въ неизбѣжной необходимости послѣдовать за толпой. Но едва оставили они городъ, какъ были закованы въ цѣпи и отведены на непріятельскія галеры.

Это измѣнническое поведеніе паши возмутило французскаго посла, и онъ употребилъ все свое вліяніе на пашу, чтобы заставить его отпустить рыцарей на свободу. Но такъ-какъ ни просьбы, ни угрозы не дѣйствовали, то онъ уплатою выкупной суммы и богатыми подарками высвободилъ покрайней-мѣрѣ коменданта и рыцарей-французовъ. Всѣ-же прочіе рыцари ордена и гарнизонъ погибли въ плѣну у турокъ.

Вѣсть о взятіи Триполи турками возбудила въ жалкомъ великомъ магистрѣ Омеде опасеніе подвергнуться отвѣту за свою неизвинимую безпечность, вызывавшую уже много жалобъ и упрековъ. Однако, къ его счастію, и орденъ, и тогдашняя Европа разбивались на два враждебные стана: императорскій, или испанскій, и французскій.

Какъ при сдачѣ маленькой крѣпости Гоццо, французская партія рыцарей обвиняла въ измѣнѣ своего коменданта, не француза, такъ теперь испанская партія взваливала всю вину на коменданта Триполи, по рожденію француза.

Не входя здѣсь въ разбирательство этихъ интригъ, замѣтимъ только, что Омеде хитро воспользовался ими, чтобъ сложить вину съ себя и спасти коменданта Гоццо, своего близкаго родственника. Ненавистнаго-же ему коменданта Триполи, де-Валлье, по освобожденіи его изъ плѣна, онъ засадилъ въ тюрьму, не смотря на просьбы и представленія французскаго посла Вильганьона и другихъ вернувшихся рыцарей-французовъ, и присудилъ къ вѣчному заключенію.

Послѣ тяжелыхъ испытаній, вынесенныхъ орденомъ за это время, Омеде призналъ, наконецъ, своею обязанностью позаботиться о возведеніи новыхъ укрѣпленій, въ защиту острова. Надзоръ за рѣшенными работами былъ порученъ только-что возвратившемуся изъ французской службы старшему пріору Строцци, изъ Капуи, хорошему инженеру, который быстро принялся за дѣло, при ревностной помощи всѣхъ рыцарей и жителей острова.

Фортъ Св. Ангела былъ снабженъ новыми бастіонами, закрытыми помѣщеніями и глубокими рвами; на выдающейся скалѣ св. Юліана, господствующей надъ этимъ фортомъ, была построена крѣпостца святаго Михаила, а на скалѣ Скабаррасъ, на недоступнѣйшей точкѣ всего острова, тоже новая крѣпость, которая должна была защищать входъ въ гавань Марса-Мусцетто и названа, по одной башнѣ у гавани Родоса, крѣпостью Сантъ-Эльмо.

Въ это время горя и униженія подошелъ къ Мальтѣ англійскій корабль, капитанъ котораго везъ великому магистру письмо отъ англійской королевы Маріи, въ которомъ она давала неожиданную и радостную вѣсть, что, слѣдуя указанію совѣсти, она рѣшилась возвратить ордену всѣ находящіяся въ ея владѣніяхъ прежнія комтуреи и другія имѣнія, присвоенныя ея отцомъ, королемъ Генрихомъ VIII.

Эта радостная вѣсть смягчила немного горе, овладѣвшее-было лучшими рыцарями ордена, и покрайней-мѣрѣ заставила замолчать раздоры партій. Въ званіе посла, для выраженія королевѣ благодарности ордена, былъ выбранъ комтуръ Монферратъ. Омеде не дожилъ до этого радостнаго событія: онъ умеръ, никѣмъ не оплакиваемый.

Преемникомъ ему былъ выбранъ, единодушнымъ рѣшеніемъ

капитула, 11 сентября 1553 г., старшій рыцарь госпиталя, изъ французовъ, Клодъ де-ла-Сангль, который въ то время находился какъ-разъ при папскомъ дворѣ и оттуда былъ съ торжествомъ провожаемъ на Мальту.

Въ совершенную противоположность своему предшественнику, по магистерству, Сангль ревностно сталъ, на всякій случай, вооружать орденъ. Онъ наполнилъ также магазины хлѣбомъ, который закупилъ въ большомъ количествѣ, въ итальянскихъ и сицилійскихъ гаваняхъ, запасалъ всякіе военные снаряды, озаботился исправленіемъ укрѣпленій, распорядился на собственный счетъ постройкою новыхъ укрѣпленій, для защиты маленькаго полуострова Святого Михаила, почему этотъ полуостровъ и названъ именемъ Сангля.

Во время этихъ работъ, надъ Мальтой разразилась сильная буря, разбившая большую часть галеръ и кораблей, причемъ погибло болѣе 600 человѣкъ, рыцарей, офицеровъ, солдатъ, рабовъ и галерныхъ ссыльныхъ.

Великій магистръ сейчасъ приказалъ, на его собственный счетъ, выстроить новую галеру и этимъ своимъ примѣромъ вызвалъ подражаніе со стороны болѣе богатыхъ рыцарей и нѣкоторыхъ христіанскихъ государей, которые снабдили орденъ денежными средствами для исправленія понесеннаго ущерба. Такое соревнованіе было тѣмъ необходимѣе, что корсары опять стали безпокоить берега Средиземнаго моря и Мальты. Непримиримый врагъ ордена Драгутъ блокировалъ даже мальтійскія гавани, опустошилъ, своими высаженными на берегъ войсками, островъ и увелъ многихъ жителей въ неволю.

Къ непрестаннымъ заботамъ, осаждавшимъ достойнаго, заботливаго о благѣ ордена великаго магистра, присоединилось еще одно горе, именно внутренніе раздоры между членами

ордена различныхъ національностей, грозившіе большою опасностью. Слѣдствіемъ этой печали была тяжелая болѣзнь магистра, положившая быстро предѣлъ его дѣятельной жизни.

Еще никогда выборъ новаго магистра не происходилъ такъ быстро, какъ замѣщеніе только-что скончавшагося 21 августа 1557 г. начальникомъ галеръ Жаномъ Паризо де-ла Валеттой.

Подъ управленіемъ этого энергическаго и достойнаго уваженія человѣка, орденъ достигъ своего прежняго могущества и значенія. Прежде всего онъ постарался возстановить сильно павшій въ нѣкоторыхъ германскихъ и венеціанскихъ провинціяхъ авторитетъ великаго магистра.

Гусситскія войны опустошили большую часть орденскихъ комтурей въ Богеміи, Венгріи и другихъ сосѣднихъ австрійскихъ провинціяхъ, и вслѣдствіе этого пріоры орденскихъ округовъ перестали посылать доходы въ кассу ордена. Пользуясь беззаботностью обоихъ послѣднихъ великихъ магистровъ, пріоры не только не вносили свою долю податей, но даже присвоили себѣ разныя права, между прочими и право, по собственному усмотрѣнію, основывать и называть комтуреи. Примѣръ германскихъ пріоровъ вызвалъ подражаніе и венеціанскихъ.

И потому первою заботою де-ла-Валетты было прекратить эти превышенія власти. Благодаря его энергическимъ мѣрамъ, явились скоро на Мальту послы отъ германскаго племени, которые, отъ имени пріоровъ, принесли клятву въ послушаніи и письменно обязались правильно и своевременно представлять взносы комтурей въ кассу ордена и безъ разрѣшенія великаго магистра отнюдь не назначать комтуровъ. Вслѣдъ за этимъ покорились и венеціанцы.

Тотчасъ по вступленіи въ должность великаго магистра

де-Ла-Валетта постарался возстановить доброе имя несчастной жертвы злобы и коварства Омеде, именно прежняго коменданта Триполи, де-Валлье. Уже де-Ла-Сангль выпустилъ приговореннаго къ вѣчному заточенію, но не оправдалъ его оффиціально. Теперь, по желанію великаго магистра де-Ла-Валетты, поведеніе де-Валлье было обсуждено военнымъ судомъ, и затѣмъ, такъ-какъ за нимъ не оказалось никакой вины, де-Валлье былъ вполнѣ оправданъ и, въ искупленіе причиненной ему несправедливости, былъ назначенъ старшимъ балльи въ Лоэнго.

Въ слѣдующемъ 1558 году, сицилійскій король Лацерда уговорилъ великаго магистра ордена принять участіе въ походѣ противъ крѣпости Триполи, въ которой господствовалъ Драгю. Де-Ла-Валетта охотно повелѣлъ 400 рыцарямъ и 1,500 солдатамъ, подъ предводительствомъ старшаго комтура де-Тессіера, примкнуть къ войску вице-короля. Но мальтійцамъ не суждено было въ этомъ походѣ пожать лавры. Испуганный уже однимъ видомъ укрѣпленій Триполи, малодушный Лацерда отказался отъ осады крѣпости и удовольствовался занятіемъ сосѣдняго, неукрѣпленнаго острова Гельва. Поспѣшно возведены были на немъ укрѣпленія соединенною работой испанцевъ и мальтійцевъ. Но климатъ острова и постоянная работа, при недостаточной пищѣ, породили прилипчивыя болѣзни, страшно свирѣпствовавшія въ войскахъ, такъ-что Тессіеръ увидѣлъ себя вынужденнымъ, съ остатками своего отряда, возвратиться на Мальту, на которой онъ вскорѣ и умеръ отъ вынесенной съ Гельва болѣзни.

Между тѣмъ, султанъ, по просьбѣ Драгю, выслалъ на помощь Триполи значительный флотъ, который, будучи усиленъ еще кораблями африканскихъ пиратовъ, напалъ на испанскій флотъ и истребилъ его почти до тла. Только съ большимъ

трудомъ удалось сицилійскому вице-королю спастись бѣгствомъ, послѣ чего вновь заложенная крѣпость, по трехмѣсячной осадѣ, должна была поднять надъ собою бѣлый флагъ.

Новый, предпринятый къ африканскимъ берегамъ, походъ окончился счастливѣе, подчинивъ Испаніи Тунисъ и еще нѣкоторые прибережные города.

Съ новымъ рвеніемъ продолжалъ мальтійскій орденъ, съ этого времени, преслѣдованіе африканскихъ морскихъ разбойниковъ, противъ которыхъ вновь построенныя орденскія галеры постоянно крейсировали въ морѣ. Почти ежедневно были одерживаемы побѣды и приводимы захваченные корабли съ богатой добычей, такъ-что морскія силы ордена развились небывалымъ еще образомъ, и достатокъ, и значеніе ордена постоянно росли. Но это въ высшей степени раздражало Солимана, и на совѣтѣ султана было вновь рѣшено уничтожить и разогнать мальтійскій орденъ.

Потеря двухъ укрѣпленныхъ мѣстъ на африканскомъ берегу, по близости Феца, завоеванныхъ испанцами опять при помощи мальтійскаго ордена, и постоянныя указанія Драгю и сына Барбароссы Гассана, паши Алжирскаго, объ опасностяхъ, постоянно угрожающихъ африканскимъ берегамъ, ускорили рѣшеніе султана предпринять противъ ордена войну, которая-бы уничтожила этого неспокойнаго врага.

Планъ созрѣлъ, когда у африканскаго берега былъ захваченъ орденскими галерами большой корабль, нагруженный богатыми товарами для султанскаго сераля, и любимыя жены гарема, лишенныя ожидавшихся сокровищъ, бросились къ ногамъ Солимана и просили его кроваво отомстить рыцарямъ. Сейчасъ-же разосланы были приказанія, и немедленно приготовлены, въ большихъ размѣрахъ, и флотъ, и армія. Вѣсть объ

этихъ усиленныхъ вооруженіяхъ быстро разнеслась, и такъ-какъ цѣль ея не могла оставаться тайною, то великій магистръ тотчасъ-же принялъ всѣ подготовительныя мѣры къ защитѣ ордена: всѣмъ отсутствовавшимъ рыцарямъ было приказано собраться на Мальту; изъ Италіи были запасены продукты на продовольствіе, военные снаряды и наемщики; все населеніе Мальты и Гоццо стало упражняться во владѣніи оружіемъ. Такимъ образомъ были, въ короткое время, собраны 700 рыцарей и 8,500 солдатъ, да еще способные на военное дѣло горожане и поселяне острова. Затѣмъ различнымъ братствамъ по языкамъ были указаны различные посты для защиты: французамъ было назначено защищать, такъ-называемое, мѣсто Борго, итальянцамъ полуостровъ де-Ла-Сангль, испанцамъ часть города, называвшуюся Бормола, кастильцамъ, португальцамъ и нѣмцамъ укрѣпленія отъ форта Риккацоли до замка Св.-Ангела, который былъ довѣренъ защитѣ коментура Каталоніи Гарзерентосу, съ 50 рыцарями и 500 солдатами, между тѣмъ какъ 60 рыцарей, подъ начальствомъ балльи Негропонта Дегуарры, засѣли въ Сантъ-Эльмо; защита мѣста Città notabile была поручена португальскому комтуру Москитѣ, съ 5 рыцарями и 5 баталіонами земской милиціи, а рыцари Торреглій и Маіорка были назначены защищать замокъ на островѣ Гоццо.

Едва были окончены эти распоряженія, какъ 150 турецкихъ военныхъ кораблей, подъ командою природнаго венгерца, адмирала Піали, съ арміею въ 30,000 или до 40,000 человѣкъ, показались на горизонтѣ Мальты *). Не ожидая прибытія Дра-

*) По другимъ извѣстіямъ, турецкій флотъ состоялъ изъ 138 большихъ и 50 меньшихъ галеръ, съ большимъ числомъ транспортныхъ судовъ, нагруженныхъ военными припасами и пушками, между которыми были даже такія, что бросали мраморныя ядра въ 300 фунтовъ вѣсу.

гута, Мустафа-паша, командовавшій сухопутными войсками, рѣшилъ сейчасъ-же аттаковать Сантъ-Эльмо, такъ-какъ отъ владѣнія этою крѣпостью зависѣло владѣніе гаванью Мусцетто, представлявшею безопасную якорную стоянку флоту.

Такъ-какъ Сантъ-Эльмо гораздо сильнѣе укрѣплено съ моря, чѣмъ съ суши, то нападеніе предполагалось съ суши, и потому, не смотря на сильный артиллерійскій огонь изъ крѣпости и неизобразимыя затрудненія, были проложены въ скалистой почвѣ, подъ надзоромъ искусныхъ турецкихъ инженеровъ, углубленія въ почвѣ, которыя, хотя и стоили жизни тысячамъ людей, но уже немного дней послѣ высадки, уже 24 мая 1565 г., давали возможность обстрѣливать вражескія укрѣпленія, изъ пушекъ разнаго рода, такъ-что внѣшнія стѣны и укрѣпленія, въ короткое время, были обращены въ кучи мусора.

Положеніе геройскаго, но уменьшеннаго повторенными вылазками въ теченіе нѣсколькихъ дней осады, гарнизона стало еще болѣе опаснымъ, когда Драгутъ, съ другимъ, также извѣстнымъ, вождемъ пиратовъ, ренегатомъ Улукхіали, подвезъ, въ подкрѣпленіе осаждающимъ, 2,500 воиновъ на 21 кораблѣ. Какъ ни былъ недоволенъ Драгутъ осадою Сантъ-Эльмо, потому что, по его мнѣнію, она была вовсе не нужна, но все-же не хотѣлъ снять ея, желая спасти славу турецкаго войска. Такъ-какъ онъ служилъ когда-то прежде канониромъ, то принялъ самъ начальство надъ артиллеріей и велѣлъ поставить новыя баттареи противъ гавани, чтобы отрѣзать сообщеніе замка съ другими укрѣпленіями. Вслѣдствіе такихъ энергическихъ мѣръ, равелинъ крѣпости скоро былъ захваченъ турками, которые неустанно, даже ночью, при помощи фашинъ и наполненныхъ шерстью и землею мѣшковъ, возвышали эти захваченные передовые шанцы, пока не достигли возможности, подъ прикрытіемъ

помѣщенныхъ здѣсь пушекъ, вопреки отчаянному сопротивленію гарнизона, построить мостъ къ брустверу, на которомъ завязалась ужасная рѣзня, стоившая жизни бо́льшему числу рыцарей, чѣмъ пало съ начала обороны.

Въ это критическое время упавшій духомъ гарнизонъ, посылкою одного рыцаря, далъ знать, бывшему въ замкѣ Св.-Ангела, великому магистру о своемъ безпомощномъ положеніи и невозможности защищать дольше крѣпость противъ слишкомъ многочисленнаго непріятеля, а также просилъ, во избѣжаніе дальнѣйшихъ, совершенно безполезныхъ, кровопролитій, разрѣшить сдачу полуразрушеннаго замка.

Выслушавъ эту вѣсть, великій магистръ собралъ верховный совѣтъ ордена, для рѣшенія вопроса, поставленнаго гарнизономъ Сантъ-Эльмо. Уже большинство членовъ совѣта высказалось за сдачу замка, когда возсталъ противъ нея, всею силою своего положенія и значенія, Ла-Валетта. Краснорѣчиво доказывая необходимость дальнѣйшей защиты важнаго замка, сдача котораго можетъ причинить безконечное зло дальнѣйшимъ судьбамъ всего ордена, онъ поручилъ послу напомнить гарнизону его обѣтъ, которымъ онъ обязывался бороться какъ за святую вѣру, такъ и за благо ордена, и объявить, что онъ самъ явится къ гарнизону въ минуту крайней опасности, чтобы вмѣстѣ съ нимъ лечь подъ развалинами замка. Однако, отчаяніе гарнизона все усиливалось, когда одно укрѣпленіе за другимъ падало въ развалины. Опять явился посланецъ, который, на этотъ разъ, вручилъ великому магистру, подписанное 53 рыцарями, заявленіе, что гарнизонъ доведенъ до крайняго предѣла отчаянія, если въ слѣдующую-же ночь не будутъ присланы барки для перевоза людей изъ Сантъ-Эльмо въ замокъ ордена. Сильно огорченный этой угрозой, великій магистръ послалъ въ Сантъ-

Эльмо трехъ коммиссаровъ, чтобы отъ нихъ услышать о тамошнемъ положенiи вещей. Двое изъ нихъ выразили убѣжденiе въ невозможности защиты Сантъ-Эльмо, а третiй, Константинъ Кастрiота, потомокъ Скандерберга (Александра Кастрiоты), знаменитаго защитника Албанiи и Эпира, утверждалъ, что еще не слѣдуетъ отказываться отъ всякой надежды, и вызывался принять на себя веденiе защиты. Ла-Валетта съумѣлъ воспользоваться этимъ предложенiемъ, объявивъ его всѣмъ и издавъ воззванiе ко всѣмъ, раздѣляющимъ взглядъ Кастрiоты и готовымъ присоединиться къ храброму рыцарю. Тогда явилось больше охотниковъ, чѣмъ можно было употребить въ дѣло. По достиженiи этого удачнаго результата, Ла-Валетта увѣдомилъ гарнизонъ Сантъ-Эльмо, отвѣтомъ на его угрожающее заявленiе, что довольно вызывается охотниковъ продолжать защиту, въ которой гарнизонъ отчаявается, и потому онъ охотно освобождаетъ его отъ службы и дозволяетъ ему переѣздъ на тѣхъ судахъ, на которыхъ прiѣдутъ въ Сантъ-Эльмо замѣстители гарнизона. «Возвратившись въ орденъ, братья», писалъ онъ въ концѣ, «вы будете жить покойно, потому-что мы будемъ заботиться о вашей безопасности; я-же также успокоюсь, зная, что такая важная крѣпость останется въ рукахъ ордена».

Этотъ скромный, но все-же весьма рѣзкiй, упрекъ великаго магистра не обманулъ въ произведенiи впечатлѣнiя на сильно стѣсненный гарнизонъ. Пристыженные, всѣ рыцари и солдаты объявили, что они рѣшились защищать крѣпость до послѣдней капли крови и что они лучше всѣ погибнутъ, чѣмъ уступятъ свое мѣсто другимъ. Для возбужденiя въ нихъ еще большей гордости, Ла-Валетта отвѣчалъ, что онъ предпочитаетъ менѣе опытныхъ, но лучше настроенныхъ, воиновъ всякимъ другимъ, которые хотѣли стать судьями своихъ обязанностей

и своевольно оставить свой постъ, почему онъ и не притязаетъ на ихъ дальнѣйшую службу. Пригнетенные этимъ неожиданнымъ отвѣтомъ, они, съ раскаяніемъ, сознались въ своей винѣ и въ молящихъ выраженіяхъ просили о прощеніи. Наконецъ, великій магистръ далъ умилостивить себя, согласился на ихъ просьбу, и они получили позволеніе остаться на мѣстѣ, на которомъ раньше приходилось удерживать ихъ силою.

Недовольный продленіемъ осады, турецкій полководецъ рѣшился со всѣми силами, которыми располагалъ, сдѣлать натискъ на крѣпость. Іюня 16-го галеры съ моря, а съ суши 36 тяжелыхъ орудій открыли страшную пальбу, которою и послѣдніе остатки укрѣпленій были разрушены. Герои-защитники образовали изъ себя несокрушимый валъ, такъ-какъ рыцари распредѣлились между солдатами и ободряли ихъ своимъ примѣромъ къ устойчивости. Но съ одинаковымъ терпѣніемъ и равнымъ мужествомъ повторяли и турки свои натиски, такъ-что, наконецъ, когда мечи и копья были изломаны, дѣло переходило въ рукопашную, въ которой болѣе сильный или ловкій противникъ убивалъ врага кинжаломъ. При такихъ обстоятельствахъ, малый гарнизонъ, конечно, уступилъ бы непріятельской многочисленности въ тотъ-же день, еслибъ придуманное великимъ магистромъ новое средство защиты не произвело выгодной перемѣны для осажденныхъ. Ла-Валетта велѣлъ изготовить множество деревянныхъ круговъ, которые макались въ кипящее масло, затѣмъ обматывались шерстью или бумагой и насыщались, вмѣстѣ съ оберткой, составомъ, смѣшаннымъ съ селитрою и порохомъ. Эти кольца, зажженныя и брошенныя въ ряды осаждающихъ, производили такое смятеніе и такой ужасъ, даже въ храбрѣйшихъ, что они начинали колебаться и, наконецъ, со всѣхъ ногъ бѣжали къ морю.

Поле боя было покрыто двумя тысячами турокъ, тогда какъ гарнизонъ потерялъ 17 рыцарей и около 300 солдатъ.

Послѣ этого постыднаго пораженія Мустафа-паша рѣшился вполнѣ окружить Сантъ-Эльмо, гарнизонъ котораго получалъ постоянно подкрѣпленія изъ крѣпости Св.-Ангела и столицы. Выполнивъ это, онъ 21 іюня возобновилъ приступъ. Но еще разъ геройство гарнизона оспаривало у него побѣду: такъ, онъ былъ три раза отбиваемъ, пока наступившая ночь не прекратила кровопролитія и не дала защитникамъ крѣпости, лишеннымъ всякой помощи извнѣ и убѣжденнымъ въ своей близкой смерти, короткаго отдыха. Слѣдующій день приступъ не продолжался, и только 23 іюня нападенія возобновились и кончились смертью послѣдняго человѣка изъ гарнизона. Слишкомъ дорого, потерсю 8,000 человѣкъ, купили турки развалины одной маленькой крѣпости. Кромѣ того, они потеряли своего храбраго предводителя Драгута, еще дожившаго до радости увидѣть крѣпость взятою, но затѣмъ умершаго отъ тяжкихъ ранъ. Но еще чувствительнѣе были потери ордена, потерявшаго 130 рыцарей и около 1,300 солдатъ.

Съ барабаннымъ боемъ и звукомъ роговъ, а также громомъ выстрѣловъ изъ всѣхъ огнестрѣльныхъ орудій вступилъ турецкій флотъ въ гавань.

Когда паша вступилъ въ мѣсто геройской защиты и увидѣлъ, какъ незначительна была крѣпость, уничтоженіе которой стоило столькихъ жертвъ, онъ, преисполнившись ярости и мести, велѣлъ четвертовать всѣ трупы гарнизона, привязать ихъ къ доскамъ и бросить въ море, чтобы они были прибиты волнами къ замку великаго магистра. Въ возмездіе за это поруганіе и въ доказательство своей неустрашимости, великій ма-

гистръ приказалъ обезглавить всѣхъ плѣнныхъ турокъ и головы ихъ пустить изъ пушекъ въ непріятельскій станъ.

Прежде, чѣмъ Мустафа рѣшился приступить къ дальнѣйшимъ военнымъ дѣйствіямъ, онъ предложилъ великому магистру сдать городъ и замокъ Св.-Ангела, въ какомъ случаѣ обѣщалъ ему и рыцарямъ свободный выходъ. Когда-же это предложеніе было съ презрѣніемъ отвергнуто, онъ поклялся не возвращаться раньше, чѣмъ не опустошитъ всего острова и не вырветъ съ корнемъ ордена. Начало къ выполненію этой угрозы было сдѣлано 5 іюля, когда Мустафа приступилъ къ обстрѣливанію замка Св.-Ангела, крѣпости Св.-Михаила и находившихся еще въ гавани кораблей ордена. Въ то-же время онъ приказалъ рыть углубленія, простиравшіяся отъ вершины, стоящаго къ югу отъ гавани, холма Корродино до горы Св.-Сальватора и поставить пушки ня горѣ Сцебъ-э-Расъ, раздѣляющей обѣ гавани, а также на развалинахъ замка Сантъ-Эльмо, такъ-что пушки угрожали укрѣпленіямъ ордена со всѣхъ сторонъ. Да и флотъ получилъ приказаніе участвовать въ приступѣ; но такъ-какъ нельзя было проводить корабли, стоявшіе въ гавани Марса-Мусцетто, въ большую гавань, не подвергая ихъ огню баттарей на крѣпости Св.-Ангела, то неистовый Мустафа повелѣлъ перетащить 80 кораблей черезъ раздѣляющій обѣ гавани горный хребетъ. Десять дней длился разрушающій огонь артиллеріи, пока, наконецъ, когда укрѣпленія были уже сильно повреждены, 15 іюля начался приступъ. Съ ужаснымъ остервенѣніемъ продолжался бой, въ которомъ, со стороны осажденныхъ, участвовали даже толпы дѣтей, пока наступающіе не обратились въ дикое бѣгство. Болѣе 4,000 турокъ погибло на этомъ приступѣ, но несравненно чувствительнѣе были потери ордена, положеніе котораго, не смотря на недавнюю удачу, съ

каждымъ днемъ ухудшалось, такъ-какъ извнѣ нельзя было ожидать замѣны выбывавшихъ, а непріятельскіе вожди все еще располагали достаточнымъ числомъ войскъ, съ которыми они могли надѣяться, просто, задавить осажденныхъ.

Новый, предпринятый 2 августа, приступъ могъ еще быть счастливо отраженъ; но, когда нападеніе возобновилось 7 числа того-же мѣсяца, казалось, что насталъ послѣдній часъ ордену. Самъ Мустафа повелъ 8000 войска противъ замка Св.-Михаила, между тѣмъ какъ одновременно происходилъ натискъ на другія укрѣпленія также значительными по численности колоннами. За всякую голову христіанина была назначена награда, между тѣмъ какъ самыя жестокія наказанія грозили тому, кто выкажетъ трусость. Турки овладѣли уже всѣми укрѣпленіями, когда, къ удивленію великаго магистра, который также въ этотъ день оказалъ чудеса храбрости, паша приказалъ войскамъ немедленно отступить.

Именно въ минуту наибольшей опасности, когда гарнизонъ замка Св.-Михаила былъ не въ состояніи продолжать оборону, комендантъ Citta notabile выслалъ отрядъ всадниковъ въ станъ турокъ, и отрадъ этотъ произвелъ тамъ страшную рѣзню. По донесеніи объ этомъ, Мустафа тотчасъ-же приказалъ прекратить приступъ, въ убѣжденіи, что, должно быть, подходитъ подкрѣпленіе изъ Сициліи. Онъ поспѣшилъ къ своему лагерю, гдѣ, къ крайней досадѣ, не увидѣлъ никакого врага и убѣдился въ своей ошибкѣ. Но наступившая ночь помѣшала ему возобновить приступъ, который повторился 18, 19, 20 и 24 и всѣ разы кончились полнѣйшимъ истомленіемъ обѣихъ сторонъ. Ла-Валлетта, не смотря на свои 70 лѣтъ, обнаруживалъ истинно-изумительную дѣятельность; не боясь никакой опасности, онъ показывался на опаснѣйшихъ мѣстахъ

и распоряжался вездѣ, гдѣ надобно было ободрить рабочихъ или внушить храбрость сражающимся, причемъ зачастую, хотя былъ уже раненъ, принималъ участіе въ схваткѣ и не слушалъ никакихъ просьбъ возвратиться въ крѣпость Св.-Ангела, чтобы поберечь свою жизнь для ордена.

Между тѣмъ и положеніе турокъ стало крайне затруднительно, потому-что они начали чувствовать недостатокъ провіанта и военныхъ запасовъ, такъ-что Мустафа, опасаясь гнѣва султана, если онъ возвратится, не достигнувъ ничего, принялъ намѣреніе воздержаться отъ дальнѣйшихъ нападеній на укрѣпленія, а за то сдѣлать нападенія на главную резиденцію ордена, которое, по его мнѣнію, должно было удаться; причемъ онъ надѣялся склонить великаго магистра къ уступкѣ большимъ числомъ плѣнныхъ.

Съ четырьмя тысячами испытаннѣйшихъ въ войнѣ янычаръ поднялся паша въ послѣднихъ числахъ августа. Комендантъ города спѣшно переодѣлъ всѣхъ жителей, безъ различія возраста и пола, въ солдатскій костюмъ и разставилъ ихъ по валамъ, такъ-что посланные пашею впередъ, для рекогносцировки, инженеры подумали, что видятъ большую армію, въ своемъ отчетѣ преувеличили опасность приступа и тѣмъ побудили главнаго предводителя, сознавшаго невозможность начать правильную осаду, возвратиться, противъ воли, и не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, въ свой лагерь. Когда-же паша сталъ осаждать замокъ Св.-Михаила, прибыла 7 сентября, давно ожидавшаяся и обѣщанная, но до-сихъ-поръ замѣшкавшаяся, помощь вице-короля Сициліи. Когда турки внезапно увидѣли высадку этихъ войскъ, производившуюся въ порядкѣ въ болѣе отдаленномъ мѣстѣ, ими овладѣлъ такой паническій

страхъ, что они, покинувъ свои тяжелыя орудія, спѣшно побѣжали къ своимъ кораблямъ и вышли изъ гавани.

Когда-же Мустафа, посредствомъ перебѣжчика, узналъ, что сицилійская армія, отъ которой онъ бѣжалъ съ шестнадцатью тысячами войска, состояла едва изъ шести тысячъ, онъ впалъ въ дикую ярость и приказалъ своимъ войскамъ тотчасъ-же вернуться и высадиться на берегъ.

Но едва успѣлъ Мустафа, съ главною частью своей арміи, приблизиться къ христіанскому войску на разстояніе выстрѣла, какъ началось такое настойчивое нападеніе сицилійскаго вспомогательнаго отряда и прикомандированныхъ къ нему рыцарей, что, и безъ того потерявшія бодрость и только силою введеныя въ бой, турецкія скопища, почти безъ сопротивленія, въ разбродъ пустились бѣжать и, преслѣдуемыя христіанскими войсками покинули большое число убитыхъ и раненыхъ и въ величайшемъ спѣхѣ, подъ защитою корабельныхъ пушекъ и одного резервнаго отряда, поставленнаго предусмотрительнымъ пашою на берегу, спасались на свои корабли.

Такимъ образомъ, благодаря безпримѣрной храбрости и выносливости рыцарей и неустрашимости и твердости ихъ достойнаго великаго магистра, позорно кончилось это сопряженное съ такими расходами предпріятіе Солимана, этого могучаго властителя и воина, предъ которымъ трепетали Востокъ и Европа, противъ маленькаго ордена рыцарей.

Возмущенный, онъ разорвалъ донесеніе Мустафы и, горя яростью, поклялся, что въ слѣдующемъ году, самъ лично, во главѣ своихъ войскъ, кроваво отомститъ за это обезчещеніе его военной славы. Въ его воззваніи къ народу было сказано: Мустафа-паша, послѣ завоеванія и разрушенія всѣхъ укрѣпленій христіанскаго ордена, не призналъ за нужное и благо-

разумное оставить гарнизонъ на такой безплодной и скалистой пустынѣ.

Можетъ быть, Мальта дѣйствительно представляла въ то время грустную картину опустошенной въ конецъ непріятелемъ страны, которая своимъ видомъ едва-ли оправдывала мысль, что такой врагъ былъ разбитъ въ такой ужасной степени. Крѣпости стояли безъ стѣнъ и почти всѣ бастіоны были обращены въ груды развалинъ; дома были въ нихъ разрушены, магазины и арсеналы опустошены или уничтожены, цѣлыя деревни разрушены и сожжены или стояли пустыми, и вездѣ господствовала самая горькая нужда въ необходимѣйшихъ продовольственныхъ припасахъ. Около 300 рыцарей *) пожертвовали дѣлу жизнью, и болѣе 9000 солдатъ и островитянъ, считая женщинъ и дѣтей, были при этой осадѣ частью убиты, частью унесены болѣзнью, такъ-что, по отступленіи турокъ, на всемъ островѣ осталось подъ оружіемъ едва шесть сотъ человѣкъ, изъ которыхъ большинство было переранено.

Вѣсть о чудесномъ избавленіи Мальты скоро распространилась по всей Европѣ, и во многихъ мѣстахъ, именно въ Италіи и Испаніи, дала поводъ къ иллюминаціямъ, церковнымъ процессіямъ и торжествамъ всякаго рода.

Почти всѣ христіанскіе государи старались оказать Ла-Валеттѣ особыя выраженія своего удивленія и благодарности, состоявшей въ богато-украшенномъ вооруженіи и различныхъ другихъ предметахъ, и папа Пій IV предлагалъ магистру даже санъ кардинала.

Но умный великій магистръ съ благодарностью отклонилъ это выраженіе почтенія, подъ предлогомъ, что обязанности

*) Число убитыхъ показывается лѣтописцами различно.

великаго магистра ордена несовмѣстимы съ обязанностями папскаго кардинала и что онъ былъ-бы вынужденъ пренебречь однѣми и такимъ образомъ унизить ихъ.

Но всѣ эти подарки, поздравленія и пожеланія, какъ они ни радовали великаго магистра, какъ знаки участія государей и народовъ Европы къ судьбамъ ордена, все-же не могли утишить его заботъ о ближней будущности ордена. Врагъ былъ побитъ и островъ освобожденъ, но всѣ приходившія съ Востока вѣсти подтверждали громадныя вооруженія Солимана, предпринятыя съ цѣлью конечнаго разоренія Мальты и всего ордена.

Въ этомъ тяжеломъ положеніи многіе члены ордена, между прочими и старѣйшіе и опытнѣйшіе комтуры, выражали мнѣніе, что совершенно открытый и лишенный всякихъ укрѣпленій островъ слѣдуетъ оставить, а орденъ перевести въ Сицилію. Но Ла-Валетта не слушалъ такихъ совѣтовъ и рѣшился лучше погребсти себя, вмѣстѣ съ послѣдними рыцарями, подъ развалинами укрѣпленій, чѣмъ покинуть поле столькихъ геройскихъ подвиговъ ордена, и его изобрѣтательному уму удалось, наконецъ, найти средство обезпечить дальнѣйшее существованіе резиденціи ордена.

Когда онъ добылъ точнѣйшія указанія о громадныхъ военныхъ приготовленіяхъ въ Константинополѣ и объ ихъ цѣли, ему удалось зажечь весь этотъ мощный арсеналъ и дать ему погибнуть въ пламени, причемъ большая часть галеръ сгорѣла, а пороховые и хлѣбные запасы взлетѣли на воздухъ.

Не смотря на самыя тщательныя изслѣдованія, султану остался неизвѣстнымъ виновникъ этого страшнаго пожара, который избавилъ орденъ отъ грозившей ему бѣды и на долгое время далъ ему покой.

Такъ-какъ Солиманъ не могъ предпринять ничего противъ Мальты, безъ флота, то былъ вынужденъ, покрайней-мѣрѣ, на время отказаться отъ своихъ гибельныхъ замысловъ, исполненіе которыхъ было навѣки предотвращено вскорѣ затѣмъ послѣдовавшею его смертью, настигшею его въ Венгріи, при осадѣ Чигета.

Обезпечивъ себя, такимъ образомъ, на долгое время отъ нападенія турокъ, Ла-Валетта обратилъ всю свою дѣятельность на возстановленіе разрушенныхъ укрѣпленій. На полуостровѣ, раздѣляющемъ обѣ гавани, была построена новая крѣпость, Сантъ-Эльмо было значительно увеличено, а на скалѣ Скабаррасъ построенъ новый городъ, своими укрѣпленіями отвѣчавшій всѣмъ тогдашнимъ требованіямъ инженернаго искусства и назначавшійся стать современемъ главнымъ городомъ ордена, тогда какъ тогдашній былъ слишкомъ открытъ непріятельскимъ выстрѣламъ съ окружающихъ высотъ. Средства на эти большія постройки притекли въ богатыхъ денежныхъ пожертвованіяхъ, поступившихъ къ великому магистру какъ отъ папы и королей Франціи, Испаніи и Португаліи, такъ и отъ большинства комтуровъ. Уже 28 марта 1566 года можно было положить закладку новаго города, который былъ прозванъ Ла-Валетта. Въ воспоминаніе объ этомъ днѣ были вычеканены золотыя и серебряныя медали, на которыхъ былъ выпукло изображенъ городъ, съ надписью: «Melita renascens» (возрождающаяся Мальта), а также годъ и день закладки.

Надзоръ за постройками принялъ на себя комтуръ де-Ла-Фонтень, слывшій за весьма хорошаго инженера; но все-же главнымъ двигателемъ остался неутомимый великій магистръ, который, въ теченіе двухъ лѣтъ, что длилась постройка, всегда бывалъ между рабочими и часто даже дѣлилъ съ ними ѣду.

Среди этихъ добросовѣстныхъ занятій и неутомимой дѣятельности, съ цѣлью обезпечить островъ отъ повторенія нападеній, великій магистръ часто переносилъ большое горе какъ отъ заносчивости нѣкоторыхъ молодыхъ рыцарей, забывавшихъ свои обязанности и предававшихся необузданной жизни, такъ и отъ папы, по поводу римскаго высшаго пріората. Именно: кардиналы, завидуя ордену въ его богатыхъ имѣніяхъ, въ папскихъ владѣніяхъ, съумѣли уговорить папу Пія IV сконфисковать доходный римскій пріоратъ и передать его кому-либо изъ духовенства.

Такія домогательства и неправомѣрныя притязанія, противъ которыхъ великій магистръ, хотя и протестовалъ, но тщетно, приносили честному и всегда заботливому о благѣ и чести ордена великому магистру много тяжелыхъ часовъ. Дѣло то было опять выдвинуто на обсужденіе, когда, послѣ освобожденія Мальты, папа предложилъ великому магистру санъ кардинала, на что магистръ отвѣчалъ лишь просьбой о возвращеніи ордену отнятаго у него пріората. Пій V, хотя внутренно и убѣжденный въ правотѣ требованія, однако по смерти тогдашняго пріора опять передалъ постъ одному кардиналу, своему племяннику. Обиженный такимъ недержаніемъ слова, Ла-Валетта впалъ въ глубокую меланхолію и, подвергшись вскорѣ затѣмъ, на охотѣ, солнечному удару въ голову, заболѣлъ горячкой, отъ которой уже не могъ излечиться. Приготовившись въ полномъ умѣ къ смерти и обратившись къ рыцарямъ съ увѣщаніемъ жить дружно и исполнять обѣтъ, Ла-Валетта умеръ, какъ и жилъ, героемъ и христіаниномъ, 21 августа 1568 года.

Этотъ человѣкъ отличался пылкою любовью къ своему ордену, большою личною храбростью, добросовѣстностью, послѣ

довательностью и энергіей въ дѣйствіяхъ, умѣренностью и воздержаніемъ отъ роскоши и чувственныхъ удовольствій. Прахъ Ла-Валетты былъ торжественно помѣщенъ въ построенной имъ самимъ, въ новомъ городѣ, церкви Святой Матери Божіей Побѣдныхъ.

Такимъ образомъ, островъ Мальта, съ принадлежащею къ нему группой, въ теченіе 35 лѣтъ, не смотря на набѣги турокъ, обратился, мало-по-малу въ непобѣдимую крѣпость на скалѣ, снабженную великолѣпною столицей и монументальными зданіями, между тѣмъ какъ внутри острова, на мало обработанной, скалистой почвѣ, явились цвѣтущія поля, зеленые луга и прелестные сады.

Послѣ начертанія картины, наиболѣе выдающагося событіями, періода исторіи мальтійскаго ордена, читатель позволитъ намъ, лишь вкратцѣ, дочертить эту исторію до настоящихъ дней, какъ не представляющую уже интереса предшествовавшихъ событій.

Въ управленіе Жуана д'Омеде († 1553) мальтійскій орденъ принялъ живое участіе въ войнахъ Карла V съ варварійскими владѣніями. Въ награду за это какъ адмиралъ орденскихъ галеръ, такъ и великій магистръ получили званіе имперскихъ князей. Перемѣщеніе мѣста пребыванія ордена въ Триполи, какъ его добивался уже великій магистръ д'Омеде, предотвратило бы потерю этого замка, который былъ захваченъ турками въ управленіе Клода де-Ла-Сангля († 1557). Ободренные этими неудачами ордена, османы предприняли осаду Мальты. Защита города Іоанномъ де-Ла-Валлетъ Паризо представляетъ одну изъ самыхъ блестящихъ картинъ исторіи ордена. Въ теченіе цѣлыхъ четырехъ мѣсяцевъ защищались рыцари и, наконецъ, принудили султана снять осаду, потерявъ 20,000 войска.

Лишь Ла-Валетта умѣлъ задержать и скрывать паденіе

ордена. Все большее и большее вліяніе на внутреннюю жизнь ордена стали пріобрѣтать іезуиты. Хотя по смерти Ла-Валетты мѣстопребываніе ордена было перенесено Петромъ-дель-Монте († 1572) въ городъ Лавалетту и орденъ заслужилъ новую славу участіемъ въ битвѣ при Лепанто, но при Жанѣ л'Эвекѣ, который, по мнѣнію честолюбцевъ, добивавшихся званія великаго магистра, жилъ слишкомъ долго, сложился между рыцарями заговоръ, и когда де-Ла-Кассіеръ отказался исполнить требованіе рыцарей и сложить съ себя санъ магистра, онъ лишенъ былъ заговорщиками свободы. Тогда за магистра заступился папа и потребовалъ противниковъ къ себѣ на судъ. Его рѣшеніемъ избранный рыцарями въ санъ магистра Морицъ де Ла-Эскю былъ удаленъ, и де-Ла-Кассіеръ опять возведенъ въ свой прежній санъ. Но де-Ла-Кассіеръ вскорѣ умеръ (1582), исходатайствовавъ, еще до смерти, помилованіе приговореннымъ къ смерти заговорщикамъ. Подъ управленіемъ Гуго де-Любе-де-Вердаля († 1594) и Мартина Гарсиса († 1601) прежнее согласіе не возобновлялось. Лишь Алофу Виньякуру († 1622) удалось возстановить и согласіе рыцарей, и добрую славу ордена. Отъ турокъ были отвоеваны Лепанто и другія мѣстности, и Мальта была въ 1606 году обезпечена отъ новыхъ нападеній морскою побѣдою. Однако, подъ управленіемъ Людвига Ментеса де-Васконселя († 1623) и Антона Паулы († 1636), успѣхъ въ войнѣ былъ перемѣнчивъ, и занятый мальтійцами Санъ-Маро былъ вновь отнятъ у нихъ. Еще несчастнѣе слагались дѣла ордена подъ управленіемъ Павла Ласкариса Кастелляра († 1657). По мирнымъ договорамъ, въ Оснабрюкѣ и Минстерѣ, орденъ утратилъ почти всѣ свои владѣнія въ протестантской части Германіи. Не удалась и попытка ордена вознаградить свои потери покупкою заморскихъ

владѣній. Состоявшіе во власти ордена острова Санъ-Кристофъ, вмѣстѣ съ Бартельми и Санъ-Мартеномъ, а также Санъ-Круа пришлось переуступить одному торговому обществу. Великіе магистры Мартинъ де-Роденъ († 1660), Аннетъ Клермонъ-де-Шаттъ-Гессанъ († 1660), Рафаилъ Котонеръ († 1663), Николай Котонеръ († 1680) ограничивались оборонительнымъ положеніемъ. Григорій Караффа (1690), Адріанъ де-Виньякуръ († 1697) поддерживали венеціанцевъ до заключенія Карловицкаго мира. Блестящій для ордена періодъ составляло управленіе магистра Роккафуля (1697—1720). Его побѣды надъ турками заставили всѣ причастныя къ противной сторонѣ государства обращаться за его помощью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ военная слава рыцарей стала близиться къ концу. Какъ въ 16 вѣкѣ орденъ не могъ защищаться отъ вліянія іезуитовъ, такъ теперь онъ не умѣлъ уберечься отъ идей новаго времени. Маркъ Антоніо Зондадари († 1722), Антоніо Мануэль де-Вильгена († 1736), Раймундъ Депьи (1741), Эммануилъ Пинто де-Фонсека († 1773), Франсуа Ксименесъ де-Тексада († 1775) держались болѣе мирной политики, и она продолжалась до Эммануила Рогана де-Польдука, который ревностно старался распространить въ орденѣ занятія научныя, созвалъ новый капитулъ ордена и внесъ на обсужденіе рыцарей новые уставы, которые и появились въ 1782 году. Это своевременное преобразованіе, повидимому, опять подняло орденъ въ общемъ мнѣніи. Тогда въ орденѣ считалось до 3000 членовъ. Онъ пріобрѣлъ имѣніе упраздненнаго ордена больницы Святого Антона, во Вьенѣ, вернулъ себѣ земли, неправильно отсужденныя отъ него въ Польшѣ, и милостью Карла Теодора Пфальцбаварскаго вступилъ во владѣніе землями, доставшимися казнѣ по уничтоженіи въ 1772 году ордена іезуитовъ. Но

одновременно орденъ потерпѣлъ и непоправимый ущербъ отъ декрета французской республики отъ 19 сентября 1792 года, которымъ была постановлена конфискація всѣхъ имѣній духовныхъ орденовъ и былъ объявленъ лишеннымъ французскаго гражданскаго права всякій, кто потребуетъ доказательства благороднаго происхожденія или удовлетворитъ такое требованіе. Дворянство Франціи стало искать пріюта и оружейнаго арсенала на Мальтѣ и нашло ихъ тамъ. Но побѣды невзлюбившей за это мальтійскій орденъ республики въ Верхней Италіи лишило орденъ всѣхъ тамошнихъ помѣстій. Съ другой стороны, императоръ Россіи Павелъ I, по своему доброму мнѣнію о мальтійскомъ орденѣ, значительно поддерживалъ его. Онъ заключилъ еще съ Роганомъ († 1797) договоръ, въ силу котораго Россія была признана великимъ пріоратомъ, а орденъ пріобрѣлъ земли съ доходомъ въ 300,000 рублей. Преемникъ Рогана, первый германецъ въ этомъ званіи, баронъ Фердинандъ Гомпешъ, уроженецъ Дюссельдорфа, не отвѣчалъ силою характера тогдашнему, столь спутанному, положенію ордена. На снаряженіе посольства, которое отправлялось ко двору русскаго протектора ордена, для заявленія ему преданности рыцарей и для поднесенія цѣлой коллекціи рѣдкихъ украшеній, баронъ Гомпешъ обратилъ гораздо болѣе вниманія, чѣмъ на появленіе французскихъ шпіоновъ и эмиссаровъ, проникшихъ въ самые тѣсные по дружбѣ кружки рыцарей и умѣвшихъ держать орденъ въ полнѣйшей бездѣятельности, пока 9 іюля 1798 года Наполеонъ не явился передъ Мальтой и не потребовалъ разрѣшенія на высадку его войскъ для запасенія свѣжей водой. Въ то время орденъ былъ еще настолько силенъ, что рыцари подстрекали великаго магистра къ вооруженному сопротивленію. Но когда Наполеонъ, не взирая на отказъ въ его требованіи,

въ самомъ дѣлѣ высадилъ войска, Гомпешъ во всемъ отчаялся, и крѣпость Мальты 12 іюля перешла, безъ всякой попытки защищаться, во власть французовъ. Въ актѣ капитуляціи, повидимому, совершенно забыли объ орденѣ, и потому передача острова была признана измѣной. Рыцари ордена нѣмцы тотчасъ-же потребовали отдачи Гомпеша подъ военный судъ, и слѣдствіе обнаружило въ магистрѣ меньше низости, чѣмъ неспособности. Только въ Россіи, казалось, можно было найти достаточно силы и охоты къ сопротивленію неожиданному событію, и Павелъ I былъ не прочь создать себѣ въ возстановленной силѣ ордена готовое оружіе противъ революціи. Обстоятельства, повидимому, предвѣщали успѣхъ. Однако, когда русскіе пріораты облекли императора саномъ великаго магистра, возникли возраженія папы, вслѣдствіе которыхъ Максимиліанъ Баварскій, чтобы въ этомъ столкновеніи сторонъ не попасть въ оппозицію Павлу I, упразднилъ орденъ въ своихъ владѣніяхъ (1799). Не къ большему успѣху привело и намѣреніе Павла I, по случаю Аміенскаго договора, возвратить Мальту ордену. Англичане въ 1800 году, вопреки его намѣреніямъ, заняли островъ, а въ 1801 году Павла уже не было въ живыхъ. Императоръ Александръ I, наслѣдовавшій отцу Павлу I, оставилъ, правда, ордену его имѣнія, но отвергъ учрежденіе пріората въ Россіи, считая званіе протектора ордена болѣе соотвѣтствующимъ своимъ планамъ на орденъ. Но прежнія надежды на орденъ оказались теперь уже неосуществимыми. Обогащеніе прежними владѣніями ордена было для государей слишкомъ соблазнительно, чтобы на послѣдовавшихъ позднѣе мирныхъ конгрессахъ возникла забота о судьбѣ этого древняго учрежденія. По мирному договору въ Пресбургѣ и акту имперскаго союза орденъ лишился всѣхъ своихъ владѣній, которыя еще

принадлежали ему въ Швабіи вмѣстѣ съ великимъ пріоратомъ въ Гейтерсгеймѣ. Послѣдній ударъ нанесенъ ордену конфискаціею его имѣній въ королевствѣ Вестфальскомъ, а затѣмъ, по этому примѣру, и владѣній въ Пруссіи, въ 1810 и 1811 годахъ. Такъ-какъ парижскій миръ утвердилъ за англичанами владѣніе островомъ Мальтою, то ордену остались только пріораты въ Богеміи и Россіи и тихая частная жизнь. Но рыцарямъ все-еще казалось выгоднымъ поддерживать существованіе братскаго союза. Вѣдь заручился-же орденъ обѣщаніемъ Франціи, что если ему удастся пріобрѣсти другую землю, то ему будутъ возвращены и прежнія владѣнія, доставшіяся Франціи, и вѣдь начаты-же были съ Греціею переговоры объ уступкѣ ордену одного маленькаго острова. Но переговоры эти не приходили къ концу. Въ званіи великаго магистра Гомпешу наслѣдовалъ принцъ Русполи и былъ утвержденъ папою въ 1802 году. Но когда Русполи отказался отъ своего сана, званіе это было принято Томасси, а по окончаніи его прекраснаго управленія дѣла ордена перешли къ балльи Караччіоли де-Сантъ-Эльмо. Резиденція ордена была переведена въ 1826 году изъ Катанеи въ Феррару. Указомъ Фердинанда I Австрійскаго, хотѣвшаго учредить для ордена ломбардо-венеціанскій пріоратъ, возбуждены были въ орденѣ новыя ожиданія. Но, кромѣ обнародованія этого намѣренія, ничего не было сдѣлано. Въ Сициліи Фердинандъ II также, лишь для внѣшности, возстановилъ орденъ учрежденіемъ 8 командорствъ, которыя съ 1815 года были розданы разнымъ титулованнымъ лицамъ. Также и въ Пруссіи, въ 1812 году, былъ учрежденъ почетный знакъ, имѣвшій, впрочемъ, лишь то значеніе, что онъ напоминалъ объ упраздненномъ званіи орденскаго балльи въ Бранденбургѣ; этотъ почетный знакъ былъ розданъ всѣмъ рыцарямъ, оста-

вавшимся въ мальтійскомъ орденѣ до упраздненія званія балльи, однако, съ нѣкоторыми отличіями отъ настоящаго знака ордена. Вмѣсто четырехъ черныхъ орловъ, между полосами креста были укрѣплены орлы золотые. Кресты іоаннитскаго ордена, которые были раздаваемы во Франціи послѣ реставраціи, были также украшены орлами по четыремъ концамъ и въ промежуткахъ между ними королевскими лиліями; но уже въ 1826 году они были въ такомъ пренебреженіи, что могли быть покупаемы въ Парижѣ за нѣсколько луидоровъ.

Литература. На русскомъ языкѣ существуетъ пространная, въ 5 частяхъ in 8°, написанная Александромъ Лабзинымъ Исторія Ордена Святого Іоанна Іерусалимскаго, напечатанная по Высочайшему повелѣнію, С.-Петербургъ 1799—1801. На иностранныхъ языкахъ можно указать о томъ-же предметѣ: Baisgelain, Malte ancienne et moderne; Boissat, Histoire des chevaliers de l'ordre de Saint-Jean, achevée par Boudoin 1629 et par T. Naberat 1659; Maisonneuve, Révolution de Malte en 1798; de Noberat, Sommaire des privilèges octroyés à l'ordre de St. Jean; Vertot, Histoire des chevaliers hospitaliers de l'ordre de St. Jean de Jérusalem, augmentée des statuts de cet ordre, 1778; Beckmann, Beschreibung des Johanniterordens, vermehrt von Dithmar, 1726; Falkenstein, Geschichte des Johanniterordens; Osterhausen, Vortrefflichkeit des Johanniterordens, 1702; Das Ritterwesen und die Templer, Johanniter, Marianer, oder deutsche Ordensritter ins besondere, Stuttgart, 1822—1824; Wilke, Geschichte der drei Ritterorden des Mittelalters, Dresden, 1830.

